

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Никки Джеймс

"Люби меня всего"

Серия: вне серии

Автор: Никки Джеймс

Название на русском: Люби меня всего

Серия: вне серии

Перевод: Роман Градинар

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Роман Градинар

Оформление:
Eva_Ber

Аннотация

Двадцативосьмилетний Орин Паттерсон не похож на других людей. То, что он очень робкий интроверт, только часть проблемы. У Орина расстройство множественной личности. Снаружи он может выглядеть как нормальный человек, но проведите с ним пять минут, и начнут показываться его ежедневные трудности.

Орин делит свою жизнь и мысли с пятью отчётливо различающимися альтер-личностями. Рид — ершистый спортсмен-натурал. Коэн — эпатажный и общительный девятнадцатилетний гей. Коув — саморазрушительный мучитель, которого преследует прошлое. Тео — асексуальный, малоэмоциональный мужчина, который сосредоточен на поддержании порядка. И Рейн — пятилетний ребёнок, которого заботит только Бэтмен.

Вон Синклер застрял в тупике. Не получая от своей работы прежнего восторга, он решает, что пора встряхнуть свою застоявшуюся скучную рутину. Он не знает, что мужчина, с которым он знакомится во время своего спонтанного решения вернуться в колледж, совсем не обычный.

Сердце Вона перечит логике, и он влюбляется в этого странного человека. Но как можно любить кого-то, кто не всегда является собой? Это может быть нелегко, но Вон твёрдо намерен попробовать.

Глава 1

— Скажи мне ещё раз, зачем я это делаю?

Земли кампуса Харбор Вью вечером были на удивление переполнены. Маленькие компании студентов заходили и выходили из главного входа, в то время как другие собирались вокруг припаркованных машин на стоянке или курили под ближайшими деревьями. Станные одиночки слепо бродили вокруг, уткнувшись носом в книгу или телефон. Каждый нёс на плече сумку или рюкзак, забитый до отказа необходимыми для учёбы принадлежностями.

Наблюдая за ними по отдельности, я установил одну общую черту — девяносто процентов из них были юными — или младше меня.

— Клянусь, здесь нет людей моего возраста. Всем около двадцати с мелочью. Чем я думал? — снова спросил я у Эвана.

Он был на громкой связи, пока я сидел в своей машине и решал, было ли мое решение пойти на вечерние занятия здравым. Мне действительно нужно было научиться думать, прежде чем действовать. Желание учиться вдруг стало казаться невероятно опрометчивым.

— Хочешь список? Я бы сказал, что твоё оправдание — заполучить немного лишних знаний за пазуху и протиснуться на должность получше на работе — имеет смысл для обычного Джо, но давай будем реалистами, Вон, ты не можешь сидеть на месте. Лично я оскорблён, что ты просто не проводил свободное время со мной, если нечем было заняться. Всегда найдётся игра, которую можно посмотреть, и ящик пива, который нужно выпить. И кроме того, ты драматизируешь, я уверен, что там есть куча таких старичков, как ты. Ты не можешь быть единственным, у кого кризис среднего возраста.

Хохотнув, я поднял свои солнечные очки с диоптриями, устраивая их на голове, пока рассматривал и считал свои морщинки в зеркале заднего вида. Мои каштановые волосы были растрёпаны после дня на работе. Приглаживание их пальцами не решило проблему, а только усугубило.

— У меня может быть кризис средних лет в тридцать пять? Разве это происходит не в сорок или пятьдесят?

— Не хочется тебя расстраивать, ты официально в среднем возрасте, мой друг. Средняя продолжительность для нас, мужчин, всего около семидесяти, так что это ставит тебя прямиком в середину кризиса. Ты ведь знаешь, что это значит, верно?

Сдавшись насчёт волос, я нашёл в своей сумке обычные очки и поменял солнечные на них, прежде чем откинуться на спинку сидения и продолжить наблюдать за шумным кампусом.

— Мне нужна новая машина?

Эван рассмеялся.

— Нет, тебе нужно найти горячего молодого студента, чтобы потрахаться.

— Я здесь не для этого.

У Эвана всегда всё касалось секса.

— Вееерно. Конееечно. Ты не опоздаешь?

Я бросил взгляд на свой телефон. Шесть пятьдесят.

— У меня есть десять минут. Я тебя отпускаю. Наверное, пора идти искать класс.

— Возьми меня с собой, я хочу репортаж с места событий. Я не был в колледже больше десяти лет.

Я застегнул свою сумку и заглушил двигатель. Выключив громкую связь, я вышел из машины и повесил сумку на плечо.

— Ты никогда не ходил в колледж, о чём ты говоришь?

— Конечно ходил. Я люблю студенток и встречался с кучей из них.

— Посещение вечеринок братства не считается за учёбу в колледже.

— Кто сказал?

— Я сказал, — оглядевшись в последний раз, я направился к лестнице, ведущей к главному входу. — Я дойду с тобой только до кабинета, а потом повешу трубку.

Я обошёл компанию из пяти людей, которая собралась послушать какую-то новую поп-музыку, и поднялся по каменным ступенькам, перепрыгивая по две за раз.

— Скажи мне, что ты видишь? Есть девушки в миленьких клетчатых юбках и белых чулках до колена? О боже, скажи «да».

— Это не клип Бритни Спирс, идиот. Ты никогда раньше не заходил на территорию кампуса, верно?

Эван хохотнул.

— Не трезвым. Мужчина может и помечтать, разве нет?

В главном холле я огляделся вокруг, потеряв направление. Слева от меня поднималась извилистая лестница, ведущая на второй и третий этажи, а передо мной тянулись два отдельных коридора. Казалось, все знали, куда идут, кроме меня. Таблички на стенах обозначали то или иное крыло, но никак не помогали, когда я не помнил, какую ищу аудиторию.

— Эв, я должен тебя отпустить. Мне нужны обе руки. Я не знаю, куда иду, а мои документы в рюкзаке.

— Да, да. Хорошо. Позвони мне, когда закончишь, или заходи.

Мы попрощались, и я опустил свою сумку на скамейку слева от двери. Я засунул телефон в карман и стал искать свои документы. Прошли годы с тех пор, как я учился. Каждый аспект, от запаха до звуков и рутины, вернул меня более чем на десять лет назад.

«Может, я действительно слишком стар для этого дерьма?»

Во внутреннем кармане своей сумки я нашёл документы с информацией о курсах и достал их. Я нашёл аудиторию, в которой мне нужно было быть, 206 Б, и спрятал документы обратно. Оглядевшись, я смутно вспомнил, что кабинеты, начинающиеся с цифры два, расположены на втором этаже, так что рискнул и направился в ту сторону.

Толпа редела, чем ближе подходило время начала лекций, и я знал, что если вскоре не попрошу помощи, останусь один, заблужусь и опоздаю на своё первое вечернее занятие.

На следующем перекрёстке на стенах висели таблички с диапазонами чисел и стрелками, и я с радостью увидел, что это тот коридор, который я искал.

На середине коридора были открыты двойные двери в кабинет 206 Б, и я прошёл за толпой студентов внутрь. Оставалось меньше пяти минут до начала лекции, и, окинув взглядом кабинет, я нашёл несколько свободных мест в верхнем левом углу. Я поднялся по покатоному полу вдоль стены и уселся на второе место сзади, рядом с проходом.

Быстро осмотревшись, я понял, что действительно самый старший из присутствующих. Не только это, но ещё казалось, что все как-то знакомы между собой. Компании людей ходили по кабинету, болтали, смеялись и сидели на местах и подлокотниках сидений. Когда я ловил обрывки разговоров, они по большей части вращались вокруг вечеринок, алкоголя, секса или «мои чёртовы родители то» и «мои чёртовы родители это». Это только добавляло растущее беспокойство из-за моего решения.

Я достал из своего рюкзака тетрадь и папку, прежде чем засунуть сам рюкзак под стул. Опустив маленькую ручку на столешницу, я сложил вещи на неё и стал ждать. Я был удивлён, увидев только около двадцати или тридцати студентов. Когда я учился в колледже, аудитории были заполнены до отказа, легко вмещая сотни людей или даже больше.

Но это было вечернее занятие, и это был маркетинг.

Вскоре после семи вошёл мужчина в рубашке и брюках, с портфелем на колёсиках. Казалось, мы с лектором были из одного поколения.

— Добрый вечер, добро пожаловать на «Основы маркетинга». Я Ричард Спор. Можете звать меня Ричард. Я буду вашим преподавателем. Если все достанут свои учебные программы, мы пройдемся по тому, что входит в курс лекций и что от вас ожидается.

Моё внимание поймали два парня через несколько сидений от меня, когда я достал из папки свою программу.

— Ричард крутой, он преподавал у меня экономику в прошлом го... Вот чёрт, смотри, кто здесь.

Когда парень заёрзал, и его взгляд стал хитрым, я проследил за этим его взглядом под смешки этой пары. В аудиторию зашёл молодой мужчина, который казался лет двадцати с чем-то. Он оглядел всех с усталостью, едва встречаясь с кем-то взглядом, прежде чем кивнул Ричарду, который поприветствовал его по имени.

— Добрый вечер, Орин.

— Это тот сумасшедший придурок с английского, о котором я тебе рассказывал.

— Чёрт, нет! Сам Многоликий? Шизик? Космический Рейнджер Боб?

Переведя взгляд, я посмотрел обратно на двух мужчин, отпускающих комментарии. Они опустились ниже на сидениях и наблюдали за вновь прибывшим парнем с избалованными выражениями лиц, оба выглядывая из-за поднятых документов. Сделав вывод, что им слегка за двадцать, я подумал, что их незрелое поведение меня не удивляет. Но я не мог их игнорировать, когда они начали соревнование по свисту в стиле «Сумеречной зоны».

— Эй, повзрослейте, чёрт возьми! — прорычал я.

Они переключили внимание на меня, не осознавая, что у них есть зритель, и спрятали последовавший смех за скудным напускным кашлем. Я мрачно смотрел на них, пока они не решили заёрзать на местах и не нашли приличие выглядеть хотя бы наполовину пристыженными.

Убедившись, что они перестанут быть парой придурков, я вернул своё внимание к мужчине, который только что вошёл. Он изо всех сил старался найти место, не привлекая внимания. Он не поднимал взгляда с пола и прижимал учебник по маркетингу к своей груди, практически в защитной манере. Бедный парень выглядел так, будто хотел исчезнуть.

Наш лектор, Ричард, не теряя времени, привлёк внимание студентов обратно к программе курса, читая вслух громким, твёрдым и чётким голосом.

Робкий парень — которого он назвал Орином — опустился на стул ближе к дверям на первом ряду. Он поднял капюшон своей байки, прикрывая свои светло-русые, почти блондинистые волосы.

— ...сейчас прячется, но серьёзно, чувак, подожди немного. Это чертовски утомительно.

Я резко повернул голову обратно к не-такой-уж-тихой паре рядом со мной. Они окончательно вернули внимание к очевидно робкому парню, который сделал всё, чтобы остаться незамеченным, и вернулись к издёвкам над ним. Когда волосы у меня на загривке встали дыбом, я хлопнул рукой по учебнику, чтобы привлечь их внимание. Они оба подскочили, один шлёпнул другого по плечу, и они обменялись взглядом, прежде чем засуетиться и притвориться, что слушают учителя.

Меньше чем через пять минут я не просто вернулся обратно в дни своей учёбы в колледже, но и прямоком в те страшные воспоминания о старшей школе, и я уж точно не был впечатлён.

— Определённо слишком стар для этого дерьма, — еле слышно пробормотал я.

Чем я думал?

Когда Ричард кратко объяснил программу курса, я обратил внимание на окружающих меня людей. Казалось, они больше были сосредоточены друг на друге или на мобильных, чем на том, что говорили впереди. Только случайные пары глаз трудились следить взглядом за учителем.

Ричард продолжал объяснять разнообразные задания, которые будут нам даны, включая проект на весь семестр, от которого будет зависеть сорок процентов нашей оценки.

— Я предлагаю вам использовать своё время эффективно. Над этим заданием вы будете работать в парах, и было бы мудро найти кого-нибудь, чья этика работы сочетается с вашей. Я раздам документы с подробностями по этому конкретному заданию. Не думайте, что сможете сделать его за ночь или оставить до последней минуты; это не сработает, и вы получите неудовлетворительную оценку.

Продолжая объяснять, он протянул стопки бумаг людям на первом ряду, чтобы всем раздали.

— По сути, вашей задачей будет разработать маркетинговый план, используя то, что вы узнаете здесь, на уроке, чтобы эффективно увеличить доход бизнеса, который выберете. Это потребует много факторов. Выявить вашу аудиторию, начать со статистики и доказать, что то, что вы развили, действительно работает. Будет включено устное выступление, — он хлопнул рукой по своей копии буклета, которые по-прежнему раздавали. — Тщательно это прочитайте. Я всегда готов ответить на вопросы. Моя электронная почта указана в ваших программах курса. Воспользуйтесь этим.

Я не думал о групповом проекте — даже всего с одним человеком. Я пытался не переживать из-за этого, пока Ричард продолжал вести наш первый урок. Я скучал по динамике учёбы и быстро втянулся обратно в рутину лекций и конспектирования, будто не прошло никакого времени. Прежде чем я понял, Ричард закрыл свою последнюю презентацию и хлопнул в ладоши.

— Уже без двадцати девять. Обычно я люблю вести урок прямо до конца, но сегодня хочу дать вам немного времени пообщаться, чтобы вы могли узнать друг друга и, возможно, найти партнёра для своего проекта. Пожалуйста, пометьте, что на уроках вы будете работать над этим по минимуму, так что считайте это подарком.

Взрыв шумихи, когда Ричард закончил говорить, был резким. Хорошо знакомые друг с другом люди быстро разбились на пары, болтая, смеясь и сидя на партах, пока разговаривали друг с другом и собирали вещи. Если кратко всех оглядеть, едва кто-то казался сосредоточенным на нашем проекте, их больше волновали другие вещи. Задача найти кого-нибудь, кто стоит партнёрства со мной, начинала казаться невозможной.

Я засунул свои книги в рюкзак, оглядывая комнату. В моей жизни никогда не было времени, когда мне трудно было завести друзей или с кем-то общаться, но по какой-то причине это «найти партнёра» казалось величайшим вызовом всего проекта, особенно в кабинете, полном очень молодых студентов, которые заставляли меня чувствовать себя старым только тем, как разговаривали между собой.

Краем глаза я увидел, как Орин тихо выскальзывает из комнаты. Я бросил взгляд на двух парней, которые по какой-то причине высмеивали его и издевались, но они были заняты растущей компанией шумных друзей.

Поторопившись, я застегнул рюкзак и закинул его на плечо, прежде чем пойти по покатому проходу и выйти за дверь в начале аудитории. Не было ни одного человека, который поймал мой взгляд в качестве потенциального партнёра для нашего проекта — за исключением тихого парня, которого учитель почему-то знал по имени. Это был тот же человек, которого идиоты рядом со мной сразу же называли сумасшедшим.

Мне до краёв хватило издевательств, и я надеялся, что студенты колледжа забыли о таком подростковом поведении. Я ошибался. Помимо того, что он казался болезненно робким и замкнутым, я не видел никакой причины, по которой мы с Орином не могли работать вместе над проектом.

Только казалось, что он спешит убраться отсюда.

Когда я вышел в коридор, он уже завернул за угол к лестнице. Я ускорился и пошёл следом. Людей было меньше, чем раньше, и я прошёл мимо всего двух других студентов, прежде чем спустился по ступенькам за Орином.

Он вышел на улицу к тому времени, как я спустился, но остановился у бетонной стены здания. Пальцами одной руки он скрывал свои закрытые глаза, а другой держал тот же учебник, который носил с собой раньше. Его губы двигались, будто он разговаривал сам с собой, но, стоя у открытой двери, я понял, что он не говорит вслух. Что-то в его поведении подсказало мне, что не стоит его пугать, так что когда я отпустил дверь и вышел на улицу, я подождал, пока она захлопнется и привлечёт его внимание, прежде чем подходить.

От громкого звука его голова дёрнулась вверх, а глаза расширились.

— Привет, — сказал я, оставаясь стоять в нескольких шагах от входа. — Я Вон. Из твоего класса по маркетингу, — я указал за своё плечо туда, откуда пришёл.

Он бросил взгляд мне за спину и обратно на моё лицо, морщинки на его лбу стали глубже.

— Привет, — он заметно сглотнул и крепче сжал книгу в своих руках. — Я О-Орин. Н-навверное, я больше не буду ходить на маркетинг.

Он грустно улыбнулся, прежде чем окинул взглядом наше окружение, в итоге остановившись на своих кроссовках.

— Оу. Как так?

Он заёрзал, прежде чем сжать губы и поднять голову, чтобы ответить.

— Групповой п-проект. Это... это не совсем м-моё.

Я вздрогнул, ненавидя то, с каким поражением он это заявил. Его заикание только подтверждало мои подозрения о том, что он робкий, но я определённо надеялся, что он не поэтому чувствует себя таким поражённым.

— И почему это? Я вышел сюда за тобой, чтобы узнать, нужен ли тебе партнёр.

В его серо-голубых глазах промелькнуло удивление, и он облизнул губы, прежде чем заговорить.

— Оу, — из его груди вырвался грустный смешок, прежде чем он застенчиво опустил взгляд обратно на землю. — Это очень м-мило с твоей стороны, но я м-могу быть не лучшим п-партнёром.

Разговор был практически болезненным. Я чувствовал дискомфорт Орина и заёрзал, поправляя рюкзак на плече. Если сравнить с вариантами в аудитории, Орин выглядел более перспективным выбором. В нём не было дерзкой стороны, как у большинства других студентов, и можно догадаться, что он казался намеренным больше учиться, чем общаться. Почему ещё он был бы здесь?

— Ну, если ты не бросишь этот урок, может, передумаешь? Видишь ли, мне тридцать пять, и я окружён кучей парней и девушек, которым едва за двадцать. Мне от этого практически некомфортно и...

— Мне всего д-двадцать восемь, — выдавил он.

Я поморщился и хохотнул.

— Хороший способ заставить меня почувствовать себя старым.

Он улыбнулся и смотрел куда угодно, но не на меня.

— П-прости.

— Не переживай. Я дурачусь. Я хотел сказать, что считаю, что довольно хорошо разбираюсь в людях, и в той толпе не было ни единого человека, с которым бы я сошёлся. Я могу сказать, что тебе неуютно среди людей. Ты робкий. Я уважаю это...

— Я н-не похож на других л-людей.

— Ну, хорошо. Если ты не похож на тех двух придурков, которые сидели рядом со мной, думаю, у нас всё будет в порядке.

Он вздохнул и взглянул в сторону дороги, нахмурившись.

— Они ходят со мной на творческое письмо по п-понедельникам. Они что-то сказали?

— Ничего достойного повторения.

Возникла неловкая пауза, пока Орин наблюдал, как с парковки отъезжают машины. Уроки закончились, и студенты выходили на вечерний воздух. Солнце почти село, и сумерки придавали миру жёлто-оранжевые оттенки.

— Так что, — произнёс я через минуту. — Что ты скажешь? Или мне следует идти искать кого-то другого?

Орин ущипнул себя за переносицу и закрыл глаза. Надавив костяшкой пальца на один глаз, он покачал головой, будто чтобы избавиться от мысли или, возможно, собрать их воедино.

Снова открыв глаза, он взглянул на меня с неуверенностью и переживанием на лице.

— Что? Прости, я п-прослушал.

Исходящее от него замешательство передалось и мне.

— Эмм... Партнёры? Ты хочешь попробовать?

— Оу, эмм... ладно. Наверное, нам... н-нам стоит перед этим поговорить... Т-тебе нужно сначала кое-что узнать... обо мне.

Его тревога была ощутимой, и он вёл себя так, будто предложил то, от чего ему было совсем неуютно.

— Хочешь выпить кофе? У меня сегодня нет никаких дел. Можем, мы поболтаем и прочитаем требования к этому проекту. Знаешь, набросаем идеи.

— Эмм... к-конечно.

Он сильнее надавил на свой учебник, прижимая его к груди. Он бросил взгляд на входную дверь колледжа, как раз когда за мной вышла группа шумных парней. Орин поник на месте. Я развернулся, следя за его взглядом. Это были те же двое парней, которые сидели рядом со мной в аудитории. К ним присоединилась ещё пара парней и две девушки.

Как только они заметили нас, придурок под номером один хлопнул своего друга по плечу и прошептал что-то, что я не услышал. Когда комментарий разошёлся по компании, они рассмеялись. Это было грубо и очевидно направлено на Орина, судя по тому, как они смотрели и посмеивались.

— Осторожнее с ним, приятель, — его друг хлопнул меня по плечу, проходя мимо нас. — Он воплощение слова «сумасшествие».

Я толкнул его, когда он потянулся к Орину, и рыкнул.

— Прояви немного уважения. В чём твоя проблема, чёрт возьми? Повзрослей.

Они рассмеялись и пошли дальше на парковку, не задетые моим комментарием. Я действительно вернулся к учёбе, чтобы иметь дело с таким дерьмом?

Раздражённый, я повернулся к Орину, чтобы извиниться. Нахмутив брови, он мрачно смотрел вслед удаляющейся компании, его глаза потемнели от злости.

Это было... неуместное и какое-то неожиданное выражение для его лица.

Книга, которую он напряжённо сжимал, свисала из его сжатого кулака, и его рост впечатляюще увеличился, когда он расправил плечи и приподнял подбородок. Когда я предполагал, что он относительно ниже моего роста в сто восемьдесят сантиметров, на самом деле по росту он был мне равен, когда не сутулился.

Контраст в его осанке был заметным и значительным.

Когда компания исчезла на парковке, он повернулся обратно ко мне и потёр глаза, прежде чем несколько раз моргнуть. Затем он посмотрел на меня с тем же твёрдым выражением лица, какое показал компании. Он едва заметно посмотрел на входные двери колледжа, почти дезориентировано, прежде чем снова встретиться со мной взглядом...

— Тебе тоже есть, что сказать? Хочешь тоже нас уколоть? Давай, сделай это. Попробуй.

Когда я смог только моргнуть в замешательстве, он продолжил:

— Мы закончили?

Тихая сторона Орина, заикание и тревожность — всё исчезло. Его голос был глубоким, более хриплым и приправленным агрессией.

Мой мозг и рот не могли сформировать ответ в присутствии такого радикального поворота событий, так что Орин оттолкнул меня и ушёл. Весь его нрав и поведение изменились, и я не мог осознать, что произошло.

— Орин? — я нашёл свой голос и снова крикнул ему вслед. — Орин?

Он продолжал идти, будто я ничего не говорил. Уверенной походкой, не так, как раньше. Я позвал его ещё несколько раз, но он не ответил.

— Вот тебе и кофе, и партнёр, — пробормотал я.

Это был самый невероятный поворот событий. Возможно, компания его расстроила — это понятно — они были грубыми и мерзкими. Этого было достаточно, чтобы у меня встали дыбом волосы на загривке, а их колкости даже не были направлены на меня. Я полагал, что нужно подождать до следующего урока в пятницу, чтобы определить, по-прежнему ли мне нужен партнёр для проекта.

Или хочу ли я этим заниматься... *«Что только что произошло?»*

Я стоял один минут шесть, пока компании студентов уходили и уезжали прочь. Орин продолжал идти пешком к главной дороге, и я наблюдал, пока он не исчез из вида. Больше нечего было делать, и я поправил очки у себя на носу и направился к машине.

Как только завёл двигатель, я подключил гарнитуру к стерео-системе машины и позвонил Эвану. Я как раз выезжал с парковки, когда он ответил.

— Пиво холодное. Ты заедешь?

— Только на одну бутылку. Я не останусь на весь вечер, на работу к восьми, но, думаю, мне нужно выпить.

— Оу, да? Как прошло занятие?

Раздумывая, как лучше ему ответить, я выехал на дорогу.

— Само занятие кажется нормальным. Наверное, всё легко, когда я думаю, что мы покроем, но чёрт, я из-за этого будто попал в прошлое. С каких пор студенты колледжа невежественные придурки?

Эван хохотнул.

— Так было всегда. Ты тоже был студентом, знаешь ли.

— Нет, я имею в виду, разве в *этом* возрасте всегда на уме одни издевательства? Разве так бывает не только в старшей школе?

— Я не знаю, приятель, я никогда не ходил в колледж, помнишь? Что случилось? Мне нужно надрать кому-то зад за то, что над тобой смеялись? Кто-то украл у тебя деньги на обед?

— Ты идиот, — хохотнул я, останавливаясь на светофоре. — Нам нужно сделать групповой проект, и был один тихий парень, с которым я думал попробовать стать партнёрами. Несколько других парней издевались над ним, и меня это выбесило. В любом случае, я подошёл к нему после лекции, чтобы узнать, хочет ли он работать вместе и...

Не уверенный, как объяснить радикальные перемены в поведении, свидетелями которых я стал, я сделал паузу.

— Ну, он был очень робким, будто ему трудно было принять моё предложение. Он немного заикался, и на самом деле это было довольно мило. Он продолжал настаивать, что он не такой, как другие люди.

— Ооо, может, он гей. Как он выглядел? Ты пригласил его куда-нибудь? Ты ведь сказал ему, что ты тоже гей, верно?

— Можешь заткнуться? — я свернул в переулок в сторону дома Эвана. — В любом случае, я думал, мы сходим выпить кофе — чтобы обсудить проект, — подчеркнул я. — А потом нас прервали те придурки, которые дразнили его на лекции. Они кое-что сказали, и Орин — так его зовут — сразу же меняется на сто восемьдесят градусов. В смысле, полностью. Он превращается в такого угрожающего парня, с которым не захочешь связываться в школе. Робкий Орин, с которым я разговаривал, совершенно исчез. Затем он просто отшил меня. Не упомянул ни кофе, который мы планировали выпить, ничего. Только серьёзное «мы закончили», и он ушёл. Это было так дико.

— Так он гей?

Я вздохнул и подавил желание закатить глаза.

— С тобой невозможно разговаривать.

— Хорошо, хорошо, я дурачусь. Не знаю, приятель, звучит так, будто он разозлился. Иногда требуется не так много, чтобы вывести человека из себя, и если те парни на него наседали, может, его всё достало.

— Может быть.

Это казалось не похоже на него. Не то чтобы мне было с чем сравнивать. Я знал Орина меньше десяти минут.

— Когда у тебя следующая лекция?

— В пятницу вечером.

— Значит, пообщайся с ним там. Может, ему нужно было остыть. Эй, где ты, чёрт возьми? Я думал, ты заедешь.

— Я на твоей подъездной дорожке, — сказал я, останавливаясь. — Вешаю трубку.

Прервав звонок, я решил, что, наверное, просто переанализировал довольно простую ситуацию. Вероятно, Эван был прав. Если Орина всё достало, он легко мог почувствовать необходимость уйти.

Мелкая мысль на задворках моего разума не была с этим согласна.

Глава 2

Истощённый после долгого дня на работе в пятницу, я взял с собой кофе на лекцию, чтобы попробовать не дать себе заснуть. Попивая из своего стаканчика, я листал учебник, просматривая названия глав. Я приехал пораньше и сел впереди, ближе к тому месту, где раньше сидел Орин. Его ещё не было, но до начала занятия оставалось ещё десять минут, так что у меня оставалась надежда.

С неясностью его поведения и его желанием бросить этот урок, я не знал, чего ожидать. Когда наступило семь часов и прошло, студенты расселись, и Ричард начал урок, я смирился с тем фактом, что нужно будет найти другого партнёра для проекта. Одной этой мысли было достаточно, чтобы я тоже подумал бросить этот урок.

В тот день урок был сосредоточен на том, как выявить свою целевую аудиторию. Я следил за каждой презентацией, делал заметки, читал параграфы, когда говорили, и стабильно поглядывал на дверь. Через полчаса после начала занятия, дверь в аудиторию приоткрылась, и внутрь проскользнул Орин.

Он с извинением улыбнулся Ричарду и метнул взгляд на первый ряд, где сидел я. Поймав мой взгляд, он притормозил, на его лице отразилось неуверенное беспокойство. Это было ментально, и он быстро сел через три стула от меня, опускаясь пониже. После того, как Ричард вернулся к уроку, Орин полез в свою сумку и достал блокнот и ручку.

Не пялясь, я отметил характер и осанку Орина. Он был именно тем нерешительным и боязливым человеком, с которым я познакомился в среду. Никакой пугающей, самоуверенной стороны совсем не было, и на краткое мгновение я задумался, не вообразил ли это.

Урок продолжался до восьми, когда Ричард объявил десятиминутный перерыв. Большинство студентов вышли из кабинета, но Орин не двигался, и я тоже остался на месте. Он читал свой учебник, используя маркер, чтобы отметить определённые параграфы, совершенно не волнуясь — или не осознавая — что я наблюдаю за ним.

Я прочистил горло, чтобы привлечь его внимание, и когда его серо-голубые глаза нашли мои, я улыбнулся.

— Итак, — произнёс я, разворачиваясь лицом к нему. — Я не совсем уверен, на чём мы остановились по поводу партнёрства. Нам так и не удалось выпить кофе и поговорить.

Он открыл рот и оглядел кабинет, прежде чем снова остановиться на моём лице.

— Ох, я эмм... Я г-говорил с Ричардом, о-он сказал, что я могу п-поработать один, по личным причинам. Я не д-думал, что ты серьёзно.

Что ж, это был удар ниже пояса. Он предположил, что я его подставляю, чтобы побыть таким же придурком, как те другие парни? *«Наверное»*.

— Оу. Ну, сомневаюсь, что мне дадут такую же привилегию, — оглядев случайных студентов, зависающих в кабинете, я понял, что найти кого-то другого в пару на этот момент будет сложновато. — Для заметки: я говорил серьёзно. Я не придурок, если ты переживал об этом. Я хотел бы считать, что немного повзрослел с тех пор, как последний раз ходил в школу.

Морщинки на его лбу стали глубже, пока я говорил, и он прижал палец к виску, с той же стороны прищуривая глаз.

— Дело не в тебе. Я... это тяжело объяснить. Б-большинство людей меня не понимают.

Он опустил руку обратно на свою книгу и посмотрел прямо на меня, практически ища понимания. Я был потерян. Как я должен был *понять* что-то, о чём понятия не имел?

— Ну, я не совсем такой критикующий, так что, что скажешь, если мы всё же выпьем кофе после урока, ты сможешь объяснить невозможное, я послушаю, и мы будем двигаться оттуда?

— Ты... Ты очень н-настойчивый.

— Ты оглядывался вокруг? Я бы выбрал робкого парня в углу, которого явно никто не понимает, вместо любого из тех чурбанов.

Он хохотнул и улыбнулся, его щёки покраснели, а взгляд упал на учебник. Между его нервным заиканием и тем, как легко его было смутить простым комплиментом, я начинал думать, что он невероятно милый.

— Хорошо. К-кофе после урока, — сказал он, играя со своим маркером.

— Идёт.

— Но... н-не обнадеживайся.

Вторая половина урока пролетела мимо и закончилась ни минутой раньше девяти. Когда студенты поспешили прочь из аудитории, я засунул свои книжки в рюкзак.

— Куда бы ты хотел пойти? — спросил я, пока Орин собирал свои вещи.

Он перекинул ремень сумки через голову и поправил его на плече, прежде чем почесать лоб и нахмуриться.

— Эм, может, мы п-просто сходим в кафе кампуса в-внизу. Я хожу сюда пешком, так что всё остальное вроде как для меня д-далеко.

Его дискомфорт увеличивался до максимума, и мне не хотелось предлагать куда-то нас отвезти, так что я кивнул и указал на дверь.

— Звучит хорошо. После тебя.

Я пошёл за Орином по незнакомому заднему коридору, сохраняя между нами несколько щедрых шагов. От этого он не перестал едва заметно поглядывать на меня, пока мы спускались. Он вцепился ногтями в ремень своей сумки и всю дорогу жевал губу. Было тяжело не сочувствовать его дискомфорту, и я обнаружил, что не раз хрустел костяшками пальцев — проявлялась моя собственная нервная привычка.

Фудкорт кампуса состоял из нескольких стоек с разной едой, включая маленькое уединённое кафе в углу огромного зала. Там стояли диваны и удобные стулья, а также много столиков, где студенты могли тихо посидеть и поучиться со своими покупками. Орин направился в ту сторону.

Так как был поздний вечер, было относительно пусто, и в кафе не было никого. Мы оба заказали напитки и устроились за маленьким столиком у дальнего края кафе, с видом на остальную фудкорт. Орин заказал ванильный латте, а я попросил чёрный кофе тёмной обжарки. Это был мой второй кофе с обеда, и таким темпом я обеспечу себе бессонную ночь.

Орин поставил сумку у своих ног и обвил руками чашку, глядя на меня, пока я тоже устраивался на стуле.

— Итак, что привело тебя на вечерние занятия? — спросил я, намереваясь легко развить разговор. — Ты говорил, что ещё ходишь на творческое письмо?

— Да, хожу, — появилась лёгкая улыбка, которую я видел всего несколько раз, и он опустил взгляд на свой напиток. — Я пишу к-книгу и подумал, что это может помочь,

знаешь? М-маркетинг был для того, чтобы я мог научиться продавать книгу, как только её закончу.

— Это очень круто, — я выпрямился и поправил свои очки. — О чём она? Или это совершенно секретно?

Его улыбка померкла, но он взял себя в руки и коротко потёр висок, зажимывая глаза.

— Она... она обо мне. О м-моей жизни. Полагаю, это биография.

Его заявление заставило меня сделать паузу. Обычные люди, как я, жили однообразной жизнью. День за днём ничего не случалось, что было бы достаточно интересным, чтобы подумать написать книгу. Орин меня заинтересовал, но также мне хотелось задать вопросы. От его постоянно нервного состояния у меня складывалось впечатление, что нужно дать ему говорить и объяснить всё в своём темпе. Так что я сделал глоток кофе и откинулся на спинку своего стула.

— Должно быть, у тебя довольно захватывающая жизнь. Если бы я написал биографию, люди бы засыпали. Нужно было бы сделать из неё аудио-версию и продавать как снотворное в аптеке, иначе не было бы никакой прибыли, — я хохотнул, внимательно наблюдая за реакцией.

Мой нелепый комментарий заработал мне ещё одну робкую улыбку. Орин глотнул свой напиток, а затем отодвинул его в сторону. Он мгновение смотрел на свои руки, прежде чем встретиться со мной взглядом и с заметной сложностью сглотнуть.

— У меня диссоциативное расстройство личности. Т-так что, если мы будем партнёрами по этому проекту, тебе следует это знать. Только то, что это я, Орин, решил пойти учиться, не значит, что пока мы будем работать вместе, т-так будет всегда. Что может довольно р-резко и неизбежно п-положить конец занятиям. Особенно учитывая, что Р-риду не особо нравится вся эта идея.

Он судорожно выдохнул и потёр лицо под глазами. Он взял свою чашку и сделал щедрый глоток, в предвкушении глядя через стол.

Я был потерян. С самого первого предложения, я понятия не имел, о чём он говорит.

— Прости. Диссоциативное что? Я не знаю, что это такое.

Он провёл рукой по лбу и неловко заёрзал на месте, снова потирая висок. Он часто так делал. Всегда касался своего лица.

— Ох, эмм... д-диссоциативное расстройство личности, его ещё называют расстройством множественной личности. По сути, внутри меня живёт много л-людей, я зову их альтерами, которые могут с-случайно выходить вперёд и иногда вроде как б-брать контроль на себя. Я не всегда всё контролирую.

Мы разделили взаимную паузу, оба глядя друг на друга в ожидании. Орин явно ждал ответа, а я был ошарашен тем, что он рассказал. Расстройство множественной личности? У людей действительно такое бывает? Я слышал об этом, конечно, но никогда не думал, что это значит на самом деле, и не верил, что это настоящее... расстройство.

Я не был уверен, какое у меня было выражение лица, но Орин нахмурился и опустил взгляд на стол.

— Ты мне не веришь.

— Нет, это совсем не так. Я... я просто раньше не знал никого такого, и я... я не особо знаю что-то об этом, за исключением нескольких фильмов...

— П-пожалуйста, не основывай свои знания на фильмах. Они оск-корбляющие и невероятно неточные, — лёгкая вспышка злости заставила меня сглотнуть нервный комок в горле.

— Ладно, не буду. Эмм... — я не знал, что говорить, или как это обдумать. — Слушай, как я сказал раньше, я не критикующий. Так что, может, помоги мне понять. Скажи мне, чего ожидать. Я не понимаю, почему это должно быть барьером для нашей совместной работы.

— Это... это н-не так просто. Я не могу п-просто объяснить это за кофе.

— Оу, ну, ты можешь хотя бы дать мне представление об этом?

Он оглядел фудкорт и остановил взгляд снова на мне, кивая и снова поднимая свою чашку.

— Что ты знаешь? — спросил он.

— Давай остановимся на «ничего».

Учитывая, что все мои минимальные знания из фильмов только что вылетели в окно как ложная информация.

— Ладно, ч-чтобы не вдаваться в п-подробности, в основном, из-за... — он сделал паузу и показался неуверенным. — Из-за травмы... моему мозгу потребовалось з-защитить себя и меня. Делая это, он создал р-раздельные личности, чтобы справляться с определёнными ситуациями, чтобы не приходилось справляться мне. Долгое время я думал, что с-схожу с ума. У меня в голове были все эти голоса, и они были такими же р-реальными, как эта чашка, — он постучал ногтями по керамической чашке, вызывая звон. — Я часто терял счёт времени, в конце концов, оказываясь в разных м-местах и не зная, как туда попал, или у меня оказывались вещи, которые я не покупал. Всякое сумасшедшее д-дерьмо. После годов ошибочного диагноза, меня, наконец, направили к психотерапевту, чуть больше года назад, который официально д-диагностировал у меня ДРЛ, или диссоциативное расстройство личности.

Орин обвил руками свою чашку и глотнул свой латте, изучая взглядом стол, погрузившись в мысли.

— У некоторых людей с ДРЛ дюжины личностей, а у некоторых только н-несколько. Всё колеблется и з-зависит от ситуаций. Пока я обнаружил пятерых, кто существенно появляется в моей повседневной жизни. Есть ещё несколько эмоциональных личностей, которые с-скользят рядом, но они никогда не выходят вперёд полностью и присутствуют только на заднем плане... здесь, — он указал на свой висок, который часто потирал.

Забыв о кофе, я наклонился вперёд, заинтригованный тем, что он описывал. Это звучало так мудрёно и фантастически, что я с трудом понимал, как это может быть реальностью. И всё же, это было захватывающе.

— Что значит, когда они выходят вперёд?

Он заёрзал на своём стуле и пожевал губу.

— При определённых обстоятельствах вперёд выходят другие личности, а Орин уходит. Т-так что моё тело начинает принадлежать им. Я... Я не всегда всё контролирую. Ну... на самом деле, по большей части у меня м-минимальный контроль. Для меня всегда есть переключатели. Я получаю ограниченное предупреждение.

— Значит, ты просто становишься кем-то другим?

Он сочувственно улыбнулся от моего растерянного вопроса и кивнул. Понадобится время, чтобы обдумать то, что он объяснил. Я мог сказать, что он не дурачится. По

крайней мере, казалось, он действительно верит в то, что сказал, но представить, что мягкий робкий Орин становится совершенно другим человеком, было...

«Подождите!»

Я вздрогнул, когда меня настигла мысль. В среду Орин заметно изменился, пока мы стояли возле колледжа и разговаривали. Это было резко и сбilo меня с толку.

— Это произошло в среду?

На лице Орина отразилось замешательство, пока он всё вспоминал. Вздохнув, он сжал губы и кивнул.

— Н-наверное. Я часто теряю счёт времени. Мы собирались в среду пойти выпить кофе. М-мы не пошли, да?

— Да. Случилось что-то странное, и ты меня отшил.

На мгновение я практически подумал, что он расплачется, так осунулось его лицо.

— Я не отшил. Это был не я, — он нахмурился, пытаясь взять себя в руки. — Наверное, это был Р-рид. Ему не нравится, что я учусь. Он вертелся рядом, — и снова он коснулся своего виска.

— Рид?

Орин кивнул.

— Он один из моих 3-значимых альтеров, которые выходят вперёд.

— Оу, — да, это же всё проясняло. У них были имена?

Повис ещё один неловкий момент. У меня был миллион вопросов, но я не знал, как задать их, не привлекая внимания к Орину; этого он явно был счастлив избежать. Каждый из этих вопросов выставлал меня невеждой, и я не хотел, чтобы ему становилось ещё более неудобно, чем сейчас.

— Итак, — легко произнёс я, — есть что-то конкретное, что я должен знать, раз мы будем работать вместе? В смысле, мы ведь работаем вместе, верно?

Хотел ли я вообще работать с ним? Мысль о том, что на меня внезапно будут нападать случайные люди, немного нервировала.

Он хохотнул.

— Если ты можешь со мной справиться, мне бы этого хотелось, — он поёрзал на месте и глубоко вздохнул. — Полагаю, если выйдет кто-то ещё, просто п-помни, что это не я. Они сами по себе, и я не обязательно вспомню, что происходит, если ты работаешь с альтером. Это я х-хочу учиться, а у них у всех своя жизнь, так что н-не будь в шоке, если занятия будут резко заканчиваться. Я не разобрал все свои триггеры, так что это может произойти с-совершенно случайно. Просто... относись к ним как к личностям, потому что они такие. У них есть свои имена, и, наверное, они исправят тебя, если ты назовёшь их Орином.

На кончике моего языка вертелся невероятно глупый вопрос, и я пытался сохранять невозмутимое лицо, когда задавал его, потому что не хотел оскорбить Орина. Я вспомнил те издёвки парней в классе и начинал задумываться, правы ли они. Это всё было слишком нереально и невозможно представить. Но я пытался не судить предвзято.

— С кем... с кем я могу встретиться?

— Ну, думаю, ты уже коротко познакомился с Ридом. Он младше меня — ему двадцать три — и он очень ершистый. В своём мире он агрессивный тяжелоатлет. Ты можешь встретить Коэна, ему девятнадцать, он нормально относится к учёбе, но я думаю, это только потому, что он о-общительный и очень лёгкий на подъём, и ему нравится

знакомиться с новыми людьми. Ещё есть Тео и Коув, — он пожал плечами. — Я не уверен, что ты с ними встретишься. Роль Тео более с-структурирована, он помогает с организацией и поддерживает наш баланс и роли. Насколько я знаю, он редко выходит из-за т-триггеров. А Коув... — взгляд Орина опустился на стол, и его губы изогнулись едва уловимо, что я чуть не упустил. — Коув это Коув. Я не хочу его объяснять, — он почесал затылок и с трудом встретился со мной взглядом снова. — Ещё есть Рейн. Не пугайся, если встретишь его. Ему п-пять. Он очень болтливый и возбудимый.

— Пять? — я не собирался говорить так шокировано, но он говорил, что я могу внезапно начать работать над проектом с ребёнком? Он становился ребёнком? Это было слишком. Вопросы, которые я медленно формировал, пока он говорил, исчезли от этого осознания.

Он нахмурился и опустился ниже на стуле от моего ответа, и я тут же почувствовал себя плохо.

— Прости, я просто пытаюсь это понять.

— З-звучит надуманно и странно, правда? Люди часто так реагируют, или н-не верят в это. Я просто заранее тебя предупреждаю о том, каково может быть работать над п-проектом со мной. Нам не обязательно это делать. Ты можешь найти более *н-нормального* партнёра, если хочешь. Я не обижусь.

Мне не понравилось, как он сказал «нормального». Как бы я ни был озадачен и скептичен, я сказал ему, что не буду критиковать, так что попытался отмахнуться от этого чувства.

— Я готов попробовать, если готов ты.

Он не мог скрыть своё удивление.

— Оу. Э-это отлично. К-когда ты хотел начать? Я уже прочитал хороший кусок из нашего учебника, так что имею представление о б-большинстве материала, который мы будем проходить.

Он прочитал учебник?! Я едва пролистал несколько страниц и просмотрел необходимые параграфы. По крайней мере, он не был халтурщиком.

— Ну, по будням я работаю до четырёх, но в другое время совершенно свободен. Что насчёт тебя?

— У меня творческое письмо по п-понедельникам вечером. Выходные подойдут, но, может быть, не на этой неделе, — быстро добавил он. — Вторники не подойдут, как насчёт среды перед началом урока?

— Мне подойдёт. Можем встретиться после моей работы и позаниматься пару часов, прежде чем пойти на учёбу.

Орин кивнул, и вернулась его робкая улыбка, с лёгким румянцем.

— И-идеально.

Следующим логичным вопросом было бы, где мы будем заниматься, и, зная уровень дискомфорта Орина, я не был уверен, что лучше предложить.

— Есть предложения, где мы можем встретиться? Я живу один, и ты свободно можешь зайти, но я не настаиваю, если тебе это не подходит. Мы можем пойти в библиотеку или к тебе, как будет лучше.

Орин опустил глаза, раздумывая. Прежде чем ответить, он надавил костяшкой пальца на глаз и покачал головой.

— Прости, эмм... может, ты придёшь ко мне домой? Наверное, т-так лучше. Я живу на Бёрч-стрит. Там есть ряд домов, знаешь их?

— Да, знаю. Они в конце поворота, верно?

Он кивнул и достал из сумки лист бумаги и ручку. На бумаге он записал свой адрес и номер телефона, прежде чем передвинуть по столу.

— Держи. В-во сколько ты примерно приедешь?

Я взял листок и просмотрел его, жестом попросив у Орина дать мне ручку. Оторвав маленький кусочек от угла, я записал свой номер.

— Я быстро заеду домой, приму душ и перекушу. Могу приехать около пяти, может раньше. Это подойдёт?

— Да.

Его напряжение ослабло, а улыбка стала шире. Я задумался, со сколькими людьми обычно Орин имел дело, которые не пытались его понять. Было ли у бедного парня много друзей? Видя, как во всём его теле расцветает удовлетворение, я почувствовал себя хорошо насчёт своего решения. Замешательство не поубавилось, но я планировал поехать домой и провести небольшое самообучение, чтобы найти немного больше информации.

Глава 3

— Ох, чёрт возьми, ты придурок, — крикнул Эван на телевизор, с полным ртом чипсов. — Им никогда не следовало его выставять. Величайшая. Ошибка. В мире, — он переключил взгляд на меня и нахмурился. — Эй, ты пропускаешь игру. Какого чёрта ты делаешь?

Это было воскресенье, и раз уж официально начался футбольный сезон, для меня было предназначено место на диване Эвана каждые выходные до февраля. Только в тот день я был больше заинтересован в результатах своего поиска, чем в игре, что Эвана разозлило.

— Смотрю всякую хрень... — я поднял взгляд на телевизор, чтобы посмотреть повтор, прежде чем включилась реклама. — Не могу поверить в то, что здесь читаю. Это нереально.

— Ты делаешь задание в воскресенье? У тебя занятие только в среду, должно быть другое время, когда ты можешь этим заняться.

Я взял своё пиво с кофейного столика и поправил ноутбук на своём колене.

— Нет, я смотрю расстройство Орина.

— Множественная личность, верно?

— Это уже так не называют.

— Плевать, осторожнее с ним, приятель, он превратится в размахивающего топором маньяка и убьёт тебя во сне. Я видел фильмы. Наверное, внутри него есть серийный убийца, который просто ждёт выхода.

— Ты чёртов идиот. Всё не так. Эти люди жертвы.

Игра возобновилась, и я потерял половину внимания Эвана, проигрывая телевизору. Обычно мне нравились наши воскресные дни игр, но статья, которую я нашёл, меня поглотила.

— Только послушай это. Написано, что большинство людей страдают ДРЛ из-за экстремального длительного насилия в детстве. Физического, или сексуального, или

какого угодно, всё вышеперечисленное. Видимо, мозг переключается в режим выживания и в качестве естественного защитного механизма создаёт личности, которые могут лучше справиться с насилием, чтобы страдающий ребёнок мог продолжать жить как можно более нормально. Эти личности часто не позволяют человеку узнать о насилии и защищают его, держа эти воспоминания скрытыми.

— Мхм, — Эван переключился на игру, больше не слушая. Проверив счёт и заметив, что ничего не изменилось, я продолжил читать.

Орин упоминал о какой-то травме. Читая статью, я пришёл к выводу, что это широкое недопонимание. Однако, возможно, Орин не знал размаха собственного прошлого, только то, что это произошло. Основываясь на статье, люди с ДРЛ подвергались экстремальной терапии, которая иногда фокусировалась на том, чтобы вытянуть эти воспоминания из альтеров.

Я содрогнулся, представляя, как с тобой может произойти нечто такое ужасное, а ты даже не вспомнишь.

Я переходил по одной ссылке за другой, пытаюсь понять часть того, что объяснил Орин. К середине игры я был так поглощён своим исследованием, что не заметил, что Эван наблюдает за мной, пока он не прочистил горло, привлекая моё внимание.

— Какой счёт? — спросил он, убирая с лица свои тёмные волосы.

В тот момент, когда я поднял голову к телевизору, он его выключил.

— Прости, я просто увлёкся. Какой счёт?

— Ты никогда не узнаешь, — Эван встал и взял со стола нашу пустую посуду. — Хочешь, я закажу пиццу?

— Да, конечно. Ты серьёзно мне не скажешь? — крикнул я ему вслед, когда он пошёл на кухню.

Эван жил на втором этаже дома в западном конце нашего маленького городка в южном Онтарио. Квартира равнялась моей однокомнатной, только была более просторной. Большая часть кухни были видна из большой арки.

Эван усмехнулся из-за двери холодильника, доставая ещё две бутылки пива.

— Ты мне скажи, почему изучение этого парня с проектом намного важнее нашего футбольного свидания, и я скажу тебе счёт.

Рассмеявшись, я закрыл ноутбук, передвинул его на кофейный столик и положил рядом ноги.

— Если это свидание, я жду в конце вечера секс. Просто к слову.

Эван фыркнул, смеясь и играя своими отвратительно идеальными мышцами, прежде чем открыть нам пиво.

— Мечтай. Но серьёзно, в чём дело?

— Не знаю. Мне любопытно. А тебе нет? Тебе кто-нибудь говорил, что внутри него живёт пять разных людей, которые могут случайно появиться, пока вы работаете над проектом? И не говори, что у тебя не было бы вопросов.

Эван вернулся с нашим пивом и протянул мне одну бутылку.

— Звучит так, будто он хочет внимания. Ты уверен, что он говорит честно?

Я запрокинул голову и сделал глоток.

— Помнишь, я говорил тебе, как он внезапно изменился в тот первый день, когда мы познакомились? Я это видел, Эван. И учитывая всё, что я читаю, я ему верю. Чёрт, приятель, ты вообще можешь это представить?

Эван рассмеялся.

— Нет, — он выпил из собственной бутылки и вытащил свой телефон. — Как обычно?

— Да.

Эван заказал нам пиццу, пока я обдумывал всё, что узнал. Судя по моим исследованиям, личности, которых Орин называл альтерами, были такими же индивидуальностями, как различные люди, которых можно встретить в повседневной жизни. У них могли быть разные голоса, манеры, темперамент, словарных запас и даже навыки. Детские личности, как тот, кого он назвал Рейном, были довольно общими. У некоторых людей было несколько детских личностей. Орин говорил только об одной. Само это было одной из наиболее необычных частей, которые нужно было осознать.

— Тебе стоило пойти на психолога. Похоже, ты глубоко задумался.

Я вернул внимание обратно к Эвану, который закончил звонок.

— Это захватывающе.

— Очевидно. Двадцать восемь — семнадцать, если тебе интересно.

— Кто выигрывает?

Взгляд Эвана потемнел, когда он нахмурился и сузил свои карие глаза.

— Мы больше не друзья, если ты не знаешь даже этого.

Я усмехнулся и на мгновение задумался.

— Ну, судя по всем твоим проклятиям за последний час, полагаю, Детроит проигрывает.

— Они вытянут.

Он снова щёлкнул телевизор и откинулся на спинку дивана, держа в руках пиво. Он был невероятно привлекательным и знал это.

Комментаторы подробно расписывали первую половину игры, и я внимательно слушал, пытаюсь нагнать.

— Он милый? — спросил Эван через минуту.

— Кто? Трой Эйкман? Серьёзно? Нет, — я бросил на него грязный взгляд.

Эван расхохотался, подавился и выплюнул пиво, пытаясь не захлебнуться.

— Да, его я и имел в виду, идиот. Нет, не Трой Эйкман, а мистер Множественная Личность. Парень, который украл моего лучшего друга в футбольное воскресенье и превратил его в помешанного психолога.

— Орин?

— Ты знаешь не одного такого недоумка?

— Можешь перестать так его называть?

Эван просто с ожиданием смотрел на меня, приподняв бровь.

— Я не знаю. А что? Я никогда не смотрел на него в том плане.

— Врёшь, — Эван махнул рукой в мою сторону. — Я одинок и на каждую женщину смотрю в *этом плане*, не говори, что не делаешь то же самое.

— Я не ты. Я этого не делю, а теперь заткнись и дай мне послушать.

Как только обсуждения закончились, и игра возобновилась, доставили нашу пиццу. Мы ели и впитывали вторую половину игры. Детроит не отыгрывался, и Эван критиковал и проклинал каждого игрока. Майами уничтожали их, отчего я был тайно счастлив. К середине четвёртого периода, когда не осталось никакой надежды на победу, мои мысли вернулись к Орину и к тому, что я узнал.

— Какого чёрта мне делать, если он превратится в пятилетнего ребёнка? Я не знаю ничего о детях.

Эван побледнел и посмотрел на меня непонимающим взглядом, не поспевая за моим потоком мыслей.

— Орин, — уточнил я.

— Ох, чёрт возьми, смотри игру.

— Детроит проиграл, забудь об этом.

Челюсть Эвана отвисла, и он нахмурился за своим пивом.

— Если продолжишь весь этот негатив, тебе нужно будет уйти. У них есть три минуты.

— И они отстают на двадцать пять очков. В какой вселенной они отыграются?

Эван был Эваном и махнул на меня рукой, продолжая смотреть с самым отвращённым взглядом, будто каким-то образом мог вызвать победу, просто показав отвращение к их игре. Его лёгкое, добродушное чувство юмора было одним из многого, что мне нравилось в Эване. Большинство людей воспринимали его резкость слишком серьёзно, но мы дружили со старшей школы, и я знал его лучше. Эван редко был серьёзным. Только если я очень нуждался в сочувствующем слушателе, он в мгновение ока оказывался рядом.

После работы в среду я заскочил домой и принял душ, прежде чем поехать домой к Орину. Соорудив себе быстрый сэндвич, чтобы заполнить пустоту в желудке, я написал ему быстрое сообщение, чтобы убедиться, что всё по-прежнему в деле, так как не говорил с ним с пятницы.

«Привет, это Вон, у нас всё в силе? Я только перекушу и планирую выезжать».

Я отложил телефон в сторону, добавляя на свой сэндвич с индейкой горчицы и майонеза. Убрав всё оставшееся в холодильник, я оперся на тумбочку и стал есть. Его ответ пришёл, когда я засунул в рот последний кусок. Я помыл руки и подхватил свой телефон.

«Да, всё в силе».

Коротко и не больше, чем я ожидал от Орина. Несмотря на всё, что я узнал о нём, мне не терпелось поработать вместе над нашим проектом. Было то, отчего я нервничал, но я был не таким человеком, который избегает кого-то из-за того, что этот человек другой.

Так как я уже еле тащил ноги от усталости, и оставалось ещё столько часов до конца дня, я планировал заехать за кофе по пути к Орину.

«Еду за кофе. Ты будешь?»

На этот раз его ответ был почти мгновенным.

«Конечно. Без кофеина, пожалуйста. С молоком и двумя ложками сахара».

Прежде чем вылететь за дверь, я последний раз проверил себя в зеркале, расчесав пальцами свои влажные волосы и оценивая сонное состояние своих бледно-карих глаз.

После быстрой остановки у кофейни, я поехал к Орину. Я знал его район, но понадобилось бросить взгляд на адрес, который он мне дал, чтобы убедиться, что я заехал в правильных блок домов, так как в конце его улицы было два отдельных блока.

Удерживая на одной руке подставку с кофе, а в другой держа учебники, я с трудом постучал в его дверь. Ожидая, я оглядел улицу. Это была достаточно тихая тупиковая зона, с большими клёнами и берёзами на газонах. Это придавало дню умиротворение и спокойствие. На удивление, вокруг не было никаких людей, несмотря на приятный сентябрьский вечер. Маленький рай в конце его улицы определённо побеждал чертовски шумный угол, где жил я.

Через несколько минут дверь открылась, и Орин выглянул из тускло освещённого дома. На нём была белая майка с длинным рукавом и потёртые джинсы. Он провёл пальцами по своим почти белым волосам и робко улыбнулся, прежде чем опустить взгляд.

— Привет. П-проходи.

Он отошёл назад, но тут же заметил мои загруженные руки и снова подскочил вперёд, без предупреждения, как раз когда я зашёл. Мы чуть не столкнулись, и я рассмеялся, делая шаг назад и убирая кофе в сторону, чтобы не раздавить его между нами.

— Воу. Это было близко.

— П-прости... Я должен был предложить что-нибудь забрать. Я не...

— Не переживай, держи, если хочешь, — я передал ему подставку и подбадривающе улыбнулся.

— Сюда, — он пошёл вперёд по коридору, затем повернул и прошёл через арку, которая вела в маленькое логово. Там было большое арочное окно, которое впускало солнце, бросающее свет на пол и освещающая комнату.

Он поставил напитки на тумбочку и указал жестом на комнату.

— Это подойдёт?

— Да, — я осмотрел пространство и остановился на мягком кресле, которое стояло под углом к похожему бежевому дивану. Всё было чисто, везде был порядок. У стен стояло много книжных полок. В углу находился письменный стол с полкой над ним, где стояло ещё больше учебников. Цвета были тёплыми и земельными, сочетание коричневого, бежевого и глубокого бардового. Почти каждое открытое пространство было заполнено материалом для чтения, тем или иным.

— Ты любишь читать?

Орин обошёл диван, держа свои учебники, и сел, следя за моим взглядом.

— Да.

С тёплой улыбкой, я встал и подошёл к ближайшей полке, чтобы посмотреть, что у него есть.

— Что-нибудь конкретное?

— В-всего понемногу, на самом деле. Я по большей части люблю и-историю и тянусь к историческим романам. Но ещё мне нравится читать о психологии. Особенно с тех пор, как мне поставили п-правильный диагноз. Разум просто невероятен.

— Это точно, — я бросил взгляд через плечо. Орин стоял и обнимал себя руками, наблюдая, пока я просматривал его книги. Мне хотелось сказать, что я искал информацию, чтобы лучше понять его состояние, но не знал, было ли это странно или назойливо, так что держал рот на замке. — Не против, если я посмотрю? — я кивнул на полку.

Он покачал головой, и когда не смог удержать мой взгляд, пошёл за своим кофе, беря его с подставки.

У него было много книг. Кен Фоллетт, Диана Гэблдон, Филиппа Грегори и больше. Я подошёл к новой полке перебрал несколько психологических учебников. Один конкретный, по расстройству Орина, поймал моё внимание, и мне захотелось вытащить его и пролистать, но я сдержался. Возможно, в другой день, когда нам станет комфортнее друг с другом.

Как раз когда я собирался вернуться на диван, мой взгляд поймал ассортимент цветов на нижней полке, и я отошёл назад, чтобы увидеть, на что смотрю. Это была целая полка самолётов и машин из лего, вокруг каждого транспортного средства стояли маленькие человечки или сидели внутри. Лишённый дара речи, я мог только озадаченно смотреть на что-то, что казалось неподходящим для дома взрослого мужчины.

— Э-это Рейна. Он ф-фанат лего.

Оторвав взгляд от игрушек, я развернулся, чтобы посмотреть на встревоженное лицо Орина и найти, что приемлемо сказать.

— Это... это очень круто. Мне тоже нравилось лего в его возрасте.

Было невероятно странно так говорить, будто я ссылался на какого-то воображаемого друга, который не существовал. Только на его полке стояло лего, и задокументированные случаи в новейших учебниках по психологии говорили мне, что это правда.

Уголок рта Орина приподнялся в улыбке, и он коснулся своего виска, закрывая глаз с одной стороны.

— Он, эмм... — Орин слегка рассмеялся и покачал головой, пока его лицо начинало светиться всё больше и больше. — Прости. Он прямо сейчас восторженно болтает. Это... это отвлекает.

Глядя на лего, Орин излучал радость, которой я не видел раньше. Он продолжал касаться своего лица, перемещая пальцы на глаз с той же стороны, а затем обратно к виску.

Он слышал Рейна в своей голове? Я читал, что такое может быть. Пока я в восхищении наблюдал за Орином, мне отчаянно хотелось задать вопросы. Присутствие Рейна заметно расслабляло его. Это было похоже на переключение? Или Рейн просто был *рядом*?

Когда Орин повернулся обратно, его улыбка осталась, но щёки покраснелись и горели розовым цветом.

— Наверное, нам стоит немного поработать.

— Конечно, — я воспользовался отвлечением и бросил взгляд на маленькую нишу в гостиной, где возле квадратного кофейного столика стояли диван и кресло.

Мы разложили документы по проекту перед собой, положив рядом пустой блокнот, чтобы делать заметки. Орин открыл первую страницу буклета, и я увидел, что он уже выделил то, что считал важным.

— Итак, нам н-нужно для начала выбрать бизнес. Мы не можем ничего сделать, пока не знаем свою основную задачу. Есть мысли?

Полностью направив внимание на работу, Орин значительно расслабился. Его нервное заикание уменьшилось, и плечи расслабились.

— Ничего конкретного. А у тебя?

Орин покачал головой и постучал ручкой по блокноту.

— Чем ты зарабатываешь на жизнь? Мы можем использовать твою работу?

— Я работаю на «Отели Оливер Стар», бухгалтером и счетоводом.

— Ну, это и-идеально, разве нет? Нам нужно было бы придумать бизнес-план, чтобы показывать его и сначала получить одобрение, чтобы заполнить цифры и показать прибыль или убыток, но теперь это не нужно. Так будет п-проще, потому что ты свой человек, верно?

В идеале, у меня были мысли использовать «Оливер Стар», когда я только услышал о проекте. На это требовалось разрешение хозяина, моего начальника, но я не видел в этом проблемы. Плюс, это подтолкнуло меня в правильном направлении. Я надеялся, что в итоге это поднимет меня к чему-нибудь более живому.

— Что на счёт тебя? Где ты работаешь? Разве нам не стоит обсудить все варианты?

Взгляд Орина опустился на блокнот, где он нарисовал звёздочку в углу.

— Я не работаю. Меня обеспечивает государственная программа по недееспособности. С-справляться с работой из-за моего ДРЛ сложно.

Я не подумал об этом.

— Оу, тогда ладно. Ты не против использовать мою работу? Мне нужно будет прояснить всё с начальником, но я не вижу в этом проблемы. Бесплатный труд для потенциального увеличения дохода. Он не откажет. Мне уже знакомы наши размеры прибыли.

Орин кивнул и начал писать «Оливер Стар» сверху страницы.

— Думаю, это умный шаг, и кто знает, может, это принесёт тебе пользу.

Я молчал, пока он создавал подразделы, основываясь на нашей программе курса. У него был очень аккуратный почерк, и он придирчиво относился к написанию в блокноте.

— Поэтому ты думаешь написать книгу? Чтобы создать своеобразную карьеру? На дому?

Он подчеркнул очередной заголовок, прежде чем положить ручку и пересест с места на диване и опуститься на колени на пол перед столом.

— Вроде того. Мне всегда хотелось писать. Мой терапевт говорит, что изучение биографии может помочь, если... — он прервался и убрал волосы со лба, раздумывая. — Ну, полагаю, если я смогу сработаться со всеми своими альтерами, это может помочь нам найти гармонию и облегчить что-то, к чему он движется во время наших приёмов.

Орин наклонил голову, но ничего не пояснил, и из-за природы этих приёмов и того, что могло случиться с ним в детстве, я не стал спрашивать. Мы перешли обратно в рабочий режим и вместе обрисовали бизнес план, который я должен был взять с собой на работу на следующий день, чтобы показать своему начальнику.

Время пролетело, и прежде чем мы поняли, было половина седьмого, и нам пора было собираться, чтобы поехать на занятие.

— Как ты добираться на учёбу? — спросил я. На его подъездной дорожке не было машины, и в прошлый раз я видел, как он уходит из кампуса пешком.

— Я хожу пешком.

— Хочешь ездить со мной? И я могу подвозить тебя после занятия, если хочешь. Отсюда идти довольно далеко, и я не против.

— Эмм... — Орин засунул свой учебник и бумаги в сумку, раздумывая. Это был не тяжёлый вопрос, но ему будто было трудно ответить. — К-конечно, — и его заикание тут же вернулось. Всё время, пока мы работали, этого практически не было, и ему было значительно комфортнее.

Я ободряюще улыбнулся, когда мы встали, чтобы уйти. Он надел свою сумку через плечо, и я вышел за ним из дома.

У меня дома всё было аккуратно, как и на столе на работе, но моя машина была другим случаем. Прежде чем Орин смог сесть, мне понадобилось убрать беспорядок из бумаги, контейнеров от еды на вынос, свитеров и других случайных вещей, которые за время образовали кучу на переднем сидении.

— Клянусь, я не неряха, так у меня только в машине. Это единственное место, где я даю себе свободу устроить беспорядок.

Орин покачнулся на ногах и улыбнулся.

— Всё нормально.

Как только всё оказалось на заднем сидении, мы оба сели вперёд. Дорога проходила в тишине. Орин смотрел в окно, держа сумку на полу между ног и сложив руки на коленях. Я поглядывал на него множество раз, наблюдая за сосредоточенным выражением его лица. Я никогда не знал кого-то такого болезненно робкого.

— Тебе со мной неуютно? — в тот же момент, как вопрос слетел с моих губ, я пожалел о том, что сказал так прямо.

Он отвлёкся от разглядывания природы за окном и покачал головой.

— Нет. Совсем нет. А... а тебе со мной неуютно?

— Нет, — я вздрогнул и нахмурился. — Почему ты так говоришь?

Он пожал плечами и снова посмотрел в окно.

— Б-большинство людей не хотят иметь со мной ничего общего. Я всегда был другим, но этому не было объяснений, до недавних пор. Т-так что из-за этого люди... ну, они не всегда очень добрые.

— Я не такой.

Он повернулся обратно и изучал взглядом моё лицо, пока я вёл машину. Я притворился, что не замечаю этого.

— Я вижу.

В конце концов, он повернулся назад к пейзажу, и вернулась тишина.

Возле колледжа я нашёл парковочное место, и мы оба пошли к зданию. Компания студентов, собравшихся вокруг скамейки под деревом, привлекла внимание Орина, и он наблюдал за ними, пока мы проходили мимо. Они болтали и смеялись.

— У тебя... у тебя было много друзей в школе? — спросил он, пока мы поднимались по ступенькам к входной двери.

— Да. Близких друзей не много, но я входил почти в каждую компанию и ладил со всеми. Но, думаю, я лез из кожи вон, чтобы вписаться.

Орин вытащил свой телефон и проверил время.

— Мы рано. Хочешь посидеть немного здесь? — он указал на скамейку рядом с дверью.

— Конечно.

Мы сели вместе, и Орин отклонился назад, прикусив губу.

— Что ты имеешь в виду, что лез из кожи вон, чтобы вписаться?

Я хохотнул и повернулся лицом к нему.

— Ну, я гей и боялся, что если кому-то расскажу, это сразу же сделает меня целью, поэтому не рассказывал. Помимо моей семьи и моего лучшего друга Эвана, никто не знал, до тех пор, пока я не пошёл в колледж. Я не хотел, чтобы меня считали другим или

дразнили, а я предполагал, что так и будет. Так что я прилагал особые усилия, чтобы дружить со всеми.

Глаза Орина расширились от моего заявления, и он мгновение смотрел на меня, прежде чем опустить голову к своим коленям. Кончики его ушей слегка покраснели, что вызвало у меня улыбку. Было слишком легко вызывать этот румянец. Возможно, резкое объявление моей ориентации его слишком шокировало. Я больше не скрывался и не задумывался дважды, когда рассказывал об этом людям.

— Отстойно, когда люди тебя не понимают. У меня... у меня никогда особо не было друзей.

Это мнение разрывало сердце. Я не мог представить, как прошёл бы через жизнь без возможности на кого-то опереться или поделиться с кем-то секретами. Орин казался достойным человеком, и хотя я не знал и половины того, что значит жить с таким необычным расстройством, меня огорчала мысль о том, что он всю жизнь прожил без друзей.

— Что ж, у тебя есть планы на вечер пятницы, после занятия? Предлагаю чем-нибудь заняться. Чего ты хочешь?

Его голова резко поднялась, все черты его лица отражали замешательство.

— Ч-что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что мы с тобой проведём время вместе. Не для проекта, а потому, что у меня с тобой нет никаких проблем, и я считаю тебя достойным парнем, и мне хотелось бы узнать тебя лучше. Ты свободен в пятницу?

Он кивнул, его челюсть слегка отвисла от неверия. Его крайняя озадаченность была милой и вызвала у меня улыбку. Его серо-голубые радужки сияли в исчезающем дневном свете, и впервые их невинность и искренность поймали моё внимание по-другому. В Орине была хрупкость. Недоверие, которое он носил с собой повсюду. Но когда он ответил мне улыбкой, я также увидел надежду и тепло, исходящее у него изнутри. Он *был* привлекательным — будь проклят Эван — но до сих пор я не позволял себе это замечать.

— Ч-чем ты хочешь заняться? — спросил он, выпрямляясь и крутя свои руки на коленях.

— Мы можем куда-нибудь сходить или остаться дома. Я свободен.

— М-может, посмотрим фильм... дома... или ещё что-нибудь.

Я не был удивлён его предложением. Если бы он предложил что-нибудь общественное, я был бы в шоке.

— Идеально. Снова у тебя?

Он кивнул, как я и предполагал.

После неловкой паузы, мы решили пойти на занятие.

Глава 4

Пятница была катастрофой. На работе произошла внештатная ситуация, которая вывела меня из офиса на два часа, и к тому времени, как я всё нагнал и смог уйти, было больше шести. Занятие начиналось в семь, а мне нужно было поесть, принять душ и выйти из дома меньше чем через полчаса.

Вытираясь после душа, я перебрал одежду, которая висела в шкафу, решая, что надеть. Я никогда не был таким придирчивым, но по какой-то причине то, что я пойду к

Орину после занятия, сделало меня нерешительным. Отказываясь задумываться, почему это так, я оттолкнул мысль и взял джинсы получше и серую футболку. Одевшись, я вернулся в ванную, чтобы поправить свои лохматые каштановые волосы, превращая во что-то приемлемое, и воздержался от бриться. Несколько лет назад Эван нехотя признался, что щетина мне идёт. Я без конца дразнил его, но так про это и не забыл.

Без времени на раздумья, я пробежался по своей квартире, закинул учебники в рюкзак и вышел. Идя к своей машине, я написал быстрое сообщение Орину, чтобы узнать, хочет ли он, чтобы я его забрал.

Прежде чем я дошёл до парковки, пришёл ответ.

«Нет, спасибо. Я уже иду пешком».

Укол разочарования замедлил мою ходьбу, и я засунул телефон обратно в карман. Мне следовало настоять на своём в среду. Наверное, он не предполагал, что моё предложение распространяется более, чем на один день. Я действительно был не против его подвозить.

К тому времени, как я припарковался и бегом поднялся по лестнице в кабинет, я чуть не опоздал. В аудитории звучали голоса, когда я вошёл, но к счастью, Ричард ещё не пришёл. Орин сидел у двери, и, не думая, я скользнул на место рядом с ним.

— Ты меня обогнал, — хохотнул я, запыхавшись, доставая свои учебники.

— Привет, — Орин заёрзал на своём сидении, оставляя между нами дистанцию, но улыбнулся, несмотря на реакцию. Я не задумывался о близости, пока он не среагировал.

— Прости, мне отодвинуться?

Он быстро покачал головой и разорвал зрительный контакт.

— Ты п-поговорил со своим начальником о нашем проекте?

— Ага, — я достал папку с графиками данных, которые распечатал вчера. — Здесь есть всё, что нам нужно.

Он взял папку и пролистал, кивая и читая. Пока он просматривал их, я не мог не оглядеть его. Он хорошо выглядел. Его волосы были выбриты на висках, но на макушке с помощью геля отросшие волосы были уложены волной. Его рубашка с длинными рукавами была светло-голубой и подчёркивала цвет его глаз, смывая оттенки серого. Лёгкая растительность на его лице была коротко сбрита, но оставалась чуть длиннее моей щетины и была идеально уложена. Его брови тоже были безупречной формы.

И от него исходил великолепный запах. Практически древесный и цитрусовый.

Моё внимание было настолько сосредоточено на Орине, что я не заметил, как он закрыл папку, пока он не поднял глаза и не поймал мой взгляд. Его бледные щёки тут же порозовели. Орину постоянно становилось неловко под моим взглядом, и я пытался найти, что сказать. Я не намеревался пялиться. Он был привлекательным, и моё тело будто только что поняло это. В отличие от Эвана, я первым делом замечал в людях не внешность. Типично, первым делом выделялся характер.

— Эмм... на сегодня у нас ещё всё в силе? — спросил я.

Он занялся поиском своего блокнота и что-то записал.

— К-конечно.

К счастью, вошёл Ричард и привлёк внимание группы, прежде чем я смог заставить Орина чувствовать себя ещё больше не в своей тарелке. Сосредоточенность на лекции помогла ему снова расслабиться, и мне удалось увидеть вблизи и лично, какой он на самом деле студент.

В то время как я считал себя относительно умным, по сравнению со средними людьми, ум Орина намного превышал мой. Он был проницательным и помечал всё важное, отмечал страницы в учебнике для того, чтобы ссылаться на них в будущем. Чем дольше шла лекция, тем больше я отвлекался. Наблюдать, как он делает пометки своим идеальным почерком и использует маркеры разных цветов для классификации, было впечатляюще. Он был организованным и щепетильным.

Как только нас отпустили, я понял, что придётся многое нагнать. Если бы здесь был Эван, я бы умер от скуки, выслушивая его, особенно потому, что был совершенно зачарован во время всей лекции.

— Готов идти? — спросил я, как только Орин застегнул свою сумку.

— Ага.

Он был немногословным, так что мы вышли на парковку в тишине. Вечер был тёплым и удушливым, и я задумался, удобно ли Орину постоянно носить одежду с длинными рукавами. Я уже жалел о своём решении надеть джинсы. Лето задерживалось, а Орин даже не морщился от жары и не закатывал рукава до локтей.

Как раз когда я заехал на его подъездную дорожку, зазвонил мой телефон. Я заглушил двигатель и поёрзал, чтобы достать телефон из кармана. Это был Эван. Вздохнув, я бросил Орину извиняющуюся улыбку.

— Дай мне полсекунды. Это мой друг Эван. Наверное, звонит меня замучить.

Орин поднял свою сумку с пола между своих ног и прижал её к груди, ожидая.

— Привет, ты же знаешь, я занят. В чём дело? — спросил я, отвечая.

— Как твоё свидание?

Я взглянул на Орина, который, к счастью, этого не услышал.

— Это не оно, и ты это знаешь. Чего ты хочешь?

— Подумал, что вы двое можете захотеть приехать в «Инфернос» через пару часов. Там сегодня играет потрясающая группа. Мы можем поиграть в пул или ещё что. Что скажешь?

— Я тебе говорил, мы будем смотреть кино. В бар не пойдём.

— Брось. Парню нужно куда-нибудь сходить. Ты можешь показать ему, как хорошо провести время.

— Эван, мы говорили об этом. Это не его. Я вешаю трубку. Мы никуда не пойдём. Пока.

Я хохотнул, возвращая телефон в карман.

— Прости за это. Эван очень общительный. Он хотел, чтобы мы пошли с ним в бар.

— Оу. Т-ты можешь пойти, если хочешь. Это не так важно.

— Исключено. Я провёл с ним достаточно времени. Он это переживёт. Я с нетерпением ждал вечера кино.

Я тепло улыбнулся ему, надеясь, что он увидит мою искренность. Это была правда, большинство свободного времени я проводил с Эваном. Раздельный вечер пятницы его не убьёт.

Орин попытался улыбнуться мне в ответ, но улыбка получилась мучительной. Он нахмурил брови и ущипнул себя за переносицу, прежде чем покачать головой.

— Л-ладно.

Мы вышли из машины, и он открыл входную дверь, чтобы мы вошли. Будучи отчасти знакомым с его домом, я прошёл за ним и устроился на диване. Орин поставил

свою сумку на стул возле стола в углу и подошёл к дивану, раздумывая, поворачиваясь и отходя к укромному арочному проёму, который вёл в другой коридор.

Он провёл рукой по затылку и указал на телевизор.

— У меня кабельное с возможностью записи, так что мы можем посмотреть практически что угодно. Я... — он тяжело моргнул несколько раз, потёр глаза, затем уставился в никуда, не закончив своё предложение.

— Ты в порядке?

Он не отреагировал на мой вопрос. Его рука медленно поднялась, и он прижал пальцы к виску, прежде чем провести рукой по лицу. Он казался опустошённым, и я нахмурился, наблюдая за ним.

— Орин?

Он потряс головой и грубо надавил ладонями на глаза, настойчиво потирая их, пока облизывал губы. Затем, будто прояснив замешательство, которое его охватило, он снова поднял голову и встретился с моим обеспокоенным взглядом.

— Ты в по...

Что-то изменилось.

В тот момент, как заметил меня, он улыбнулся, и его глаза заблестели с любопытством и энергией, неизвестной Орину. Его осанка изменилась. Всё изменилось.

Орин обычно нервно, почти неловко стоял и ходил. Это исчезло. Он выставил бедро и положил на него руку, поправляя волосы и осматривая меня с соблазнительной улыбкой, которой я никогда не видел.

В тот момент, как это произошло, моё сердце подскочило, потому что я понял, свидетелем чего стал, но не знал, что делать. *«Это не может быть правдой»*. Я тут же почувствовал себя неловко, всё, что я недавно прочитал, вылетело у меня из головы.

— Эй, привет, — он подошёл вперёд и сел на край дивана, закидывая одну ногу на другую, скрещивая их и опираясь на них локтями, опустив голову на сцепленные руки. Он выгнул бровь, его улыбка достигла и его глаз.

— Привет, — выдавил я. Что мне делать? Представиться? Он знал меня? Внутри меня засела паника, и мне хотелось только выбежать за дверь. — Я... Вон.

— Я знаю. Чёрт, ты милый.

Я вздрогнул. Его голос был другим. Выше и с лёгким дефектом речи, которого не было раньше. Он не выговаривал «р», слегка картавя. Голос звучал... моложе.

— Как тебя зовут?

Это казалось самым нелепым вопросом, но человек передо мной не был Орином. Забыв обо всём, что изучил, я вспомнил, что Орин говорил мне относиться к его альтерам как к отдельным людям, какими они и являлись. И я знал, что у них не одно имя.

Он выпрямился и протянул мне руку для рукопожатия. Он предоставил её не боком, как обычно пожимали руки мужчины, а ладонью вниз и слегка наклонив руку в запястье.

— Я Коэн.

Коэн. Я покопался в своих мыслях, пытаюсь вспомнить, говорил ли Орин что-то о Коэне. Почему я не был внимательнее?

Я взял его руку и пожал. Его хватка была лёгкой и изящной. От контакта его улыбка стала шире, и он игриво облизнул губы.

— Приятно познакомиться.

Если бы мне пришлось угадывать, я бы сказал, что Коэн определённо гей.

Я не знал, что делать после этого. Мы с Орином планировали вечер кино, и я не был уверен, должен ли продолжать этот план — или знает ли Коэн вообще об этих планах. Чёрт, я не был уверен, что я хочу продолжать наши планы. Я был на грани побега. Неосознанно хрустя костяшками пальцев, я бросил взгляд через плечо в сторону входной двери, которая, как я знал, находится в конце коридора.

Когда я подумал о своих вариантах, показалось дурацким шагом бросать его, когда я только пару дней назад сказал ему, что я не придурок. Наш вечер кино был моей идеей.

Так что я должен был делать? Ждать подсказки от Коэна? Я будто сидел в комнате с незнакомцем. Контраст между Коэном и Орином был таким резким, что мой мозг не успевал. Они были полярными противоположностями.

— Итак, — Коэн шлёпнул себя по колену и подскочил на ноги, — мы идём куда-нибудь? Я очень хочу потанцевать. Дай мне принять душ и переодеться, и мы сможем убраться отсюда.

Он поскакал вперёд по коридору и исчез из виду, прежде чем я смог ответить. Я смотрел на место, которое он только что занимал, с трудом пытаясь всё понять. Пойти куда-нибудь? Орин не хотел никуда идти. Он был домоседом, слишком робким, чтобы так раскрываться в публичных ситуациях.

Но это был не Орин. Этот человек ничем не был похож на Орина. Полагаю, я получил свой ответ. Не будет никакого вечера кино.

Благодарный за дополнительное время для того, чтобы свыкнуться с таким резким поворотом событий, я попытался сосредоточиться и вспомнить то, что мне так хотелось узнать в начале недели. Знать что-то и видеть это собственными глазами — это совершенно разные вещи, и по какой-то причине я нервничал. Крайне нервничал. Последнее, чего я хотел, это сделать что-то не так. Множество вопросов без ответов вернулись и перемешали мои мысли, пока я не вскочил и не начал ходить по маленькой комнате.

Не было причин, по которым я не мог узнать его альтеров — так как они явно были такими же реальными, как грязь. Когда Орин рассказал мне о своём состоянии, и я сам узнал, что это значит, я понял, что в отличие от большинства людей, я могу посмотреть сквозь его различия и быть ему другом. Но, полагаю, мой разум был не до конца убеждён, что это реальность.

«И я не придурок. Я могу это сделать».

Что ж, похоже, я сегодня куда-то пойду. С Коэном.

Как я сказал Орину, я довольно хорошо заводил друзей, так что не было причины, по которой я не мог подружиться со всеми его альтерами.

Вода в душе затихла, и я снова сел на диван и ждал. Мой взгляд был притянут к наборам лего на нижней полке книжного шкафа, и я задумался, насколько неловко будет дружить с пятилеткой. И не просто с каким-то пятилеткой, а с тем, кто застрял во взрослом теле. У меня было мало опыта с детьми, так что этот исход оставлял под моей кожей нотку страха.

Я справлюсь с этим, если это произойдёт. Может, с Рейном я не встречу.

Когда Коэн вышел из коридора, я поднялся с дивана. Он побрился и поправлял пальцами свои влажные волосы в слегка другом стиле, чем тот, который я видел у Орина.

— Мы можем пойти в «Маджестикс»? У них хорошая музыка.

Он высунул язык в сторону, глядя на себя в зеркало на стене, сжимая губы и отводя их в сторону. Я напомнил себе, что нужно плыть по течению. Он переоделся в алые обтягивающие джинсы и чёрную футболку, которая липла к его телу, — кое-что ещё, что я никогда не видел на Орине.

Отвернувшись от зеркала, он положил руки на бёдра. С лёгким наклоном головы и усмешкой на лице, он ждал. Только тогда я понял, что не ответил на его вопрос.

«Маджестикс» был баром прямо за кампусом, где собирались все молодые студенты колледжа. Он будет переполнен девятнадцатилетними и двадцатилетними детьми, особенно в пятницу вечером. Не совсем то место, где будут рады тридцатипятилетнему мужчине.

Когда я открыл рот, чтобы ответить, моё внимание привлекли внутренние стороны его голых рук, и я замер. Они были усыпаны широкими шрамами. Не одним или двумя, а дюжинами на обеих руках. Большинство были толстыми и вздутыми, а несколько были просто тонкими серебристыми линиями. На руках едва ли было свободное от меток место, и у меня отвисла челюсть.

Когда Коэн понял, почему я остановился, он пожал плечами и закатил глаза, прежде чем повернуться обратно к зеркалу.

— Не беспокойся об этом, детка, это помогает избавиться от гадостей.

«Гадостей?» Этот вопрос крутился на кончике моего языка.

Покопавшись в разбитых воспоминаниях о статьях, которые прочёл, я вспомнил, что зачастую альтеры хранят тайны прошлой травмы хозяина за крепко запёртыми дверьми. Недоступными ни для кого, включая высококлассных терапевтов, которые могут работать годами и пытаться их выявить, и не всегда это проходит успешно.

— Итак, «Маджестикс». Что ты думаешь?

Коэн вырвал меня из круговорота мыслей и вернул в настоящее. Возможно, упоминать его руки было не безопасной темой, и мне следовало поддаться тому, что предлагал он.

— Эмм... Мой друг Эван сказал, что сегодня в «Инфернос» играет хорошая группа. Я не уверен, что «Маджестикс» в моём стиле.

Коэн хохотнул и отвернулся от зеркала. Он пересёк комнату уверенной походкой и похлопал меня по груди, проскальзывая мимо и выходя в коридор, который вёл к входной двери.

— Брось, ты не такой старый.

Я не чувствовал себя таким старым, пока Орин не ушёл, и не пришёл Коэн. Плывая по течению, я пошёл за ним и нашёл свою обувь. У меня складывалось ощущение, что Коэн намного младше Орина, только я не помнил, насколько младше.

Дорога до «Маджестикс» была... странной. Моему мозгу требовалось время, чтобы осознать факт, что мужчина рядом со мной — хоть и выглядел точно как Орин — не был Орином.

Он был самоуверенным и смелым — две черты, которых не было у Орина. Должно быть, моё напряжение было заметным, потому что через несколько тихих минут рука Коэна легла на моё бедро. Выше, чем в дружелюбном прикосновении, и несмотря на неожиданные обстоятельства, по моей коже расплзлось тепло от прикосновения.

— Ты в порядке, детка? Если ты не танцор, мы можем просто потусить и немного выпить.

Раньше в тот день я пришёл к выводу, что меня физически влечёт к Орину, но ещё я отмахнулся от этого по многим причинам. Во-первых, я не был уверен, что Орин вообще гей. Во-вторых, он был таким мучительно робким, что если бы я спросил его об этом или каким-то образом предположил, ему стало бы ужасно неуютно. Прикосновение Коэна вызвало несколько вещей, ни одна из которых не помогала мне избавиться от замешательства.

— Я мало танцую и не особо хорошо. Но ты можешь веселиться, — я улыбнулся в его сторону и вернул взгляд на дорогу. Через минуту он убрал руку и откинулся на спинку сидения, глядя вперёд.

Когда мы приехали в «Маджестикс», была почти половина одиннадцатого. Посетители бара только начинали приезжать, и многие компании молодых студентов тусовались на парковке, разговаривая, смеясь и куря. Коэн наблюдал за ними с вспышкой интереса, пока мы выходили из машины.

Изнутри звучала музыка, пока мы подходили к входу, и улыбка Коэна стала шире. Достаточно странно, он находился в своей стихии. Внутри он пошёл впереди меня к бару, но несколько раз оглядывался через плечо, чтобы убедиться, что я иду следом. Его бёдра двигались под музыку, пока он шёл, и он улыбнулся нескольким людям, когда они встречались взглядами.

Он схватил меня под руку, когда я его догнал, и мягко сжал, наклоняясь, чтобы прошептать мне на ухо:

— Что ты пьёшь? — свежий запах его одеколона и его дыхание на мочке моего уха лишили меня сосредоточения. — Я угощаю, только выскажи свои пожелания, — затем он хохотнул, мягко касаясь губами моей кожи, прежде чем отстраниться.

Он определённо флиртовал, но я разрывался по поводу того, что чувствовал насчёт этого. Если я буду флиртовать в ответ, как это повлияет на нашу с Орином дружбу? Кроме того, много чего казалось неуместным.

— Пиво подойдёт. Любое разливное. Спасибо.

Коэн улыбнулся, проводя ладонью вниз по моей руке, по пути сжимая мой бицепс.

— Расслабься.

В его глазах был лёгкий блеск под тусклым светом бара, и я искал любые признаки Орина. Но его не было. От него не осталось ни капли. Это было нереально.

Коэн облокотился на бар, ожидая, пока его кто-нибудь обслужит. Его зад был выпячен и двигался под ритм. Пока он стоял ко мне спиной, я огляделся. Было многолюдно и шумно. Я узнал нескольких одноклассников за одним из столиков, но остальные посетители были незнакомцами. Как я подозревал, большинство присутствующих здесь людей были очень молоды.

Коэн развернулся и протянул мне мой бокал пива, оставив себе какую-то фруктовую смесь.

— Там есть столик, — он указал в ту сторону подбородком. — Хочешь присесть?

— Конечно, — я улыбнулся сквозь своё беспокойство и пошёл впереди него.

Как только мы сели, я сделал большой глоток пива, думая, что сказать. Внимание Коэна было повсюду, и он излучал восторг. Стараясь не пялиться на его изрезанные руки, кожа на которых практически деформировалась из-за множества шрамов, я поправил свои очки и едва заметно проследил за его взглядом. Казалось, его не заботило, что шрамы открыты, так что я старался не таращиться.

Когда он начал подпевать музыке, я вернулся обратно. Обе его руки обвивали высокий бокал, и он двигал телом, напевая слова, пока наблюдал за мной. Не было никакого беспокойства или застенчивости, хоть он пел ужасно негармонично и мямлил большинство слов.

Когда наши глаза встретились, он рассмеялся и пожал плечами.

— Плевать, песня хорошая.

Я не собирался признавать, что не знаю её. Это было что-то новое, чего я никогда не слушал. Коэн явно хорошо проводил время, и мне не хотелось делать что-то, что этому воспрепятствует. Я понятия не имел, часто или нет он выходит из дома и веселится. В этот момент я действовал вслепую, и было такое ощущение, что я не знаю абсолютно ничего.

— Так почему ты вернулся на учёбу и ходишь на вечерние занятия? — спросил он, изогнув бровь, прежде чем отпить свой коктейль через извилистую трубочку. Его лёгкий дефект речи только увеличивал моё влечение. Это придавало ему дополнительное очарование, что я не мог игнорировать.

Я улыбнулся от вопроса. Мы с Эваном много спорили об этом.

— Честно говоря, и не говори это Эвану, но мне нужны были перемены. Моя жизнь стала монотонной и предсказуемой. Я хожу на работу, прихожу домой, ем, сплю и повторяю всё заново. По выходным я тусуюсь с Эваном или сижу один дома и смотрю телевизор или читаю. Мало жизни. Мне начинает становиться скучно весь день считать цифры.

Он подпёр подбородок раскрытой ладонью.

— И тебе пока что нравится?

— Наверное. Не уверен, что я отучился достаточно долго, чтобы судить. Иногда я чувствую себя не в своей тарелке. Я не тот же человек, которым был десять лет назад, когда учился в колледже.

Нога Коэна прижалась к моей ноге под столом. Это было намеренно, и хоть я не был уверен, как относиться к его излишнему флирту, я не отодвинулся. Моё тело было убеждено, что это нормально, и трепетало от контакта.

— И как ты изменился?

— Больше жизненного опыта. Стал на десять лет мудрее, — рассмеялся я. — Я не знаю. Я не так сосредоточен, как десять лет назад. Но тогда мне было интереснее общаться и ходить на вечеринки, тогда как теперь я больше сосредоточен на своей карьере и будущем. Я практически старик, знаешь ли.

Он фыркнул и прикрыл рот, прежде чем махнуть рукой, отмахиваясь от комментария.

— Я тебя умоляю, ты совершенно не старый. Нельзя забывать иногда веселиться. Нельзя быть постоянно серьёзным.

Это был странный вопрос, но я должен был спросить:

— Коэн, сколько тебе лет?

Это заработало мне достойное его возраста закатывание глаз.

— Девятнадцать. А что?

На шестнадцать лет младше меня. Не удивительно, что я чувствовал себя не в своей тарелке и неуютно рядом с ним.

— Ничего. Просто интересно.

Будто чувствуя мой дискомфорт, Коэн не заставлял меня танцевать, и мы провели вечер за выпивкой и разговорами о разных вещах. Несколько раз, пока Коэн уходил обновлять наши напитки, он отклонялся с дороги и болтал со случайными людьми. Я не думал, что он их знает, он просто был дружелюбным. Его внимание было сосредоточено исключительно на мне.

Когда я отказался от четвёртого бокала, потому что был за рулём, он продолжил один. Флирт продолжался случайным прикосновением тут и игривым взглядом там.

К тому времени, как посетителей попросили заканчивать с заказами, Коэн был значительно пьян, и я предложил уйти. На полпути к машине он вцепился в мою руку и подвинулся ближе, чтобы идти прямо рядом со мной. Неопределённость ситуации отошла на задний план — хотя и не до конца ушла.

Отчасти я думал, где Орин и когда он вернётся. Помимо всего, что он подумал бы о нашем поведении в тот вечер и о крайне прямолинейном характере Коэна?

Дорога была тихой. Коэн снова положил руку мне на бедро, нежно рисуя круги большим пальцем. Жар его взгляда был ощутимым, но я старался смотреть на дорогу.

— Ты слишком много думаешь, — заявил он, когда я остановился на его подъездной дорожке.

Я хохотнул и припарковал машину, не заглушая двигатель.

— Я знаю. В этом я виноват. Это всё мой старческий возраст.

— Возраст — это цифра. Плевать. Иногда нужно просто принять это как факт. Жизнь слишком коротка, чтобы так упорно думать.

Я повернулся к нему и увидел его беззаботную улыбку. Его глаза блестели от алкоголя, обжигая и съедая меня заживо. Сияла непринуждённая невинность Коэна. В этот момент он действительно выглядел на свой возраст, и ничем не был похож на двадцативосьмилетнего мужчину, чьё тело занимал. Его ладонь переместилась с моего бедра на мою руку, и он сжал мою ладонь.

— Хочешь зайти? — спросил он низким шёпотом.

Я сосредоточился на нашем контакте, пока в моей голове летала тысяча мыслей. Было влечение. Очевидно, взаимное, но когда я действительно смотрел на ситуацию, я не думал, что это Коэн вызывал во мне такие чувства. Это был Орин... Я так думал.

— Я... я так не думаю.

Когда он промолчал, я снова поднял взгляд. Между нами повис неловкий момент, прежде чем Коэн убрал руку от моей и положил её мне на щеку.

— Ладно, — в этом одном слове был намёк на разочарование, но прежде чем я смог ответить, он наклонился и нежно поцеловал уголок моих губ. Огромная часть меня чуть не повернулась за большим, но я сдержался. — Мне сегодня было весело. Спасибо, детка.

Не задерживаясь ни на секунду, он выскочил из машины и помахал рукой, прежде чем пойти к дому, демонстрируя свои обтягивающие красные штаны самым достойным образом. Он вошёл в дом, не оглядываясь. Я минут пять сидел ошарашенный, не в силах достаточно упорядочить мысли, чтобы уехать.

Ночь была... совершенно неожиданной.

Глава 5

В девять тридцать следующего утра, я стучал в дверь Эвана, удерживая в свободной руке подставку с кофе и коробку пончиков. Я едва спал. Ему повезло, что я подождал такого времени, чтобы его разбудить, потому что отчаяние чуть не привело меня к нему домой в шесть утра.

Взяв кофе в другую руку, я стукнул по двери ногой, жалея, что у меня нет ключа, чтобы я мог разбудить этого идиота напрямую.

Без предупреждения, дверь распахнулась, и Эван выглянул из своей тёмной квартиры со взглядом презрения. Его тёмные волосы были растрёпаны, он был небрит и одет в одни боксеры.

— Ты знаешь, что сейчас девять часов чёртового утра, а я гулял всю ночь, верно?

Я заглянул за его плечо и осмотрел квартиру.

— Ты один?

Это был бы не первый раз, когда Эван привёл домой девушку после ночи в баре. Как бы он ни болтал о том, что хочет найти подходящую женщину и осесть, я никогда не видел ни дня, когда он отказался бы от холостяцкой жизни.

Он прищурился и взъерошил волосы, зевая.

— Один. Что ты здесь делаешь?

— Мне очень нужно поговорить.

Когда я собирался войти, он положил руку мне на грудь и вытолкнул обратно за дверь.

— Ни за что, чёрт возьми. У меня похмелье, и я иду обратно в кровать.

— Поэтому я принёс это, — я сунул ему в руки коробку с пончиками и поднял кофе, чтобы показать ему. — Серьёзно, я не спал, и мне нужно поговорить.

Его лоб нахмурился, пока он переваривал информацию и смотрел на меня. Я выглядел ошалевшим и знал это. Решив, что мои мольбы честные, он отошёл в сторону.

— Ладно, дай мне минутку, чтобы что-нибудь надеть. Для заметки: я чувствую себя дерьмово, так что если я буду с тобой жалким мудаком, не психуй.

Он пошёл на кухню и оставил коробку с пончиками на тумбочке. Пока он пошёл одеваться, я угостился одним пончиком и сел за стол, попивая кофе и ожидая.

Он вернулся в растянутых спортивных штанах и майке. Я получил мрачный взгляд, когда он взял свой пончик и кофе и присоединился ко мне за столом.

— Говори, — сказал он с набитым ртом.

Я вздохнул и снял очки, чтобы протереть их краем майки.

— Ты был прав. И ты знаешь, что я ненавижу говорить это дерьмо, — я надел очки обратно и поймал его ухмылку.

— Продолжай.

— Орин.

— Он тебе нравится.

— Это сложно. Дай мне объяснить, и сиди на месте, и будь как можно менее критикующим. Можешь это сделать?

Он слизал глазурь с пальцев и откинулся на спинку стула, скрещивая руки на своей широкой груди.

— Ты его трахнул?

— У тебя всегда на уме один секс. Заткнись и дай мне сказать.

Он приподнял брови и демонстративно крепко сжал губы.

— Меня к нему влечёт. Определённо. Но я не спал с ним. Я даже не говорил ему об этом. Я даже не знаю, гей он или нет. Но прошлой ночью...

— Как прошёл вечер кино?

— Ничего не было.

Эван наклонил голову на бок и схватил свой кофе.

— Продолжай.

— После занятия мы поехали к нему домой, я поговорил с тобой по телефону, мы зашли, а затем он переключился. Я на самом деле видел, как это происходит. Он превратился в кого-то другого прямо передо мной.

На лице Эвана дразнение превратилось в скептицизм.

— Ты действительно веришь, что у этого парня много личностей?

— Это правда, Эван. Если я когда-нибудь думал, что это чепуха, то после вчерашнего, я тебе говорю, это не так. Я видел это собственными глазами. И я всю ночь провёл с его альтером, Козном, который совершенно отличался от Орина. Помимо того, что у них одно тело, не было ни единой одинаковой вещи. Поверь мне. Поначалу это было жутко, и я не знал, что думать. В итоге мы оказались в «Маджестикс» и...

— Ты ходил в «Маджестикс»? Серьёзно? — Эван сел и отодвинул кофе в сторону.
— Мы там не тусуемся. Сколько тебе лет?

— Козн хотел туда пойти. Заткнись и слушай, есть ещё.

Сонное похмелье Эвана исчезло, и он встал за вторым пончиком.

— Получается, Козн полная противоположность Орина. Он общительный, совершенно не застенчивый и крайне самоуверенный. И он гей, — добавил я. — Он всю ночь со мной флиртовал.

Эван оторвал кусочек пончика и закинул в рот, с широкой ухмылкой.

— Значит, вы потрахались.

— Нет! Прекрати уже. Я ничего не допустил. Это было слишком странно, и кроме того, Козну всего девятнадцать, так что это было невероятно странно и неправильно.

На лице Эвана отразилось замешательство, и он поморщился.

— Девятнадцать?

— Да. Альтеры могут быть любого возраста, помнишь? Так что, я признаю, меня влечёт к Орину. Я считаю его достойным парнем, и он умный и робкий, и мне вроде как хочется узнать его лучше, но я даже не знаю, гей он или нет. Козн, с другой стороны, наверное, согласился бы на большее прошлой ночью, и отчасти мне почти захотелось на это пойти, только... чёрт, я не знаю... это был не Орин, и мне это не казалось правильным.

Эван ел свой пончик молча, глядя на меня и ничего не говоря. Когда он закончил, и я ожидал от него ответа, он вместо этого потянулся за своим кофе и сделал несколько больших глотков.

— Скажи уже что-нибудь!

Эван покачал головой и пожал плечами.

— Это самое странное дерьмо, которое я когда-либо слышал в своей жизни. Мне нечего сказать, приятель. Я понятия не имею, что тебе сказать. Это какая-то «Сумеречная зона». Я считаю, что тебе стоило заглотить наживку и воспользоваться шансом на трах.

Я откинулся на спинку своего стула.

— Большое спасибо за помощь.

Эван провёл рукой по лицу и почесал свою щетину.

— Ладно, для начала, если вся эта штука с Орином реальная, ты действительно хочешь в это ввязываться? В смысле, тебя интересуют отношения с парнем, который так неожиданно может переключаться?

— Ты упускаешь главное. Я даже не знаю, гей Орин или нет.

— Что, если да? Тебя влечёт к нему. Ты только что это сказал. Этого достаточно, чтобы ты хотел что-то продолжать?

— Я не знаю, — честно признался я. — Прошлой ночью с Коэном я был наполовину соблазнён. Возможность была, но я мог думать только о том, что если сделаю это, рядом должен быть Орин, а не Коэн, разве нет?

Эван зажмурился и покачал головой, значимость разговора была практически слишком большой для похмельного мозга Эвана.

— Ладно, значит, если у вас с Орином что-то есть, как это работает, когда он не он?

Я уронил голову на стол.

— Я не знаю.

В этой ситуации не было ничего простого, и я понял, что разговор с Эваном не даст мне этих ответов. Мы допили кофе в тишине. Когда мы закончили, Эван встал и выбросил наши пустые стаканчики в мусорку. Он оперся на тумбочку и, казалось, глубоко задумался.

— Я могу кое-что посоветовать? — наконец спросил он.

— Пожалуйста.

Он встретился со мной взглядом, и серьёзность, которая появилась на его лице, я не часто видел у своего лучшего друга.

— Не связывайся с этим парнем. В море ещё много рыбы. Если он уже приводит тебя в замешательство, это должно быть знаком. Будь его другом, но не усложняй ничего. Серьёзно, приятель.

Я знал Эвана двадцать лет, и не было ни разу, чтобы я не принимал его честные советы. Мы сходились во мнениях по многим вещам.

— Может, ты и прав.

Только что-то казалось *неправильным*.

До среды время тянулось вечность. Я не раз был на грани того, чтобы написать Орину сообщение или поехать к нему домой. Я не слышал ни слова с вечера пятницы и понятия не имел, что думать об этой тишине.

Приехав на занятие на десять минут раньше, я осмотрел кабинет. Орин сидел на первом ряду, уткнувшись лицом в книгу. Прежде чем подойти, я внимательно посмотрел на него. Он был таким же Орином, как я помнил; склонился над своей книгой, обвив себя одной рукой. На нём была простая белая майка с длинным рукавом — которая сразу же напомнила мне о том, что я увидел на его руках. Когда разговаривал с Эваном, я пропустил эту часть. Это казалось крайне личной стороной, и я не был уверен, что Орин оценил бы, если бы я это раскрыл.

— Это место занято?

Голова Орина поднялась, но вместо улыбки, на которую я надеялся, он нахмурился и бросил взгляд на пустое место рядом с собой.

— Н-нет, — он выпрямился и закрыл книгу. — Можешь там сесть.

Я присел на свободное место и поставил рюкзак между ног.

— Как ты? — спросил я, с тёплой безобидной улыбкой.

— Я в порядке, — он крепче сжал роман, который читал, прежде чем решил засунуть его обратно в свою сумку и поменять на блокнот и учебник. — К-как ты?

— Всё хорошо. Долгий день на работе.

Его дискомфорт был заразительным, и вместо того, чтобы поговорить о вечере пятницы — обсуждать который у нас действительно не было времени — мы сидели в тишине, пока не пришёл Ричард и не началась лекция.

Как и раньше, как только начался урок, Орин заметно расслабился, и его напряжение улетучилось. Во второй раз я отвлёкся и обращал больше внимания на Орина, чем на лекцию. Когда занятие закончилось, мы собрали свои сумки, и Орин поднялся, чтобы уйти, не проронив ни слова.

— Можно тебя подвезти? — спросил я, прежде чем он смог умчаться.

Он поправил ремень сумки на своём плече и сморщился, будто был удивлён моим предложением.

— Эмм... конечно. Спасибо.

Облегчённо выдохнув, я подхватил свой рюкзак и пошёл вперёд. Орин всегда чувствовал себя неловко рядом со мной, но когда я завёл машину, он будто занервничал больше, чем в предыдущих случаях, всех вместе взятых.

— Ты в порядке?

Он кивнул и продолжил смотреть в окно, избегая меня. Когда мы подъехали к его дому, я остановился на подъездной дорожке и заглушил двигатель, что привлекло его внимание.

— Мы можем поговорить?

Он поднял сумку с пола и положил руку на дверную ручку, будто был готов сбежать.

— Это насчёт п-пятницы?

— Вроде того.

Он облизнул губы и опустил взгляд на свои колени.

— Конечно. Т-ты хочешь зайти?

— Или мы можем посидеть на улице. Вечер хороший, — я думал, что так может быть лучше, если он не будет чувствовать, будто я вторгаюсь.

Он кивнул, и мы оба вышли. Перед его входной дверью было крыльцо, и я сел на него и поднял взгляд на небо. Медленно появлялись звёзды. Вечер был приятный. Воздух всё ещё был тёплым для сентября, и я вдохнул целые лёгкие, медленно выдыхая, пока Орин садился рядом со мной. Он молчал, так что я подумал, что если не начну говорить, мы проведём в тишине всю ночь. У меня было много дней, чтобы подумать, о чём я хочу поговорить, но я всё равно не был уверен, с чего начать.

— Я познакомился с Коэном.

Уголок его губ приподнялся в робкой улыбке.

— Правда?

— Он очень весёлый. Его не интересовал вечер кино, но мы сходили в бар и хорошо провели вечер.

Орин вздрогнул и посмотрел прямо на меня, недоверчиво раскрыв рот.

— Вы... вы ходили в бар? Ты о-остался?

— Ты не знал?

Он покачал головой.

— У меня н-не остаётся воспоминаний, когда выходят альтеры. Это время просто теряется. Это р-раздражает, потому что я не ощущаю, где я, сколько времени, или что я делал. Вы с Коэном ходили в бар?

Я улыбнулся от его шока.

— Ага. Он потащил мою старую задницу в «Маджестикс». Вот тебе и «не в своей тарелке».

Орин хохотнул и почесал загривок.

— Э-это отчасти забавно.

— О да, чертовски забавно. В той толпе ты почувствовал бы себя старым, а я старше тебя больше чем на полдюжины лет.

Радость в глазах Орина было приятно видеть.

— Да, но Коэну...

— Девятнадцать.

— И он любит людей.

Орин бросил взгляд на дорогу, а затем поднял на потемневшее небо.

— Ты не говорил мне, что Коэн гей.

Орин зажал губу между зубами, и последовала значительная пауза, прежде чем он ответил.

— Мы оба.

«Оба?»

От его заявления моё сердце невольно подскочило, и я потерял весь интерес к окружающему и наблюдал за лицом Орина. Он отказывался смотреть на меня, но даже в темноте, кажется, я увидел намёк на румянец на его щеках.

— Он... он б-был... он г-говорил...

— Он был довольно кокетливым.

Орин кивнул, не удивившись.

— Он такой.

Чувствуя его нарастающий дискомфорт, я перешёл к другим вопросам. Которые хотел задать, особенно после пятницы.

— Ты мог бы рассказать мне немного больше о своих альтерах? Знаешь, на всякий случай, если я случайно столкнусь с ними, как в пятницу. Чтобы я знал, чего ожидать.

Он медленно повернул голову, чтобы посмотреть на меня, будто не совсем понял вопрос.

— Почему ты просто н-не уехал домой в пятницу? Почему ты пошёл в бар, хотя от этого тебе б-было неудобно?

— Эм... — я думал минуту, раздумывая, сказать ли ему правду о том, что чуть не вылетел за дверь. Когда Орин куда-то исчез, и появился Коэн, мне понадобилось время, чтобы привыкнуть, но я был рад, что остался. — Потому что мы планировали провести

вечер вместе, и я знаю о твоём расстройстве и принимаю это как часть тебя. Так что когда появился Коэн, я просто смирился с этим.

— Б-большинство людей не делали бы этого.

— Я не большинство людей.

Нежные черты лица Орина освещали только уличные фонари и лунный свет, и я не мог отвести глаз. Это был редкий момент, когда он удержал мой взгляд, и меня захватила уязвимость в его взгляде. В его взглядах было что-то, мягкость или нежность, что согревало меня изнутри. Мысль о том, что кто-то относится к нему несправедливо, тревожила и злила меня. Он не просил такой сложной жизни. Судя по всему, что я узнал, он был жертвой, и каких-то немыслимых преступлений, о которых я даже не мог подумать.

Нарушив момент, Орин посмотрел обратно на звёздное небо. Пока он говорил, я заметил, что его заикание исчезло, и воспринял это как признак его комфорта.

— Раз ты познакомился с Коэном лично, полагаю, его не нужно особо объяснять.

Я хохотнул, вспоминая энергичного парня, с которым общался в пятницу.

— Не нужно.

— Рид может быть сложным. Он упрямый и устрашающий. М-мой терапевт описывает его как моего защитника, чего я мог никогда раньше не понимать. Он натурал. Никому не доверяет.

— Думаю, я немного распробовал Рида. До того, как ты вообще рассказал мне обо всём этом.

Орин повернул голову.

— Правда?

— Первый раз, когда мы должны были пойти выпить кофе после первого занятия.

— Ох, верно. Я забыл об этом, — он сделал паузу и потёр лоб. — Эмм... Рейн... — он задумался.

— Ему пять, да? — этот альтер застрял в моей памяти, потому что его возраст меня шокировал.

Орин кивнул.

— Да. Доктор Дельмар объяснял, что у большинства людей с ДРЛ есть много детских личностей, и это зачастую из-за украденного детства, которого у нас никогда толком не было.

— Я читал об этом.

Глаза Орина расширились.

— Ты читал о нас?

— Немного. Я надеялся лучше понять. Это ничего?

Он качнул головой, удивление с его лица не исчезало.

— Эмм... Во всяком случае, у меня есть только Рейн. Он любит животных, рисование, лего, играть на улице, в основном как и любой нормальный пятилетка. Он шумный и болтливый. Одержим Бэтменом, — Орин улыбнулся и поднял пальцы к виску. — Иногда я слышу, как он говорит почти без остановки.

Он упоминал раньше, что слышит Рейна в голове, и я задумался, слышит ли он так всех своих альтеров или только его.

— Он часто выходит? — от мысли о присутствии Рейна мне было наиболее некомфортно, потому что хоть я мог визуализировать, как из Орина получаются такие

личности, как Коэн или Рид, я не мог представить, как в его теле может быть ребёнок, или как это может выглядеть.

— Да, достаточно.

Я изо всех сил старался не показывать свою тревогу из-за его ответа и одарил его тёплой улыбкой.

Коэн, Рид и Рейн. Оставалось ещё двое, если я правильно помнил, только Орин замолчал.

— Разве ты не говорил, что альтеров пятеро?

Орин пожал плечами и обвил руками своё тело, обнимая сам себя.

— Тео не отзывается так же. Он со мной дольше всего и вроде как занимает место в моём распланированном дне. Он спокойный. Особо нечего сказать. Он кропотливый. Честный. Организованный. Наверное, ты его не встретишь, — он пожал плечами.

И снова тишина.

— И последний, — мягко подтолкнул я.

Орин неосознанно потёр руки и заёрзал. Это действие привлекло моё внимание и сразу же напомнило мне о шрамах, скрытых под его майкой. Мой желудок перевернулся, когда я понял, что только что мог неосознанно спросить о человеке, ответственном за эти шрамы.

«Не беспокойся об этом. Это помогает избавиться от гадостей». Так сказал мне Коэн.

— Я-я не особо х-хочу говорить про Коува, — заикаясь, произнёс Орин.

Не желая напугать его, я осторожно и медленно потянулся и взял его за руку. Его глаза расширились, и он снова встретился со мной взглядом.

Он не вырвал свою руку, но абсолютно замер, будто застыл от ужаса. Такая реакция разорвала дыру в моём сердце. В его взгляде виделись недоверие и страх, и всё ещё он даже не мог найти смелости отстраниться от меня.

Я не поднял его рукав, как намеревался. Не пришлось. Развернув его руку запястьем вверх, я коснулся внутренней стороны его руки через майку, чувствуя вздутые следы, которые недавно видел. Всё это время, не отрывая взгляд от его глаз, я старался внушить столько надежды, сколько мог.

— Это он сделал?

Челюсть Орина сжалась так крепко, что он завибрировал от давления. Затем он кивнул, и его взгляд поплыл.

— О-о-он г-г-говорит...

— Это помогает избавиться от гадостей?

Я не думал, что глаза Орина могли расшириться ещё больше, но это произошло.

— Откуда т-ты знаешь? — прошептал он.

— Мне сказал Коэн.

Орин кивнул.

— Иногда о-он тоже делает мне больно, но не так, как Коув. М-мой терапевт говорит, что мне нужно принять Коува как часть нашего о-организма. О-он говорит, если я буду продолжать пытаться его блокировать, он будет продолжать вызывать проблемы.

— Что за гадости, Орин?

Он высвободил свою руку и потёр лицо обеими ладонями, прижимая пальцы к глазам. Когда он посмотрел на меня снова, его глаза потемнели, а лоб нахмурился. Мягкие

линии его лица, которые я видел мгновение назад, приобрели твёрдые углы. На его лбу больше не отражалось беспокойство, в глазах не было никаких слёз, и он сразу же сел прямее. Его недавно обеспокоенное выражение лица стало резким.

Я отодвинулся на несколько дюймов, моё сердце подскочило, когда я понял, что Орин снова ушёл.

«Чёрт, это происходит быстро!»

— Думаю, тебе пора идти, — этот голос я слышал раньше; возле колледжа в первый день занятия.

Орин — не Орин, Рид — поднялся с крыльца, закинул сумку на плечо и опустил взгляд на меня, пока я сидел ошеломлённый и не двигался. Он скрестил руки на груди и стал намного выше, чем Орин.

Тоже подскочив, я попытался найти слова, говоря себе плыть по течению и хорошо представиться.

— Должно быть, ты Рид, — я тоже описал бы его именно устрашающим. Удивительно, хоть он и занимал то же тело, что и Орин, каким-то образом он так сильно отличался, во всех смыслах, как и Козн. Он был практически больше. Шире в плечах, хоть это было физически невозможно, впечатление было таким. — Приятно с тобой познакомиться.

Я предложил руку для рукопожатия, но он её не принял. Его твёрдый взгляд не отрывался от моего лица. Когда он сделал шаг вперёд, вторгаясь в моё личное пространство, я попятился и выпрямился, соответствуя ему по росту.

— По какой-то причине, должно быть, у тебя сложилось впечатление, что тебе здесь рады, но ты ошибаешься. Если хочешь работать над своим маленьким школьным проектом, ладно. Но на этом всё. Давай кое-что проясним. Ты мне не нравишься, и я не хочу видеть тебя рядом. Мы не друзья. Понятно?

Я открыл рот, чтобы заговорить, но тут же его закрыл, понятия не имея, что сказать. Попытавшись снова, я не получил результата и просто раскрывал рот как рыба.

Он поднял подбородок и посмотрел на меня сверху вниз напряжёнными тёмными глазами.

— Я просто пытаюсь быть другом, — выдавил я, найдя свой голос.

— Я знаю, что ты пытаешься делать, так что не неси чушь, — он отошёл в сторону и указал подбородком на мою машину. — Иди.

Я поправил свои очки, но не сдвинулся с места.

— Прости, если я расстроил тебя или Ори... — я остановил сам себя, не уверенный, умно ли упоминать Орина. — Я не плохой человек.

— Это я буду судить.

Когда он продолжил сверлить меня взглядом, я подчинился и пошёл к своей машине. Даже когда я завёл двигатель, Рид не сдвинулся с крыльца. Он наблюдал за мной, пока я выезжал с подъездной дорожки, и оставался там же, когда я поехал вперёд по улице.

Как только оказался дома, я позволил потоку замешательства и мыслей нахлынуть на меня полностью. Куда исчез Орин? Это я заставил его отступить? У меня было тревожное ощущение, что Риду я действительно не нравлюсь, хотя я понятия не имел, почему или что я сделал, чтобы вызвать в нём такие чувства.

Я час сидел в своей машине, проигрывая в голове сценарий и учитывая всё: что обсуждали мы с Эваном, что я прочитал в интернете и, в конечном счёте, какие эмоции я испытываю к Орину.

Всё его состояние озадачивало меня, и всё же, чем больше я видел, тем больше моё сердце тянулось к нему. Сколько сотен людей не уделили бы ему и дня, дразнили бы его или доставали из-за чего-то, что он не мог контролировать? Я видел это в первый день занятий, и от воспоминания меня затошнило. Несправедливость, с которой он сталкивался каждый день, поражала меня в самое нутро, и я не хотел быть просто очередным из этих людей.

Даже если дружба с Орином была не рядовым случаем и шла с избытком кочек на дороге, мне хотелось научиться объезжать их любым доступным способом. Бедный парень заслуживал друга.

Глава 6

Рискнув, я написал Орину в четверг днём, чтобы узнать, хочет ли он поработать над нашим проектом перед лекцией в пятницу. Я не знал, чего ожидать. Я провёл весь день на работе, искал статьи и смотрел в Ютубе видео про ДРЛ. Чем больше я мог впитать, тем лучше. Так как расстройство совершенно индивидуально для каждого человека, мне было сложно понять, что относится к Орину, а что нет, но я пытался.

Сосредоточившись на самообразовании насчёт переключений и альтеров, я узнал — в широком плане — что хозяин может осознавать, а может и не осознавать, когда альтеры выходят вперёд. Орин, по его же собственным словам, не осознавал и в итоге упускал большие куски времени. Переключения могли быть согласованными, вынужденными или спровоцированными. Основываясь на том, как мгновенно я познакомился с Ридом, я полагал, что Орина могли спровоцировать на переключение. Зная то, что мы обсуждали, и понимая, что терапевт Орина описывал Рида как защитного альтера, я полагал, что ненамеренно вызвал переключение, и чувствовал себя ужасно.

Альтеры были созданы для того, чтобы защищать хозяина от какой-либо травмы, которую тот пережил. Нырнув глубже и прямо спросив о *гадостях*, я пересёк линию комфорта Орина и должен был всё понять. Если то, что я прочитал, было точно, Рид просто выполнял свою работу и защищал Орина от прошлого, о котором тот ничего не знал.

Не уверенный, как долго будет присутствовать Рид, или ушёл ли он сразу после того, как я уехал в среду, я не мог быть уверен, что получу ответ на своё сообщение. В половину десятого мой телефон завибрировал на кофейном столике, пока я смотрел комедийный сериал. Я сел и взял телефон.

«Было бы отлично. Но мы можем заняться этим после лекции?»

Меня наполнило облегчение, когда я подтвердил наше учебное свидание. С настойчивым желанием Рида держать меня подальше, я не был уверен, что будет. По крайней мере, Коэн подружился со мной без проблем — может, даже немного слишком.

Пока я сидел на парковке колледжа перед учёбой в пятницу, зазвонил мой телефон. Это был Эван.

— У тебя есть около десяти секунд. Я как раз иду на занятие.

— Это всё, что мне нужно. Я купил пиво. Приезжай после занятий, и мы можем потусоваться. Я подумал, что можно сегодня сходить и в бильярд, да?

Я заглушил двигатель и пошёл к входной двери.

— Не могу. У меня учебное свидание с Орином.

На другом конце раздался стон, и я хохотнул.

— Я когда-нибудь говорил, что ненавижу твоё решение вернуться на учёбу? Меня променяли на милых студентиков. Я знал, что это произойдёт. Я ненавижу это.

— Бедняжка. Подбери сопли. Я приеду в воскресенье. Можем поиграть в несколько игр, если ты всё ещё будешь в настроении.

— Да, да. Так как дела с Орином?

— Эмм, ну, я не знаю. Вчера я познакомился с ещё одним альтером, и не казалось, что я ему особо нравлюсь, так что, посмотрим сегодня.

— Тебя все любят. Что с ним не так?

Высказывать свои подозрения о том, что я мог невольно спровоцировать его, было несправедливо по отношению к Орину.

— Эван, мне пора. Я заеду в воскресенье.

Мы попрощались, и я повесил трубку.

Я опоздал на несколько минут, и Ричард уже начал занятие. Я опустился на стул рядом с Орином, и мы обменялись улыбками, прежде чем я стал слушать то, чему нас учили. Сегодняшней темой была эффективность цвета в рекламе. Как использовать их, и на какие сочетания лучше реагируют покупатели. Я делал пометки и читал параграфы текста, когда их называли.

К восьми Ричард отпустил нас на десятиминутный перерыв, и многие студенты вышли из кабинета. Орин развернулся на стуле и застенчиво улыбнулся, играя со своей ручкой, рисуя в углу своего блокнота.

— П-прости за средю.

Я отмахнулся и попытался скрыть свою нервозность, удобнее усаживаясь на стуле.

— Это не твоя вина.

«Думаю, виноват только я». Он знал, что произошло? Осознавал, что Рид вышел вперед?

— Мы пробовали одну новую штуку, которую предложил мой доктор, где нужно писать в дневнике, чтобы лучше общаться друг с другом. Было сложно добиться от всех согласия, но Рид сказал мне, что прогнал тебя. Кажется, ему неуютно, когда ты рядом со мной, хотя я не уверен, почему. Так что, — Орин заёрзал, положил свою ручку и мгновение жевал губу, прежде чем продолжить. — Просто знай, что это не я тебя прогнал, и мне жаль. Они все делают всё по-своему.

— Всё нормально. Правда, — я поправил очки на носу и пожал плечами. — Я не буду врать, Рид отчасти меня удивил, и я не был уверен, что сделал, чтобы его расстроить, но ничего страшного.

Я нашёл самую тёплую, самую искреннюю улыбку, которой мог показать ему, что говорю серьёзно. Это сработало, и он облегчённо выдохнул.

— И мы всё ещё можем сегодня поработать вместе?

— Я надеюсь на это.

Он мгновение смотрел на меня, уникальный цвет его радужек ловил свет и блестел радостью, которой я не видел раньше. К моему удовольствию, намёк на нервозность покинул всё его тело, и вернулась робкая улыбка, которую я видел всего пару раз.

— Ты очень хороший человек. Спасибо.

Всё в нём отзывалось во мне неожиданным образом. В этот момент не имели никакого значения препятствия, с которыми мы сталкивались. Возможно, я мог дать Орину что-то, что не давали другие; дружбу.

Ричард вернулся и привлёк внимание класса обратно к лекции, разрушая краткое спокойствие, которое поселилось в мире Орина. Когда он отодвинулся к спинке своего стула, его плечи снова напряглись — хоть он был в своей стихии обучения. Я задумался, вся ли его жизнь приносит стресс, и были ли у него когда-нибудь передышки от этих ощущений.

Когда лекция закончилась, мы выскользнули из кабинета первыми, обгоняя толпу, и побежали вниз по лестнице на первый этаж и к входной двери. Орин смеялся, пытаясь угнаться за мной, и музыкальный тон его голоса был таким необычным для человека, которого я узнал, что я внезапно развернулся, не уверенный, бежит ли за мной Орин или кто-то другой.

Когда он спрыгнул с последней ступеньки и встретился со мной взглядом, на его лице появилась улыбка, и щёки порозовели то ли от смущения, то ли от бега, и я понял, что это по-прежнему он.

— Почему мы бежим? — спросил он, выходя за мной за дверь.

— Не знаю. Просто избегаем толпы.

Я замедлился и поправил очки. Орин шел рядом со мной, ближе, чем я ожидал, и наши руки один раз соприкоснулись, прежде чем он увеличил дистанцию.

Когда мы приехали к нему домой, Орин нашёл нам несколько банок колы, пока я искал записи с нашего предыдущего занятия.

— Когда мы закончим, хочешь остаться посмотреть фильм? Эмм... раз мы вроде как пропустили прошлый раз, — быстро добавил он, опуская взгляд на свои руки.

Приглашение было милым, и, судя по манерам Орина, ему сложно было это сказать.

— Я бы с удовольствием.

С Орином было легко работать. Мы смешивали наши идеи без споров, и его проницательность была уникальной и хорошо продуманной. Не в первый раз я был поражён его умом.

— Ты ходил в школу в этом районе? — спросил я через час нашей работы.

Орин поднял на меня взгляд от бумаги, на которой делал наши пометки. Он покачал головой и снова опустил глаза.

— Я учился на дому.

Он не углублялся и быстро вернул разговор обратно к нашему проекту. Я не стал давить.

— Итак, — предложил я какое-то время спустя, — как насчёт того, чтобы нарисовать макет рекламного щита, или хотя бы набросать несколько вариантов, — я хохотнул. — Как раз увидим, насколько я запомнил эту цветовую лекцию.

Орин улыбнулся и тут же нашёл свои записи с сегодняшнего дня.

— У нас есть ориентир, — сказал он, кладя блокнот в центре стола. — Эмм... у меня есть ф-фломастеры. Давай я их найду, — Орин подскочил и исчез в коридоре. — На

книжной полке у окна есть несколько альбомов для рисования. Где-то к низу. Можешь их взять? — крикнул он.

Найдя взглядом правильную полку, я встал и нашёл нужные альбомы. Они лежали на нижней полке, дюжина или больше альбомов. Присев на корточки, я взял один с верха кучи и открыл, чтобы посмотреть, есть ли в нём пустые листы для нашей работы. Он был заполнен детскими на вид рисунками на каждой странице. Я ахнул, в восхищении листая их, прежде чем взять с полки второй альбом и проверить и его. Он тоже был заполнен.

Большинство картинок были разноцветными и заполняли каждый квадратный дюйм свободного места, в то время как другие были зачёрканы чёрным фломастером и оставлены наполовину готовыми, от них явно отказались, посчитав не достаточно хорошими.

Я остановился на одной из зачёркнутых страниц. Изображение было нарисовано чёрным фломастером и имело очертания машины. Были добавлены спойлеры и крылья, которые я не совсем мог разобрать, но эмблема впереди была очевидной.

— Это Бэтмобиль. Только я не могу его нарисовать, слишком сложно.

Услышав высокий голос и специфические сложности в произношении у человека, который стоял за мной, я притормозил. Когда я повернулся лицом уже к Рейну, от волны нервозности волосы на моих руках встали дыбом.

Не было времени что-то обдумать, как только он встретился со мной взглядом, на его лице появилась широкая улыбка. Он держал в одной руке пенал и подскакивал на месте.

— Я могу показать тебе Бэтмена. Он мой любимый. Тебе нравится Бэтмен?

Он упал на колени рядом со мной и забрал у меня альбом, пока я оставался замершим от шока. Листая страницы, он надул щёки и выпустил воздух маленькими порциями, делая пукающие звуки.

— Не этот, — он засунул альбом обратно на полку и покопался в стопке, пока не нашёл другой. — Бэтмен мой любимый.

— Б-Бэтмен довольно крут, — выдавил я, с трепетом наблюдая за ним, пока он просматривал следующий альбом.

Найдя то, что искал, он положил альбом мне на колени и улыбнулся.

— Вот он.

Глядя на изменившегося мужчину рядом со мной, я заметил все невероятные различия, которые произошли в мгновение ока. Его лицо светилось невинностью. Гордость за то, что он хотел мне показать, объединялась с чувством свободы и радости, которую каждый взрослый человек оставлял позади, когда вырастал. Вечное беспокойство Орина, твёрдое напряжение Рида и самоуверенность Коэна — всего этого не было совсем. Рейн был сам по себе. Ребёнок во всех смыслах, за исключением фигуры.

— Ты Рейн, — прошептал я, едва найдя свой голос.

Он хихикнул и сморщил нос.

— Это моё имя. А ты Вон-д, — сказал он, добавив отдельно в конце «д».

— Ты меня знаешь?

Он кивнул, его голова от этого излишне дёргалась, махая волосами.

— Ты умеешь рисовать Бэтмена? Я могу тебе показать.

Назвать ситуацию странной было бы преуменьшением, но я готовился к мысли о знакомстве с Рейном и пытался смотреть сквозь тело взрослого мужчины передо мной на ребёнка, которым он явно был.

— Признаюсь, я не очень хорошо рисую.

— Это очень легко. Идём, — он взял альбом, зажал его под рукой, затем взял меня за руку и потянул в коридор.

— Куда мы идём? — спросил я. Орин никогда не приглашал меня дальше гостиной, и слабое ощущение незаконного проникновения в его личное пространство меня беспокоило.

— Мы можем рисовать только в Бэтпещере. Такие правила.

«Бэтпещера?»

Он завёл нас в тёмную комнату, прежде чем щёлкнул переключатель на стене. Это была детская комната, полностью посвящённая тому, кто, должно быть, был его любимым супергероем. Постельное бельё с Бэтменом, плюшевые игрушки, полка с фигурками и другими игрушками лего и рисунки на стенах, которые нарисовал он.

— Это твоя комната?

— И Бэтпещера, — он прыгнул передо мной и плюхнулся на пол, открывая перед собой альбом и находя фломастер. Ноги он сложил буквой «w», поджав под себя — как мог сидеть только ребёнок — усевшись задом на ковёр. От одного взгляда на эту неловкую позу у меня заболели бёдра, и я задумался, чувствовал ли Орин когда-нибудь остаточные спазмы или боль от поведения Рейна.

Рейн ни за что не мог делить эту комнату с Орином — или с другими альтерами, раз на то пошло. Она была слишком детской, чтобы взрослому человеку было комфортно в ней жить. Но я не собирался делать выводы, имея ограниченные знания, которые собрал о состоянии Орина.

— Это... Ты живёшь здесь с кем-то, или комната вся твоя?

Он фыркнул.

— Ты болван. Это всё моё. Идём, я тебе покажу.

«И теперь я болван».

Хохотнув, я нашёл место рядом с ним и скрестил ноги, складывая руки на коленях.

— Ладно, покажи мне, что ты умеешь.

Высунув язык, Рейн склонился над альбомом и начал рисовать. Это было не обучение, как я ожидал, просто маленький мальчик рисовал рисунок, но это было захватывающе. Через несколько минут его работы до меня дошло, что он рисовал левой рукой. Орин был правой. Такое вообще было возможно?

— Ты можешь использовать обе руки, когда рисуешь? — спросил я, заинтригованный тем, что заметил.

Он покачал головой и посмотрел на меня с усмешкой.

— Другая так не работает. Видишь.

Он взял фломастер в другую руку, и сразу же стало ясно, что он говорит правду, когда он даже не смог найти удобное положение.

Перехватив фломастер обратно, он продолжил рисовать. Я молча сидел и наблюдал. Его навыки соответствовали пятилетнему возрасту, и даже когда он добавил на рисунке своё имя, буквы были печатными и пропорционально неправильными. Когда рисунок был

почти готов, Рейн остановился, глядя на свою работу. Когда он не двигался почти минуту, я забеспокоился.

— Всё в порядке, приятель?

Он потёр глаза, прежде чем поднял взгляд на меня. Прищурившись и ещё раз зажмурившись, он оглядел комнату, у него на лбу от переживания появились морщинки. Когда его взгляд вернулся обратно ко мне, я заметил, что беззаботное выражение сменилось тревогой. Я сразу понял, что Рейн ушёл.

— Привет.

Лицо Орина исказило замешательство, и он прижал ладонь к виску, втягивая воздух с шипением, будто от боли.

— Я-я... — он похлопал по карманам своих джинсов, но не нашёл то, что искал. — Который час?

Мой телефон лежал в гостиной, так что я пожал плечами.

— Наверное, около одиннадцати.

— Я... — он опустил взгляд на открытый альбом и поднял обратно, собрав воедино кусочки. — Я потерял счёт времени.

— Рейн показывал мне, как рисовать Бэтмена. Он вышел всего минут на пятнадцать или около того.

Щёки Орина порозовели, когда он взял фломастер в правую руку и сел по-другому, как я, скрестив ноги.

— Он любит Бэтмена.

— Я заметил, — я указал на украшенные стены комнаты, и Орин хохотнул.

— Что... Прости, что мы делали? Всё смутно, — он снова прижал ладонь к виску, и на его лице отразилась боль.

— Мы собирались нарисовать макет рекламного щита. Ты в порядке?

— Да, просто голова болит. Такое часто происходит при переключениях.

— Мы не обязаны сегодня продолжать работать. Уже поздно, и мы уже хорошо позанимались. Особенно, если ты не очень хорошо себя чувствуешь.

Он кивнул, закрыл альбом и встал, оглядев комнату, прежде чем пойти к двери. Я пошёл следом, и когда мы вышли, он выключил свет и закрыл дверь.

— Это комната конкретно Рейна. Я ей не пользуюсь.

— Он объяснил.

Орин провёл пальцами по своим волосам и робко улыбнулся.

— Ну конечно. Он одержим своей комнатой.

Снова оказавшись в гостиной, я собрал свои учебники, пока Орин стоял рядом.

— Ты... ты ещё хочешь посмотреть кино? Или... ничего страшного, если тебе пора идти.

— Конечно, если ты готов, — я поставил рюкзак в сторону и сел обратно на диван. — Сегодня пятница, у меня нет никаких планов.

Орин заметно расслабился и опустился на другой конец дивана, направляя пульт на телевизор и включая его. Пока он отвлёкся на поиск фильма, я смотрел на него. Я всё больше восхищался тем, кто он есть. Любой наблюдающий мог видеть только замкнутого мужчину, но проведите с ним время, и вы узнаете, какая уникальная у него жизнь. Зная общество, мне было ненавистно думать, каково чувствовать себя таким отличающимся.

От простой идеи вместе посмотреть фильм его лицо светилось. Что это означало для его жизни в целом?

Выбрав «Дедпула», фильм, который мы оба видели сотню раз, но оба любили, мы вместе расслабились и позволили неожиданному повороту нашего вечера стать не более, чем воспоминанием. Чем больше времени я проводил с Орином, тем больше мог его читать. Для него было редкостью, чтобы его тело не держали в плену напряжение или беспокойство, так что когда просвечивались моменты настоящего покоя, я замечал их.

Было уже поздно, когда фильм закончился, и я едва смог поднять зад с дивана. Когда я застонал, закидывая рюкзак на плечо, Орин рассмеялся.

— Что? — я рассмеялся вместе с ним. — Старость не радость. Только подожди.

Он подошёл со мной к машине, и я закинул рюкзак на заднее сидение, к остальному хламу, который не трудился разобрать.

— Спасибо за компанию, — он немного покрутил руки, прежде чем решил засунуть их в карманы. Он нерешительно встретился со мной взглядом, и я получил в награду робкую улыбку, которую начал обожать.

— Я хорошо провёл время.

Наши взгляды на мгновение встретились, пока Орин не отвёл взгляд, оглядываясь вокруг с явным дискомфортом. Моё тело согревалось теплом, пока я смотрел на его профиль; молочная бледная кожа контрастировала с темнотой позади него. Аккуратный изгиб его челюсти и лёгкий выступ его пухлой нижней губы идеально гармонировали с мягкой, нежной стороной Орина.

Я потянулся и положил руку на его предплечье, привлекая его внимание. Это движение основывалось на чистом инстинкте и желании контакта с кем-то, к кому у меня появлялись чувства на промежуточном уровне. Я никак не ожидал, что это вызовет негативную реакцию. Всё его тело замерло, и его глаза расширились с откровенным страхом, когда он резко повернул голову, чтобы снова на меня посмотреть.

Отступив почти так же быстро, я поднял руки вверх, чтобы успокоить его и показать, что не хочу причинить вреда.

— Прости. Я не должен был...

— Всё в порядке, — он пытался восстановить дыхание, которое сразу же сбилось с ритма под натиском страха. — Ты подумаешь, что я совсем сумасшедший. Я просто... — он покачал головой и опустил взгляд на землю. — Я не уверен, что хочу объяснять.

— Ты не обязан. И я не считаю тебя сумасшедшим. Не могу представить себя на твоём месте. Если я делаю что-то, что тебя пугает, или говорю что-то не то, просто знай, что я не специально. Я никогда не хотел бы тебя расстраивать. Я просто хочу быть другом.

Понадобилось время, но он медленно снова встретился со мной взглядом и сжал губы, пока вёл внутреннюю борьбу, которую я мог не понять. Это виднелось в его глазах, и моё сердце потянулось к нему. Нутром мне хотелось только стереть всю эту боль и неуверенность.

— Спасибо, — прошептал он, в конце концов.

Я заёрзал и поправил свои очки.

— Можешь звонить или писать мне в любое время. Будет приятно провести время вместе. Если захочешь.

Моё предложение вызвало удивление, и он кивнул.

— Береги себя.

Глава 7

После нашего совместного вечера в пятницу, я принял решение каждую неделю посвящать время развитию своей дружбы с Орином. Если я никогда не продвинулся в своём приятельском влечении, ничего страшного. Отчасти я не был совсем уверен, что Орин заинтересован или способен каким-то образом иметь отношения.

— Такое чувство, что меня бросили, — сказал Эван, прицеливаясь для своего следующего удара. — Я думал, ты говорил, что мы вместе навсегда, Вон, — он драматично всхлипнул, но не смог удержать выражение боли и рассмеялся.

— Мне тебя даже не жалко. Каждый чёртов раз, когда ты находишь девушку, страдаю я.

— Это не моя вина. Женщины намного более требовательные. Они занимают всё моё время, — он вздохнул, когда его шар отрикошетил от бортика стола, пролетая в миллиметре от лунки. — Ты прав. Надо было переходить на члены. Ты и в половину не такой раздражающий, как все девушки, с которыми я встречался, вместе взятые.

— Слишком поздно. У тебя был шанс. Нужно было принимать моё предложение в десятом классе, — изучив расположение шаров, я наклонился, чтобы посмотреть потенциальные удары. — Десятка, угловая луза, — я поднялся и растянулся поперёк стола, находя нужный угол.

— Так ты теперь с ним встречаешься? Поэтому ты бросаешь меня, чтобы провести больше времени с ним?

— Нет, я просто думаю, что ему нужен друг, который хочет его понять.

— И это не имеет никакого отношения к тому, как твоё маленькое старое сердце колотится в груди каждый раз, когда ты с ним?

С идеальным количеством силы я ударил по белому шару под точным углом, который требовался, чтобы загнать мой десятый шар в лузу.

— Ты закончил?

— Признайся, Вон, тебя привлекает мульти-мэн. С того дня, как ты с ним познакомился.

— Не называй его так, — нацелившись на следующий удар, я обошёл стол. — Привлекает, но у него есть некоторые серьёзные барьеры, и я не уверен, что с этой ситуацией можно разобраться. Я не буду давить на него, меня устраивает дружба.

Эван взял с края стола кубик меда и нанёс его на кончик своего кия.

— Есть одна мысль; расскажи ему. Узнай, что он думает. В худшем случае, он скажет тебе, что не может или не хочет в это ввязываться.

— Может быть.

Я не был уверен, что всё так просто.

В следующую среду Орин был как обычно тихим, слушал лекцию и вступал в разговор только тогда, когда я начинал его сам. Когда занятие закончилось, мне удалось отвести его в сторону, пока все выходили из кабинета.

— У тебя есть планы на субботу? — спросил я, пока он наблюдал за несколькими оставшимися студентами.

— Нет. Ты хочешь п-поработать над нашим проектом?

— Нет, я просто подумал, может, ты захочешь чем-нибудь заняться. Провести время вместе, знаешь?

Его взгляд скользил по моему лицу, на его чертах отразились замешательство и удивление. Сочетание, которое было знакомой реакцией для Орина, и я улыбнулся. Я надеялся, что когда-нибудь ему станет комфортнее рядом со мной.

— Как д-друзья?

Я хохотнул от растерянности его вопроса.

— Да, как друзья. Не уверен, чем тебе нравится заниматься, но мы можем это выяснить.

Он опустил взгляд на свои ноги, топчась на месте.

— Я не ч-часто куда-то выхожу.

— Я так и думал, но если ты не против этого, я искал, что проходит неподалёку на этих выходных, и в парке Грандвью проходит фестиваль искусств, на который мы могли бы сходить. Там должны быть разнообразные местные художники и много потрясающих выставок. Что ты думаешь?

Даже пока я говорил, его глаза загорелись. Он забыл о своём волнении и заинтересованно наклонил голову.

— Я слышал об этом. Это ежегодный фестиваль, да?

— Думаю, да. Мама моего друга, Эвана, каждый год ходит и покупает глиняные изделия у женщины, которые делает всякие искусные вещи. Я подумал, что это звучит интересно.

Он кивнул, соглашаясь. Закусив нижнюю губу, он на мгновение опустил взгляд.

— М-мне нравится. Я хотел бы пойти.

На меня накатила волна облегчения. Нам с Эваном никогда не нужна была причина, чтобы провести время вместе. У нас за спиной было двадцать лет бездумной дружбы, мы знали друг друга вдоль и поперёк. Мы могли лежать дома и ничего не делать, уставившись в телевизор или глядя игру. Я переживал, что Орину понадобится причина побольше, так что несколько дней пытался найти что-нибудь, что ему может понравиться. Фестиваль искусств был идеей Эвана.

— Отлично. Фестиваль длится весь день, так что мы можем поехать в любое время, когда захотим. Во сколько ты обычно встаёшь по утрам?

Орин пожал плечами.

— Рано. Я плохо сплю.

— Что, если я приеду около десяти? Я привезу кофе, и мы сможем поехать.

Назначив планы, мы попрощались.

В субботу утром я проснулся на рассвете. Пока я принимал душ и готовился к дню с Орином, мои мысли от меня ускользнули.

Что, если пока мы будем гулять, внезапно выйдет Рид? Казалось, этот человек видел во мне угрозу. По меньшей мере, я ему определённо не нравился. Или Рейн? Это был

фестиваль искусств, а ребёнок внутри Орина, казалось, интересовался такими вещами. Я прочитал больше о триггерах и о том, как определённые события могут вызвать вперёд альтера. Триггеры могли быть негативными *или* позитивными. Что, если фестиваль искусств побудит Рейна выйти? Что тогда? Я проведу день с ребёнком? Как люди вокруг отнесутся к такой ситуации? Сколько бы я ни читал о состоянии Орина, большинство времени я всё равно оставался в неведении. Рядом с ним всё было непредсказуемо.

Подобралась осень, но температура была достаточно тёплой, чтобы мне не понадобилась куртка. Я уложил свои лохматые тёмные волосы с помощью мусса и причёсал их пальцами, после чего решил надеть вместо очков линзы. Вставив их, я посмотрел на своё отражение, почёсывая щетину на своём подбородке и решая, нужно ли бриться.

Пас.

Я схватил свой бумажник и солнечные очки, надел их на голову и вышел на улицу. Из-за того, что не поел, я купил несколько кексов в дополнение к кофе, и поехал к Орину.

Было почти ровно десять, когда я приехал, и он распахнул дверь после первого моего стука, будто ждал.

Он выглядел великолепно.

Освежённым.

Счастливым.

Дело было не в потёртой паре джинсов или белой футболке, которую он надел под клетчатую рубашку с длинным рукавом, дело было в свободе и радости, которую излучали его глаза, что и привлекло моё внимание. Он улыбнулся и опустил взгляд на землю, в то время как его щёки порозовели.

— Доброе утро, — сказал он, засовывая руки в карманы. Не без усилий, он снова нашёл взглядом моё лицо, по-прежнему улыбаясь. — Как ты? — никакого заикания.

— Отлично, — я поднял маленький пакет с нашей едой. — Тебе нравятся морковные кексы? Я ещё не ел, и мне нужна была еда, подумал, что тебе тоже захочется.

— Мне нравится, — заметив мои занятые руки, он освободил меня от подставки с кофе, отошёл в сторону, затем помедлил, не уверенный, куда деться. — Ты... ты хочешь сначала это съесть, а потом поехать, и-или мы берём это с собой?

— Давай возьмём с собой. Только если тебе не нужно больше времени?

— Нет, я готов.

Он запер дверь, и мы сели в машину.

Парк Грандвью был огромным пространством земли, расположенным рядом с гаванью. Было множество садов, которые город поддерживал в летние месяцы, и дорожки, которые вились по лесистым зонам, чтобы люди могли гулять и всё исследовать. Одна конкретная зона была более открытой, чем другие, и располагалась рядом с набережной. В течение года именно там город проводил множество событий.

Парковка была переполнена, и я нашёл нам место на стоянке через квартал от того места, где нам нужно было быть, ближе к краю водоёма. Прежде чем выходить, я съел свой маффин, и Орин сделал то же самое. Мы ели и пили свой кофе, наблюдая за лодками, проплывающими мимо гавани.

Он казался расслабленным, что, как я знал, было редкостью для Орина.

С нашего места на парковке я мог разглядеть различные палатки, установленные на поле, где торговцы выставили свои шедевры. Орин проследил за моим взглядом, попивая кофе.

— Как думаешь, что там будет? — спросил он.

— Я не уверен. Эван говорит, различное искусство. Рисунки, картины, глиняные и деревянные изделия, скульптуры, — я пожал плечами. — Давай пойдём посмотрим.

Мы закончили с едой, и не было причин, по которым мы не могли взять напитки с собой.

Было всё ещё достаточно рано, чтобы толпа не была слишком большой. Тем не менее, напряжение Орина вернулось, как только мы оказались среди людей. К моему большому удивлению, он приклеился ко мне, идя достаточно близко, чтобы какие-то части нашего тела всегда соприкасались. На меня нахлынул всплеск триумфа от такого контакта, и я улыбнулся.

Не потребовалось много времени, прежде чем нас захватили различные палатки вокруг. Там было не только множество различных выставок, но и много зон, где художники в живую демонстрировали, как работают над своим искусством, или учили заинтересованных людей, как придают своим работам конкретные эффекты.

Когда мы проходили мимо мужчины, продающего дутое стекло, Орин отстранился и смешался с толпой там, где над палаткой висели закрученные и надутые кусочки стекла, как хрустальные люстры или сосульки. Он нежно касался их и улыбался. Его удовольствие пробуждало моё собственное.

— Они такие красивые. Потрясающе, как один цвет перетекает в другой, — сказал он, крутя в руке одну из поделок.

Рядом с палаткой дутого стекла был мужчина, который строгал деревянных животных. Его стол был уставлен законченными работами, все они были раскрашены и выставлены на полках витрины. Орин снова встал рядом со мной, когда я взял маленькую собачку с висящими ушами. Поделка была невероятной; художник идеально изобразил печальные глаза собаки.

Орин тихо хохотнул и забрал собаку у меня из рук, поглаживая большим пальцем резное дерево. Через мгновение он поднял руку к голове и провёл пальцами по виску, резко встряхиваясь. Прежде чем я успел спросить, в порядке ли он, он улыбнулся и мне и указал на свою голову.

— Рейн... Он любит животных, и он прямо здесь, болтает мне на ухо.

Его глаза довольно сияли, когда он говорил о Рейне. Будто его присутствие придавало Орину комфорт, которого он обычно не чувствовал. Это было заразно, и я улыбнулся ему, наблюдая за выражением его лица, когда он переключил свои мысли на голос этого маленького ребёнка, с которым я познакомился неделю назад. На голос, который мог слышать только он.

— Я задумывался, спровоцирует ли это событие выйти Рейна вперёд. Я знаю, что ему нравится искусство.

Орин вернул собаку на полку и пожал плечами.

— Я говорил ему не выходить, но это не всегда что-то значит. Он сегодня близко и очень болтливый.

Он потёр лоб, его удовольствие всё ещё присутствовало.

— Некоторые дни могут быть шумными и отвлекающими, когда они все одновременно со мной разговаривают, — объяснил он. Он огляделся вокруг, когда прокралась усталость, украв радость из его улыбки. Когда он нашёл взглядом моё лицо, его главной эмоцией стала борьба. — Т-ты действительно не считаешь меня сумасшедшим?

— Совершенно нет, — ответил я, не колеблясь ни мгновения. — Хотя я и на секунду не могу представить, каково быть тобой, я не считаю тебя сумасшедшим. Я только хотел бы лучше это понимать. Я нервничаю, что сделаю или скажу что-то не то.

Моя честность прогнала некоторое его беспокойство, и когда я подумал, что он скажет что-то ещё, он сжал губы и кивнул на следующую палатку.

Мы перешли от одной зоны к следующей, останавливаясь, когда наш взгляд цеплялся за что-нибудь интересное. Возле палатки с глиняными изделиями, Орина захватила демонстрация на гончарном круге. Когда мужчина в толстом брезентовом фартуке в мгновение ока создал простую миску, он спросил, хочет ли кто-нибудь ещё попробовать свои навыки.

— Ты должен попробовать, — подтолкнул я. Он заинтересовался, и я подумал, что с небольшим уговором он может насладиться таким развлечением.

— Я-я не могу.

— Конечно можешь. И если у тебя ничего не получится, я возьму вину на себя.

Он сморщился, и на его лице появилась заинтригованная улыбка.

— Как ты это сделаешь?

— Я разыграю сцену из «Привидения».

— Откуда?

— Ну знаешь, фильм «Привидение», с Вупи Голдберг, Патриком Суэйзи и Деми Мур?

Он пожал плечами и покачал головой, в полной растерянности.

— Ого, теперь я *реально* чувствую себя старым. В общем, я сяду за тобой, буду двигать твоими руками и заставлю тебя всё испортить. Так что твои скудные навыки будут скрыты за моим разрушением.

Орин хохотнул и повернулся обратно посмотреть на молодую девушку, которая решила попробовать слепить миску.

— Так происходит в фильме?

— Да. Не могу поверить, что ты никогда не слышал о нём.

— Может, мы как-нибудь его посмотрим. Он чёрно-белый, или один из тех старинных немых фильмов, с надписями, которые нужно читать?

Я ошеломлённо уставился на Орина. Он никогда раньше не был достаточно расслаблен, чтобы шутить, и это так освежало, что я едва мог поверить своим ушам.

— Подкальываешь старика? Посмотри на себя. Я тебя даже больше не знаю.

Он продолжал смотреть вперёд, но кончики его ушей покраснели, и в глазах появилась улыбка, что говорило мне о том, что ему весело.

— Идём, давай посмотрим ещё что-нибудь.

Мы прошли мимо нескольких палаток, которые нас не заинтересовали; швея, которая расшивала какую-то причудливую одежду необычными узорами, резчик по мылу, от палатки которого исходил такой сильный запах, что мы оба закашлялись, и ещё было ювелирное искусство.

Осмотрев земли, я указал на мужчину, который создавал интригующие работы, используя сталь, и предложил пойти в его сторону. Орин согласился, но на полпути он без предупреждения замер.

Когда я оглянулся посмотреть, почему он не идёт, я сразу же заметил, что Орин побледнел и застыл как статуя, невидяще глядя на что-то вдаль.

— Ты в порядке?

— Музыка ветра, — прошептал он (*прим. музыка ветра — декоративное украшение, выполненное обычно из металлических трубок или бамбука*).

— Что?

Он отошёл на несколько шагов назад, чуть не столкнувшись с компанией подростков, прежде чем взял себя в руки. Затем, в одно мгновение, беспокойство исчезло с его лица, и он выпрямился. Черты его лица стали строже, и глаза сузились — не от беспокойства, а в защитном жесте.

Рид.

На этот раз не было никаких предупреждающих знаков. Он не тёр глаза. Не качал головой. Ничего.

Он не смотрел на меня, но продолжал всматриваться в толпу и палатки, к которым мы шли.

Он пылко покачал головой, прежде чем нахмуриться, глядя на меня.

— Я знал, что это была плохая идея.

Не колеблясь ни мгновения, он развернулся и пошёл через толпу обратно туда, откуда мы пришли. Угнаться за ним было сложно, и я был не совсем уверен, что гнаться за Ридом было хорошей идеей, но почему-то побежал за ним. Что-то явно расстроило Орина, только я понятия не имел, что.

Рид пошёл прямо к машине и не остановился, пока не оказался рядом с ней. Догнав его, я дал ему пространство, убеждаясь, что он знает, что я рядом, но не уверенный, как подойти. Он оперся на капот, глядя вдоль гавани. Его быстрое дыхание, наконец, успокоилось, и когда он снова посмотрел в мою сторону, он в замешательстве нахмурился, от беспокойства сморщив лоб.

«Орин?»

«Чёрт, как можно за всем этим успевать, чёрт возьми?»

Прищурившись и тяжело моргнув, он осмотрел парковку, прежде чем проверить часы.

— Прости, — прошептал он. — Я... я не знаю...

— Всё нормально, — я с опаской подошёл ближе и устроился рядом с ним. — Ты знаешь, что произошло?

— Не совсем, — он обнял себя и сжал свою грудь в области сердца. — У меня сердце колотится.

— Думаю, тебя что-то напугало. Мы шли к новой палатке, и ты просто остановился. Ты... ты сказал... — я боялся, что если повторю, это вернёт Рида, но, может быть, это поможет вернуть память Орину и объяснить, почему он сбежал. — Ты сказал «музыка ветра», а потом без предупреждения появился Рид.

— М-музыка ветра, — прошептал он. — Мне н-не нравится музыка ветра, — он покачал головой и ущипнул себя за переносицу, втягивая воздух сквозь зубы, будто от боли. — Я не совсем могу это объяснить, но я её ненавижу. Я даже не знаю, почему. Когда

слышу её, меня чуть ли не п-парализует. По спине бежит дрожь, и внутри появляется ощущение, что нужно бежать, но я не могу д-двигаться, — он вздохнул. — Я знаю, это звучит невероятно глупо, но добро пожаловать в мою жизнь, где ничего не имеет смысла.

— У нас у всех есть свои замарочки. Не велико дело.

— Велико. Ты знаешь, каково жить в постоянном состоянии страха, но не иметь понятия, почему ты так боишься или что вызывает этот страх? Это моя повседневная жизнь. У-ужас никогда не проходит. Никогда. Затем происходит что-то такое, и я понятия не имею, почему.

Он ослаб от страха? Достаточно для того, чтобы Рид вышел с этим справиться. Когда я испытывал такую эмоцию, я обычно всегда знал причину и не мог представить, как это может быть необъяснимо.

— Поэтому Рид взял верх?

Орин пожал плечами и помассировал висок.

— Мой терапевт сказал бы тебе «да».

— Ты не согласен?

Он опустил руку и оттолкнулся от машины, направляясь к перилам с видом на воду.

— Я ничего не знаю. Я не знаю больше вещей, чем знаю. Такое чувство, будто иногда я схожу с ума. Я очень надеялся к этому моменту узнать больше, но я не чувствую, что в чём-то продвинулся.

Мы остановились у воды, и Орин оперся на перила, периодически рассеянно потирая висок.

— Я не уверен, что понимаю, — признался я.

Он хохотнул.

— Добро пожаловать в мою жизнь. Я тоже не понимаю.

— У тебя болит голова? — спросил я, когда на его лице снова появилась боль.

— У меня всегда болит голова. Мой доктор сказал, что люди с ДРЛ часто жалуются на головные боли. Он назвал их болью от переключений. Это мило, потому что никакое обезболивающее её не вылечит.

Ещё один затруднительный элемент в уже сложной жизни Орина. Чем больше я узнавал, тем больше моё сердце тянулось к нему. Десять минут прошли в тишине, пока мы смотрели на стаю чаек, пролетающих мимо, и на моторную лодку вдали.

Я проводил мало времени с Орином, но каждый раз находились испытания и обстоятельства, мешающие этому. Я видел, почему люди легко могли от него отказаться. Когда бы я ни пытался представить жизнь на его месте, у меня не получалось. Было тяжело узнать его, когда наше совместное время постоянно прерывали.

— Каково это? — спросил я, когда мимо нас проплыл большой грузовой корабль.

Орин посмотрел на меня, а затем обратно на воду.

— Что именно?

— Я не знаю. Всё. Твоя жизнь. Я не могу притвориться, что понимаю или представляю это.

— Это... хлопотно. Сложно. Может, больше подходит слово «запутанно».

Я повернулся к нему и встал боком, больше не интересуясь кораблём.

— Как это?

Он на мгновение задумался, потом повторил мою позу.

— Подумай о своём понятии времени. Для тебя оно открыто. У тебя есть двадцать четыре часа в день, может, ты спишь восемь из этих часов, работаешь ещё восемь, у тебя есть рутина, дедлайны, график. Это всё происходит по порядку, который имеет смысл. У меня ничего этого нет. Наверное, время для меня самое сложное понятие. Не важно, как сильно я стараюсь, я не могу найти тот же порядок, что и ты. Моя жизнь полна пробелов. Пустых мест без памяти. В одну минуту я иду в супермаркет, а в другую понимаю, что стою на железнодорожной станции и держу в руке билет до Британской Колумбии. Я не знаю, как я туда попал. Я не помню, чтобы покупал билет. Чёрт, я даже не знаю, какой теперь день. Когда я узнаю, может оказаться, что я пропустил несколько часов, дней, недель... — он сделал паузу, и его глаза стали стеклянными, прежде чем он снова отвёл взгляд на гавань. — Может, несколько лет. Теперь представь, каково жить так всю жизнь. Не один день. Не одну неделю, а каждый день до единого, так долго, сколько можешь помнить. О, и самая изюминка, эта часть «так долго, сколько можешь помнить» касается только малого промежутка времени, потому что всё твоё детство исчезло. У тебя есть только кусочки и частички воспоминаний, которые не соединяются и едва ли рисуют картину.

Он перестал говорить. Несмотря на суету и суматоху дня вокруг нас, в воздухе всё с тяжестью замерло. Я никогда не мог представить жизнь, где время — элемент замешательства. Для меня время было конкретным, чем-то, что всемирно понятно, и на что я полагался неосознанно в своей повседневной жизни. Представить то, что описывал Орин, было практически невозможно. Мы многое в жизни принимали как должное.

— Это из-за твоих альтеров?

— По сути, да, только я скажу тебе, что только год назад узнал, кто они, и должным образом их определил. До этого они были просто смесью голосов в моей голове. Я думал о них как о воображаемых друзьях. Я мог говорить с ними. Они могли говорить со мной. Они всегда были такими настоящими, так что когда я говорю «воображаемые», я просто не мог придумать, какое лучше использовать слово. Чего я не знал, так это почему они здесь. Я повзрослел, а они так и не исчезли. Только когда мне было около двенадцати, я понял, что это не нормально. Я никогда не мог объяснить пропавшие отрезки времени. Так что мои воображаемые друзья оказались альтерами. Они как моя личная домашняя армия, если верить моему терапевту. Они были созданы для моей защиты. Когда один из них выходит вперёд, я отступаю, и тем самым исчезает время.

Было почти тревожно слышать, как он объясняет это.

— Каково это, когда они выходят вперёд, и тебе приходится отступить? Ты можешь понять, что это происходит?

Орин взглянул на синее небо над головой и полностью развернулся, опираясь спиной на перила.

— Зависит от того, насколько переключение быстрое. Иногда нет никакого предупреждения, но в других случаях всё становится туманным, и тот, кто хочет выйти вперёд, нависает и разговаривает. Так что я могу его чувствовать. Это как будто ты засыпаешь, но не совсем. Ты знаешь такое ощущение, прямо перед сном? Когда ты можешь осознавать, что что-то происходит, но даже не можешь это описать? Это размыто, и на самом деле ничего не имеет смысла?

— Отчасти, да.

— Это вроде того. Когда вперёд выходит кто-то другой, он берёт контроль на себя, а я в темноте, — он хохотнул. — Как будто кто-то берёт тебя покататься на машине, но ты едешь в багажнике. Ты знаешь, что двигаешься, знаешь, что что-то происходит, но когда ты выходишь, ты понятия не имеешь, как туда попал, где ты между этим был, или сколько времени прошло. Понимаешь?

— Это ужасно.

— И раздражает.

Снова воцарилась тишина, и мы наблюдали за фестивалем с безопасного расстояния. Основываясь на том, что прочитал, я мог только предполагать, что пробелы в его памяти это, скорее всего, времена, когда Орина прятали от любого вреда, который мог быть нанесён. Исчезло целое детство? От этих сложностей меня воротило.

Сама мысль была ужасающей. Из-за природы этого, я не бывал в этих водах. Но всё равно были вещи, которые мне интересно было узнать, и я осторожно сформулировал следующий вопрос.

— Так будет всегда, или это можно решить с помощью терапии? Прости, если это звучит глупо, я просто не знаю, как это работает.

— Ничего не глупо. Это процесс, и я только начал. Прямо сейчас мой терапевт работает над тем, чтобы мы все ладили. Мне с этим трудно, потому что определённые альтеры меня расстраивают.

— Коув?

Орин кивнул.

— Он меня ненавидит. Я пытался его заблокировать или контролировать, и это всё ухудшает. Мой доктор хочет, чтобы мы общались и пришли к пониманию своей внутренней структуры. Все мы. Главная цель — что-то, что он называет совместным сознанием или совладением. Чтобы мы все работали вместе, в согласии. Что будет означать осознание, когда другие впереди, и переключения с согласия. Ещё есть слияние, что как бы объединит все личности обратно в одного человека. Но я ещё и близко не приблизился к принятию этого решения. У нас... у нас впереди много работы.

Это прозвучало сложно. Поддерживал ли его кто-нибудь? Он не говорил о семье, и я не спрашивал, подумав, что такой переход не безопасен.

— Что ж, если тебе когда-нибудь понадобится высказаться, надеюсь, ты можешь считать меня другом. Может, я понимаю не всё, что знаю, но я пытаюсь понять, и если тебе когда-нибудь понадобится поболтать, просто позвони.

Орин отвёл внимание от шумного фестиваля в парке и в удивлении посмотрел на меня. На солнечном свете серый цвет в его глазах был более заметен, и в них отражался блеск. Его почти блондинистые волосы развевались на лёгком ветру, пока я изучал взглядом и запоминал изгиб его скул и нервную улыбку, которая заставляла его жевать губу. Он был восхитительным мужчиной, и окружающее нас спокойствие только усиливало это осознание.

Рискнув, я потянулся и осторожно взял его за руку. Его пальцы были тёплыми. Как только мы соприкоснулись, его взгляд упал на наши руки, прежде чем вернуться к моему лицу.

— Ты прекрасный человек, Орин. Внутри и снаружи. Любой, кто отказался от шанса узнать тебя лучше, идиот. В тебе нет ничего сумасшедшего, и меня ничего не отпугивает. Я просто хочу, чтобы ты это знал.

Его пальцы переплелись с моими, особо не сжимая, будто пробуя наш контакт. Медленно, чтобы не удивить его, я поднёс другую руку к его лицу. Он наблюдал за движением, предвидел его, и его глаза слегка расширились, но он не отстранился. Лёгким движением, которое едва нас соединяло, я держал в ладони его щеку. Призрачным прикосновением, его пальцы обхватили мои, и только тогда я полностью прижал руку к его лицу.

— Ты мне веришь? — спросил я.

Я мог бы пропустить кивок, если бы не ждал ответа. Его губы двигались, но не прозвучало никаких слов, и, в конце концов, он впился в свою губу зубами.

У меня сложилось ощущение, что он быстро перегружается, и я уронил руку, позволяя пальцам пройти вниз по его щеке, прежде чем упасть. Затем я отошёл назад, убирая и свою руку.

— Я видел палатку с едой, где продавали карамельные яблоки. Хочешь попробовать? Может, мы прогуляемся?

— Мне бы этого хотелось, — прошептал он. Он не отводил взгляда от моих глаз, и мне отчаянно хотелось узнать, о чём он думает. Спустя мгновение, он опустил взгляд на землю и пошёл передо мной, возвращаясь обратно на фестиваль. На его щеках появился лёгкий румянец, который я не упустил, и это согрело мне сердце.

Глава 8

После небольшой заминки с музыкой ветра и Ридом, наш совместный день субботы был великолепным. С тех пор мы не разговаривали, но я с нетерпением ждал, когда снова увижу Орина на лекции в среду вечером.

Приехав пораньше, я нашёл место в той же области, где мы сидели всегда, и разложил свои тетрадки и учебники, чтобы быть готовым к лекции. В определённый час пришёл Ричард и начал вечер с нескольких коротких видео. Орин не пришёл, и я следил за дверью в кабинет с таким же вниманием, как и за лекцией. Когда часы показали десять минут восьмого, я начал думать, где он может быть, и достал телефон, чтобы проверить сообщения.

Мы не общались между лекциями, так что я не думал, что получу сообщение, но надеялся, что если он опаздывал по какой-то причине или планировал отсутствовать, он дал бы мне знать.

Ничего.

Я вернул телефон в карман и попытался обратить внимание на лектора. Меньшее, что я мог, это делать нужные заметки, чтобы Орин позже мог их переписать. Может, он нехорошо себя чувствовал. Может, что-то произошло.

Чем дольше шёл урок, тем больше я беспокоился. В конце первого часа, когда Ричард дал нам десятиминутный перерыв, я отправил Орину быстрое сообщение.

«Надеюсь, у тебя всё в порядке. Я пишу для тебя конспект. Дай мне знать, если тебе что-то нужно».

Я помедлил, прежде чем отправить его, думая, не вмешиваюсь ли. В субботу я сделал мягкие шаги в сторону того, чтобы дать Орину понять о моих чувствах. Игнорируя

свои внутренние споры, я нажал «отправить». Когда лекция возобновилась, я по-прежнему не получил ответ.

До конца лекции мой телефон продолжал молчать. Мои одноклассники собирали вещи, пока я раздумывал, написать ли ещё одно сообщение. Если бы я знал, что он в порядке, мне стало бы легче. Решив ничего не отправлять, я закинул вещи в рюкзак и потащился к своей машине. Солнце недавно село, и было темно. Ночь была облачной, что скрывало луну и звёзды. Дул прохладный ветер, напоминая мне, что уже ранний октябрь, и лето давно прошло.

Под моими ногами хрустели опавшие листья, пока я шёл по парковке. Сев в свою машину, я снова проверил свой телефон. Бесконечная тишина с его стороны беспокоила меня и придавала тревожное тянущее ощущение внутри.

Нуждаясь в успокоении, я набрал его номер. Через полдюжины гудков, автоматизированный голос проинформировал меня, что у человека, до которого я пытался дозвониться, нет голосовой почты. Я повесил трубку и попробовал ещё раз.

Никакого ответа.

Десять минут я сидел в своей машине и думал, что делать. Не в силах стряхнуть или объяснить своё беспокойство, я поехал к Орину.

Когда я приехал, было уже больше половины десятого. Сидя в машине, я смотрел на его дом. Все его окна были закрыты занавесками, но за ними не было света. Всё было тихо.

Тем не менее, я решил постучать. Может, он был дома и пошёл спать, или смотрел фильм в темноте. Постучав, я ждал звук приближающихся шагов. Его не было. Я постучал ещё раз и постоял ещё несколько минут, прежде чем сдаться.

Его улица была тихой, и никого вокруг не было. Я задумался, хорошо ли его знают соседи, или с ними Орин тоже оставался в тени.

Больше нечего было делать, и я отправился домой.

Весь вечер я был в ожидании звонка или сообщения от Орина. К полуночи я отправил ещё одно сообщение и забрался в кровать.

Следующий день на работе был пронизан тем же отвлечением, как и я на лекции. Я по-прежнему ничего не слышал от Орина, и ещё одна попытка позвонить тем утром прошла без ответа. Вспомнив его объяснения, относительно времени, и о пробелах в его памяти, я только больше забеспокоился.

«В одну минуту я иду в супермаркет, а в другую понимаю, что стою на железнодорожной станции и держу в руке билет до Британской Колумбии».

Такое случалось раньше? Куда он делся, чёрт побери, и почему не поднимал трубку? Мне не давала покоя мысль, что я мог как-то расстроить его в субботу, но помимо разговора, который был у нас у воды, всё прошло гладко.

Я был сбит с толку.

Эван пригласил меня выпить после работы, от чего я хотел отказаться, но решил, что это хорошо меня отвлечёт. Мы встретились в нашем любимом баре с грилем, «Обезьянья бочка», чтобы можно было и немного поесть.

Эван работал с недвижимостью, и ему нравилось болтать о том, что он сам решает, когда ему работать. Когда я приехал в «Бочку», он уже смотрел какой-то футбол на большом экране, держа в руках пиво.

— Привет, — сказал он, когда я сел напротив него. Он оторвал взгляд от телевизора и толкнул пиво в мою сторону. — Заказал нам бургеры и картошку. Скоро должны принести. Как прошёл твой день?

— Долго, — я сделал большой глоток и откинулся на спинку стула, радуясь, что нахожусь вне офиса, но всё ещё напряжённый от беспокойства, которое не мог отпустить. — Что насчёт тебя?

— Всё неплохо. У меня показ в шесть, так что я не могу остаться надолго.

Я изогнул бровь.

— И ты пьёшь?

Эван отмахнулся, будто это было не столь важно.

Я достал свой телефон и положил его рядом, на случай, если проявится Орин.

Эван нахмурился, чувствуя, что что-то не так, но переключился обратно на игру, ничего не озвучивая. Вскоре после этого официантка принесла нашу еду, и мы стали есть.

— Итак, раз ты меня бросил, в субботу вечером у меня будет свидание. Пригласил ту девчонку из кафе.

— Ту рыжую, на которую ты месяцами пялился?

— Да, её зовут Кристина. Мы идём в «Рок и Боул»

— Ты ненавидишь боулинг. Зачем ты это делаешь?

Эван пожал плечами.

— Её идея, не моя. Ты и твой любовничек тоже должны пойти. Только если у вас нет других планов, — для пущего эффекта он поиграл бровями.

— Наслаждайся своим «Рок и Боул». Мы с Орином не встречаемся, и я не думаю, что он уже готов с тобой мириться. Ты его спугнёшь.

— Ты его не закадрил? Боже мой, чего так долго? Разве вы не ходили на свидание в субботу? Я никогда не думал, что ты не можешь проявить себя. В чём дело?

Я проверил телефон и взял картошку, засовывая её в рот, чтобы дать себе мгновение перед ответом.

— Думаю, ему больше нужен друг. Может, в дальнейшем. Его жизнь не совсем простая. Но... я мог дать ему понять, что чувствую. Я не буду наседать на него. У меня складывается ощущение, что это будет плохая идея.

— Так приходи на боулинг. Я буду хорошо себя вести. Никаких пошлых комментариев. Обещаю.

— Почему ты так сильно хочешь, чтобы я вмешался в твоё свидание?

— Потому что я ненавижу боулинг.

Я закатил глаза и засунул в рот ещё одну картофелину, не ответив, проверяя свой телефон в сотый раз с тех пор, как сел.

— Что с тобой такое?

— Что? — я бросил взгляд на Эвана. — Что ты имеешь в виду?

— Ты весь вечер смотришь на свой телефон.

Я вздохнул и схватил свою салфетку, чтобы вытереть рот.

— Орина вчера не было на занятии, и я несколько раз писал ему и звонил, а он мне не отвечает.

— И что?

— И то... Я не знаю. У меня ощущение, что что-то не так.

Эван отмахнулся от моих беспокойств, будто в этом не было проблемы.

— Сходи к нему.

— Я ходил вчера после занятия. Его не было дома.

— Значит сходи после ужина. Какого чёрта ты так переживаешь?

Я вздохнул и засунул телефон обратно в карман, чтобы не выглядеть отчаянным.

— Я не знаю. Не бери в голову. Давай опустим эту тему.

Эван смотрел на меня ещё мгновение, прежде чем решил не давить с этой темой и вернулся обратно к телевизору и игре. Когда мы доели, было уже почти шесть, и Эвану пришлось умчаться на свой показ дома. Так как мне некуда было больше деться, я снова поехал через город к Орину, надеясь, что найду его дома и почувствую облегчение от грызущего изнутри беспокойства.

Благодаря наступлению осени, в шесть было уже темно, когда я подъехал к его дому. За закрытыми занавесками в гостиной Орина горел свет. Припарковав машину, я тут же вытащил телефон, ожидая ответа на многочисленные сообщения, которые я отправил. По-прежнему ничего.

Разочарованный от игнорирования, я положил телефон на приборную панель и заглушил двигатель. Может, я слишком сильно наседал на него — даже как друг. Орин жил уединённо, и, возможно, предпочитал, чтобы так и было. Моя попытка завести дружбу была только из доброты, но может быть, он не ценил или не хотел этого в своей жизни. Я получил от него не такое впечатление, но, может быть, я видел что-то, чего не было.

Подходя к его входной двери, я осмотрел тупиковую дорогу. Она была пустой и тихой, как всегда. Вокруг не было никаких людей, только несколько ярко освещённых домов среди моря тёмных. Так далеко от главной дороги, здесь даже не было никакого движения.

Я один раз постучал и засунул руки в карманы. В отличие от предыдущих раз, когда я был здесь, я знал, что кто-то дома, и ожидал ответа. Когда никто не открыл, я нахмурился и поднял руку, чтобы постучать снова. Как раз когда я собирался это сделать, дверь распахнулась внутрь, и показался Орин, шипя и мрачно глядя в ответ.

— Что? — рявкнул он, его глаза не отрывались от моих.

Я открыл рот, чтобы ответить, а затем снова открыл, так же быстро, когда понял, что дверь открыл не Орин. Я осмотрел его, замечая все подсказки, которые говорили мне, что я встретился с Ридом. Его расправленные плечи, поднятый подбородок, глубокий голос, пристальный взгляд и осанка, которая не изменилась от моего неожиданного прихода.

На нём была футболка и джинсы. Как только мой взгляд оторвался от его лица, чтобы осмотреть его внимательнее, я увидел толстую повязку на его левой руке. Она закрывала большую часть его предплечья и удерживалась на месте кусочками белого пластыря.

Сразу же забеспокоившись о его благосостоянии, забыв, что стою перед Ридом, я открыл рот и потянулся схватить его за руку.

— Чёрт возьми! Какого чёрта произошло?

Мои пальцы едва коснулись его руки, когда он отдернул свою руку и отошёл от меня назад. Я поднял взгляд на его глаза, в то время как его радужки потемнели от недоверия и злости.

— Я говорил тебе не приходить сюда. Что ты делаешь?

Я недолго колебался от нервозности, ошарашенный тем, что нашёл вместо Орина Рида, но я выпрямился и сделал свой голос твёрже.

— Я переживал за Орина и пришёл убедиться, что он в порядке.

Может, вспомнить Орина было плохой идеей. Я честно не имел понятия, но Рид не дрогнул. Он выставил ногу, чтобы придержать дверь, и скрестил руки на груди. Это было практически жутко, какие они разные. Хотя я знал, что дело не в этом, он выглядел больше.

— Орин не твоя забота. До сих пор мы отлично справлялись без тебя, так что иди домой.

— Нет, — на этот раз он дрогнул. Я даже сам себя ошарашил. — Орин мой друг, и не важно, кем ты меня считаешь, я забочусь о нём и хочу убедиться, что он в порядке, — я бросил взгляд на забинтованную руку. — Что случилось? — снова спросил я.

Рид продолжал смотреть на меня неуверенно. Когда прошло достаточно времени, и я понял, что не получу ответа, я тяжело вздохнул и отошёл на шаг назад.

— Хорошо. Не бери в голову.

Я не хотел уходить. Всё во мне хотело бороться и доказать Риду, что я искренне беспокоюсь, но я не знал, как это сделать.

Когда я развернулся к своей машине, я услышал, как сзади закрылась дверь.

— Тебе нужно понять, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы сохранить его в безопасности.

Внезапный хриплый голос за спиной заставил меня в удивлении развернуться. Я полагал, что Рид вернулся в дом. Он подошёл и встал ближе, чем мне было комфортно, но я не отступил. Его устрашающий вид заставлял меня чувствовать себя маленьким, но я собрал всю смелость, которую смог найти, и ответил ему таким же твёрдым взглядом.

— Если это правда, если ты должен держать его в безопасности, тогда почему ты позволил этому произойти.

Я кивнул на его руку, зная, что вероятно скрывает бандаж. Мой желудок беспокойно крутило.

Челюсть Рида сжалась. Когда он заговорил, это было едва ли громче шёпота.

— Не суди о том, чего не понимаешь.

— Ты ведёшь себя так, будто я угроза, но ты ни минуты не потратил на то, чтобы меня узнать. Я прошёл долгий путь, чтобы понять Орина, и очень осторожно относился к тому, о чём ничего не знаю. Но я никогда не причинил бы ему боль. В отличие от тебя.

Он подошёл ближе, ускоряя мой пульс в несколько раз.

— Именно это доказывает, как мало ты о нас знаешь. Мы защищаем его, а не вредим. Я скажу тебе ещё один раз. Тебе здесь не место. В моих глазах ты и есть угроза. Иди домой.

Когда он сделал ещё шаг вперёд, я попятился назад, теряя нервы вместе с устойчивостью. Когда я наткнулся спиной на машину, Рид остановился и стоял на месте, ожидая, когда я уеду. Я не знал, что ещё сказать или сделать, так что слепо потянулся к ручке за спиной и открыл дверь машины.

— Когда вернётся Орин? — возможно, это был небезопасный вопрос, и я приготовился, что Рид отреагирует злостью. Этого не произошло. Как статуя, он оставался сильным и твёрдым.

— Когда будет готов, — это было всё, что он сказал, прежде чем развернуться обратно к дому.

Когда он закрылся внутри, я сел в машину и сжал руль двумя руками. Мои ладони скользили по коже, и только тогда я заметил появившуюся внутри дрожь.

Изо всех сил стараясь игнорировать нарастающую внутри панику, я поехал домой и рухнул на диван. Когда я объяснял Эвану, что моя дружба с Орином сложная, именно такие моменты вызывали эти ощущения и делали их ещё более правдивыми и настоящими. Я чувствовал себя йо-йо, который дёргали в одну сторону, затем в другую, без предупреждения, и моё бедное сердце не знало, что делать.

Я знал, что скрывается под той повязкой. Я раньше видел шрамы. Судя по тому, чем поделился Орин, я вполне хорошо представлял, кто их оставил. Чего я не понимал, так это как система, созданная для его защиты, причиняла ему вред.

Той ночью сон не пришёл. До самого утра я лежал, глядя в потолок, думая о мужчине, который неожиданно появился в моей жизни. Было совершенно понятно, почему так много людей повернулось к Орину спиной. Не важно, как осторожно я подходил к этому, находиться рядом с ним было постоянными скачками неожиданностей. Я никогда не знал, с кем буду говорить в следующую минуту, и хоть я познакомился не со всеми его альтерами, более половины из них вызывали во мне чувства дискомфорта и нервозности.

Я мог услышать, как Эван издевается надо мной и спрашивает, какого чёрта я нашёл в Орине, что меня так заинтересовало. Но я не мог это объяснить. Достаточное понимание о его жизни и о том, с какой изоляцией он сталкивался каждый день, только вызывало у меня большее желание дотянуться до него. Плюс, чем больше я узнавал Орина как человека, тем более тёплыми и несомненными становились мои чувства к нему. Был бы он любым другим человеком, тот день у гавани определённо зашёл бы дальше.

Я перестал писать после того, как съездил к Орину домой в четверг вечером. Не удивительно, что он не пришёл на занятие и в пятницу. С наступлением выходных меня поглотило беспокойство, но я делал всё, чтобы игнорировать это. У Эвана в субботу было свидание, так что я не слышал от него ничего до полудня воскресенья, когда он написал, чтобы подтвердить наши футбольные планы.

Я был не в настроении, но нехотя заставил себя принять душ, прежде чем поехать в пивной магазин, а затем к Эвану домой.

Эван забрал у меня ящик с пивом, когда открыл дверь, и пригласил меня зайти. Было очевидно, что свидание закончилось в его квартире — и вероятнее всего за несколько часов до нашей переписки. На кофейном столике стояли пустые бокалы от вина, и в воздухе висел лёгкий запах женских духов.

— Свидание прошло хорошо? — спросил я, кивая на пару бокалов.

Эван хохотнул и отнёс пиво на кухню, где начал переставлять его в холодильник.

— Даже очень.

Я захватил грязную посуду и отнёс её в раковину, чтобы помыть. Эван и близко не был чистюлей и уже перестал сопротивляться тому факту, что я привык убираться за ним каждый раз, когда приходил.

Телевизор был уже включён и настроен на пре-игровое шоу Детройта.

— Как всё прошло с Орином в четверг? Он был дома?

Я поставил чистый винный бокал на сушилку для посуды и сжал губы, решая, как лучше ответить, чтобы мистер категоричный Эван не раскритиковал всю ситуацию.

— Не технически. Я говорил с Ридом, — «говорил» было натянутым понятием. Скорее меня поставили на место и вышвырнули вместе с мусором.

Эван почесал щетину и прищурился.

— Ещё раз, это который?

— Тот, которому я не нравлюсь.

На лице Эвана отразилась боль, когда он открыл нам обоим пиво и протянул одно мне.

— Как всё прошло?

— Не особо хорошо, — я пожал плечами, не желая вдаваться в сложности. — Давай смотреть игру, я не уверен, что хочу говорить об этом.

Эван шлёпнул меня по плечу и направил обратно в гостиную. Нам не нужны были слова, чтобы общаться. Его малозаметный жест, как он сжал моё плечо, прежде чем отпустить, говорил мне достаточно, чтобы понять, что он выслушает, если я захочу поговорить.

На этой неделе за игрой было следить ничуть не легче, чем на предыдущих нескольких. Я был крайне занят Орином, только на этой неделе лучше это скрывал.

Когда мой телефон загудел под конец игры, я вскочил и вытащил его из кармана.

Это было сообщение от Орина.

«Можешь говорить?»

Бросив взгляд на Эвана, который был увлечён игрой, я наклонил голову и напечатал ответ, направляясь по коридору в комнату Эвана.

— Нужно позвонить, сейчас вернусь.

Он пробормотал что-то в ответ, но не оторвал взгляда от телевизора.

«Да, могу».

Через минуту мой телефон зазвенел, и я ответил на звонок, закрывая дверь комнаты Эвана. Его кровать была кучей смятого, не застеленного постельного белья, от которого пахло сексом, так что я отодвинул немного вещей с края его тумбочки и сел на край, любой ценой желая избежать кровати.

— Орин?

— Привет, — робкий голос спутать было невозможно. Когда я услышал его, всё моё тело избавилось от горы стресса, которую я носил с собой всю неделю. — П-п-прости.

Он заикался сильнее, чем обычно. Простое извинение, которое ему не за что было произносить, разрывало мне сердце.

— Тебе не за что извиняться. Ты в порядке? Я переживал за тебя, — не было смысла врать, беспокойство в моём голосе было очевидным, и я не мог его скрыть.

— Эмм... Д-да, — он сделал паузу, и в моих мыслях забежала сотня вопросов.

— Орин, я был у тебя дома. Рид, он... он сказал мне выметаться и оставить тебя в покое. Твоя рука. Что произошло?

Он переместил телефон в руке, на краткое мгновение заглушая звук, прежде чем вздохнул.

— Я н-не хочу г-говорить об этом по т-т-телефону. Хочешь в-встретиться со мной после моего занятия в понедельник?

Я отчаянно закивал от шанса увидеть его.

— Да! Да, пожалуйста. Когда заканчивается твоё занятие?

— В восемь тридцать. Ты п-приедешь ко мне домой?

— Может, я заеду за тобой? Можно забрать тебя из колледжа?

— Хорошо, — его голос был мягким и тихим, и между нами воцарилась тишина.

Я не хотел вешать трубку, но если он не хотел говорить по телефону, мне не хотелось давить.

— Орин, пожалуйста, скажи мне, если ты не в порядке. Я могу приехать через пять минут. Даже если тебе просто нужна компания.

— Я правда в порядке, — заверил он, его голос всё ещё был лёгким и едва слышимым. — П-прости, что не отвечал на твои звонки и с-сообщения. П-просто... Я просто...

— Я понимаю. Всё нормально. Увидимся в понедельник?

— Спасибо.

Когда звонок завершился, я едва мог выносить острое желание поехать к нему. Больше всего на свете мне нужно было увидеть его своими глазами и самому убедиться, что с ним на самом деле. Глубоко внутри, растущая часть меня жаждала притянуть его в объятия и держать до тех пор, пока не успокоится его тревога и внутренняя паника. От осознания, что этого может никогда не произойти, и что это, наверное, вечная часть его жизни, боль в моей груди только умножалась.

Глава 9

Время до вечера понедельника тянулось вечность. Работа испытывала моё терпение на каждом шагу, и в результате я отстал, и пришлось задержаться. К тому времени, как я приехал к колледжу, мои волосы были всё ещё мокрыми от душа, так что я немного поправил их пальцами, ожидая, когда отпустят класс Орина.

Он отправил мне сообщение, заверяя, что сидит на лекции, и пока ждал, я отправил ему сообщение в ответ, давая знать, где припарковался.

Как раз после восьми тридцати из входных дверей показалась толпа студентов, рассыпаясь по парковке. Выпрямившись на сидении, я искал взглядом Орина. Только когда толпа стала реже, он вышел, прижимая учебник к груди и глядя на землю, с сумкой на плече. На нём была майка с длинными рукавами, как обычно, так что повязка, которую я видел раньше, была спрятана.

Дойдя до ступенек, которые вели к дороге, он впервые поднял взгляд и осмотрел парковку. Заметив меня, он снова опустил голову и продолжил свой путь. Я завёл двигатель и с тяжестью в груди наблюдал, как он подходит. Опущенные плечи и мёртвая хватка на учебнике говорили о его тревожном состоянии. Это было именно так, как он описывал. Бедный парень жил в постоянном состоянии страха.

Когда он сел на пассажирское сидение и повернулся ко мне с тёплой улыбкой, все поры моего тела наполнило облегчение. Всепоглощающее беспокойство за него, с которым я ходил прошлую неделю, слегка ослабло от вида Орина, а не альтера.

— Привет, — поздоровался я. — Как прошло занятие?

Он пожал плечами и пожевал губу, не в силах удержать мой взгляд.

— Нормально. Мне не особо нравятся эти лекции.

Выехав с парковки, полагая, что мы едем к его дому, я спросил:

— Почему так? Я думал, креативное письмо получше.

Он заёрзал, кончики его ушей порозовели, и появилась его робкая улыбка.

— Потому что... — он бросил на меня быстрый взгляд и сжал свои джинсы, нервно ёрзая. — Тебя... тебя там нет, так что там одиноко. Н-никто со мной не разговаривает. Они много говорят обо мне... за моей спиной, но я не т-тупой.

От этого признания я почувствовал несколько вещей. Меня раздражало, что люди могут быть такими жестокими и избегать кого-то, кто немного от них отличается, кого они даже не знают — особенно в возрасте, когда драматичные подростковые годы позади. Ещё это заявление согрело меня так, как я не ожидал. Знать, что Орин находил комфорт в моём присутствии, было победой, на которую я надеялся.

— Их потеря, — сказал я, сохраняя выражение лица мягким, в надежде помочь ему расслабиться. — Жаль, что занятие было не особо весёлым.

Он пожал плечами и посмотрел в окно, продолжая мучить свою штанину. Когда я припарковался на его подъездной дорожке и заглушил двигатель, я развернулся на месте и кивнул на дом.

— Я предположил, что приехать сюда нормально. Да?

Он бросил взгляд в мою сторону, затем опустил глаза на свои руки, сложенные на коленях.

— Мне так у-удобнее. Это ничего?

— Абсолютно нормально.

Мы вышли, и Орин забрал свою сумку, больше ничего не говоря. У входной двери он открыл замок, а я оставался в нескольких шагах позади него. Когда я находился рядом с ним, в воздухе витал свежий аромат древесного цитруса, и мне требовался весь самоконтроль, чтобы не сделать шаг вперёд и не вдохнуть этот запах.

Он оглянулся через плечо, толкая дверь внутрь, и робкая улыбка появилась и исчезла, прежде чем он снова отвёл взгляд. Я прошёл за ним в комнату и устроился на том же месте, где сидел всегда, когда приходил. Орин бросил сумку на пол возле стола и переминался с ноги на ногу, указывая на кухню.

— Т-тебе принести выпить или что-нибудь ещё?

— Конечно. Подойдёт любое, что у тебя есть.

Его взгляд опустился на пол, когда он пошёл на кухню. Вскоре вернувшись, он принес две кружки, полные дымящегося горячего напитка. Из кружек торчали маленькие коричневые палочки, и мне потребовалась минута, чтобы понять, что это палочки корицы.

— Горячий яблочный с-сидр. Это подойдёт? Тео к-купил его в магазине сегодня днём. Наверное, у них сейчас много всего с-сезонного к осени.

Тео? Я не стал спрашивать.

Я взял кружку и вдохнул сладкий, но пряный запах.

— Это идеально. Не помню, когда я последний раз пил сидр.

Он улыбнулся с ноткой гордости и опустил на колени на полу перед кофейным столиком. Я и раньше замечал, что ему удобнее там, и он часто устраивался на полу, а не на самом диване.

Он обвил руками кружку и сосредоточился на поднимающемся дыме, нахмутив брови, будто подбирая слова, прежде чем озвучить их.

— Я... По в-вторникам и четвергам у меня терапия с доктором Дельмаром. И-иногда это проходит нехорошо. Прогресс может быть... эмм... — он на минуту задумался, явно борясь с тем, что хотел выразить. Тяжело вздохнув, он встретился со мной взглядом. — Бывает много сопротивления, — его взгляд опускался вместе со звуком его голоса. — Коув не ладит со мной и... — прошептал он. — Иногда из-за этого между нами всё становится хуже.

Оставив своё место на диване, я присоединился к нему на полу, чтобы находиться на его уровне. Колебаясь, я скользнул рукой через стол к его руке. Когда я приблизился, он отпустил кружку и наблюдал за мной с опаской в глазах. Левая рука, которая была забинтована под длинным рукавом, лежала ближе, и я взял эту руку в свою свободной хваткой, достаточно, чтобы он мог отстраниться, если не захочет прикосновения. Он не двигался. Повернув руку, чтобы поражённая область под рубашкой лежала лицом вверх, я надавил кончиками больших пальцев на его ладонь, нежно массируя, надеясь его расслабить. Его напряжение заметно увеличилось; его плечи сжались, и кадык подскочил, когда он тяжело сглотнул.

— Можно? — спросил я, кивая на руку, прося разрешения посмотреть, что произошло.

Его губы неуверенно дёрнулись, серо-голубые глаза, которые не отрывались от моих, стали стеклянными, но он кивнул. Это было едва ли достаточное движение для подтверждения, так что я не двигался, пока из его горла не вырвалось простое хриплое «да».

С продолжающейся заботой, я закатал рукав его майки до локтя, раскрывая новую белую повязку на его руке. Я провёл пальцами вниз по этой поверхности, чувствуя под повязкой выступы. Мне хотелось увидеть больше, но я не мог объяснить, почему. Глубоко внутри было нарастающее, жгучее желание заботиться о мужчине передо мной, что также означало понимание всего, что можно знать о самоистязании, жертвой которого он стал.

Когда я положил пальцы на повреждённую область, Орин начал объяснять. Его голос был едва слышимым, и мне понадобилось напрячься, чтобы ничего не упустить.

— Он знает о моём прошлом. Он ненавидит меня. Может, он меня винит, я не знаю. Чтобы достичь параллельного сознания, как я объяснял раньше, доктор Дельмар говорит, что мне нужно принять Коува. Только... он злой и жестокий. Я пытаюсь его сдерживать и не выпускать, но он вырывается, а потом делает это. Доктор Дельмар не понимает. Иногда я думаю, что Коув пытается нас убить. Он оставляет порезы. Ожоги. Что угодно, чтобы нам было больно. Я пытаюсь его остановить, Вон... Правда.

Когда его голос надломился, он замолчал. Я не смог остановиться и взялся за кончик одного из пластырей. Когда я оторвал пластырь от его кожи, его лицо сморщилось, и он закусил губу. Иначе он никак меня не остановил. Один за одним, я снял пластырь, который держал на месте его повязку. Убрав последний кусочек, я осторожно поднял хлопковую повязку, на случай, если она прилипла к его ране. То, что я нашёл под ней, всколыхнуло желчь у меня внутри, и она поднялась к моему горлу, заставляя меня несколько раз сглотнуть.

Его рука была разрезана в двух местах. Длинные характерные порезы с ровными краями, наверное, сделанные острым лезвием. Оба были одной длины; грубо говоря,

около шести или восьми сантиметров. Оба были зашиты, и были признаки, что кожа начала затягиваться обратно.

В моих мыслях вертелся миллион вопросов, но я сидел молча, глядя на раны на его руке, с каждой проходящей минутой чувствуя всё больше боли внутри.

— Откуда... Откуда ты знаешь, что это Коув? — я не встречался с этим альтером — и не был уверен, что хочу этого — но я встречался с Ридом, и по какой-то причине я мог представить от него такую агрессию.

— Он мне сказал. В дневниках, которые мы пишем. Иногда он извиняется, говорит, что у него нет выбора, но я ему не верю. В прошлом он обещал, что больше не будет причинять мне боль, но это всегда происходит снова, — Орин покачал головой. — Может, если бы он не знал о них, то не ненавидел бы меня так сильно. Это не моя вина.

«О них? О воспоминаниях?»

— Ты совсем не помнишь, как он это делал?

Орин покачал головой и наблюдал, как я провёл большим пальцем вдоль ближайшего пореза.

— Я потерял почти неделю.

Не отпуская его руку, я поднял взгляд и посмотрел на его искажённое лицо. Его взгляд был опущен на руку, только он не смотрел на неё. Он потерялся в мыслях.

— Я заходил. Переживал за тебя.

— Прости.

Не раздумывая, я поднёс руку к его лицу и поднял его подбородок, чтобы он посмотрел мне в глаза. Он вздрогнул от контакта, но расслабился быстрее, чем раньше. Так что я оставил ладонь на его щеке.

— Тебе не за что извиняться.

Когда наши взгляды встретились, дыхание Орина заметно ускорилось. Хоть всё его тело замерло, когда я положил руку ему на лицо, его сотрясала безошибочная внутренняя дрожь.

Видеть грозное, серо-голубое беспокойство в его глазах, было достаточно, чтобы я потерялся. Черты его лица были такими тонкими и мягкими. Каждый нежный изгиб подчёркивал его красоту самыми неуловимыми способами.

Я не мог оторваться. Его взгляд метался по моему лицу и дважды опускался на мои губы, прежде чем поднимался обратно с ноткой паники.

Я подвинулся к нему раньше, чем смог себя остановить. Одновременно с этим, я притянул его ближе, перемещая руку на его затылок. Как бы ему ни было страшно, он не отстранился. Когда между нашими лицами осталось несколько дюймов, я замер. Наши лбы соприкоснулись, и я чувствовал на губах его дыхание, но не двигался дальше.

Его резкие вдохи были хорошо слышны, и я сосредоточил взгляд на его губах, когда он несколько раз облизнул их. Приглашение могло быть очевидным, будь это с кем-либо другим, но с Орином я знал, что не стоит действовать раньше времени.

— Я хочу тебя поцеловать, — прошептал я.

Его нос коснулся моего, и на выдохе он произнёс:

— Я знаю.

Я улыбнулся от его ответа. Это не было разрешение, так что я прижался ближе, пока наши губы не оказались на расстоянии волоска.

— Так нормально?

Он кивнул в тот же момент, как его пальцы зацепились за мою руку в неуверенной хватке. Будто страх требовал от него заземлиться каким-то осязаемым способом.

Внимательно следя за любыми признаками того, что должен остановиться, я сократил последний отрезок расстояния и сжал наши губы вместе. Единственной его частью, которая не замерла от тревоги, были его губы. Они смягчились под моим прикосновением, и он неожиданно вздохнул, когда мы встретились.

Лаская его губы лёгким прикосновением, я нерешительно целовал его, только пробуя, когда его хватка на моей руке ослабла. Поцелуй оставался невинным и лёгким; маленькие прикосновения, пока я проверял его решительность. Когда я сделал попытку побудить его раскрыть губы и зайти дальше, Орин отстранился.

Я расслабил хватку на его шее и сел на пятки, увеличивая расстояние между нами, чтобы его сбитое дыхание могло успокоиться. Глядя на меня дикими глазами, он неосознанно поднял руку и коснулся своих губ. От неуверенности он искал ответ и не раз робел и отводил взгляд.

— Ты мне нравишься, Орин. Я надеюсь, что... поцелуй тебя не отпугнул. Я никогда не хотел бы намеренно доставить тебе дискомфорт.

Ладонь, которая всё ещё лежала на моей руке, снова рефлекторно сжалась, и его губы попытались сформулировать слова. Было болезненно смотреть на его тяжёлые попытки, но я терпеливо ждал ответа.

— П-почему?

Почему? Почему он мне нравился?

Я хохотнул и накрыл его руку своей.

— Почему нет? Ты невероятный, и мне нравится узнавать тебя. Твоя сила и решительность... ты завораживаешь меня, Орин.

— Я н-не они, — его взгляд упал на стол. — Я едва функционирующий человек с большим количеством проблем, чем могу сосчитать.

— Я вижу не это.

Когда он нашёл смелость поднять взгляд, он посмотрел на меня скептически.

— Ты мне тоже нравишься, — прошептал он. — Но...

От одного этого «но» моё сердце словно сдавило, и я сжал челюсть, ожидая от него объяснений, уверенный, что услышу отказ.

— Я-я не знаю... П-просто... — он заметно дрожал, пока сквозь заикание пытался всё объяснить. — От ф-физических о-отно... — он раздражённо выдохнул и попытался снова. — От физических отношений м-мне некомфортно. Я не д-думаю, что смогу пойти на это, — признавшись, он высвободил руку и провёл ею по лицу. — П-прости.

Он собрал бинт и кусочки пластыря, затем подскочил и умчался в конец коридора, прочь из поля моего зрения. Хлопок двери был последним, что я услышал, прежде чем в доме воцарилась тишина. Мои мысли разбегались от того, что произошло, и я тут же почувствовал себя придурком. Если он в детстве страдал от тяжёлого насилия — сексуального насилия, среди всего прочего — конечно, с физической близостью будет сложно. *Чёрт!* Я бы не удивился, если бы это было совершенно невозможно.

Прождав достаточно долго, чтобы исключить то, что он выйдет, я встал, оставил наши остывающие напитки на столе и пошёл за ним. Возможно, мне стоило уйти, но я не мог отделаться от необходимости убедиться, что он в порядке, и дать ему знать, что я

никогда в жизни не буду давить на него. Поцелуй был ошибкой, и мне нужно было, чтобы он знал, что этого больше не произойдёт.

Дверь в комнату Рейна была закрыта, и вторая дверь дальше по коридору открывала вход в другую спальню, но там было темно. Через коридор находилась третья дверь, которая была закрыта. Из-под неё горел свет, говоря мне, где я найду Орина.

Я легко постучал и стал ждать. Никакого ответа. Постучав ещё раз, я добавил:

— Пожалуйста, поговори со мной, Орин. Мне не следовало этого делать. Это я должен извиниться.

Целую минуту спустя, когда я собирался сдаться и оставить его в покое, дверь приоткрылась. Дюйм за дюймом, открылась ванная вместе с Орином, который держал в руках аптечку.

— Можешь помочь мне это перемотать, пожалуйста? Это с-сложно.

Он сделал шаг назад, приглашая меня зайти, и я с опаской подошёл ближе.

— Конечно.

Он протянул мне аптечку и сел на закрытую крышку унитаза. Комната была маленькой, и край ванны был достаточно близко, чтобы я присел на него для работы. Орин не смотрел на меня и следил взглядом за тем, что я делал. Пока я отрезал кусок марлевой повязки, чтобы закрыть его рану, до моих ушей донёсся его тихий голос.

— Никто никогда не был со мной так добр, как ты. У меня н-никогда раньше даже не было друга. Я слишком отличаюсь от большинства людей. Слишком непредсказуемый. Я не всегда я, и прямо сейчас я определённо не контролирую, кто впереди, а кто нет, — он раздражённо выдохнул. — Вон, ты... Ты мне тоже нравишься. Но я не могу дать тебе того, что ты хочешь.

Я отрезал кусок пластыря и посмотрел на Орина, прежде чем приклеить пластырь вдоль куска марли.

— Ты не знаешь, чего я хочу.

Он издал звук, напоминающий натянутый смешок.

— Ты симпатичный парень и, наверное, хочешь с кем-то этих идеальных отношений. Которые включают в себя... ты знаешь... — он заёрзал и опустил голову ещё ниже, чтобы я не видел его лица. — То, что делают в отношениях нормальные люди, — пробормотал он.

Я легко мог догадаться, что он подразумевает под этими «нормальными отношениями».

— Можно, я объясню тебе кое-что обо мне?

Я приклеил ещё один кусочек пластыря и ждал его ответа. Он кивнул, но не поднимал голову. Так что я закрепил последние два кусочка пластыря, убеждаясь, что повязка закреплена прочно, и опустил рукав его майки, прежде чем взять его за подбородок и поднять его голову.

Как только его взгляд встретился с моим, я убрал руку, чувствуя, какую тревогу вызывает это прикосновение.

— Ты постоянно говоришь мне, что не похож на других людей, и вижу это и понимаю единственным способом, которым могу. Я очень стараюсь учиться. Но я тоже не похож на других людей. У меня были всевозможные предложения встречаться с мужчинами, и я соглашался на некоторые из них, но они все одинаковые. Всегда есть что-то, в чём мы не сходимся.

Секс. Но я не хотел говорить это так прямо. В отличие от Эвана, я всегда нуждался в таком намного меньше. Интим был для меня важен, но, наверное, я был одним из немногих парней на планете — или единственным парнем на планете, если верить Эвану — который просто не чувствует необходимости в крайне активной сексуальной жизни. Бойфренды в прошлом не могли смириться с этим и, в конце концов, сдавались. Не то чтобы я не наслаждался сексом, просто интим, окружающий это, был для меня намного важнее при построении отношений. Секс был бонусом, но я не ходил искать его, как Эван, и не требовал его с такой же необходимостью, с какой нуждался в кислороде или в еде. Я не был таким, как другие мужчины.

— Эван дразнит меня и говорит, что я ищу мистера Идеальность, но он ошибается. Я просто ищу кого-то, кто понимает меня и видит вещи так, как вижу я. Кого-то, кто ценит мелочи, а не узко мыслит об одном. Кого-то с добрым сердцем. Таких людей всё меньше и меньше. Но ты такой, и это мне в тебе нравится. Я никогда не попрошу тебя пойти на что-то, от чего тебе некомфортно. Если такое моё признание в чувствах к тебе было ошибкой, мне жаль. Полагаю, теперь ты знаешь, что я чувствую, но я буду более чем счастлив быть с тобой рядом как друг, если ты хочешь только этого.

Пока я говорил, он нашёл зубами свою нижнюю губу и беспощадно её жевал. Неуверенность в его глазах причиняла боль, но я даже не мог представить себя на его месте.

— Я хотел бы, чтобы было что-то большее, — наконец сказал он.

— Это невозможно?

— Я... Я не знаю, — его взгляд упал на колени, прежде чем он продолжил. — Но если мы попытаемся, и это всё пойдёт плохо... Я-я не хочу потерять тебя как друга. Я не хочу видеть, как ты раздражаешься из-за...

И снова он запнулся на чём-то, что не мог озвучить. Я был убеждён, что если прямо заявлю, что готов ждать с сексом, он назовёт меня лжецом и никогда не научится мне доверять, так что я промолчал.

Мне хотелось потянуться и прикоснуться к нему. Успокоить его таким образом, которым вряд ли в жизни его кто-то успокаивал. Однако он ясно очертил границы, и любой нежеланный контакт был для него явным потенциальным триггером.

— Здесь всё контролируешь ты, Орин. Если ты можешь дать мне только дружбу, я понимаю. Если какая-то часть тебя хочет попробовать отношения, думаю, ты обнаружишь, что я более чем терпеливый. Хорошо?

Тишина воцарилась надолго. Без дальнейших слов, рука Орина скользнула ближе и робко коснулась моих пальцев. Я не двигался и позволил ему по-своему исследовать связь. Раскрыв мою руку, кончики его пальцев танцевали по моей ладони, прежде чем полностью лечь на мою кожу. Он обхватил пальцами мою руку и держал в своей. Только тогда он поднял взгляд к моим глазам.

Моё внутреннее желание поцеловать его было сильным, и мне не раз приходилось бороться с желанием поддаться своему телу.

— Ты понимаешь, что мы вроде как идём в одном наборе, верно? Я не только я. Все мы живём вместе, и ты не можешь просто принять одного, без остальных, — его губы изогнулись в попытке улыбнуться, и его робость вернулась с полной силой.

Он пытался сказать, что хочет попробовать завязать отношения?

Набор. Я учитывал это, но по-прежнему это вызывало у меня больше всего замешательства. Моё внимание привлёк Орин. Другие альтеры — с которыми я познакомился — были просто другими людьми, которые, несмотря на свою уникальность в том, что являлись особой частью Орина, не были Орином. Рейн был ребёнком. Рид — негодующим идиотом. Коэну, хоть с виду он любил флиртовать и был привлекательным, было девятнадцать. Я не был уверен, что чувствую по этому поводу.

Никто из них не был Орином. Не был объектом моего истинного влечения и человеком, который привлёк мой взгляд и заставлял моё сердце биться с большей силой, и всё внутри трепетать.

— Это может оказаться непросто, — честно признался я. — Последний раз, когда я видел Рида, я был уверен, что он может надрать мне зад только за то, что я выразил беспокойство за тебя.

Смешок, который раздался после моего заявления, был более свободным, чем раньше.

— Видишь, мы не рядовой случай. Наверное, не лучшая смесь для нормальных отношений.

«Так это «нет»?»

Я сжал его руку и встал, помогая ему тоже подняться. Отпустив его, я закрыл аптечку, прежде чем вернуть её ему в руки.

— Можешь сделать мне одолжение? — я подождал, пока он кивнул, прежде чем продолжить. — Перестань говорить про «нормальность». Не бывает двух одинаковых людей. Ты мне нравишься таким, какой ты есть.

Он сдался и вернул аптечку на её место под тумбочкой. Чтобы снять напряжение, я предложил посмотреть фильм, и Орин быстро согласился. Он разогрел наши напитки и устроился рядом со мной на диване. Больше ничего не было сказано о нашем поцелуе, о порезах на его руках, о направлении наших отношений или о том, что может случиться после этого дня. Мы просто наслаждались вечером.

На середине фильма Орин потянулся через маленькое пространство, разделяющее нас. Он проскользнул рукой к моей. Наши пальцы переплелись, и он крепко держал меня. Я не привлекал к этому внимания, но до конца фильма гладил его тёплую кожу большим пальцем. Это была простая и незатейливая связь.

Безопасная.

Моё сердце согревало осознание, что, несмотря на свою неуверенность, он искал большего.

Глава 10

Рождественские каникулы наступили быстрее, чем мне хотелось бы. До этого моё свободное время было занято Орином. Мы проводили вместе много вечеров, работая над нашим проектом, а в другое время просто смотрели фильмы или гуляли по гавани — что, как я узнал, Орину очень нравилось.

Между нами не происходило ничего большего, кроме малого количества мимолётных прикосновений, которые никогда не длились дольше секунды. Уровень комфорта Орина рядом со мной рос, и его заикание всегда было моим показательным

фактором насчёт того, где заканчивается этот уровень. Меня подбадривало, что это заикание уходило, и он больше улыбался.

С двумя неделями отдыха от учёбы и очень необходимыми несколькими выходными от работы, я с нетерпением ждал, что проведу чуть больше времени с Орином. Я знал, что у него нет семьи — или, по крайней мере, он никогда не упоминал о ней за время нашего общения — так что я пригласил его на небольшой ужин в моей квартире. Ему не особо хотелось менять нашу рутину и ехать ко мне домой, но, в конце концов, он согласился.

За последние два месяца у меня было несколько стычек с Ридом. Ни одна не заканчивалась хорошо. Каждый раз, когда я оказывался в его присутствии, меня вышвыривали за дверь и говорили никогда не возвращаться. Я воспринимал каждый эпизод скептически — снаружи. Внутри, должен признать, это было больно. Рид не говорил со мной и не слушал, когда я только хотел объяснить, что я не угроза и что мне нравится Орин. После этого всегда приходило сильно уныние, особенно потому, что его появление всегда было резким.

Рейн появлялся ещё один раз, а Коэн дважды. Моя неловкость с Рейном оставалась, но из-за того, что его появление во второй раз было таким же коротким, как в первый, у меня не было времени особо привыкнуть к мысли о ребёнке в теле Орина.

Коэн... был намерен завоевать меня. Когда я поделился этим с Орином, он только похихикал и заверил меня, что всё об этом знает.

Дневники... те, к которым меня не подпускали.

Были дни, когда я чувствовал себя чужаком в семье, связанной тесными узами.

Коув и Тео оставались загадкой. Я ещё не встречался ни с одним из них и иногда, эгоистично, надеялся, что не встречу никогда. С Орином и тремя другими личностями было уже достаточно сложно. Я нервничал от мысли, что нужно будет балансировать с ещё двумя альтерами, которым я могу понравиться, а могу и нет.

Я открыл дверцу духовки и проверил запечённую курицу и картошку. Волна пара ударила мне в лицо, отчего сразу же запотели мои очки. Я повернул лицо в сторону и ждал, пока моё зрение очистится, прежде чем заглянуть в духовку. Пикантный запах лимона и трав ударил мне в нос, и мой желудок заурчал в ответ. Кожа на курице была золотисто-коричневой; как и картофельные кубики, которые я бросил в оливковое масло и посыпал чесноком и розмарином. Всё выглядело готовым, включая морковь, которая варилась на пару.

Я проверил время, доставая блюда из духовки и ставя их сверху на плиту, чтобы остыли. Было без четверти шесть.

Я выключил плиту и набрал быстрое сообщение Орину, давая ему знать, что уже еду. Он настаивал на том, чтобы прийти пешком, но я категорически отказался. Температуры была ниже нуля, и последние два дня выпало значительно много снега, оставляя тротуары едва проходимыми.

Надев пальто, я осмотрел гостиную и столовую. Всё было чисто. Стол был накрыт для ужина, включая мои самые красивые тарелки, которые я унаследовал от бабушки, сложенные салфетки и рождественскую свечу посередине. Это выглядело интимно и напоминало атмосферу для свидания.

— Это не свидание, — напомнил я себе, надевая ботинки.

Я повторял себе это заявление весь день, но не смог устоять перед тем, чтобы сделать всю атмосферу подходящей именно этому заявлению. Начиная от освежителей

воздуха, которые я купил, до тихой музыки, которая уже играла на фоне, именно таким всё и казалось.

Глубоко внутри, я по-прежнему не мог избавиться от этих чувств, которые развивались у меня к Орину. На самом деле, чем дольше я знал его, тем существеннее они становились. И он не особо прояснил, состоим мы или нет в статусе *отношений*... а я и не спрашивал, потому что это казалось некомфортным для него разговором.

Дорога до его дома была медленной. Улицы были наполовину расчищены, но слякотные. В переулках было ещё хуже. С сезоном зимы темнело рано, и в это время вечера рождественская суэта была напряжённой. Все закупались к предстоящим праздникам, и движение было тяжёлым.

Когда я остановился на его подъездной дорожке, был уже седьмой час. Он ждал у входной двери, закутанный в чёрную вязаную шапочку, шарф, чёрное зимнее пальто и ботинки. Он обнимал себя, защищаясь от холода, и поспешил к машине, как только я остановился. Сев в салон, он снял свою шапку и провёл пальцами по своим светлым волосам, улыбаясь.

— Привет, — сказал он скромным тоном, к которому я привык. За последние два месяца он значительно вышел из своей оболочки, но от робости он избавиться не мог. Это было просто частью того, кто он есть.

Я ответил ему улыбкой и выехал с дорожки.

— Надеюсь, ты голоден. Я приготовил нелепо много еды.

— Ужасно голоден, — он вздрогнул и вытянул голые руки перед печкой, ища тепла.

После его действия я включил печку на максимум, пуская горячий воздух на нас обоих.

В своей квартире я не упустил, с каким интересом Орин посмотрел на накрытый стол и вслушивался в играющую музыку. Он ничего не комментировал, и я сразу же начал переживать, что зашёл слишком далеко, пока не увидел, как он улыбается сам себе, когда думает, что я не смотрю.

— Я только доделаю пару тарелок и вынесу их. Тебе принести что-нибудь выпить? Я купил вино, но не знал, будешь ли ты.

За всё время, что мы провели вместе, я никогда не видел, чтобы он пил алкоголь. Коэн пил, но не Орин. Когда его лоб нахмурился от моего предложения, я пожалел, что не взял несколько альтернативных вариантов.

— На самом деле, я не должен пить. Меня держат на антидепрессантах, но я люблю вино, и сейчас праздники, верно?

Это был настоящий вопрос, и взглядом он искал настоящий ответ, будто он не был уверен, что может сделать выбор сам. Я понятия не имел, что он принимает лекарства, которые несовместимы с алкоголем. Коэн никогда не упоминал об этом. И не казалось, что его это заботило.

— Я могу сбегать в магазин и купить бутылку колы или что-то ещё, мне следовало спросить заранее.

Орин покачал головой в ответ на предложение и надавил на глаз костяшкой пальца.

— Н-нет... Всё нормально. Если честно, я ненавижу это правило. Все остальные его нарушают. Почему мне нельзя? Вино подойдёт идеально.

Неохотно, я извинился и пошёл за тарелками на кухню. Вернувшись и расставив их на места на столе, я замешкался. Отчасти я планировал зажечь свечи в центре стола — что

казалось хорошей идеей, когда я думал об этом раньше — но в данный момент я застеснялся, зная, что это зайдёт на территорию свидания, а я не был уверен, что это приемлемо.

Обстановка всё равно была интимной, и осанка Орина и постоянная суета, в паре со случайными робкими улыбками, когда наши взгляды встречались, говорили мне, что он это заметил. Со своим уже очевидным провалом, я взял коробок спичек и всё равно зажёл свечи.

«К чёрту всё, это свидание».

Орин наблюдал за мерцающим огнём и снова окинул взглядом квартиру, прежде чем остановиться на моём лице и одарить меня очередной тёплой улыбкой. От этого на моей коже танцевали мурашки. У него были самые красивые глаза и губы, и я обожал то, как он светится от удовольствия.

Не обмениваясь словами, мы принялись за еду.

— Это очень вкусно, — сказал он, указывая вилкой на запечённую курицу.

— Спасибо. Моя мама настаивала на том, чтобы я помогал ей на кухне, пока выросл, так что я мог кое-что запомнить.

— Я не могу разобраться, как сочетать травы и всё такое, чтобы было вкусно. Тео повар. Он занимается этим вплотную и заполняет холодильник разнообразными... — он прервался и поднял взгляд к моим глазам, сжимая губы в тонкую линию. — П-прости.

Он опустил подбородок к груди, засовывая в рот маленький кусочек курицы. Говоря о своих альтерах, он часто начинал чувствовать себя неловко. Я знал, что он считает себя странным или ненормальным — два термина, которые беспокоили меня больше, чем он знал.

— Ну вот, снова заставляешь меня завидовать. Знаешь ли, не у всех у нас внутри может быть армия людей, чьи навыки превращают нас в совершенного сверхчеловека, который хорош во всём.

Он попытался скрыть свой смешок, когда кончики его ушей порозовели.

— Это настолько далеко от правды, что просто страшно.

— Может быть, но ты засмеялся. Значит, Тео готовит?

Я изо всех сил старался сделать так, чтобы ему было комфортно с самим собой. Особенно потому, что весь мир будто был нацелен на противоположное. К этому моменту я надеялся, что он понимает, что я никогда не буду осуждать или дразнить его насчёт его состояния, и что я всем сердцем его поддерживаю.

— Готовит. Любит пробовать новое. Я никогда не знаю, что найду в холодильнике или морозилке. И у него сумасшедшее количество кулинарных книг. Я разорюсь от того, сколько он тратит на продукты.

Я радовался тому факту, что его нервное заикание практически исчезло. Это многое говорило об уровне его комфорта, и я использовал этот как руководство, чтобы узнать, как он чувствует себя в определённых ситуациях.

— Моей маме понравился бы Тео. Они часами говорили бы о рецептах и еде.

Он заёрзал на месте, один раз оторвав взгляд от тарелки, но не ответил.

Воспользовавшись плавным переходом, я положил вилку рядом с тарелкой и вытер рот салфеткой.

— Кстати о моей маме, она устраивает семейный рождественский ужин на следующей неделе, двадцать второго. Ты не хочешь поехать?

Взгляд Орина поднялся к моему лицу. Кровь отлила от его щёк, делая его бледным. Он снова отвёл взгляд, сосредотачиваясь на еде. Вилкой он немного слишком сильно надавил на картошку, и я не упустил лёгкую дрожь в его руке.

— Эмм... Я н-не хочу вмешиваться в с-семейные дела. Но спасибо, — картошка так и не оказалась у него во рту, а вместо этого поёрзала кучу раз по тарелке, прежде чем Орин снял её с вилки и вместо неё наколот морковку.

— Меня всегда просят привезти друга. На самом деле, моя мама будет в восторге, если я кого-то привезу.

— В к-качестве спутника? — прошептал он. — О-она, наверное, имеет в виду с-спутника. Не меня.

Именно этого и хотела моя мама. Потому что даже если я тащил с собой Эвана, она полвечера болтала о том, что мне нужно осесть и найти мужчину. Но почему не Орин?

— Моя мама полюбила бы тебя до безумия.

Это был не ответ — и потому, что мне хотелось бы назвать его своим спутником, я надеялся, что он увидит слова сквозь мой умный обход темы.

Оставив вилку на краю тарелки — с всё ещё наколотой несъеденной морковкой — он потянулся за вином и сделал глоток больше, чем те маленькие глотки, которые он делал до этого.

— Я н-не думаю, что хочу этого, — его щёки покраснели, и он снова поднял бокал к губам, глотая ещё больше вина.

Я накрыл его руку своей и побудил его поставить бокал. Он по-прежнему не смотрел на меня, но не отстранился и допустил наше прикосновение.

— Почему так?

— Эмм... Я п-просто... — он убрал руку и надавил костяшкой пальца на глаз. Я узнал это действие, которое он совершал часто, когда рядом находились альтеры. — Люди меня не понимают. С-стресс может спровоцировать переключения... Я... — он сглотнул и поёрзал на сидении, прежде чем решительно покачать головой. — Я н-не могу поехать.

— Всё нормально. Мне не стоило спрашивать, — из-за того, что я не мог оставить разговор на этом месте, чтобы он записал меня в эту самодельную категорию, я добавил: — Не *все* люди. Ты же знаешь, что я понимаю, верно?

— Я знаю, что ты п-пытаешься.

Чувствуя себя в десять раз глупее, я молчал до конца ужина. Орин больше не ел, но очень старался делать вид, двигая еду по тарелке. В этот момент я пожалел обо всём. Давить на Орина с романтической атмосферой было не лучшим вариантом, не важно, что я чувствовал. Отношения между нами были неясные, и я не имел права давить на них.

Когда мы закончили, я убрал со стола и набрал в раковину воду, чтобы помыть посуду. Потерявшись в мыслях, я не слышал, как Орин подошёл ко мне сзади, пока его рука не легла мне на спину. Это было легчайшее прикосновение и совершенно неожиданное, учитывая, что он редко — если такое вообще было — был инициатором каких-либо контактов.

Я выключил воду и посмотрел через плечо на Орина, который стоял меньше чем в шаге от меня. Когда наши глаза встретились, он убрал руку и отошёл назад, обнимая себя.

— Я-я постараюсь, — выдохнул он. — Поехать на ужин к твоим родителям.

Развернувшись, я оперся на тумбочку, желая взять его за руки, которым он так крепко обнимал своё тело для стабильности.

— Ты не обязан. Мне не стоило спрашивать.

Он покачал головой, останавливая мои слова.

— Это не честно. Ты так сильно стараешься со мной. Ты удивительный друг. Мне... мне нужно тоже стараться. Я просто боюсь...

Не в силах устоять, я потянул его за руку, которую он прижимал к телу, и обвил её своей.

— Не надо. У меня самые потрясающие родители. Если что-то случится, они поймут. Поверь мне.

Он полностью сосредоточился на наших соединённых руках, и я не был уверен, слышал ли он меня, пока он не кивнул. Его пальцы переплелись с моими, пробуя связь боязно, как Орин делал всё в своей жизни. В ответ я гладил его кожу нежными движениями, водя большим пальцем по его руке и успокаивая его.

Его губы слегка приоткрылись, и он бросил быстрый взгляд на моё лицо, прежде чем снова опустить глаза на наши руки. Медленными движениями, наблюдая за его лицом в поисках каких-либо признаков беспокойства, я поднёс его руку к своей груди и положил его ладонь себе на сердце, накрывая её своими пальцами. Не осознавая этого, он снова сделал шаг вперёд, по-прежнему сосредоточившись на действии.

Моё сердце колотилось, и я мог только представить, что он старается пробиться сквозь пустоту в своей груди.

— Я всегда буду рядом с тобой, Орин. Когда ты со мной, не нужно бояться. Надеюсь, ты это знаешь.

Он медленно поднял подбородок, пока наши глаза не встретились. Серо-голубые радужки, в которых было больше боли, чем я когда-либо пойму, сияли неуверенностью и недоверием, но также чуточкой надежды. К этой надежде мне нужно было потянуться и вытащить её на поверхность. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы он поверил мне. Он всегда знал только жестокий мир, и я хотел показать ему лучшую жизнь.

Долгие минуты никто из нас не говорил. Прикосновения, наблюдение; наша связь росла и не уступала интимной атмосфере, которую я неосознанно создал. Я сопротивлялся инстинкту, который тянул меня к нему, вынуждаясь захватить его губы и поцеловать его встревоженную душу. Зная, что это неправильно, я крепче сжал его руку. Пальцами свободной руки я провёл по его щеке и виску, пока не добрался до его затылка. Даже от этого маленького действия его глаза расширились, и зрачки увеличились.

Не в силах устоять, я прильнул, сокращая наше минимальное расстояние, и призрачным, едва уловимым поцелуем коснулся его лба. Его пальцы на моём сердце сжались крепче, цепляясь за мою майку и не давая мне отойти назад.

Один поцелуй превратился во второй, на этот раз у его виска, а третий рядом с его ухом. Тогда его руки обвились вокруг моей талии, и он прильнул ко мне, утыкаясь лицом мне в шею. Так что я обнял его, обхватив руками его тело и желая успокоить дрожь, которую чувствовал физически в каждой его конечности.

Как я когда-нибудь мог подумать, что Орин может завести отношения? Простое объятие было практически большим, чем он мог вынести. И всё же, он не отстранился. Он инициировал это, и не было ни шанса, что я откажу ему в том, в чём он нуждался.

Его запах, его тепло и то, как осторожно его пальцы цеплялись за мою рубашку на спине, было потрясающе, и я отложил все эти ощущения в памяти, для сохранности.

Только я не знал, что моё следующее действие переключит весь наш вечер с милого и чувственного на хаос.

Наслаждаясь нашим объятием и ощущением прижатого ко мне Орина, я сжал его крепче, прижимая его слегка меньшую фигуру к себе и глубоко вдыхая, утыкаясь носом в его висок.

Именно в этот момент всё его тело застыло. Сначала я посчитал это действие типичным страхом Орина и собирался ослабить хватку, но я ошибался. Прошла всего доля секунды между тем, как всё его тело сжалось, и тем, как он грубо оттолкнулся от моих объятий. Если бы я не стоял, прижимаясь к тумбочке, то споткнулся бы от силы этого толчка.

Орин, в свою очередь, споткнулся и ударился о стену напротив меня. Моё замешательство и шок сразу же испарились от гневного взгляда в его глазах. Он выпрямился и поправил свою рубашку, наклоня голову на бок и издавая ужасный хруст, разминая шею. Расправленные плечи, когда он встал во весь рост, в паре с твёрдой линией губ, остановили слова, которые я собирался сказать — а я собирался попросить его сделать глубокий вдох и расслабиться.

Рид.

Я сглотнул свою заботу и выдержал его смертельный взгляд, не отступая. Он никогда не проявлял жестокость, и Орин посмеялся, когда я спросил, в его ли это натуре. Риду не нужны были мышцы и кулаки, огонь в его глазах заставил бы мужчину в два раза больше него без вопросов отступить.

Он указал на меня пальцем, обнажив зубы с одной стороны рта.

— Никогда больше не трогай нас так, — прорычал он сквозь сжатые зубы.

— Я не...

Он подошёл вперёд, по-прежнему не опуская палец, нахмурившись ещё больше. Когда он вторгся в моё личное пространство, я прижался спиной к тумбочке.

— Я знаю таких, как ты. Я знаю твои намерения.

Глубокая хрипота в его голосе сбивала меня с толку каждый раз, когда я встречался с Ридом. Сегодня не было исключения. Мой мозг никогда не поспевал за тем, как быстро Орин мог переключиться. Это смешалось с сетью мыслей, когда я сразу же попытался определить, что стало причиной переключения.

— Позволь мне кое-что прояснить, любовничек.

Он облизнул губы и только тогда опустил палец, чуть не ткнув им мне в грудь. Рид никогда особо много не говорил. Обычно он выражал свою неприязнь ко мне через отрывистые слова и злобные, негодующие взгляды, прежде чем вышвыривал меня за дверь или оставлял одного посреди улицы.

Его глаза потемнели, когда он навис надо мной.

— Этот твой маленький эксперимент заканчивается здесь и сейчас. Мы не заинтересованы.

— Я не уверен, о чём ты говоришь.

— Ты всё прекрасно знаешь. Не играй со мной в игры, — он развернулся на пятках и прошёл в гостиную, где на заднем фоне продолжала играть тихая музыка, и в подсвечниках в центре стола догорали свечи.

Он осмотрел комнату, и его взгляд упал на два винных бокала, которые я не убрал. Я заговорил раньше, чем смог себя остановить.

— Всё не так, как выглядит.

Какого чёрта я оправдывал свои действия? Всё было именно так, как выглядело. Именно так, как я намеревался. Это было свидание, хоть я никогда не называл это свиданием. Я знал это, и Орин это знал.

Но Рид...

— Кажется, ты не понимаешь, — его голос стих до шёпота, когда он взял бокал и покрутил им, взбалтывая содержимое. — Это не нормально. Ничего из этого. Быть здесь. Делать это. Быть с тобой.

— Что со мной не так? Я делаю всё, что могу, чтобы быть другом... тебе.

Орину.

Что я защищал, чёрт возьми? Кого?

Его взгляд встретился с моим, и он подошёл ко мне за два шага. Я стоял на месте, не позволяя ему увидеть, как на меня повлияли его действия.

— Это, — он поднял бокал, — и это, — он помахал рукой в воздухе, указывая на музыку, — действия не друга. Это зашло за грань безвредной учёбы, и я знаю, о чём ты думаешь. Вы все одинаковые. Этого *никогда* не будет. Ты меня слышишь? Никогда!

Я открыл рот, чтобы ответить. Чтобы объяснить, что Орин, кажется, чувствует всё иначе, но рот я снова закрыл, зная, что Риду ничего не докажу.

— Прости, — сказал я вместо этого. — Я клянусь тебе своей жизнью, я никогда не причиню боль ему... или тебе. Никому из вас.

Его взгляд после этого был напряжённым. Шли минуты, а Рид отказывался двигаться. Его хищный взгляд проникал мне в душу, и я пытался увидеть его насквозь и найти Орина.

Но его не было.

— Он мне нравится, Рид, — это было всё, что у меня осталось. Смешанные чувства, которые месяцами держались внутри, вырвались на поверхность. Огромная тяга к сложному мужчине. К тому, который смог поймать моё внимание и моё сердце. Почему это должно было быть невозможно?

Без слов, он вернул бокал на стол и взял своё пальто и шапку, которые я накинул на спинку дивана. Одевшись, он поднял подбородок и сжал губы.

— Этого никогда не будет, так что прекрати пытаться.

Затем он развернулся, чтобы уйти.

«Нет, не достаточно хорошо!»

Я ринулся вперёд и побежал за ним, ловя дверь, когда он открыл её, и захлопывая обратно, к его большому удивлению. Я оставил руку на твёрдой поверхности, предотвращая его очередную попытку.

Он повернулся лицом ко мне и сузил глаза.

— Что ты делаешь?

— Скажи мне, почему. Почему этого не может быть? Я понимаю его — по крайней мере, насколько могу. Он мне нравится, очень, больше, чем я когда-либо кому-то признавался. Я никогда не причиню ему боль. Так почему? Почему мне нельзя попробовать?

Губы Рида изогнулись, когда он бросил взгляд на руку, которая не давала ему пройти, и поднял глаза обратно к моему лицу.

— Потому что мы тебе не доверяем. Конец истории. Убери свою чёртову руку.

Окончательность его заявления ударила меня в грудь, и я замер от шока, потеряв дыхание и раскрыв от метафоричного удара. Я убрал руку с двери, и Рид тут же открыл её и исчез в коридоре.

Я снова закрыл дверь и прижался к ней головой. Запах Орина остался в воздухе вокруг меня, и я закрыл глаза, возвращаясь в момент на кухне, когда он был в моих руках. Когда всё пошло не так? Что я сделал?

Я напугал его? Или Рид всегда был рядом, зависал и ждал, намеренный не дать нам пойти в том направлении, к которому я стремился.

Он не прорвался в тот вечер два месяца назад, когда мы поцеловались. Тогда Орин так же нервничал.

Озадаченный и не в силах разобраться с собственными сумбурными мыслями, я в раздражении пнул дверь и вернулся на кухню, чтобы убраться.

Глава 11

Как обычно, Орин написал мне на следующий день, извиняясь за то, чего не помнил. Он знал только то, что в конце вечера мы оказались не вместе, и потому, что Рид не трудился писать в дневнике, Орин оставался в неведении.

Я ненавижу говорить ему, как вёл себя Рид, потому что знал, что его это беспокоит, и он чувствовал ответственность и вину, когда не должен был, так что я сгладил детали и сменил тему.

Хоть за ужином он казался неуверенным насчёт поездки к моей семье на Рождество, в сообщении он заверил меня, что определённо поедет. Я не мог не думать, заставило ли его согласиться чувство вины, когда он предпочёл бы отказаться.

Я сказал ему дату и время, и с того дня мы не разговаривали.

Утром двадцать второго числа я отправил Орину сообщение, чтобы подтвердить наши планы. Он быстро ответил, и я напомнил ему, что заеду за ним к двум.

Моей маме нравилось устраивать рождественский ужин пораньше, чтобы часами после этого мы могли собирать рождественские паззлы перед камином, переваривая еду. Таким образом, у нас оставалось много места для вечерних десертов. Это была традиция моего дома, так долго, сколько я себя помнил.

В этом году ожидалась компания из семи человек. Мама, папа, я, Орин, мой старший брат Лукас, его жена Элли и их сын ДжейДжей. Я предупредил маму, что кое-кого привезу, и увернулся от сотни и одного вопросов, когда она узнала, что этот кто-то не Эван.

Эван злился — снаружи. Ему нравилось, как моя мама готовит, и он давно стал частью нашей семьи. Но в этом году, хоть он хорошо строил из себя недовольного, я знал, что он не так уж переживает, что всё пропустит. Они с Кристиной по-прежнему встречались, и было неслыханно отказаться от времени со своей женщиной. Так что я предполагал, что он втайне облегчён, что Орин согласился.

В половину первого я последний раз посмотрелся в зеркало в коридоре. Я бы предпочёл быть без очков и решил, что нужно чаще носить линзы. Я нанёс на волосы гель

и уложил их, поднимая со лба. Я недавно подстригся, и по бокам волосы были почти полностью сбриты, отчего вид был намного чище, чем с моими до этого лохматыми волосами. В своей тёмно-серой рубашке и брюках, я выглядел достаточно собранно, чтобы мама была довольна. Только я не брился два дня, и щетина на моей челюсти наверняка вызовет хмурость и устный выговор.

Решив, что выгляжу прилично, я достал из шкафа пальто, шарф и пару перчаток. Не желая испортить причёску, я решил не надевать шапку и поморозить уши. Температура была минусовая, как и несколько недель до этого. На земле и деревьях лежал снег, выл ветер, особенно у гавани, где жили мои родители.

Пока минуту машина прогревалась, я отправил Орину сообщение, давая знать, что я в пути. Он не ответил, так что я предположил, что он, наверное, заканчивает собираться.

Было без десяти два, когда я подъехал к дому Орина. Оставив машину заведённой, я пошёл к входной двери и постучал. Съёжившись от холода, я как мог постарался закрыть уши плечами — безуспешно. Они немели, когда дверь передо мной распахнулась.

Орин был укутан в короткое чёрно-красное зимнее пальто с мехом на капюшоне. Этого пальто я никогда на нём не видел. И на нём не было шапки, но вокруг шеи был обмотан шарф, а на руках были красные варежки с чёрными снежинками. Его наряд был тщательно выверенным. Его чёрные узкие джинсы были заправлены в чёрные ботинки с мехом, которые закрывали его лодыжки.

— Чёрт, не могу поверить, как сегодня холодно. Это сумасшествие, — сказал он, подсакивая на месте, пока закрывал дверь.

Его голос был приглушён из-за шарфа, но лёгкий дефект речи был очевидным и заставил меня притормозить. Яркий наряд должен был стать подсказкой, и я винил свой полужамёрзший мозг за то, что упустил очевидное.

Он отвернулся от двери и уткнулся лицом мне в грудь, руками на автомате обвивая и сжимая мой торс.

— Брр, согрей меня, малыш, я ледышка.

Коэн.

От его резкого действия, я машинально обхватил его руками и обнял в ответ, пока мой мозг догонял ситуацию.

Я понятия не имел, почему появление Коэна меня шокировало. Я не должен был удивляться. Опасения Орина насчёт ужина и социальных событий были известны и наверняка заставили его найти способ справиться.

Вихрь, в котором я постоянно находился рядом с Орином, заставлял меня суетиться и бороться с собственными эмоциями. Он специально меня бросил?

Стараясь не позволить разочарованию меня захватить, и заставляя себя плыть по течению, я погладил Коэна по спине и сжал его. Я ведь не мог ему сказать, что его не приглашали. Как бы это ни было тяжело, я старался быть рассудительными и принять неопределённость дружбы с Орином.

Похоже, что моим спутником на ужине будет Коэн.

— Печка включена, садись.

Пока я вёл машину, он поправил причёску, глядя в зеркало с обратной стороны козырька. Его щёки были розовыми от холода, но растянулись от улыбки, которая блестела и в его глазах.

— Я не ел весь день. Люблю ужины с индейкой со всякими начинками, — он убрал зеркало обратно и откинулся на спинку сидения, глядя на меня. — Хорошо выглядишь.

Я на мгновение оторвал взгляд от дороги, чтобы улыбнуться в его сторону.

— Спасибо. Ты тоже.

Движение было тяжёлым из-за наступающих праздников. Люди в последнюю минуту охотились за идеальными подарками и вышвыривали вежливость и манеры в окно. Последние несколько дней перед Рождеством все водили с большей яростью и агрессией, чем весь остальной год.

Я свернул на Харбор-роуд — элитный конец нашего маленького города — и был благодарен за меньшее количество машин.

— Твои родители живут здесь?

— Да. Их участок примыкает к озеру. Я здесь вырос. Люблю это место.

Коэн продолжал смотреть в окно с блеском в глазах, сидя без унции нервозности, которую проявлял бы Орин.

Я пожалел, что не объяснил маме больше, когда сказал ей, что кого-то привезу. Я сказал ей только то, что познакомился с мужчиной, с которым я *не* встречаюсь, но который мне близок. Она знала, что его зовут Орин и что он немного скромный. Я понятия не имел, почему не обдумал возможность, что привезу на ужин не Орина.

Через несколько минут я остановился на подъездной дорожке, припарковавшись за грузовиком своего брата. Дом находился на значительном расстоянии от дорожки и был окружён деревьями с обеих сторон, обеспечивая уединение от соседей. Двухэтажный кирпичный дом был намного больше, чем моим родителям теперь было нужно — с тех пор, как мы с братом съехали — но они не собирались переезжать. Задний двор спускался к озеру, и у нас было собственное небольшое пространство на пляже, что всегда было приятно в летние месяцы. В детстве я проводил там много времени, играл в песке, рыбачил и плавал.

Я заглушил двигатель и замешкался, поворачиваясь к Коэну.

— Готов?

Он с широкой улыбкой наклонил голову на бок, прежде чем ответить.

— Конечно. А ты? Ты выглядишь более взволнованным, чем я. Твои родители монстры или что? Мне стоит опасаться?

Я хохотнул и выдохнул.

— Вовсе нет.

Мой спутник на вечер внезапно изменился, и мне нужно было привыкнуть к мысли, что я представляю своей семье Коэна, а не Орина. Он был немного эффектнее и ярче, чем кто-либо, кого я привозил домой раньше, так что я предвкушал странные взгляды — как минимум со стороны моего брата.

Я обошёл машину и ждал, пока Коэн догонит. Он надел варежки обратно и подскочил ко мне, сразу же соединяя наши руки. От этого действия я замер на месте и продумал в голове, как пройдёт знакомство. Если я появлюсь с ним за руку, моя семья автоматически предположит, что мы встречаемся. В обратном убедить их будет невозможно.

Если бы это была рука Орина, и Орин был бы рядом со мной, я был бы не против их предположений, но прямога Коэна и желание большего всегда вызвали смешанные чувства, что делало меня отчуждённым. Какими бы естественными ни были его попытки

завязать дружбу, я оставался со странной смесью желания и беспокойства, с которой не мог разобраться.

Орин никогда не выражал ничего, кроме озорного юмора, когда я говорил ему, как ведёт себя Коэн. Из-за того, что он был альтером, я не всегда отбивался от его прилипчивого поведения. Были времена, когда я чувствовал покалывающий жар и желание, но за этим быстро следовала вина, и я днями думал над этим.

Коэн был самым большим источником озадаченности.

Разбираясь со скоплением мыслей в своём мозгу, я не отпускал его руку и подвёл его к двери. Когда мы оказались на крыльце, я отошёл от него, чтобы постучаться, прежде чем войти. Вместо того, чтобы снова взять Коэна за руку, я снял свое пальто, крича в коридор в сторону кухни. В доме было тепло, по сравнению с холодом на улице, и воздух заполнял сочный запах индейки с начинками.

— Привет!

Моя мама быстро вышла из-за угла, в праздничном свитере и штанах, её каштановые волосы с проседью были идеально завиты и уложены в короткое каре, которое она всегда носила.

— Вон!

Не то чтобы я редко её навещал, но каждый раз, когда я видел свою маму, она вела себя так, будто мы лет десять не виделись. Я едва успел расстегнуть пальто, прежде чем она обвила меня руками, прижимая к своей груди. Запах её цветочных духов был сильным и щекотал мне нос, но этот запах был мне знаком — она пользовалась им так долго, сколько я себя помню.

— Привет, мам.

Отстранившись, она хлопнула в ладоши и с милой улыбкой повернулась к Коэну, который совершенно не выглядел застенчивым. Его улыбка затмевала улыбку моей мамы, и он тоже машинально раскрыл руки для объятия.

Из-за того, какой была моя мама, она не колебалась и обняла его в ответ, будто я годами привозил его на ужин.

— Должно быть, ты Орин, — сказала она через его плечо, пока они раскачивались из стороны в сторону в крепком объятии — частью которого настоящий Орин не хотел бы быть. — Приятно с тобой познакомиться.

Я сжал губы и ждал, пока Коэн исправит её. Почему я не подумал объяснить маме больше? Я знал, что может произойти. Я дружил с Орином достаточно долго, чтобы предвидеть, что с этим ужином с незнакомцами, наверное, ему сложно будет справиться. Не удивительно, что он так твёрдо был намерен никуда не идти.

— Эмм, мам, — начал я, когда она отстранилась от Орина. — На самом деле, это Коэн.

Она нахмурилась и в замешательстве переводила взгляд между нами.

— Прости, милый, — сказала она Коэну. — У меня все мысли перемешались из-за праздников. Прошу прощения.

Как и ожидалось, Коэн и глазом не повёл от вынужденного исправления, и я полагал, что в его — их — жизни, это обычное дело.

— Приятно с вами познакомиться.

— Давайте я возьму ваши пальто. Мальчики все в гостинной. Ужин будет через полчаса.

Мы сняли своё зимнее снаряжение и отдали в протянутые руки моей мамы. Прежде чем исчезнуть в конце коридора, она посмотрела на меня вопросительным взглядом. Моя мама была резкой как кнут, и от неё ничего не могло укрыться. Её мысли не были перемешаны, и она просто вела себя вежливо до тех пор, пока не сможет спросить меня, какого чёрта происходит. Я сказал «Орин», и она услышала «Орин».

Следующей проблемой было попытаться объяснить что-то такое сложное, как диссоциативное расстройство личности, в вечер, когда мы должны были отмечать праздники, или мне следовало подождать и разобраться с этим позже?

«Почему я просто не рассказал ей раньше?»

Коэн прижался ко мне, и потому что я забыл быть разумным и сохранять дистанцию, он снова переплёл свои тёплые пальцы с моими.

— Ты сказал ей, что мы встречаемся? — открыто спросил он, без намёка на сдержанность.

Я повёл его по длинному коридору в заднюю часть дома, где была гостиная, и где собрались люди.

— Мы не встречаемся, Коэн, — я остановился прямо за дверью. Звуки игры, которая шла на большом экране телевизора в комнате, доносились в коридор, вместе с шумом голосов. Я снова вытащил свою руку из хватки и повернулся лицом к нему.

— Я не хочу вводить свою семью в заблуждение. Я сказал им, что привезу друга.

Он провёл рукой вниз по моей рубашке, разглаживая складки и играя с пуговицей. Он редко ходил без улыбки.

— Это такая плохая идея? Я знаю, тебя ко мне влечёт, и знаю, что ты давно хочешь большего, — он похлопал ресницами и в этот момент как никогда выглядел на девятнадцать — даже в двадцативосьмилетнем теле.

Моё сердце предало меня и ускорило ритм от этого контакта, несмотря на мои слова. Я мягко поймал его запястье и провёл по его руке большим пальцем. Я ненавидел, что моё тело твёрдо отказывалось отвечать на мои просьбы игнорировать флирт Коэна.

Я не знал, правильно говорить так или нет — или задену ли я его чувства — но мне нужно было, чтобы Коэн был со мной на одной волне — по крайней мере, этим вечером. То, с чем я не мог разобраться, нужно было отложить на другой раз.

— Коэн, меня влечёт к Орину.

Он посмотрел на меня с намёком на улыбку, по-прежнему заметную в лёгком изгибе его губ. Он что-то не договаривал, и это сияло в его глазах. Он погладил меня по руке и кивнул на дверь.

— Идём?

Мой папа, брат и племянник были увлечены футбольным матчем, когда мы зашли. Лукас разлёгся на диване с ДжейДжеем на коленях. У Лукаса были такие же тёмные волосы, как у меня, но намного короче. Сын был его точной копией, но его тёмные локоны отросли длиннее, и их кончики завивались над его ушами. Они оба улыбнулись мне, когда мы вошли.

Отец сидел в своём чёрном кожаном кресле. Очевидно, мама настояла, чтобы в этом году он снова надел свой уродливый рождественский свитер, и он с гордостью натянул его на свой пивной живот.

Я всех представил, и Лукас сел на диване, чтобы освободить нам с Коэном место. ДжейДжей соскользнул на пол.

С нашей близостью, Коэн положил руку мне на ногу и придвинулся ко мне, что не упустил из виду мой брат и несколько раз улыбнулся этой знающей улыбкой в нашу сторону. В этот вечер от их подозрений не скроешься, это я уже мог понять.

К тому времени, как мама и Элли позвали нас на ужин, прошла половина игры, и мы без жалоб перешли в столовую. Длинный тяжёлый деревянный стол был накрыт для праздника. На нём была красная скатерть, и поверхность была уставлена рождественскими блюдами.

Прежде чем мы сели, Коэн попросил воспользоваться уборной, так что я направил его по коридору в правильную сторону. Как только он отошёл от меня, накиннулись Лукас и мама.

— Бойфренд? — с широкой улыбкой на лице спросил Лукас.

— Нет, — сказал я, не зная, как объяснить. Если бы здесь был Орин, ответ вряд ли был бы другим, особенно учитывая его нерешительность. — Просто хороший друг.

— Да, верно. А он это знает? Потому что он к тебе прилип.

Разве это была не правда? Но это был Коэн, и это было в его стиле.

— Я думала, ты сказал, что привезёшь мужчину по имени Орин, — вмешалась моя мама.

Я провёл рукой по лицу и ущипнул себя за переносицу. Пару минут, которые Коэн проведёт в уборной, и близко не будет достаточно, чтобы я всё объяснил. Едва ли это был разговор, который можно обсудить за кофе. Я разбирался с этим последние несколько месяцев и по-прежнему большинство дней ничего не понимал.

— Орин не смог сегодня прийти, мам. Эмм... Коэн... — я колебался, подбирая слова.

Прежде чем я смог придумать объяснение, моя мама отвлеклась на отца, который объявил, что закончил резать индейку. Как только она отошла, Лукас наклонился ко мне с усмешкой на лице.

— Завязывай, Вон, вы двое без ума друг от друга. Я это вижу. Вы ведь встречаетесь, разве нет? Ты плохо это скрываешь.

От его слов я почувствовал в груди чувство вины. Всё так и выглядело? Ну конечно. Я вздохнул и отошёл на шаг назад, глядя в коридор, в котором исчез Коэн.

— Это сложно, и прямо сейчас я объяснить не могу.

Лукас наклонил голову и одарил меня широкой улыбкой, за которой, как я знал, последует заявление, которое мне не понравится.

— Кто такой Орин? Чёрт, скольким парням ты морочишь голову? Ты разгулялся?

Ещё больше вины.

— Прекрати, — более твёрдым тоном сказал я. — Я сказал, это сложно.

В этот момент Коэн подскочил ко мне и положил руку мне на поясницу. Это рука нарисовала несколько кругов, прежде чем обвилась вокруг моей талии и привлекла внимание Лукаса. Когда мой брат снова встретился со мной взглядом, я остановил его комментарий твёрдым взглядом. К счастью, он стал уважать меня больше, чем когда мы были подростками, и закрыл рот, но я знал, что его тишина продлится не так уж долго.

Отцепиться от Коэна было невозможно. Как бы уверенно я ни объяснил ему раньше, что мы друзья и ничего большего, я слишком легко сдался и просто позволил ему прилипнуть. Глубоко внутри, несмотря на моё отрицание, мне это нравилось.

Весь ужин он наклонялся ко мне, касался моей руки под столом и постоянно прижимался ногой к моей. В отличие от Орина, он всё время болтал. В нём не было ни унции робости. Он спросил маму о соусе, и как она сделала его таким насыщенным вкусом, хваля её готовку с каждой ложкой. С моим папой он завёл разговор о футболе, открыто признавшись, что ничего не знает об игре, и позволил Лукасу и моему отцу весь вечер по-доброму дразнить его из-за этого. Он был сногшибательным, забавным и обаятельным.

Не заботясь о мире, он уделял мне особое внимание. Ни один член моей семьи не мог бы упустить то, как кокетливо он себя вёл. К концу ужина все были расслаблены, в то время как Коэн влился в семью так, будто был в ней вечно.

По традиции, как только мы доели ужин и помыли посуду, мы вернулись в гостиную, где мой папа разжёл камин. Уже стоял большой раскладной стол, и нашего внимания ждал рождественский паззл из тысячи частей.

За следующий час мы все нашли свои места и переворачивали мозаику лицом вверх, перебирая и собирая контур. Из-за смещения тел, Коэн в итоге сел ко мне на колени, и как бы мне ни хотелось поспорить — чтобы сохранить лицо — часть меня не возражала. Чувство вины в моём желудке росло со времён ужина, и я не мог с этим разобраться.

Моё внимание было сосредоточено на этом, и я не особо помогал с паззлом. Коэн разбирался с контуром, пока я подвигал кусочки в его сторону, когда находил их. Это не требующее размышлений занятие помогало мне казаться занятым, пока я продолжал мусолить свои внутренние переживания.

— Мне не хватает одного кусочка. На нём чуть-чуть ели, — сказал Коэн.

Я бросил взгляд туда, где он указывал на свою часть контура, которая была почти готова. Осмотрев стол более тщательно, я быстро нашёл именно тот кусочек, которого ему не хватало, и подвинул ближе.

Он взвизгнул и вставил мозаику на место, прежде чем наклониться ко мне и приблизить лицо к моему уху.

— Спасибо, малыш.

Я потёрся носом о его щеку, прежде чем он снова выпрямился, и это заработало мне улыбку, от которой замирало сердце.

Я не смог сдержаться и вдохнул знакомый запах его одеколона. Это согрело мне сердце, и по коже побежали мурашки. Чем дольше мы сидели увлечённые паззлом, тем больше уплывали мысли, и глубже закрадывалась вина. Состояние, в котором я оказался в этот вечер, морочило мне голову, и я не смог бы разобраться с этим, даже если бы это спасло мне жизнь.

За последние пару месяцев Орин определённо стал объектом моих чувств. Я знал и понимал сложность этого, но сидя с Коэном на моих коленях, я был более чем запутан в чувствах и ощущениях, которые он также вызывал во мне. По сути, на моих коленях сидела физическая форма Орина. *Его* тело, *его* запах, *его* тепло.

Но это был не он.

И это характер Коэна подогревал все эти чувства, устраивая хаос в моей голове. Характер, который был невинным и чистым, к которому я действительно привыкал.

Я не знал, в какой момент обвил рукой его талию и притянул ближе, но когда его пальцы переплелись с моими на его животе, наступило осознание. Я не убрал руку, хотя

сосредоточился на этой связи с большей готовностью, неуверенный, что чувствовать, или что именно я побуждаю.

Коэн был всем, кем не был Орин. Но всё же они были одним человеком, разве нет?

Нет, судя по всему, что я прочёл.

«К альтерам нужно относиться как к отдельным личностям».

И всё же были мгновения, когда казалось, что они функционируют как единое целое. Какими бы разными и индивидуальными они не были, они обитали и управляли одним организмом. Одним человеком.

Моя мама встала, вырывая меня из мыслей.

— Я поставлю пироги в духовку. Кому-нибудь налить ещё напитки?

Я принял второй бокал вина, а Коэн отказался. Я видел, как он с трудом выпил за ужином свой первый бокал, и предположил, что вино не любимый его напиток. Я задумался, понимает ли Коэн негативное влияние алкоголя на принятие анти-депрессантов. Орин казался не особо обеспокоенным, не излишне. Тогда я подумал, все ли альтеры понимают необходимость принимать лекарства, когда они впереди, а Орин нет. От сложности его жизни у меня голова шла кругом. Я не был уверен, что у меня когда-нибудь закончатся вопросы. Мне нужно было почитать ещё.

Спустя ещё полчаса паззлов, Коэн прильнул спиной ко мне и прижался лицом к моему. Я не отстранился, но бросил взгляд на стол, чтобы посмотреть, заметил ли кто-то его действия. Конечно же, они заметили.

Ни у одного члена моей семьи не было проблем с моей сексуальной ориентацией, и приводить парней в прошлом никогда не было проблемой. Но я прояснил, что не встречаюсь с Коэном. Эта линия размылась до такой степени, что перестала существовать. Один взгляд Лукаса делал это очевидным. Обычные друзья не прикасаются друг к другу, не флиртуют и не сидят друг у друга на коленях.

— Мне нужно размять ноги, — прошептал Коэн, прижимаясь губами к моей щеке. — Хочешь немного прогуляться перед десертом?

В ответ я провёл губами по его щеке, поднимаясь к уху.

— Конечно. Может, я покажу тебе озеро? — я убрал руку с его талии, и он встал. Мне сразу же стало не хватать жара от его тела.

Прогулка была хорошей идеей. Мне нужно было подумать; разобраться. Свежий воздух чудесным образом прочистит мне мозги.

Мы пообещали вскоре вернуться к пирогу и выскользнули из комнаты за своими пальто. Укутавшись, мы вышли на улицу, и я обвёл Коэна вокруг дома и через высокие ворота на задний двор.

Несколько лет назад мой отец установил фонари с датчиками движения вокруг дома. Были проблемы с детьми, которые пробирались на территории домов возле пляжной зоны и устраивали неприятности. Как только мы обошли дом, фонари включились, освещая большой задний двор ярким белым светом.

Через фут снега, покрывающего двор, не было протоптано никакой дорожки. Я знал эту землю как свои пять пальцев, но беспокойство за Коэна и неровная дорога к воде — особенно скрытая под снегом — заставила меня взять его за руку, чтобы он не упал. *«Оправдания».*

Мы шли в тишине по покатоному двору размером в несколько сотен ярдов, пока не оказались достаточно далеко от дома, чтобы датчик фонаря перестал видеть нас и

отключился. Шум воды впереди приносил успокаивающую атмосферу — которую я полюбил в детстве и которая всегда успокаивала меня во время подросткового стресса.

Ближе к воде был значительно крутой склон высотой в три фута, ведущий в пляжной зоне. Я знал об этом, но замедлился, потому что в темноте видно было плохо. Где-то там были ступеньки, но мы никогда не найдём их в снегу. Как только мы спустились по краю, я замедлил темп и в итоге остановился в нескольких шагах от замёрзшего берега.

Даже в темноте лёд блестел. С юного возраста меня научили никогда не доверять льду. Когда с гавани шёл поток воды, никогда не было безопасно проверять свою удачу. Толщине льда никогда нельзя доверять, и за свою жизнь я слышал о нескольких трагедиях с участием людей, которые провалились, дурачась зимой.

Коэн высвободил свою руку от моей и обвил руками себя, глядя на залитую лунным светом воду.

— Не могу поверить, что ты здесь вырос. Это потрясающе.

— Летом ещё лучше. В детстве я днями был здесь. Впитывал солнце, лежал на песке, плавал в воде. Это было великолепно.

Даже без света, его улыбка сияла, раскованная и свободная. Я смотрел, не в силах отвести взгляд и наполняясь большим замешательством, чем чувствовал долгое время.

Он поймал мой взгляд и повернулся лицом ко мне, наклоня голову на бок.

— О чём ты думаешь? Выглядишь озадаченным.

Озадаченность едва ли могла описать мои внутренние переживания.

Все эти растущие, расцветающие чувства к Орину пели во мне каждый раз, когда мы были вместе. Меня влекло к нему во всех смыслах, и всё же он всегда был за пределами досягаемости. Маленький момент близости, который мы разделили недавно за ужином, был разрушен, когда появился Рид.

Моему сердцу не казалось невозможным завести отношения с Орином. Сложно, да. Однако, каждая моя попытка развить эти чувства доказывала мне обратное. Орин был недостижим? Я желал чего-то, что никогда не смогу получить?

И вот, я стоял лицом к Коэну, потому что Орин снова был вне досягаемости. Я не мог объяснить.

Коэн сделал шаг вперёд и положил свои руки в варежках мне на грудь. Я не мог оторвать от него взгляда. От этих глаз, которые принадлежали Орину. От тела, которое принадлежало Орину, и всё же мужчина передо мной отличался от него как день от ночи. И эти различия не давали мне покоя с такой же силой.

Когда он уткнулся носом в мою шею и обхватил руками мою талию, я разрывался в две разные стороны. К юноше в моих руках у меня была особенная тяга. Я чувствовал это весь вечер. Но я не знал, к чему привязана эта тяга. Только когда его губы коснулись моего подбородка и начали подниматься к моим губам, я, наконец, отреагировал.

Я схватил его за предплечья и отстранил от себя. Моё сердце беспокойно колотилось, пока я смотрел на его слишком знакомое лицо в поисках признаков мужчины, который закрался мне в сердце.

Его действительно там не было.

Всё во мне хотело вытянуть его обратно на поверхность. Я хотел, чтобы рядом со мной был Орин. Чтобы Орин обнимал меня. Чтобы Орин искал мои губы.

Но он исчез. Скрылся где-то внутри. Слишком боялся простого ужина, потому что это подвергало угрозам его существование.

— Я не могу, — прохрипел я. Качая головой, я пытался найти объяснение, пытался найти подходящие слова, чтобы объяснить своё замешательство.

Прежде чем я смог заговорить, вмешался Коэн.

— Малыш, послушай меня, — он снял свои варежки и положил мне на щеки свои тёплые руки, прежде чем провести большим пальцем по моей щетине. — Я вижу твоё замешательство. Я чувствую, как тянет твоё сердце, — он опустил руку мне на грудь. — Пойми меня, когда я скажу тебе это; я могу дать тебе то, чего не может Орин. Я знаю, что ты хочешь близости с ним, и я могу дать тебе эту близость. Тебе не нужно бороться с этим или чувствовать себя виноватым.

Откуда он знал мои мысли?

Глядя на его лицо, я обдумывал его слова. Я пытался понять Орина с тех пор, как познакомился с ним. Проводил бессонные ночи с Гуглом и исследованиями. Я слышал, что объяснял Коэн. Может быть, часть меня тоже это понимала, но я не знал, как разделить людей, чувства и эмоции. Я даже не знал, нормально ли это.

Он снова притянул меня ближе и коснулся губами моих. От этого моё сердце затрепетало и послало жар по моим венам. Я закрыл глаза и выдохнул ему в губы. Он не зашёл дальше, и я не искал этого. Лёгкое прикосновение было коротким, и он задержался, обдавая меня теплом своего дыхания.

Скрытое в темноте за закрытыми глазами, моё тело ожило желанием и нуждой. Появилась болезненная тяга укрепить эту связь между нами, подпитать её и помочь ожить. Я выжег в памяти воспоминание об одном нашем поцелуе, и эта мысль и видение обеспокоенного лица Орина помогли мне сократить расстояние с Коэном.

На этот раз, когда наши губы соприкоснулись, это была моя инициатива. Губы Коэна смягчились и раскрылись почти сразу же, ища большего. От танца его языка в моём рту по моей коже бежали мурашки, но когда он втянул мою нижнюю губу в свой рот, слегка прикусив, беря контроль и толкая нас дальше, что-то изменилось. Это казалось таким правильным, и всё же таким невероятно неправильным. Поцелуй был совсем не таким, и моё тело наполнилось виной.

Я отстранился от его губ и открыл глаза. Его губы оставались на половину приоткрытыми, и в его глазах сиял лунный свет.

Головокружительное замешательство и пересиливающее ощущение неправильности заставили меня сделать шаг назад.

Что я делал?

Качая головой, я вытер губы.

— Я не могу этого сделать.

За все свои взрослые годы я никогда не изменял парню, и всё же в этот момент по моей коже ползло именно такое отвратительное ощущение. Сожаление и глубокая вина.

А мы с Орином даже не встречались. Так ведь?

Я ненавидел, что моё тело тянуло к Коэну точно так же, и я оттолкнул эти чувства. Этого было достаточно, чтобы появилось желание вырвать себе волосы.

Сочетание желания и вины было не самым уютным. Это сочетание не было естественным, и чувства не подходили друг другу.

— Всё в порядке, малыш. Многое нужно обдумать. Я понимаю. Идём, я замёрз.

Он надел варежки обратно и ждал, пока я поведу его обратно в дом.

То, что произошло, на Козна повлияло меньше, чем на меня. Я весь вечер думал, отчитывал себя и стыдил за то, что случилось.

Моя семья была больше сосредоточена на пазлах и десерте, чтобы что-то заметить, и к тому времени, как мы попрощались, все расслабились, и внимание Козна ко мне стало ожидаемым и нормальным. Я знал, что позже мне нужно будет всё объяснить.

«Как я объясню что-то, чего даже сам не понимаю?»

Было почти десять к тому времени, как я остановился у дома Орина. У дома Козна. Он не вышел и развернулся на сидении, когда я припарковал машину.

— Хочешь зайти? — спросил он.

Я не мог смотреть на него и смотрел через лобовое стекло.

— Нет, спасибо. Уже поздно. Мне, наверное, пора домой.

Он молчал, но не уходил. В конце концов, я повернулся к нему и поймал на себе его взгляд.

— Просто помни, что я тебе сказал, ладно? Ты всё усложняешь в своей голове, а так быть не должно. Ты мне нравишься, Вон, и я думаю, хоть ты с этим борешься, я тебе тоже не так уж безразличен, — он поймал мой подбородок и наклонился, оставляя нежный поцелуй в уголке моих губ. — Доброй ночи.

Затем он ушёл. Он поспешил к двери, нашёл свои ключи и вошёл в дом. Я сидел на подъездной дорожке следующие пять минут, потерявшись в мыслях.

Мне на ум пришли слова Эвана, которые он сказал несколько месяцев назад. И я задумался, действительно ли это за гранью моего понимания. Мне следовало остановиться на дружбе. Такие у меня были намерения. Но моя связь с Орином вышла из-под моего контроля и без моего осознания. И вот, меня обуревало чувство вины, замешательство, стыд и желание к парню — возможно, к двум парням — построить отношения с которыми я понятия не имел как. Что ещё хуже, я влюблялся в него и знал это.

Как с невозможной картиной, чем дольше я смотрел на это, тем больше от меня ускользали ответы. Может быть, ответов не было. Может, ничего большего быть не могло.

Глава 12

Так как у Лукаса была своя семья, и мои родители поехали навестить дальних родственников на Рождество — с которыми я не был близок — двадцать пятое число было типичным днём, который я проводил дома один. В прошлом я никогда не был против этого, но этот год был другим. После ужина у моих родителей несколько дней назад, мои мысли завязывались в узлы.

Эван был занят празднованием с собственной семьёй, и в этом году добавилась семья его девушки. Мы оба были заняты почти неделю, так что мой слушатель был недоступен, и мне нужно было разбираться с мыслями самостоятельно.

Пытаясь найти успокоение в своей рождественской рутине, я приготовил себе большой завтрак из яичницы и тоста и отнёс его к дивану, чтобы насладиться марафоном праздничных фильмов по телевизору. У меня не было ёлки, и я никогда не трудился вешать украшения, так что фильмы были единственным напоминанием, что сегодня Рождество.

В отличие от прошлых лет, я не наслаждался своим одиночеством, и чем упорнее я старался сосредоточиться на настоящем, тем дальше уплывали мои мысли.

Вечер с Козном проносился перед глазами каждый раз, когда я их закрывал, и смешанные чувства, от которых я не мог избавиться, возвращались с полной силой. Я думал об Орине и заново переживал каждый день, который мы провели вместе, обдумывал все подробности нашей дружбы. Мои попытки сосредоточиться чисто на этой дружбе провалились, и вернулось желание, от которого болело сердце.

Это было невозможно.

Чем больше я узнавал про Орина — не смотря на то, что иногда это всё больше беспокоило — тем больше меня к нему тянуло. Раздумывая, я заметил, что ему стало уютнее рядом со мной, и с каждым днём он начал всё больше раскрываться.

Сердцем я знал, что развить что-то больше дружбы скорее всего невозможно, но я не мог не желать, чтобы мы попробовали. Заходя в эти воды, я представлял, какие обстоятельства стояли у нас на пути.

Всевозможные.

Орин доказал, что физическая близость является триггером. Забудьте о сексе или обнажении, я едва мог поцеловать этого мужчину, не вызывая проблем.

И всё же, однажды я его поцеловал.

Он скромничал и дрожал, но я не потерял его. Почему тот момент был другим?

Это подогревало надежду, и я не спешил позволять этому ростку прорости. Тем не менее, вот он, прорывался к жизни у меня внутри, моля дать ему шанс.

Моя завтрак остыл, и когда я вспомнил о нём, поставил нетронутую тарелку на кофейный столик и вздохнул. Пока я раздумывал, закинуть ли его в микроволновку, в кармане завибрировал мой телефон.

Я достал его и с удивлением нашёл сообщение от Орина — *возможно*, Орин. Хотя в прошлом другие альтеры никогда мне не писали.

«Весёлого Рождества».

От двух этих слов по моей коже побежали мурашки, и я выпрямился, глядя на них и формулируя ответ. Сейчас *было* Рождество. Чем он занимался? Тоже сидел один дома?

«Весёлого Рождества!»

Я нажал «отправить», а затем добавил:

«Санта тебя порадовал?»

Мой телефон молчал долгие минуты, и я ссутулился, желая сказать больше. Я хотел спросить, хочет ли он приехать, или нужна ли ему компания. Я отдал бы что угодно, чтобы поговорить с ним. Я не говорил должным образом с Орином с тех пор, как он приходил ко мне домой на ужин — и Рид закончил наш вечер.

Когда мой телефон завибрировал в руке, я подскочил.

«Снег больше не идёт, так что я отвечаю «да». Что насчёт тебя?»

Я улыбнулся и напечатал быстрый ответ.

«Нет, должно быть, я в списке непослушных, я ничего не получил».

Следующее сообщение пришло намного быстрее, пока я относил тарелку на кухню. Я оставил её на тумбочке и думал заварить себе кофе. Я смотрел на свой телефон и обратно на пустую кофеварку, а затем на часы на микроволновке. Десять сорок.

«Санта хотя бы принёс тебе кофе?» — напечатал я.

Отправив сообщение, я прикусил губу и ждал ответа.

«Ещё нет. Видимо, мне нужно варить всё самому. Должно быть, тоже был непослушным».

Не ожидая ни мгновения, я написал быстрый ответ.

«Я не Санта, но можно привезти тебе кофе?»

Затянувшаяся пауза после моего вопроса вытянула мою нерешительность обратно на поверхность.

«Всё закрыто. Как ты планируешь это сделать?»

Чёрт, я об этом не подумал. Бросив телефон на тумбочку, я покопался в нескольких шкафчиках и нашёл в глубине пару кружек-термосов.

— Бинго.

Я подхватил телефон и сделал фотографию, а затем отправил её вместе с парой коротких слов.

«Готово. Значит, «да»?»

Я получил «ЛОЛ», но он добавил слово «*конечно*», что вызвало огромную улыбку на моём лице.

«Скоро буду».

Я включил кофеварку и бросился в коридор, чтобы найти что надеть. Я два дня ходил в пижаме и даже не принимал душ. Найдя одежду, я быстро принял душ и помылся, прежде чем одеться. Я протёр свои очки и надел их, после чего ещё раз посмотрел на себя в зеркало.

Забросив это дело, я сменил очки на линзы.

Я посмотрел на себя: тёмно-синяя майка-поло и потёртые джинсы. Я ведь шёл не на модный ужин, но, тем не менее, поставил свой внешний вид под вопрос, желая выглядеть хорошо перед Орином.

Прежде чем наполнить кружки-термосы, я их помыл — так как понятия не имел, как долго они стояли в шкафчике — и после этого был готов ехать.

В коридоре я снова посмотрел на себя в зеркало, от нервозности перед встречей с Орином у меня покалывало кожу, и на поверхность вылезала застенчивость.

Тяжело вздохнув, я искал свои перчатки и шапку.

Я влюбился по уши.

Дороги были пустые, в отличие от предыдущих нескольких раз, когда я выезжал в город на этой неделе. Пустота, окружающая мой район, могла бы подойти для съёмок «Ходячих мертвецов». Ни одного человека не было на улице, и ни одна машина не проехала мимо меня за всю дорогу к дому Орину.

Тёмные тучи в далёком небе угрожали принести очередной шторм, и я хохотнул сам себе, вспоминая радость Орина от того, что, наконец, наступила передышка от снега.

Припарковавшись, я пошёл к входной двери с двумя кружками в руках. Их тепло распространялось по корпусам из нержавеющей стали и согревало мои холодные пальцы. Когда я постучал ногой, дверь открылась через несколько минут, и на другой стороне робко ожидал мужчина, которого я знал. Глубоко внутри я чувствовал толику благодарности, что меня не поприветствовал Коэн, или Рид, или какой-либо другой альтер.

Он улыбнулся со своей типичной скромностью, принимая кофе.

— Привет, — когда он больше не смог удерживать мой взгляд, его глаза опустились в пол.

— Весёлого Рождества.

— Проходи, — он отошёл назад, и я отряхнул ботинки, прежде чем войти. Пока Орин держал обе наши кружки, я снял пальто и остальное своё зимнее снаряжение, после чего нашёл у него в шкафу пустую вешалку.

Появился момент неуверенности, когда он протянул мне обратно мою кружку, и никто из нас не пошёл по коридору в комнату.

На нём был надет бежевый вязаный свитер с высоким горлом и тёмные джинсы. На его подбородке была идеальная щетина, которую он привёл в порядок так, чтобы она подчёркивала линию его челюсти. Нежность его глаз растопила холод, который я принёс с улицы. Больше всего мне хотелось потянуться и прикоснуться к нему.

Этого я не сделал.

— Ты тоже остался один на Рождество? — спросил он, прежде чем нарушить наше бездействие и пойти вперёд по коридору.

— Как и каждый год. Лукас отмечает со своей семьёй, а мама и папа едут навестить далёких родственников, которых я мало знаю.

— Лукас? — спросил он через плечо.

Я ответил не сразу, на мгновение задумавшись, как он забыл моего брата, прежде чем вспомнил, что с моей семьёй встречался Коэн, а не Орин.

— Мой брат. У него есть сын, ДжейДжей, и жена Элли.

Он кивнул и смотрел прямо перед собой. Я не упустил, как он нахмурился, или как захватил свою губу зубами, чтобы пожевать.

Вместо логова, Орин направился в сторону кухни, так что я пошёл следом. Комната была маленькой, но уютной. Двухместный обеденный уголок был отодвинут в сторону, а в углу стоял старинный шкафчик со стеклянными дверцами, в котором стояло разнообразие тарелок и бокалов. На тумбочке у Орина стояло два подноса, и он был готов заполнить их разнообразными закусками.

— Я подумал, может быть, ты захочешь что-нибудь поесть. У меня мало что было, но ты привёз кофе, так что... — он затих и сgrimасничал, после чего пожал плечами и взял нож, который, как я думал, он бросил, когда приехал я.

— Я позволил своему завтраку остыть, так что это отлично. Я могу чем-нибудь помочь?

Он прищурился и почесал лоб, глядя на продукты, которые разложил.

— Можешь проверить морозилку и посмотреть, есть ли там замороженные маленькие пироги. Я знаю, что Тео любит их готовить и оставлять на запас.

Я улыбнулся при упоминании Тео. Орин стоял ко мне спиной, так что не видел этого. Это было показателем уровня его комфорта со мной. Обычно он никогда не упомянул бы альтера просто так, не поморщившись.

Когда я открыл морозилку над холодильником, мне пришлось подавить восторженный вздох. Он упоминал, что Тео любит готовить и часто отставляет на запас свои любимые блюда, но то, что я нашёл, никак не было похоже на то, что я представлял.

Морозилка была уставлена аккуратно сложенными пластиковыми контейнерами. На каждом контейнере индивидуального размера была записка с его содержимым. Лазанья — разделённая на кусочки — голубцы, супы, рагу, чили, пастушьи пироги и много чего ещё. Это было невероятно.

— Я же говорил тебе, он любит готовить. По крайней мере, я хорошо питаюсь. Я не особо хорошо готовлю и паршиво обращаюсь с ножом, так что очень ценю всё, что он делает.

Я развернулся от его слов, по-прежнему поглощённый своим открытием.

— Это действительно потрясающе.

Это была правда. О диссоциативном расстройстве личности можно было сказать миллион вещей, но наличие альтеров с такими способностями, как у Тео, определённо было одним из позитивных факторов.

Орин встал рядом со мной и поднял несколько контейнеров. Его свитер коснулся моей руки, но он не отошёл и даже не заметил, как близко мы стоим. Он был слишком поглощён своим поиском пирогов. Я старался не замечать тонкую нотку цитруса, которой от него пахло... и не прильнуть ближе.

— Вот они.

Он достал два контейнера с маленькими пирогами внутри. С шестью, в общей сложности.

— Можешь забросить это в духовку? Так у нас будет горячая добавка к холодной еде.

Кивнув, я взял контейнеры и принялся за работу, в то время как Орин вернулся к нарезанию клубники и раскладывания её на поднос.

К тому времени, как мы закончили, получился прекрасный ассортимент еды. Сыр, крекеры, фрукты, овощи, пироги и даже рождественское печенье в форме конфет-палочек. Мы сварили свежий кофе и устроились в логове.

Как и в моей квартире, здесь не было никаких признаков Рождества. Это мог быть любой другой день года.

Пока я пил свой кофе и ел пирог, мои мысли устремились к Рейну. Глядя на Орину, я задумывался, отмечает ли праздники ребёнок внутри него. Было слишком неудобно поднимать эту тему или спрашивать о таком внезапном осознании, так что я отмахнулся от этой мысли, почему-то взгрустнув от понимания, что ребёнок вынужден пропускать Рождество.

Следуя за этой линией мыслей, я принял во внимание взросление Орину и задумался, сколько раз он пропустил Рождество или как он проводил праздники. Он ни разу не говорил о родителях или даже о братьях или сёстрах, и, зная, что это тяжёлая тема, я молчал.

Орин сидел на противоположном конце дивана от меня и тыкал вилкой в несколько блюд, которые сгрузил себе на тарелку. Между нами была тишина, телевизор был выключен, и улицы были пустынными. Несколько раз он поднимал взгляд, и мы обменивались улыбками. Его щёки покраснели, и вскоре он снова сосредотачивался на своей тарелке.

Последние несколько дней оставили мне много вопросов и тем для разговоров, но я переживал, когда лучше их поднять. Я всегда чувствовал, что могу разрушить наш день, если зайду на территорию, которая может взволновать его и вызвать других альтеров. Это было напряжённо и вызывало много тревоги во время нашего пребывания вместе.

— Прости за ужин с твоими родителями, — пробормотал он, жуя крекер.

Забыв о еде, я поднял голову, ошеломлённый тем, что ему удалось прочитать мои мысли и вычислить именно то, что я прокручивал в своей голове.

— Это я виноват, — я выпрямился и поставил свою полупустую тарелку на столик.
— Я знаю, что общественные мероприятия не совсем твоё, и я...

— Не ищи за меня оправданий. Пожалуйста. Я очень хотел пойти. Я хотел постараться и сделать что-то, что бросало бы мне вызов. Как с учёбой. Полагаю, я не знал, как на меня повлияет эта идея.

Он положил свой крекер обратно на тарелку и стряхнул крошки со свитера, после чего поставил свою тарелку рядом с моей. Он вздохнул и натянул рукава свитера до ладоней, немного раскачиваясь и заставляя себя встретиться со мной взглядом.

— Я не специально такой. Поэтому так много людей просто не могут...

— Прекрати, — я потянулся и положил руку на диван рядом с его коленом. Я не стану неожиданно прикасаться к нему по какой-либо причине, но мне нужно было поймать его внимание. — Я тебе говорил, я не такой. Когда я пришёл к тебе домой, и меня встретил Коэн, думаю, глубоко внутри я не был удивлён.

Он посмотрел на мою руку и обнял сам себя.

— Хорошо, — покорность в его голосе была не тем, что я хотел услышать, и это меня кольнуло.

Вздохнув, я захотел как-нибудь помочь ему найти комфорт в моём присутствии.

— Ты любишь музыку? — спросил я, когда тишина стала невыносимой.

Он поднял голову, и его глаза заблестели.

— Да.

— На «МачМьюзик» сегодня весь день играют рождественские мелодии. Не против, если я включу?

Он кивнул, и я подскочил на ноги, чтобы найти пульт от телевизора. Обнаружив его и найдя правильный канал, я настроил громкость до уровня отдалённого фона и вернулся на диван. Лёгкая улыбка смыла тени, которые нависли над ним мгновение назад, и с музыкой его тело заметно расслабилось.

Долгое время мы оба сидели на диване и наслаждались спокойствием вокруг нас. Никто из нас ничего не говорил — слова были не нужны.

Вскоре я отнёс наши пустые чашки на кухню, чтобы налить ещё кофе, и когда вернулся, я сел на диване чуточку ближе к нему. Либо он не заметил, либо ему было всё равно.

— Можно кое-что тебе рассказать? — спросил я после того, как мы выпили ещё по чашке кофе.

— Конечно, — он повернулся лицом ко мне, отчего его колено прижалось к моему.
— Что-то не так?

Я ненавижу, что он всегда предполагал худшее.

— Нет. Но мне было очень неудобно из-за того, что недавно произошло, и я хочу облегчить душу.

Он нахмурился от беспокойства, но кивнул, чтобы я продолжал.

Я прочистил горло и положил руку на спинку дивана, тоже больше разворачиваясь к Орину.

— Я ведь говорил, что Коэн поехал со мной на ужин к моим родителям?

Он кивнул, его губы приподнялись в намёке на улыбку. Видя это, я шутливо фыркнул и шлёпнул его по плечу.

— Теперь будешь надо мной смеяться? Знаешь, я сказал маме, что привезу *тебя*, и не вдавался в подробности твоего ДРЛ. Так что когда я пришёл с Коэном за руку — да, он ко мне прилип — как думаешь, что она предположила?

Лёгкая улыбка превратилась в открытый смешок, и он поднял руку ко рту в попытке это скрыть. В моей груди расцветала гордость, пока я наблюдал за его смехом. Такие проявления радости были редкими, и этого вида было достаточно, чтобы моё Рождество стало полноценным.

— Что ж, — продолжил я, пользуясь моментом, — уверен, теперь в её глазах я, наверное, какой-то проститут.

Орин закусил нижнюю губу, чтобы сдержать смех, и его щёки покраснели.

— Ты сказал своей маме, что я должен был быть твоим спутником?

— Нет, но ты знаешь этих мам.

Я пожалел о своих словах, как только произнёс их, и внутренне запаниковал. К счастью, Орин не отреагировал негативно на этот комментарий и продолжал улыбаться.

— После этого ты объяснился?

— Нет, — признался я. — Для этого особо не было времени. Так что я просто позволил ей думать, что она хочет, и подумал, что исправлюсь в следующий раз, когда мы будем разговаривать.

Он хохотнул и заёрзал, снова натягивая свои рукава до ладоней и проводя ими по своим джинсам.

— Так что вся моя семья, наверное, теперь убеждена, что я встречаюсь с Коэном, — продолжал я. — Он определённо не помог делу.

«Как и я».

Орин оставался сосредоточенным на своих джинсах, его губы растягивала улыбка. Когда он не ответил, я сделал глубокий вдох и надавил.

— Орин, я знаю, мы говорили, что между нами всё сложно, и мы не назвали это отношениями, так что мысленно я не уверен, что между нами. Дома у моих родителей кое-что случилось, и это меня съедает.

Он нашёл глазами мои, и улыбка сменилась хмуростью.

— Ч-что случилось?

С возвращением его заикания я понял, что растёт его напряжение, так что подошёл к этому осторожно.

— Я рассказывал, насколько Коэн... заинтересован мной. Ужин был не исключением. Не было времени обговорить или разобраться, как справиться с вечером, так что я просто плыл по течению. Позволил ему быть кокетливым и висеть на моей руке. Помимо всего прочего, — я опустил взгляд, когда вернулась нервозность. — Позже вечером мы пошли прогуляться к озеру. Коэн, он... он очень давил. Сказал, что может быть тем, что я хочу и... — моё сердце колотилось и одновременно сжималось. — Он поцеловал меня — что я остановил — поначалу... Затем не стал останавливать, потому что отчасти хотел, чтобы это произошло. Меня необъяснимо тянуло к нему, так что я допустил это. Но меня охватило чувство вины, и я снова остановился. С того дня я в таком чертовском замешательстве, и я не уверен, как тебе это сказать, потому что не знаю, какие у нас отношения, или что я чувствую. Коэн притягивает что-то внутри меня и...

Я резко остановился, когда увидел блеск веселья в глазах Орина. Я нахмурился, открыл рот и с трудом нашёл, что ответить.

— Что... Почему ты улыбаешься?

Удивив меня, Орин наклонился и положил руку мне на колено, чтобы приблизиться губами к моему уху. Затем он прошептал:

— Я уже знал.

Его дыхание обдало теплом моё ухо, и слова, которые он произнёс, оказали на меня два противоположных эффекта. По моей коже расползлось тепло, и в животе затрепетало, но я отскочил назад, чтобы в шоке посмотреть на него.

— Ты знал?

Он сжал губы, борясь с улыбкой, которая казалась такой неуместной для робкого мужчины, которого я знал, а затем он кивнул.

Прежде чем я смог открыть рот и задать ему вопрос, он поднял вверх палец и вскочил с дивана. Он исчез в коридоре, но через минуту вернулся с толстой книжкой в кожаной обложке. Снова с удобством устроившись на своём месте на диване, он пролистал блокнот и нашёл нужную страницу, после чего положил его мне на колени.

Я сразу же понял, что это его дневник, и взглянул на Орина, прежде чем посмотреть на почерк на странице. Я достаточно часто видел почерк Орина, пока мы занимались учёбой, чтобы понять, что это написал не он. Орин всегда писал аккуратно и даже под наклоном. Слова на странице передо мной были смесью рисунков и странных петелистых букв, которые слегка напоминали курсив. Размер слов занимал всё место, и это было намного крупнее обычных высоких и тонких букв Орина.

Приняв это за разрешение, я начал читать сверху.

«Ходил на рождественский ужин с богом секса, то есть Воном. Его семья была милой, и еда была потрясающей. Поначалу Вон казался напряжённым, но мне удалось помочь ему расслабиться. Может быть, я воспользовался тем фактом, что он джентльмен и не откажет мне перед своими предками. В конце концов, мы остались наедине, и я попробовал на вкус эту восхитительную линию челюсти, на которую ялился. Даже удалось вытянуть из него поцелуй. Он был коротким, и Вон запаниковал, но чёрт возьми, мне может понадобиться ещё. Наладь уже с ним отношения! Я знаю, что он тоже это чувствует.

Коэн».

Я прочитал это три раза, с отвисшей челюстью. Меня днями съедало чувство вины и ненависти к самому себе из-за того момента слабости с Коэном и чувств, окружающих это. Я не знал, как поднять эту тему с Орином, а он всё это время всё знал.

— Ты знал, — повторил я, водя пальцем по тексту на странице. — Орин, я не знаю, что сказать.

Когда я наконец встретился с ним взглядом, в его глазах не было злости, а на лице была лучезарная улыбка.

— Ты кажешься расстроенным, — сказал он.

— Я болван, — признал я. — Ты мне очень нравишься. Я хотел отношений с тех пор, как впервые тебя поцеловал. Я понимаю, что будут сложности, но я сердцем чувствовал, что мы с тобой могли бы хотя бы попробовать это и посмотреть, к чему придём. Коэн, он... — я покачал головой, когда вернулось моё замешательство. — Я даже не знаю, как объяснить это, не показавшись полным придурком.

Орин забрал блокнот и положил его на стол. Затем он сделал кое-что, чего я не ожидал; он взял меня за обе руки и повернулся ко мне так, что наши ноги соприкасались.

— Просто скажи мне, что ты думаешь.

Это было сумасшествие, но вся ситуация с Орином была уникальной, так что я заставил себя сглотнуть отвратительные чувства внутри и просто сказал:

— Меня влечёт к тебе, и я переживал, как сделать эти следующие шаги, и как тыотреагируешь. Когда выходит Коэн, он совсем не такой, как ты. Когда он липнет ко мне, прикасается ко мне и открыто флиртует, это... это путает меня. У меня внутри такие же напряжённые чувства. Когда он попытался меня поцеловать, мне хотелось, чтобы это был ты... Я остановил его. Он сказал, что ты не можешь быть тем, чего я хочу, а он может. Когда я закрыл глаза, чтобы обдумать это, я чувствовал твой запах, и когда он прикоснулся ко мне, это были твои руки и твоё тело, и я подумал... Не знаю, что я подумал... но я его поцеловал, — качая головой, я пытался сглотнуть ком, который увеличивался в моём горле. — Но в этом поцелуе был не ты, это был он. И что ещё хуже, я не возненавидел это. Мне понравилось. Очень. Но затем на меня нахлынуло чувство вины, и меня чуть не стошнило от того, что я сделал.

Его руки сжались в моих, отвлекая моё внимание от видения того вечера в моей голове. На его лице не было никакого отвращения или расстройства, только беспокойство и переживание.

— Ты чувствуешь себя виноватым, — прошептал он.

Я облизнул губы и кивнул, ненавидя гниющую пропасть у себя внутри.

— Я даже не знаю наверняка, встречаемся ли мы. Но я знаю, что хочу для нас этого. И всё же, когда я поцеловался с Коэном, и мне это понравилось, было ужасное ощущение, что я оступился, а я не такой, Орин. Только я в таком замешательстве от всего этого.

Поглощённый стыдом, я перестал говорить и погрузился в серо-голубую глубину его глаз. Хватка на моих руках ослабла, и всё внутри рухнуло, когда я подумал, что он отстраняется. Через секунду эти две руки обхватили моё лицо и притянули меня вперёд. У меня не было времени обдумать его действия, и я двигался машинально.

Наши губы встретились, и мне понадобилось подавить скулёж от чистой интенсивности того, что происходило. Его губы двигались вместе с моими, и я таял, принимая всё, что он давал. Это было невинно и сладко, не становилось ничем большим. Когда его язык подразнил мою нижнюю губу, я нерешительно попробовал его на вкус. Я не потянулся обнять его, как хотел, боясь, что любое движение может разрушить момент.

Отстранившись от моих губ, он продолжал держать моё лицо и оставался близко.

— Ты будешь моим парнем? Официально? Я не могу ничего тебе обещать. Ты многого обо мне не знаешь. И, наверное, есть то, чего я не могу тебе дать. Может быть, никогда. Но если ты знаешь это и хочешь этого...

— Да, — я положил руку на его талию и прижался к его лбу своим. — Я знаю, есть преграды, но я хочу попробовать, Орин.

Он задержался, и я закрыл глаза, вдыхая его. Моё сердце больше не знало, что делает. В одно мгновение оно дрожало от страха из-за моего признания, а в следующее скакало от переполняющей страсти.

Когда Орин отстранился, я отпустил его. Он оставался рядом и держал одну руку на моей щеке, убеждаясь, что я сосредоточен на его лице.

— Не должно быть никакого чувства вины, — сказал он. — Я объяснял, что хоть мы все индивидуальности, отдельные люди, мы часть целого. Если ты примешь меня в качестве своего партнёра, тебе нужно принять и всех моих альтеров. Они все были

созданы по какой-то причине, и у каждого из нас есть цель. Коэн преуспевает в общении и совершенно не робкий. Думаю, ты узнаешь, что он прав; он может дать тебе то, чего не могу я...

Я открыл рот, чтобы возразить, но он прижал палец к моим губам.

— И это нормально, Вон. Не должно быть никакого чувства вины. Коэн часть меня. Где я трушу, он добивается успеха. Я буду надеяться, что вы двое тоже сможете образовать связь. И если она будет интимной, это действительно нормально. Для меня это ни капли не странно, и это не вызывает у меня ревность. Как это может быть?

Я ждал, пока он освободит мои губы, после чего заговорил.

— Это приводит в замешательство. Я не уверен, что могу пойти на это и думать, что это нормально.

Орин вздохнул и задумчиво смотрел на моё лицо.

— Просто не отмахивайся от этого.

Чувствуя, что для него важно это услышать, я согласился. Тишина вернулась, а Орин оставался вблизи. Мне хотелось снова почувствовать его губы своими и прикоснуться к нему. Я неделями тосковал по его нежному поцелую.

Я уткнулся носом в его ладонь и потерялся в его глазах цвета грозы.

— Ты поцелуешь меня? — спросил я.

Он облизнул губы, после чего сглотнул нервозность. Его другая рука, которая несколько мгновений назад упала с моего лица, легла мне на колено, когда он подвинулся ближе. Он на мгновение соприкоснулся со мной губами и снова отстранился, ища что-то в моих глазах.

— Пожалуйста, — подтолкнул я.

Он закрыл глаза и сократил оставшееся между нами расстояние, прижимаясь своими влажными губами к моим с большей силой. Его опасения ослабли, он целовал меня с большей уверенностью, чем раньше. Когда я попросился проникнуть между его губами, он поддался. Его вкус песней разносился по моему телу, когда наши языки встретились, и мы более свободно попробовали эту связь.

Дальше нескольких томительных поцелуев не зашло, и как бы мне ни хотелось притянуть его к себе, я сдержался. Единственной вольностью, которую я себе позволил, было запустить пальцы в его волосы и провести большим пальцем по щетине на его челюсти. Этого было достаточно, об этом я мечтал неделями.

Остаток дня мы смотрели рождественские фильмы. Орин сидел рядом на диване и всё время держал меня за руку. Это было просто и незатейливо, как ему и было нужно.

С наступлением ночи, Орин начал зевать.

— Наверное, мне пора идти и дать тебе немного поспать.

Я встал с дивана, и он пошёл за мной по коридору. Надев своё пальто и остальные зимние вещи, я остановился, глядя на Орина. Он держал руки в карманах и оглядывался вокруг, не встречаясь со мной взглядом.

Я коснулся его руки, чтобы привлечь внимание, и сделал шаг ближе, проверяя уровень комфорта, который мы повышали весь день. Он не отошёл и не отреагировал никаким признаком страха.

— Я отлично провёл день. Намного лучше, чем проводить Рождество одному.

Он улыбнулся, когда его щёки порозовели, и опустил взгляд в пол.

— Я тоже.

Его робость и уровень комфорта очень напомнили мне то, как я исследовал свои самые первые отношения в четырнадцать лет. Возможно, для него это было не иначе.

Я поймал его подбородок и поднял вверх, подходя ближе и нежно целуя его в губы. Он вздохнул, часть напряжения исчезла из его тела. Я сохранял безопасность и отстранился спустя мгновение.

— Доброй ночи, — прошептал я ему в губы.

— Доброй ночи.

Глава 13

Занятия возобновились через несколько дней после Нового года. После Рождества я виделся с Орином несколько раз, но чаще мы общались сообщениями. Его опасения оставались, и зачастую каждая встреча с ним всегда начиналась с нуля, нервозно и отдалённо. Часы в компании друг друга уменьшали эту скованность, и, в конце концов, мы снова возвращались на безопасную территорию, держались за руки и осторожно целовались. Это были отношения с резкими ограничениями, и я открыто осознавал каждое своё движение.

Был вечер понедельника, и я планировал заехать за Орином после его занятия, чтобы мы пошли на позднюю прогулку с горячим шоколадом. Впервые за две недели температура держалась чуть выше нуля, и вечер был идеальным для зимней прогулки.

Я припарковался на ближайшем месте к входу в колледж, которое смог найти, и оставил машину заведённой, чтобы понежиться в тепле чуть дольше. Я отправил Орину сообщение, давая ему знать, что я на месте, и включил музыку, пока ждал.

Вскоре после восьми тридцати, Орин вышел из колледжа. С обеих сторон его окружало несколько других студентов, но он шёл один, опустив плечи и голову, будто пытался исчезнуть или казаться меньше. От этого действия мой защитнический барьер дал течь, и я осмотрел других людей на признаки того, что они недавно досаждали Орину. Казалось, из них никто не обращал на него внимания.

Он отделился от компании и, в конце концов, поднял голову, чтобы осмотреть парковку. Когда он нашёл взглядом мою машину, его лицо засветилось, и походка ускорилась. От этого меня окутало теплом.

— Привет, — сказал он, открывая дверь и забираясь в салон. Он поставил свою сумку на пол между ног и робко улыбнулся.

— Привет, приятно тебя видеть, — когда мне захотелось наклониться и поцеловать его, я погладил его по ноге и улыбнулся в ответ. — Как прошёл первый день после каникул?

— Нормально. Получил назад своё эссе, девяносто шесть процентов, — его лицо светилось гордостью.

— Чёрт возьми! — мои брови подскочили вверх, пока я выезжал задом с парковки. — Я знал, что ты безумно умный, но это невероятно.

Он наклонил голову, но улыбку, растущую на его лице, упустить было невозможно.

— Спасибо. Я не такой уж умный. Те ошибки, которые он мне отметил, я никогда не должен был допустить.

Ещё и скромный. Орин упорно учился, и я это знал. Я восхищался его преданностью к учёбе, и всё же начинал видеть, что самокритика пересиливает заслуженное удовлетворение, которое он должен был испытывать. Он очень строго к себе относился.

Я выехал на дорогу и направился в сторону гавани и парка Грандвью. Там были любимые тропинки Орина, и я знал кофейню поблизости, где мы могли купить чего-нибудь горячего.

Орин затих рядом со мной и возился с молнией на своём пальто. Нервная привычка была обычной, но в этот день я чувствовал в этом дополнительную тревогу. Пока мы ждали в очереди в автокафе, я заметил его хмурость и то, как он кусает губу.

— Всё в порядке? — спросил я.

Беспокойное ёрзание сразу же прекратилось, и он сложил руки на коленях, глядя в окно.

— Прости.

Я ждал, что он продолжит, но он замолчал. Машина передо мной уехала, и мне нужно было заплатить за наши напитки, прежде чем вытягивать из него больше слов.

Пока наш горячий шоколад стоял в подстаканниках на центральной консоли, я продолжал ехать к воде, решив, что может быть лучше не давить на проблему и позволить ему высказаться, когда он будет готов.

С наступлением вечера и более холодной температурой, парк опустел. Я нашёл место прямо рядом с тропинкой к гавани и заглушил двигатель. Прежде чем выйти из нагретой машины, мы оба нашли шапки, перчатки и шарфы, зная, что от ветра возле воды будет ещё холоднее.

Захватив свой горячий шоколад, мы пошли к перилам и оперлись на них, глядя на наполовину замёрзшее озеро. День или два назад прошёл ледокол, и вдоль берега со всех сторон собрались толстые куски льда. Вечер был мирным и спокойным.

Когда я был с Орином, мы легко могли пропустить большие отрезки времени, не говоря друг другу ни слова. В этом никогда не был дискомфорта. И сейчас был один из таких моментов.

Мы пили свои горячие напитки и долгое время стояли у ограждения. От морозного воздуха звёзды в небе сияли ярче, и вода словно блестела в темноте.

— Хочешь немного прогуляться? — спросил я, когда мы оба допили шоколад и нашли урну, чтобы выбросить стаканчики.

— Конечно.

Орин по-прежнему вёл себя неуверенно из-за чего-то, чем не делился. Он суетился больше, чем обычно, но я надеялся, что на свежем воздухе и в компании, то, что его беспокоит, либо пройдёт, либо выйдет наружу.

Мы шли по бетонной дорожке вдоль края воды. Это должна была быть велосипедная дорожка на лето, но большинство людей по ней просто гуляли. Посреди зимы здесь редко кто-то ходил, и большую её часть покрывал снег с несколькими следами от людей, которые проходили здесь раньше.

Пока мы не зашли далеко, я подвинулся ближе и взял Орина за руку. Это действие стало нормальным и комфортным, и он больше не отстранялся. Он крепко сжал мою руку и бросал мне улыбки, давая знать, что всё хорошо.

Через почти полмили, дорожка устремилась в сторону лесистой зоны. Мы решили развернуться и вернуться к машине, оставаясь там, где было освещение.

По гавани медленно двигался большой танкер, и когда мы развернулись, он оказался достаточно близко, чтобы мы решили остановиться и посмотреть, как он продвигается через ледяную воду. Когда мы снова облокотились на перила, я положил руку на плечи Орина и побудил его подвинуться ближе.

Шаг за шагом.

Когда близость стала более комфортной, он прижался ко мне, и я поцеловал его в макушку. Хотя мне и хотелось исследовать с Орином миллион вещей, я очень гордился ежедневными успехами между нами.

— У меня новое задание для занятия по письму, — прошептал он. — И я не знаю, что с этим делать.

Тишина висела так долго, что я удивился, когда он заговорил.

Отвернувшись от воды, я опустил руку и прижался к перилам бокам, стоя лицом к нему.

— Что ты имеешь в виду?

Он выдохнул, и я наблюдал за паром в воздухе, в то время как Орин обнял себя руками.

— Ну, нам сказали написать м-мемуары о нашем детстве на п-пять тысяч слов. Не думаю, что я могу это сделать. В-в смысле могу, но... — он ущипнул себя за переносицу и на мгновение зажмурился, прежде чем продолжить. — Что мне делать, Вон? Я е-едва помню своё детство. То, что я знаю, о-обрывисто и разбито. Ничего не соединено и н-не похоже на настоящую жизнь. Всё в дырах. М-мне плохо даже при мысли об этом и... — он вздохнул и надавил костяшкой пальца на свой глаз, после чего покачал головой. — Н-не бери в голову. Мне не с-следовало поднимать эту тему.

У меня внутри всё рухнуло, пока он пытался объясниться, и когда он снова замолчал, я пытался понять, что делать. Что сказать. Его прошлое было запретной территорией — или, по крайней мере, я так это воспринимал и никогда не давил, зная, какую правду оно может таить. Это был первый раз, когда он ссыался на прошлое прямо.

Его напряжение росло с каждым проходящим мгновением, и навязчивое потирание глаз превратилось в массирование висков и потирание ладонями щёк. Были знаки, которые я узнавал. Оттянув его руки от лица, я развернул его спиной к перилам, стоя перед ним. Я обхватил его лицо руками и твёрдо удерживал, побуждая его смотреть мне в глаза.

— Оставайся со мной, Орин. Сосредоточься на мне и просто дыши.

Я его потеряю, и я это знал. Его дыхание сбивалось, и я не был уверен, слышит ли он меня. Он прикасался к своему лицу и вискам, зажмуривал глаза и качал головой, будто чтобы избавиться от нежелательных мыслей, которые всё росли, а не уменьшались. Я вообще мог это предотвратить?

— Ты не обязан делать что-то, отчего тебе некомфортно. Никто не заставляет тебя писать на тему, с которой ты не можешь справиться. Орин, посмотри на меня. Слушай. Ты слушаешь?

Он открыл глаза и хмуро посмотрел на моё лицо, беспокойство исказило каждую черту его лица.

Но он кивнул. От нашего контакта его дыхание выровнялось, и хоть его взгляд лихорадочно метался по моему лицу, он заметно успокоился.

— Мистер Джексон понимает твоё состояние. Ты сказал всем своим профессорам. Я уверен, он позволит тебе немного отойти от задания. Ты не обязан искать причины, он должен уважать твоё личное пространство и понимать.

Орин кивнул, и его маниакальная суматоха уменьшилась.

— Н-нам не нравится туда возвращаться. В п-прошлое. Терапия невероятно сложная, н-но чтобы писать...

То ли дело было в том факте, что моё сердце так сильно болело за него, то ли мне хотелось всё наладить и силой вытянуть его из этих ужасных мыслей, я не знал. Не дав ему закончить, я столкнул наши губы и поцеловал его, крепко прижимая его спиной к перилам и обвивая его руками, намеренный больше никогда не позволить чему-либо причинить ему боль. Намеренный остановить поток мыслей и напряжения, прежде чем это зайдёт слишком далеко.

Всё получилось иначе.

Любой обычный человек был бы ошеломлён и замолк бы от моего действия — что и было целью. Однако, с этим решением логика решила меня подвести, и вместо того, чтобы показать Орину, как неистово я забочусь о нём и хочу его защитить, я толкнул его прямо за край, от падения с которого спас его всего мгновение назад.

Краткой секунды было слишком много, чтобы я понял ошибочность своих действий, и когда спина Орина ударилась о перила, и я вовлёк его в удушающий поцелуй, он взорвался.

...или, скорее, взорвался Рид.

Толчка в мою грудь было достаточно, чтобы я споткнулся и чуть не потерял равновесие на скользкой земле. Размахивая руками, я смог удержаться на ногах и перевёл растерянный взгляд на Орина — нет, на Рида.

Он вытер губы тыльной стороной ладони и развернулся, чтобы сплюнуть за перила, после чего бросил мрачный взгляд обратно на меня.

Он поднял палец и открыл рот, чтобы заговорить, но вместо этого сжал губы и стиснул руку в кулак, прежде чем повернулся обратно к воде и провёл губами по своему шарфу.

— О чём ты думал, чёрт возьми? — спросил он, сжимая рукой перила и нагибаясь вперёд, делая несколько глубоких вдохов.

— Я целовал своего парня, вот, о чём я думал.

— Скорее нападал или душил. Я говорил тебе отвяжаться. Прими это и уходи.

Он расправил плечи и оскалился, после чего пошёл навстречу мне. Хотя мы были относительно равны по росту и весу, я сделал шаг назад и вытянул руки перед собой, предупреждая, как я думал, нападение.

Он с сухим смешком хлопнул меня по рукам.

— Опусти свои грёбанные руки. Я не собираюсь тебя бить. Боже. Ты не понимаешь.

— Тогда, может, ты объяснишь, потому что при каждой нашей встрече ты срываешься на меня и угрожаешь. Мне нравится Орин. Я знаю, что есть ограничения, и знаю, что всё не будет гладко, но...

— Но даже не притворяйся, что понимаешь, Вон... Ты не можешь, — последнее заявление оборвалось, и он прочистил горло, чтобы скрыть это. Его злость оставалась, но в глазах был намёк на что-то ещё. Боль. Не такая, как я видел у Орина. Она против его воли смягчила его жёсткость. — Ты никогда не поймёшь.

Мы больше минуты молчали, прежде чем он снова заговорил. Его голос был приглушённым и почти терялся в ночи.

— Я знаю, что ты хочешь от него, но мы работаем не так. Мы научились ладить и научились двигаться вперёд. Это... — он указал пальцем на меня. — Ты... Это не безопасно.

— Ты мне не доверяешь.

— Нет.

— Что для этого нужно? Я не плохой человек. Я никогда не перейду границы, которые не хочет переходить Орин, — когда его брови подскочили вверх, я вздохнул и добавил. — Сознательно. Я не хотел... Рид, мир не такой уж плохой. В нём есть хорошие люди. Орин не считает меня злом, так почему ты в этом так уверен?

— Это моя работа в системе.

Мы зашли в тупик. Рид отказывался доверять мне, а я отказывался отпускать Орина. Все альтеры были отдельными людьми, и всё же они были частью одного целого, как объяснял Орин. Если я хотел встречаться с ним, это включало в себя Рида... каким-то образом.

Но Рид был намерен держать нас вдали друг от друга. Быть с Орином означало найти способы балансировать отношения со всеми его альтерами. Включая этого дикаря передо мной. Каким-то образом мне нужно было доказать, что я достоин доверия, что я не угроза... для его *системы*, как он это называл.

Рид раздражённо стянул с головы шапку и засунул её в карман, после чего провёл рукой по волосам. Он выдохнул на морозный воздух облако тёплого пара. Бросив взгляд на танкер, который двигался дальше по каналу, он засунул руки в карманы.

— Слушай, я не хочу быть придурком, но ничего не получится. Прими это и двигайся дальше. Мне бы хотелось, чтобы ты это услышал. Береги себя.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и пошёл через поле к дороге. Куда он собрался, чёрт побери? Гавань была на противоположном конце города от дома Орина.

— Подожди, куда ты идёшь?

— Домой.

— Пешком?

Он развернулся лицом ко мне, но продолжал идти по снегу спиной вперёд.

— Меня это не убьёт. Доброй ночи, Вон.

«Идиот!»

Козн и его флирт были ничем по сравнению с упрямым ослом, которым был Рид.

— Ради бога, — я побежал за ним и поймал его за руку. — Остановись.

Он тут же выдернул свою руку и повернулся ко мне.

— Что ты делаешь?

— Позволь мне отвезти тебя домой.

— Нет. Я в порядке.

— Хоть на пять минут прекрати вести себя как придурок. На улице чертовски холодно, а до твоего дома идти пешком час. Я могу тебя подвезти, — он открыл рот, чтобы ответить, и я быстро продолжил. — Закрой рот. Я не спрашиваю. Садись в чёртову машину.

Я не думал, что он ожидал от меня твёрдости, и что я настою на своём. Его напряжённый взгляд — от которого его глаза всегда темнели — скользил по моему лицу долгое время, прежде чем он сухо хохотнул.

— Ладно, — он развернулся и пошёл к парковке, оставляя меня позади.

Маленькая победа. С Ридом будет нелегко.

Когда он дошёл до машины раньше меня, я разблокировал двери, и он сел. Он почесал подбородок и смотрел на гавань, пока я подходил. Глядя на мужчину, который был так похож, но ещё больше отличался от Орина, я скорбел по своему потерянному вечеру. Снова.

Я знал, что реальность отношений с Орином означает принятие неожиданных переключений и резких перемен планов, но от этого боли не становилось меньше. Мы только начинали узнавать друг друга. Рид, из всех людей, стремился не дать этому произойти.

Я сел в машину и завёл двигатель. Когда прошло несколько минут, я включил печку и снял перчатки. Рид не обращал на меня внимания и оставался сосредоточенным на улице. Тишина была не такой, какая обычно висела между нами с Орином. Та тишина была комфортной и взаимной. От этой мне не сиделось на месте и хотелось найти что-нибудь, чтобы снять напряжение.

Выезжая с парковки на дорогу, я обдумывал информацию, которую знал о Риде, пытаюсь найти что-нибудь, о чём мы могли поговорить.

— Значит, тебе нравится тяжёлая атлетика? — я помнил, когда Орин первый раз обсуждал свой внутренний мир, он говорил что-то в этом роде об одном из своих альтеров. Это мне запомнилось, потому что тогда *«внутренний мир»* был за гранью моего понимания, и я посчитал это странным. Узнав больше о том, кто такие его альтеры, я догадался, что тяжелоатлет скорее Рид — основываясь строго на его характере. Ему это подходило.

— Мы не обязаны разговаривать.

Я выдохнул и продолжил сидеть в тишине. Стоя на светофоре, я стучал пальцами по рулю, ненавидя давящий вес тишины, окружающей нас. Ещё два светофора, и я не смог этого выносить и попробовал ещё раз.

— Тебе нравится футбол?

Когда мне не сказали сразу же заткнуться, я бросил взгляд в сторону. Рид смотрел на меня, заметно нахмурившись. Так что я надавил.

— Нравится?

— Очень, — пробормотал он, отворачиваясь обратно к окну.

Я выпрямился, его простой ответ наполнил меня энергией. Этого было мало, но хоть что-то.

— Любимая команда? И пожалуйста, не говори Детроит, — Эвана и его одержимости «Львами» мне было более чем достаточно.

Он фыркнул и хохотнул.

— Ещё чего. Детроит отстой. Фанат «Мустангов». А ты?

— Я стараюсь оставаться нейтральным.

— Чепуха. У тебя должна быть любимая команда. Это ответ труса.

Я рассмеялся, останавливаясь на следующем перекрёстке.

— Ладно, но если Эван когда-нибудь спросит, я буду отрицать, что когда-либо это говорил. Я вроде как фанат Майями.

— «Дельфины», серьёзно?

— Я с детства смотрел игры «Марино». Мой старший брат был огромным фанатом «Дельфинов», так что, полагаю, с этого и началось.

Когда загорелся зелёный свет, в голову пришла идея. Я бросил взгляд на время на приборной панели. Девять тридцать. Перспектива была далёкой, но у меня было ощущение, будто я как-то сдвинул лёд между нами, и нужно было попробовать.

— У меня есть идея, — я бросил взгляд на Рида, заезжая на следующую подъездную аллею, чтобы развернуться.

— Идея? Что ты делаешь?

Ожидая, когда все проедут, чтобы я снова мог выехать, я усмехнулся.

— Сейчас девять тридцать, понедельник, и мы пропустили только первую четверть игры. Что скажешь, если мы поедem в «Инфернос», выпьем пива и посмотрим игру? Идёт плей-офф. Я не знаю, кто играет, но «Мустанги» в этом году прошли, так ведь?

Он кивнул, и расслабленное выражение лица, с которым он говорил со мной про футбол, исчезло, вернув более резкий взгляд. Пока он не ответил, я ждал, прежде чем выехать обратно на дорогу.

— Ну? Что скажешь?

— Если это какое-то приглашение на свидание, то нет. Я натурал.

— Это хорошо, а я гей. Но я не зову тебя на свидание, дурак. Я зову тебя выпить со мной пива в баре и посмотреть игру. Если это называется свиданием, то кто-то должен сказать Эвану, потому что мы занимаемся этим двадцать лет, а он ещё не в курсе.

Неосознанно рассмеявшись от моего ответа, Рид закашлял, стараясь прикрыть это, а затем снова повернулся к окну.

— Не уверен, что «Мустанги» сегодня играют. Какое число? — спросил он.

— Десятое. Какая разница? Футбол есть футбол.

Он кивнул и бросил краткий взгляд на меня, прежде чем пожать плечами.

— Да, конечно. Мне не мешает пиво.

С его согласием, я выехал на дорогу и направился в сторону «Инфернос» с одной целью в голове.

Заслужить доверие Рида.

Глава 14

В понедельник вечером во время футбола в «Инфернос» было значительное количество посетителей. Мы нашли пару свободных стульев у барной стойки — на удивление, перед большим экраном. Шла игра по спецприглашениям, и «Пэкерс» уже разбивали «Редскинс» с приближением половины игры. Нам удалось успеть прямо к началу второй четверти.

— Его перехватят. Подожди... подожди... и бум! — Рид подскочил с места и рассмеялся. — Лузер. Кирк этого даже не ожидал. Хорошо сыграно.

Он сел обратно на своё место и глотнул пива. После нашего взрыва у гавани, настроение Рида значительно изменилось. Может, «Мустанги» и не играли, но он явно увлёкся «Грин Бэй» и болел за них с тех пор, как мы приехали. Чтобы сделать жизнь

интереснее, я решил болеть за другую команду, хотя с первой четверти игры Вашингтон отставал на четырнадцать очков. Мы с Ридом сделали ставки — проигравший в конце вечера платит за напитки.

К середине игры Вашингтон отставал на двадцать одно очко, так что если они не соберутся, было похоже на то, что платить буду я.

Когда на табло начало отсчитываться время до конца первой половины игры, Рид опустил взгляд на свою кружку пива и покрутил её на барной стойке, оставляя дорожку из конденсата. Когда мы перестали отвлекаться на игру, снова стало неловко.

Я сделал большой глоток, опустошил стакан и оттолкнул его вперёд, подзывая бармена, чтобы тот принёс нам ещё, прежде чем повернулся лицом к Риду.

— Это так неправильно, если мы узнаем друг друга?

Он не ответил и провёл пальцем по лужице, которая осталась от его запотевшего бокала.

Не радуясь затянувшейся тишине, я пожал плечами и просто начал говорить. Если ему это не нравилось, что ж поделать.

— Ладно, тогда я... Мне нравится быть занятым. Если жизнь слишком застойная, мне становится скучно. Работа бросает мне не достаточно вызова, так что поэтому я вернулся к учёбе. Мне нужно заниматься чем-то разным. Я хорош в математике, но плох в английском. Однако, я люблю читать. По большей части детективы, но когда чувствую себя сентиментально, то зачитываюсь старомодным романом, например «Унесёнными ветром».

Рид фыркнул от моего признания и покачал головой.

— И почему я не удивлён.

— Давай. Смейся. На самом деле, иногда мне нравится закатываться в одеяло и смотреть по телевизору романтические комедии.

— Не удивительно, что вы с Орином так хорошо ладите. Из-за такого дерьма у него искажённое восприятие романтики. Кажется, он не понимает, что нам в жизни это не нужно, и это только вызывает ненужные проблемы.

Я сжал губы и попробовал другой подход.

— Коэн кажется заинтересованным в романтике. Может, дело только в тебе.

— Коэн потрахается с любым, кто обратит на него внимание. Спроси Коува. Они годами сходились и разбегались туда-сюда.

Это была интересная информация.

— Я не понимаю. Как это работает?

Рид вздохнул и подтянул ближе новый бокал пива.

— Это значит, что в нашем внутреннем мире Коув и Коэн встречаются. Они очень хорошо прояснили, что это свободные отношения. Но они часто ругаются, поэтому и разбегаются и сходятся обратно.

Внутренний мир. Верно.

— Значит, Коув тоже гей?

— Коувби. Ты этого не знал?

Я покачал головой.

— Я с ним ещё не встречался.

— Потому что Орин этого не допустит.

От этого заявления я задумался, просил ли Орин Рида не вмешиваться, а Рид просто решил сделать по-своему.

Решив не спрашивать, я обдумывал то, что он объяснил.

— Что насчёт Тео?

— Что насчёт него?

— Он гей?

Рид покачал головой, делая глоток пива.

— Асексуал.

— Хах, — почему-то меня не удивило, что я так мало знаю о нём. — Я всё ещё пытаюсь разобраться и понять весь этот внутренний мир. Прости, если говорю глупо. Можешь рассказать мне, на что это похоже?

Рид хохотнул и почесал подбородок, наклоня голову на бок и разминая шею.

— Это наш мир. Там мы живём, когда не выходим вперёд. Так же, как у тебя в этом мире. Ты бухгалтер, ты млеешь от романов, ходишь в колледж. Всё то же самое. У нас у всех там свои жизни.

Чувствуя, что могу до чего-то докопаться, я попробовал задать тот же вопрос, который он проигнорировал раньше.

— Ты тяжелоатлет?

— Да. Соревнуюсь по всей стране. Ещё преподаю тхэквондо, когда не тренируюсь. Мы с Тео братья. Ты это знал?

— Правда? — я понятия не имел. Мы с Орином не вдавались в глубокие подробности, когда обсуждали внутренний мир его альтеров, и я внезапно почувствовал, что очень многого не знаю о нём.

— Да. Рейн приёмный сын Тео. Иногда я ему помогаю с этим засранцем. На самом деле, он хороший малый.

Казалось странным это спрашивать, но всё в Орине и ДРЛ было таким необычным, что вопросы по большей части помогали привыкнуть к тому, как всё это функционирует.

— Чем Тео зарабатывает на жизнь?

— Он помогает по дому пожилым и инвалидам. Это в его духе. В основном, он готовит, убирает и заботится о людях, которые не могут позаботиться о себе сами. Почти такая же роль у него и в системе. Он управляет, обучает и заботится обо всех. Иногда просто командир.

Услышав больше о Тео, я меньше боялся встречи с ним. Судя по тому, что говорил Рид, он создавал впечатление мужчины, с которым я хорошо полажу. Я задумался, почему мне ещё не выпало такого удовольствия. Орин предупредил его так же, как, видимо, и Коува?

— Какова твоя роль в системе? — я уже знал то, что объяснял Орин, но будет интересно услышать это из первых уст.

— Я защищаю её. Держу в безопасности от угроз.

— От угроз вроде меня?

— Ты схватываешь на лету.

Я прикусил желание спорить, что он не даёт мне шанса, потому что это ни к чему меня не приведёт. Действия говорили громче слов. Вместо этого я обдумывал внутреннюю работу мира Орина и то, как мало я знал о некоторых его альтерах. Каким бы агрессивным ниставлял себя Рид, больше всего меня беспокоил Коув. Мы не

встречались — очевидно, на это были причины — и я знал, что на нём лежит ответственность за значительно изуродованные руки Орина.

— Какова роль Коува в системе? — спросил я как-то нерешительно, неуверенный, захожу ли на территорию, на которую не следовало.

Внимание Рида привлекло что-то в другом конце зала, и он смотрел туда через моё плечо, прежде чем снова встретиться со мной взглядом.

— Он тоже её защищает. Только иначе, чем я.

Его тяжёлый взгляд, которым он одарил меня вместе с объяснением, предупредил меня, что не стоит продолжать. Увидев, что я понял, он снова перевёл внимание на что-то за моим плечом. Заинтересовавшись, я повернулся и посмотрел туда, куда смотрел он.

В дальнем конце бара сидела женщина; блондинка, миниатюрная, с огромной грудью — которые были на виду и чуть не вываливались из её слишком тесной майки. Она была сногшибательной. Я перевёл взгляд обратно на Рида, чтобы подтвердить направление его взглядов, и отрицать было нечего; эта женщина завладела всем его вниманием.

У меня внутри смешались раздражение и ревность. Я анализировал и принял много вещей, когда решил встречаться с Орином, но до меня никогда не доходило, что у его альтеров могут быть другие планы.

Рид был натуралом. Значило ли это, что он встречался с женщинами, когда — как он там выразился — выходил вперёд? Коэну было девятнадцать, и в нём бушевали гормоны. Он цеплял парней в баре? Значили ли отношения с Орином, что я невольно согласился позволять его альтерам — которые время от времени занимали его тело — жить альтернативными жизнями?

Меня это не устраивало.

— Перестань психовать.

— Что? — я вынырнул из своих мыслей и сосредоточился на Риде. Он смотрел на меня. Как долго?

— У нас у всех оговоренное соглашение с Орином. Я могу время от времени нарушать правила, когда мне кажется, что так для него лучше, но это правило я не переступлю. Так что расслабься. У неё хорошие сиськи, можно и посмотреть, разве нет?

— Что это значит? Какое соглашение?

— Никаких отношений за пределами внутреннего мира, — он колебался и разорвал зрительный контакт, отворачиваясь обратно к телевизору, после чего пробормотал: — Только Орин может с кем-то встретиться.

Мне потребовались все силы, чтобы скрыть самодовольство на своём лице. Рид мог быть не согласен, что мы с Орином встречаемся, но в какой-то момент он согласился с возможностью, что это может случиться.

Началась вторая половина игры, и мы оба вернули внимание к экрану. «Пэкерс» явно выигрывали, и Рид заранее отмечал это очередной порцией выпивки.

К тому времени, как мы ушли из «Инфернос», тяжёлое напряжение, которое возникло между нами у воды, исчезло. Я не был достаточно наивным, чтобы поверить, что между нами всё в порядке, и у меня больше нет проблем, но надеялся, что мы хотя бы направились в положительную сторону.

Как только я припарковался на подъездной дорожке, Рид, не теряя времени, отстегнулся и выскочил из машины. Только тогда я снова ощутил потерю своего свидания

с Орином. Сладкие моменты между нами, когда мы расходились своими дорогами, были среди моих любимых. Затянувшиеся нежные поцелуи и то, как он чуть дольше цеплялся за мою руку, отпуская только тогда, когда физическое расстояние между нами становилось слишком большим, чтобы поддерживать связь. Его улыбка, которая так отличалась от улыбок всех остальных. То, как его глаза сияли двойным цветом. Его робость и то, как он кусал свои...

— Бывай.

Я вырвался из своих мыслей, когда Рид наклонился и заглянул в машину.

— Ага. Береги себя.

«Спасибо за старания. Спасибо, что не врезал мне, когда я поцеловал тебя, а не Орина. Спасибо, что впустил меня — даже если чуть-чуть».

Я проглотил каждое это заявление, когда они пришли мне на ум, моля, чтобы их озвучили. Дверь машины захлопнулась, и Рид пошёл к дому. Стиснув руль, я закрыл глаза и попытался избавиться от разочарования, напоминая себе, что на это я и подписывался. Орин предупреждал меня. В моих ушах звенел смех и предостережения Эвана. Если бы он узнал хотя бы половину всего, я умер бы от скуки, выслушивая его. Вон Синклер встречается не с одним, а с шестью мужчинами... ну, с четырьмя. Рейн был частью системы, но всего лишь ребёнком. А Рид, принимал он всё это или нет, определённо был натуралом и не хотел иметь ничего общего с *отношениями*.

Стук по стеклу моей машины заставил меня подскочить, и я открыл глаза и повернул голову на звук, сбитый с толку. Рид смотрел мрачным взглядом и жестом попросил меня опустить стекло. Я подчинился и в замешательстве посмотрел на него.

— Зачем? — спросил он.

— Что зачем?

— Зачем отношения? Почему не просто дружба? Ты не представляешь, какой устраиваешь срач в системе, делая это.

Я вздрогнул, но ответил ему единственным способом, каким мог. Правдой.

— Потому что для меня он значит больше этого. Я не могу отрицать нашу связь и то, какие он вызывает во мне чувства, когда мы вместе. Он согревает мне сердце так, как не было уже долгое время... может быть, никогда. Я никогда не причиню ему боль, Рид. Я хотел бы, чтобы ты мне поверил.

Он сжал губы в тонкую линию и смотрел на меня дольше, чем было комфортно, не проронив ни единого слова. Затем он вытянулся в полный рост и пошёл в дом, не оглядываясь.

— Чем ты хочешь заняться на свой день рождения?

Пальцы Орина замерли над клавиатурой, и он поднял взгляд с пустым выражением лица. Я хохотнул. Когда он брался за дело и сосредотачивался на работе, Орин отключался от мира — включая меня.

— Извини?

— Твой день рождения. Он в следующем месяце. Ты хотел бы чем-нибудь заняться? — осторожно заходя на территорию, которую мы не исследовали, я добавил. — Может, мы могли бы уехать на выходные.

Забыв о ноутбуке, Орин несколько раз моргнул от этого предложения, прежде чем бросил взгляд на пустой стакан рядом с собой. Он в спешке поднялся на ноги и подхватил стакан, после чего исчез на кухне.

— Я не знаю, — ответил он, уходя.

Была середина марта, и мы с Орином встречались два с половиной месяца. За это время я многое узнал о том, кто такой Орин и как работает его система. Рид продолжал выходить вперёд в неподходящее время, разрушая любой прогресс, который мы с Орином делали в интимном плане. Поцелуи и скромные движения рук были всем, до чего нам удалось прийти.

И мы никогда не проводили вместе ночь. Отсюда и моя тонкая попытка предложить уехать на выходные.

Орин высунул голову из кухни.

— Хочешь ещё имбирного эля?

— Нет, мне хватит, спасибо.

Вернувшись, он сел обратно на пол перед ноутбуком и пролистал наши записи, избегая моего взгляда.

Через два с половиной месяца я начал понимать его намёки; когда он напрягался, когда ему было некомфортно, когда я мог давить, а когда мне нужно было отступить. Ещё я научился позволять Орину брать контроль на себя, когда дело касалось близости. Если это его идея и его инициатива, было меньше шансов, что я потеряю его в пользу Рида... или Козна.

Несмотря на настояния Орина, что нам с Козном следует развить интимную связь — из-за его собственных личных ограничений и опасений — это было трудно. Мы сблизились — я и Козн — и даже ходили на несколько свиданий, но мне было тяжело. Постоянно проявлялась его незрелость, и если Орин не мог зайти в *наших* физических отношениях дальше скромных поцелуев, я не мог зайти в отношениях с Козном дальше такой же невидимой стены.

Орин сощурился, глядя на экран и продолжая печатать.

— Орин? Мы можем спать на разных кроватях. Я просто подумал, что будет мило уехать и заняться чем-нибудь весёлым. Мы можем поехать в Торонто, сходить в музей или посмотреть спектакль. Я никогда не был на Си-Эн Тауэр (*прим. самое высокое свободно стоящее сооружение в мире с 1976 по 2007 год. Расположено в Торонто и является символом этого города*). Там есть красивый вращающийся ресторан, который идеально подошёл бы для ужина в честь твоего дня рождения. Что скажешь?

Он зажал зубами губу. Убрав руки от клавиш, он сложил их на коленях, но не смотрел на меня.

— Ты мне доверяешь? — спросил я.

Он тут же поднял голову и слишком быстро кивнул.

— Да.

Я часто задавал ему этот вопрос и знал, что он ещё не совсем честен, когда отвечает. Сердцем он очень хотел доверять мне, но травмы из его прошлого были значительными, и я в глубине его глаз видел скептицизм, который он не хотел озвучивать.

— Хорошо, можем поехать, — поддался он, снова опуская взгляд.

Моё сердце оборвалось, зная, что он согласился только потому, что боялся меня расстроить. В такие моменты я понимал точку зрения Рида, и почему он так хотел держать нас порознь.

Я не мог вынудить его доверять мне, как и он не мог заставить себя верить. Не важно, сколько раз я говорил ему — или Риду — что никогда не причиню вреда, его опыт говорил ему другое. Кто-то близкий — кому он должен был быть способен доверять свою жизнь, когда был ребёнком, — нанёс непоправимый ущерб. Орин мог больше никогда не научиться доверять, и я начинал медленно это понимать.

Я опустил эту тему, зная, что у меня есть ещё месяц, чтобы увеличить его уверенность насчёт этого. Мы включились обратно в свой проект, сглаживая последние штрихи и убеждаясь, что данные сходятся. Через две недели мы презентуем проект перед классом, а через неделю после этого у нас будет финальный экзамен.

Был вечер субботы, и мы занимались проектом уже полдня. Орин снова стал печатать, но на его лбу отражалось беспокойство, которое я вызвал. По моим венам распространялось чувство вины, и я встал с дивана, чтобы присоединиться к нему на полу.

Он притворился, что не заметил, что я наблюдал за ним, пока я не потянулся и не взял его за руку.

— Давай закончим на вечер. Уже почти восемь, а мы не ели с полудня. Что скажешь насчёт небольшого ужина?

Он выдохнул и, наконец, встретился со мной взглядом.

— Да, я немного голоден.

Он сохранил наш прогресс и закрыл ноутбук. Мы прибрали беспорядок и перешли на кухню. Орин сразу подошёл к холодильнику и начал перебирать замороженные блюда, оставленные Тео. Мне по-прежнему не представилось удовольствие знакомства с ним, и когда я упомянул об этом Орину, он пожал плечами и объяснил, что у Тео в системе определённое место, и меня просто не было рядом, когда ему нужно было выходить вперёд.

Я встал позади Орина и положил руку на морозилку, давая ему знать, что я рядом. Подбираться к нему тайком или сбивать его с толку было прямым способом вызвать вперёд Рида. Как только я увидел, что он заметил моё присутствие, я положил подбородок ему на плечо и обвил рукой его талию, чтобы вместе с ним посмотреть на наш выбор. Он прильнул спиной ко мне и повернул лицо, улыбаясь и соединяя нас в нежном поцелуе. От этого моё тело переполняли эмоции, и по коже побежали мурашки — но это всегда заканчивалось быстрее, чем мне хотелось. Когда мы отстранились друг от друга, Орин вернул внимание к холодильнику. Я оставил ещё несколько поцелуев на его щеке и уткнулся носом в его шею, вдыхая его аромат. Этот запах я любил больше, чем любой другой.

— Что насчёт... — он поднял ещё несколько контейнеров, читая этикетки, после чего отложил их. — Еды на вынос?

— Тео разозлится, что ты просто выбрал какую-то дрянь вместо его упорных трудов.

Орин хохотнул, и это отозвалось вибрацией по моему телу. Я любил слышать, как он счастлив.

— Не разозлится. Он не такой. Кроме того, мне хочется дрянной еды.

— О каком уровне дряни идёт речь? И жирной из фритюра, или о той, которая выглядит как здоровая пища, но мы все знаем, что это не так?

Орин закрыл холодильник и развернулся в моих руках. Он сохранял небольшую дистанцию, но его руки лежали на моей талии, слегка цепляясь за неё.

— Первый вариант. О такой, которая закупоривает артерии и заставляет всю ночь обнимать унитаза, потому что не следовало это есть.

— Отлично.

Мы оба рассмеялись, и он прильнул с поцелуем, которого я жаждал. Его первоначальный контакт поначалу всегда был нерешительным, он слегка касался моих губ своими, будто проверяя нашу связь. Затем, когда ему стало комфортнее, его податливые губы прижимались к моим чуть сильнее, прежде чем он, наконец, начинал дразнить языком. Каждый поцелуй начинался мучительно медленно, отдаваясь болью в моём теле и проверяя мою волю. Я научился не давить, пока он не готов, и нежился в медленном огне, чувствуя на языке его вкус.

Никогда за свою взрослую жизнь я не был без секса в отношениях так долго. Я был благодарен, что обладаю не такой половой возбудимостью, как Эван. Он мог трахаться каждую ночь и к полудню вести себя как изголодавшийся мужчина. Однако, мне никогда не нужно было сдерживаться, когда я хотел зайти с кем-то дальше. Большинство парней быстро прыгали в постель, когда мы решали, что время пришло, но с Орином этот мост был чрезвычайно хрупким. Попытка перейти его до того, как он будет готов, могла повлиять на него негативно. Я знал об этом — принимал то, что мы можем никогда до

этого не дойти — но были времена, когда моё тело жаждало большего, и от борьбы с этими желаниями мне было больно.

Когда наш поцелуй перешёл на новую высоту, и его язык двигался более свободно, его руки сжали меня по бокам и притянули ближе. Когда мы соприкоснулись грудью, я обвил его руками в ответ, стараясь не сильно прижимать его к себе не заставить его чувствовать себя в ловушке.

Когда мы отстранились друг от друга, он оставался рядом, улыбаясь. Улыбка была свободной и полной эмоций, которые я видел у него всё ярче с каждым проходящим днём; оптимизм, удовлетворение и блаженство.

— Это не заказ еды, — сказал я.

— Я знаю.

Он хохотнул, и в то же мгновение его правый взгляд на мгновение сощурился, и он поднял руку, чтобы потереть его, качая головой и снова сосредотачиваясь на моём лице.

— Это Рид? — спросил я, узнавая признаки, указывающие на то, что рядом нависал альтер.

— Да.

Он не позволил дальнейших обсуждений этого и высвободился из моих рук, проводя рукой по волосам и выходя в коридор.

— Значит, еда? — произнёс он через плечо.

Наверное, это было к лучшему.

Дрянная еда превратилась в попытку съесть что-нибудь полу здоровое, когда Орин решил, что он в настроении для китайской кухни. Овощи быстрой прожарки и рис с разнообразием жареных во фритюре куриных тефтелей, казалось, удовлетворяли обе стороны его желания.

Мы дождались доставки еды и решили есть в логове Орина, так как его обеденный стол был занят учебниками и бумагами. Следуя примеру Орина, я сел напротив него на пол, и мы принялись за еду, пока он делился новостями насчёт задания по английскому, по которому вчера получил оценку. В январе его профессор дал задание написать мемуары, основанные на детстве. Орин получил разрешение отчасти изменить свой проект и вместо этого написал от лица Рейна, разбирая свой внутренний мир, чтобы показать, как живёт пятилетний ребёнок.

На удивление, Орин разрешил мне прочитать сочинение, прежде чем сдал его, и я наслаждался возможностью заглянуть в мир Рейна. Он иногда выходил вперёд, когда я был рядом, и с каждым последующим появлением мне становилось всё комфортнее.

Орин получил восемьдесят девять процентов и радовался вполне гордо.

— Кто знал, что я могу получить оценку, просто болтая про Бэтмена и щенков. У меня почти такое чувство, что я смухлевал. Рейну было легко писать, он забавный и открытый. Беззаботный и полон жизни и энергии. Он был в восторге, когда я сказал, что хочу поработить с ним и написать его историю.

Рейн был именно таким, каким *должны быть* все дети. Его жизнь была такой нормальной, что Орин не осознавал этого и предполагал, что этим нужно восхищаться.

Я улыбнулся, дожёвывая еду.

— Тебе стоит подумать, добавить ли это в биографию, которую ты хочешь написать. Я не знаю, включаешь ли ты всех, но было бы очень интересно это добавить.

— Стоит добавить.

Он сиял, обдумывая эту идею, и мы закончили есть.

Выбросив контейнеры от еды на вынос, мы расслабились на диване, и Орин включил телевизор. Мы нашли канал, на котором повторяли серии «Симпсонов», и Орин подвинулся ближе и прильнул ко мне. Я машинально обвил его рукой и запустил пальцы в его волосы, играя с мягкими локонами, пока мы смеялись над повторяющимися выходками Барта.

Когда началась вторая серия, Орин положил руку мне на ногу и водил пальцами по внутренней части моего бедра. В последнее время он проверял нашу связь. Прикосновения перешли от того, что он держал меня за руку и гладил по щеке, к тому, что он стал исследовать мой пресс, бицепсы и бедра. Всегда поверх одежды. Всегда с робкой сдержанностью.

Плавные, лёгкие движения его пальцев, которые рисовали круги на моей ноге, отдавались мурашками на моей коже, и я сосредоточился больше на них, чем на шоу, чтобы моё тело не реагировало. Жар, зарождающийся у меня внутри, распространялся по всему телу, и моё дыхание участилось, несмотря на мои намерения.

Орин повернул голову, которая лежала на моём плече, возможно, чувствуя или замечая внезапную перемену в моём поведении. Он улыбнулся с намёком на озорство в серо-голубых глазах.

Повернувшись, он положил вторую руку мне на затылок и притянул меня к своим губам.

Впервые не было дрожащего начала, и он втянул в рот мою нижнюю губу, прежде чем проскользнуть языком мне в рот. Тепло, появившееся мгновение назад, превратилось в огонь, и я боролся с тем, чтобы не притянуть его на себя сверху и не взять больше.

Я почувствовал его вкус на своём языке и вернул его ласку с такой сдержанностью, с которой только мог. Желание почувствовать его кожу, снять с него майку и соединить нашу плоть сокрушающим, путанным способом, было почти болезненным.

Вместо этого, как и раньше, я провёл одной рукой по его спине, останавливаясь чуть ниже талии, в то время как другая рука лежала на его затылке. Он повернулся лицом ко мне, убирая руку с моей ноги на мою грудь и проводя ею вниз, пока она не легла на моё бедро. Затем он сделал что-то, чего я не ожидал. Он сел ко мне на колени, седлая меня и сжимая нас вместе в близости, которой у нас никогда раньше не было.

Моя голова гудела от нужды, и я не смог остановиться и опустил обе руки на его задницу. С его губ сорвался долгий стон, пока он продолжал поцелуй. Его руки нашли край моей майки и забрались под неё, поглаживая мой живот и поднимаясь выше. Только когда он качнулся вперёд, и я почувствовал эффект наших действий, прижатый к моему животу, всё сошлось.

Я оторвался от его губ и обхватил его лицо двумя руками, когда он попытался соединить нас снова. Он замер, тяжело дыша и практически задыхаясь, пока смотрел мне в глаза. Похоть и желание, исходящие от него, были неправильными. То, что он сидел на моих коленях, забираясь руками под мою майку, плюс его отсутствие сдержанности...

...его эрекция. Что-то было не...

— Коэн?

Уголок его губ приподнялся, пока он боролся с улыбкой, но в его глазах светилось веселье. Я похлопал его по заднице и нахмурился.

— Слазь.

— О, брось.

Тем не менее, он соскользнул в сторону и позволил мне встать. Моё сердце колотилось. Я был наполовину возбуждён, на грани похожего голода, который исходил волнами от него. Я ходил из стороны в сторону, пытаюсь выровнять свои мысли и успокоить своё внезапно разбушевавшееся либидо.

— Это было нечестно, — сказал я, разворачиваясь к нему. — Ты не можешь так меня обманывать.

— Мы целовались и раньше, какая разница. Когда ты не знал, ты не переживал так сильно и позволил себе этим насладиться.

— Это важно, Коэн. Мне нравится знать, с кем я целуюсь, чёрт возьми.

Боже, я никогда не думал, что когда-нибудь скажу эти слова.

Его лицо осунулось, когда он понял, как я расстроен.

— Прости.

Я выдохнул и снова уселся на диван рядом с ним, оставляя между нами пространство. Откинувшись назад, я закрыл глаза рукой. С Коэном больше не было неизбежного чувства вины, но было глубокое замешательство из-за романтической вовлечённости. Границы определённо начали размываться.

— Но ты наслаждался этим, разве нет? — спросил он, было очевидно, что его чувства задеты.

«Да!»

Достаточно, чтобы моё тело расслаблялось не так быстро, как мне бы хотелось. Моя кровь уже прилила на юг и вызывала боль от внезапной остановки движения и смены направления.

Но я не мог сказать ему это, потому что это даст толчок чему-то, насчёт чего я не был уверен. Так что я промолчал. Если бы я сказал, что *не* наслаждался этим, он чертовски точно распознал бы ложь, основываясь на улике, которую он определённо почувствовал.

Мы некоторое время сидели в тишине, прежде чем он подвинулся ближе и прижался ко мне. Коэн обожал обниматься. Он обвил меня руками и положил голову мне на грудь. Вздохнув, я закинул руку ему на плечи и притянул его ближе. Поцеловав его в макушку, я вдохнул его запах — единственное, что никогда не менялось. Он носил свой естественный запах повсюду, не важно, кем он был, и это напоминало мне, что какими бы разными не были его альтеры, они все часть одного человека.

«Он может дать тебе то, чего не могу я. Это нормально, Вон. Коэн часть меня».

Слова Орина постоянно крутились в голове, особенно, когда вперёд выходил Коэн. Ещё сильнее, когда я был достаточно расслаблен, чтобы позволить этому цвести и расти.

«Симпсоны» продолжали идти, и следующий час Коэн оставался в моих руках. Когда закончилась очередная серия, я заёрзал и подтолкнул его встать.

Он сел на колени лицом ко мне, всё ещё унылый, несмотря на попытку улыбнуться. Я поправил его волосы и погладил по щеке. Крохотное действие смыло всю унылость. Коэн так упорно боролся за ласку, а моё внутреннее беспокойство каждый раз вставало на пути. Иногда я чувствовал необходимость напоминать, что он не объект для использования. За последние несколько месяцев он по-настоящему стал мне дорог, но он значил для меня намного больше того, на что сам так отчаянно давил.

— Нам стоит пойти потанцевать на следующих выходных, — сказал я.

Коэн поморщился, но вспышка восторга от моего предложения не скрылась.

— Но ты ненавидишь танцевать.

— Я никогда не говорил, что ненавижу, я сказал, что у меня плохо получается.

Он подвинулся ближе и поцеловал меня в нос.

— Я могу тебя научить. Всё дело в бёдрах.

Я хохотнул, зная, что выставлю себя дураком, но мне было всё равно.

— Эти бёдра намного старше твоих. Полегче со мной.

Коэн рассмеялся и улёгся ко мне на колени, поднимая голову, чтобы посмотреть на меня. Меня удивляло, что его взгляд был намного моложе того, который я видел у Орина. Как будто его радужки каким-то образом сияли ярче.

— Ты серьёзно насчёт танцев? — спросил он, глядя на меня с довольной улыбкой.

Я перебирал пальцами его волосы, пока он устраивался поудобнее.

— Конечно, с одним условием.

Он нахмурился.

— Что за оно?

— Перед этим ты со мной поужинаешь.

Его улыбка была кривой и совсем не похожей на улыбку Орина.

— Идёт!

Мы замолчали, и я продолжал накручивать на пальцы его волосы, пока он наблюдал. Когда он повернулся лицом к моему животу, провёл рукой вверх по моей майке и оставил

несколько поцелуев на моей обнажённой коже, я боролся с вызванным этими действиями удовольствием и остановил его.

— Мне, наверное, пора идти. Уже поздно.

Коэн вздохнул и без споров выпрямился. Его разочарование было очевидным. Он пошёл за мной в коридор, где я достал из шкафа свою куртку. На улице начинало теплеть, и нам удалось избавиться от необходимости в шапках, шарфах и варежках. Коэн наблюдал, как я застёгиваю куртку и обуваюсь. Как бы он ни улыбался, я не упустил намёк на отвержение в его глазах.

Завязав второй ботинок, я встал и притянул Коэна в свои объятия. Он машинально обвил руками мой торс, и между нами повисла пауза.

— Ты не можешь больше так меня обманывать. Это не честно.

Его взгляд на мгновение опустил, и он кивнул.

— Прости. Я знаю. Просто...

— Шшш, — я поднял его подбородок и прижался к его губам своими, прогоняя поцелуем его споры. Когда моё тело захотело большего и кричало, чтобы я вернул Коэна в логово и продолжил то, на чём мы остановились, я отстранился. — Не торопись, Коэн. Подожди. Всё будет.

Эти несколько слов были всем подарком, в котором он нуждался. Это был первый раз, когда я не отрицал возможность и мог на самом деле решить, что можно двигаться вперёд.

Глава 15

Я повернул ключ в зажигании в третий раз. Раздался щелчок, но ничего не произошло. Двигатель не ожил, как должен был.

— Твою мать!

Я откинулся на спинку сидения и ущипнул себя за переносицу. Раздражённо выдохнув, я проверил время на телефоне. Десять минут пятого. Надеюсь, что он не занят показом дома или встречей с клиентом, я позвонил Эвану.

— Привет, подожди секунду.

Звук приглушился, и я услышал отдалённые голоса, пока он разговаривал с кем-то на заднем плане. Через мгновение он вернулся.

— Что такое?

— Ты занят?

Он казался занятым. Последнее, чего мне хотелось, так это вызывать эвакуатор.

— У меня завтра закрытие сделки, так что много бумажной работы, но нет, я не занят. В чём дело?

Я вздохнул и приготовился к недовольству, которое получу, как только открою рот.

— Мне нужен бензин.

— Что ты имеешь в виду? — он что-то ел, и его слова были спутанными.

— Для моей машины. У меня закончился бензин.

Эван фыркнул.

— Как бы сумасшедше это ни звучало, по всему городу действительно есть места, которые прямо решают эту проблему. Это называется автозаправки, — он медленно выделил слово, объявляя это так, будто я не понимал английского. — Они сдирают деньги, но что поделать.

— Это гениально, дурак. Кто знал.

— Да, ну что ж, я помогаю, когда могу.

Я ослабил галстук и расстегнул две верхние пуговицы своей рубашки. Она душила меня, а мне нужно было дышать.

— Ладно, заканчивай уже. Я серьёзно. Я на парковке возле работы, и у меня закончился бензин. Я не хочу платить эвакуатору. Можешь мне помочь?

Эван рассмеялся.

— Ты серьёзно, да?

— Да.

— Дай мне двадцать минут. Мне только нужно здесь всё закрыть. Возьму сегодня работу на дом. И по пути заеду тебе за бензином.

Я сдул со лба локон волос.

— Спасибо. Я тебе отплачу.

— Чертовски верно. Я не буду платить за твой бензин. И ты должен мне ужин.

— Насчёт этого тебе нужно будет подождать. Я сегодня встречаюсь с Орином.

Пока мы оба состояли в отношениях, мы мало проводили времени вместе. Футбольный сезон закончился, так что больше не было предлога посидеть в воскресенье у Эвана.

— Да, всё равно. Я это не забуду.

Пока ждал Эвана, я отправил сообщение Орину, давая ему знать, что задерживаюсь. По вторникам и четвергам он ходил на терапию. Обычно в эти дни он был слишком уставшим и просил не приезжать. Но сегодня утром он мне написал, так как вчера мы не попрощались должным образом после появления Коэна.

Я не получил ответ, в чём не было ничего необычного. Я узнал, что это означает, что вперёд вышел кто-то другой — возможно, Тео, пока управлялся с домом, готовил или убирал — или Орин отдыхал.

Был спокойный мартовский день, и я открыл окно, впуская свежий воздух, пока искал в телефоне идеи для дня рождения Орина. В Торонто было много вариантов, но для этого нужно было три часа ехать на север. Был смысл планировать выходные, а не ехать туда-сюда в один день. Я знал, что от этой мысли ему некомфортно, но если я найду что-нибудь достаточно привлекательное, я был уверен, что он согласится.

Моей первой мыслью был Королевский музей Онтарио, или КМО. С любовью Орина к истории и с его знаниями, я знал, что мы без вопроса можем провести там целый день. Как раз когда я зашёл на их сайт посмотреть, есть ли сейчас особые выставки, рядом со мной остановилась машина.

Эван.

Я вышел одновременно с ним и нахмурился, когда он даже не попытался скрыть своё веселье. Он открыл багажник своей «КИА Рио 5» и достал красную канистру, полную бензина.

— Знаешь, — произнёс он, ставя канистру на землю и снова закрывая багажник. — Если ты обратишь внимание на свою приборную панель, там есть маленький светящийся значок, который загорается, когда у тебя остаётся мало бензина. Выглядит как маленькая колонка с насосом. Это для того, чтобы такого не происходило.

— Да, да, я знаю. Он загорелся вчера, когда я ехал на работу. Я планировал после этого заправиться, но опаздывал, и нужно было забрать Орина из колледжа. Потом я собирался заправиться по дороге домой от него прошлой ночью и... — я сделал паузу,

неуверенный, как много объяснять. — Всё закончилось не так, как я ожидал, и я потерялся в мыслях и забыл.

— А сегодня утром, по дороге на работу?

Я пожал плечами и взял с земли канистру.

— Наверное, не заметил. Совсем про это забыл.

Моё признание заработало мне заслуженное закатывание глаз и смешок. Следующие несколько минут Эван помогал мне залить бензин в бак. Чтобы убедиться, что проблема была действительно в этом, я попробовал завести машину, и она взревела.

Эван вернул пустую канистру в свою машину и поискал в кармане свои ключи.

— Что я тебе должен? — спросил я, доставая свой бумажник.

— Ужин и пиво. Деньги оставь себе.

Зная, что спорить бесполезно, я положил бумажник обратно в карман.

— Так как дела с твоими парнями? — спросил Эван, опираясь на свою машину и скрещивая руки на груди.

Кажется, он не спешил уходить, так что я присоединился к нему и облокотился на свою машину напротив него. Ему нравилось дразниться, что я превратился в проститутку и встречался с половиной футбольной команды. Я проигнорировал комментарий, зная, что нет смысла его исправлять.

— Прошлый вечер был интересным.

Эван вопросительно приподнял бровь, так что я продолжил.

— Это был первый раз, о котором я знаю, когда альтер пытался развести меня и притворился Орином.

На лице Эвана появилась более широкая улыбка, чем было необходимо.

— Круто!

— Не круто. Мне как бы нравится знать, с кем я целуюсь и кто пытается залезть ко мне в штаны.

Эван фыркнул, хохотнув.

— О, мне бы твои проблемы. Бедняжка. Какая разница, кого ты трахаешь? Будь это Орин или другие десять парней. Тело одно и то же.

Когда я посмотрел на него убийственным взглядом, он поднял руки вверх и извинился. Не искренне.

— Их не десять. В его системе их шесть, и я встречаюсь не со всеми ними... если точно. Рейн ребёнок, Рид натурал, а ещё с двумя я вообще не знаком.

Эван не был силен в математике, так что я чуть не засмеялся, когда он сморщился, задумавшись.

— Значит... ты трахаешься с двумя из них, — он молча считал, загибая пальцы, после чего встретился со мной взглядом, более уверенный в своём заявлении.

— Я не трахаюсь ни с кем из них.

Эван поморщился.

— Повтори-ка?

Почему я углублялся с Эваном в разговор о моей сексуальной жизни? Это последнее, что мне нужно было делать.

Я вздохнул и помахал рукой, отмахиваясь от всего. Когда я хотел сесть в свою машину, Эван развернул меня за плечо.

— Воу, не нужно убегать. Хочешь сказать, ты встречаешься с Орином с Рождества, и у вас не было секса?

Такое было крайне непонятно для такого мужчины, как Эван, и на его лице отразились многие стадии недоверия.

— Это сложно. Я не ожидаю от тебя понимания.

— Что это значит?

— Это значит, что для тебя секс важен. Если бы ты нашёл женщину, которая хотела бы ждать с этим до брака, ты бы побежал в противоположную сторону... и в этом нет ничего плохого. Ты такой...

— Ты говоришь, что он воздерживается, потому что хочет сначала пожениться?

— Нет. Клянусь, ты никогда не слушаешь, когда я говорю, — я знал, что Эван не даст мне отвертеться от разговора, пока не получит хотя бы правдоподобный ответ. — Многие люди с ДРЛ в детстве страдали от долговременного сексуального насилия. Я уверен, что, наверное, у Орина такая же история. Я не знаю наверняка и не спрашиваю. Как результат, вероятность того, что ему будет комфортно с сексуальными отношениями, мала. Этого может никогда не произойти. Я знал это и, — я поднял палец, когда Эван открыл рот, чтобы вмешаться, — и я отношусь к этому нормально.

Рот Эвана слегка приоткрылся, будто он не мог представить отношения, где секс не ключевой элемент.

— В любом случае, Коэн заинтересован в сексуальных отношениях со мной, а я ещё до этого не дошёл. Это... — я искал правильный способ описать своих тараканов в голове. — Это просто не кажется правильным.

Эван продолжал молчать и смотреть на меня ошеломлённо. Я не был уверен, что ищу совета, но его затянувшаяся тишина заставила меня раздражённо опустить руки.

— Видишь, я говорил тебе, ты не поймёшь.

Он покачал головой.

— Не могу поверить, что у вас нет секса, а ты встречаешься с этим парнем почти три месяца.

Закусив желание ответить, я достал из кармана ключи.

— Теперь я ухожу. Спасибо за бензин, Эван. Я тебе позвоню.

— Ты злишься. Почему ты злишься?

— Когда поймёшь это, дай мне знать, — я открыл свою дверь и сел в машину.

— О боже, с тобой так же тяжело, как с женщиной.

Он поймал мою дверь, прежде чем я успел захлопнуть её у него перед лицом. Я поднял мрачный взгляд, не впечатлённый и больше не в настроении разговаривать с ним. Мы дружили вечность, и иногда Эван был тем ещё кадром. Что мне было нужно, так это поговорить с Эваном без осуждения, но, видимо, этого в нём было не найти.

— Перестань, — сказал он.

Я смерил его взглядом, и его лицо смягчилось.

— Что за трудности с Коэном? Что не кажется правильным?

Я перевёл взгляд на лобовое стекло и вздохнул.

— Он не Орин. Мне нравится Коэн. Очень. Совершенно иначе, чем Орин. Достаточно, чтобы это чертовски меня путало, потому что я не думал, что это возможно. Мы стали близки, и я больше не чувствую вины и... я уже несколько недель борюсь с этими желаниями с ним. Я хочу с ним большего, Эван, но что это говорит обо мне? — я

повернулся обратно к Эвану, не ожидая ответа, но, тем не менее, молча умолял. — И с Орином я хочу всего. Я хочу, чтобы ему было комфортно, чтобы он был счастлив, и хочу доставить ему удовольствие и заняться с ним любовью, но я знаю, что не могу. Вместо этого я...

— Вон, — вмешался Эван. Я проглотил свои следующие слова и ждал от него продолжения. — Думаю, Орин говорит тебе, что у вас всё это может быть. Только не таким способом, как у обычных людей. У вас не типичные отношения, так что ответ не такой прямой. Ты мне раньше говорил, что они индивидуальности, но вместе часть целого. Так что вся эта страсть, которую ты чувствуешь... то, что ты не можешь выразить Орину, потому что это может принести вред... дай это Козну. По тому, как ты говоришь о нём, я могу сказать, что ты этого хочешь. В старомодном, нетипичном, странном плане, это одно и то же. Тебе просто нужно узнать, куда направить свои чувства. Они все балансируют в его системе — или как там ты это назвал — так что тебе нужно найти способ выразиться.

Была моя очередь сидеть с открытым ртом.

— Да, идиот, я слушаю, когда ты со мной говоришь, так что закрой рот, муха залетит.

Я ненавидел то, как много смысла было в его словах, даже когда он бормотал.

— И кстати, — продолжал Эван, стоя так, чтобы не мешать двери. — Ты по уши влюбился в этого парня и, наверное, даже не понимаешь этого.

С этими словами он захлопнул мою дверь и обошёл свою машину к водительской двери. Он сел в салон и помахал рукой, после чего уехал.

Любовь?

Я подумал о возможности этого и тут же понял, что Эван был прав. Орин значил для меня больше, чем я мог описать. Никто никогда не захватывал меня так полностью. Последнее, чего я хотел, так это каким-либо образом его разочаровать. Наверное, поэтому я не мог отключить свой мозг и не знал ответа, когда дело касалось Козна.

Излишний анализ моих затруднений с Козном вызывался моим стандартным представлением о том, как работают отношения. Наши отношения не были стандартными. Они не следовали тем же правилам и никогда не будут. Мне нужно было перестать пытаться вписать их в категорию, которой они не принадлежали.

Может быть, Эван был прав.

Была половина седьмого, когда я приехал к Орину. Я съездил домой — после того как заполнил до конца бензобак — принял душ, переоделся и захватил нам по стаканчику горячего шоколада по дороге к нему. Он не ответил на моё сообщение, но я не задумывался над этим, заглушая двигатель и подходя к входной двери.

Удерживая в одной руке подставку с напитками, я постучал. Прошло много минут без ответа, так что я попробовал ещё раз, только сильнее и громче.

Когда всё равно никто не открыл, я почувствовал внутри росток беспокойства. Последний раз, когда Орин исчезал без предупреждения, после этого последовал визит в больницу, обследование и швы на его руке.

Я повернул голову к окну и заметил, что занавеска в логове открыта. Несмотря на запущенный сад, грязный от растаявшего снега, я подошёл ближе, чтобы заглянуть внутрь. В комнате было пусто и темно. Я прижался лицом ближе и поднял руку, чтобы перекрыть свет и увидеть всё внутри более чётко. Там было тихо. Казалось, внутри никого не было, но в конце коридора горел свет, и ещё один был включен на кухне.

Оставив стаканчики с шоколадом на крыльце, я обошёл длинное здание, считая, в скольких домах от конца дома Орина — чего мне никогда не нужно было замечать раньше — и подошёл сзади. На его кухне была дверь, которая вела на нелепо маленькое подобие заднего двора. Он объяснил, что никогда ею не пользуется, даже летом.

Дважды проверив, что прошёл правильное количество домов, я вошёл через заднюю калитку. Занавеска на кухонном окне всегда была закрыта, но свет определённо был включён. Я подошёл к стеклу и попытался найти щель, где встречались два куска ткани, чтобы заглянуть внутрь. Пока я искал, за занавесками двинулась отчётливая тень. Я замер. Кто-то был внутри.

В момент паники я отошёл на несколько шагов назад. Моё любопытство и беспокойство до этой секунды были не такими сильными.

Но... Он был дома.

Почему он не открыл?

Не думая, я подошёл к задней двери и постучал. Сильно. Моё присутствие нельзя будет пропустить.

Меньше, чем через мгновение, дверь распахнулась внутрь. Но мужчина, который открыл её и смотрел на меня покрасневшими глазами, не был Орином. Его левая щека дёрнулась, и взгляд нервно метался вокруг, осматривая мир позади меня, прежде чем вернуться к моему лицу. Его волосы были растрёпанными и жирными, будто он не трудился мыть их — или расчёсывать, раз на то пошло. Я никогда не видел их в неидеальном состоянии. Под его глазами были тёмные круги, будто он не спал. От этого радужки казались темнее и опаснее. Он нахмурил брови, от него исходила злость.

Моё внимание привлёк щёлкающий звук, и я стал искать его источник. Зажигалка. Он проводил большим пальцем по кремниевому колёсику, с каждым движением зажигая огонь. Снова и снова, он на мгновение выпускал пламя и позволял ему потухнуть, прежде чем повторить снова.

Я осмотрел его всего и сразу же понял, с кем встретился.

— Ты Коув.

Щёлк... Щёлк... Щёлк.

— Ты догадливый.

Времени собраться не было, я искал ответ, направление или следующий шаг. Орин почти ничего не рассказывал о мужчине передо мной, а то, что мне удалось сложить из известных кусочков, было тревожно.

— Приятно, наконец, с тобой познакомиться. Я Вон, — я протянул руку для рукопожатия, но он только посмотрел на неё и ничем не ответил.

Вероятнее всего, он знал, кто я, но представиться казалось уместным для хорошего начала.

— Я принёс горячий шоколад. Он на переднем крыльце. Я пробовал стучать, но ты не...

— День не подходящий. Тебе, наверное, пора идти.

Я замер, мысли разбегались. Сегодня был день терапии, и если Коув вышел вперёд, это был хороший показатель того, как всё прошло.

Щёлк... Щёлк... Щёлк.

Непрерывное действие с зажигалкой продолжалось с равными интервалами, пока в глазах Коува горел более жаркий огонь.

Я оживился, когда звук прекратился. Щёлканье резко оборвалось, и Коув сморщил лицо. Его губы побелели от давления, и нос сморщился. Я опустил взгляд на его руку.

Пламя горело высоко, и он накрыл его пальцем. Там палец и оставался, пока пламя облизывало его со всех сторон, окутывая палец. Коув не убирал его и держал на месте. В замешательстве от того, что видел, я не сразу отреагировал и продолжал смотреть. Затем я почувствовал запах палёных волос и кожи. Только тогда до меня дошло, что он делает, и я подскочил вперёд, выбивая у него из руки зажигалку.

Она пролетела через воздух, после чего упала на пол, проскользила по линолеуму и остановилась только тогда, когда ударилась о плинтус на дальней стороне кухни.

— Какого чёрта ты делаешь? — спросил я, от паники мой голос стал практически на октаву выше.

От моего резкого действия его рука дёрнулась назад, и он, споткнувшись, зашёл в открытую дверь. Он поднял свой палец и посмотрел на него, шипя, но на его лице не было никакого признака боли. Палец был хорошо и по-настоящему обожжён; кожа вздулась и лопнула, выставляя на вид уязвимый розовой слой под низом. По краям кожа была опалена.

Я протолкнулся мимо него и побежал к холодильнику. Открыв морозилку, я покопался в поисках пакета льда, но не найдя его, я взял упаковку фасоли.

Вернувшись к Коуву, я схватил его за запястье и поднял повреждённый палец, чтобы рассмотреть его самому, прежде чем положить на него замороженную фасоль.

— Чем ты думал?

Наши взгляды встретились, но на его лице больше не было никаких эмоций.

— Не велико дело. Я могу с этим справиться. Даже не больно.

Он попытался вырваться, но я вцепился сильнее и бросил на него мрачный взгляд. Подведя его к кухонному столу, я подтолкнул его сесть, не ослабляя хватки. Он поддался без споров, но выражение его лица было пустым, и его взгляд устремился в никуда. Он не реагировал, пока я разбирался с его пальцем, и моё беспокойство возросло.

— Почему ты это сделал?

Он не ответил.

Я поставил стул перед ним и сел. Через мгновение он вырвался из шока, который окутал его, и посмотрел на моё лицо.

— Что? — спросил он

— Я спросил, почему ты это сделал?

Он вырвал палец из холодной ловушки и поднял его вверх, щурясь и поворачивая его, чтобы увидеть нанесённый ущерб.

— Физическая боль это ничто. Так легче. И я сказал тебе, это не больно.

Я взял его палец обратно и снова укутал. Чувствую, что это было не больно. В своей жизни я достаточно часто случайно обжигался, чтобы знать, что ощущение ожога проходит долго. Поначалу Коув терпел это, но когда с него хватило, он вырвался из моей хватки и бросил фасоль на стол.

— Всё в порядке.

«Всё не в порядке!»

Он встал и тут же подошёл к зажигалке, которую потерял. Моё сердце подскочило к горлу, но он засунул зажигалку в карман и вместо этого подошёл к стакану на тумбочке. Стакан был полон янтарной жидкости. Осмотрев тумбочки, я наткнулся взглядом на бутылку ржаного виски.

Он поднял стакан, сделал несколько глотков и слушай больше половины. Поставив стакан обратно на тумбочку, он поморщился и выдохнул, качая головой и щурясь. Он пил безо льда, судя по его реакции.

Он бросил взгляд в мою сторону, прежде чем открыть ящик. Ящик со столовыми приборами. Я в тоже мгновение поднялся на ноги, но замер, когда он достал оттуда пачку сигарет. Затем он захлопнул ящик и пошёл к задней двери.

— Куда ты идёшь?

Он поднял вверх пачку сигарет и пожал плечами.

— В доме курить нельзя.

Ошеломленный его действиями, я едва знал, как ответить.

— Ох, эмм... — ощущая необходимость оставаться с ним, я поднялся и указал жестом на дверь. — Не против, если я к тебе присоединюсь?

Он достал из пачки сигарету и зажал её губами.

— Плевать.

На улице он прикурил сигарету, сделал глубокую затяжку, подержал дым в лёгких, затем выдохнул, наблюдая, как дым уносит воздух.

Я не знал, что сказать, так что продолжал молчать. Было так же неловко, как если бы я стоял с незнакомцем. Я не знал Коува, и двадцать минут, которые я провёл в его присутствии, меня тревожили.

Он курил молча, и я наблюдал за ним, анализируя его движения и пытаюсь понять его мысли на расстоянии, не спрашивая, что у него на уме.

Подул прохладный мартовский вечер, и он задрожал. Держа сигарету во рту, он растирал свои голые руки, пока ходил из стороны в сторону.

— Немного холодновато для майки, — я не знал, как ещё начать разговор.

Он пожал плечами и выдохнул больше дыма в воздух, поднимая лицо к серому, пасмурному небу. Я не мог не посмотреть на его руки. Никаких новых порезов не было — слава Богу — но от толстых шрамов у меня в желудке всё скрутилось. Этот мужчина нёс за них ответственность, и я только что стал свидетелем того, с какой лёгкостью ему такое удавалось.

— Доктор Дельмар говорит нам, что иногда для процесса восстановления нужно встретиться с этим лицом к лицу. Вызвать всё на поверхность.

Его голос напоминал ветер, едва ли достаточно громкий, чтобы быть услышанным с моего места, меньше чем в пяти шагах от него, стоящего возле забора.

Последовавшая за этими несколькими словами тишина была некомфортной. Пульс моего сердцебиения отдаётся ритмом в ушах. Я ощущал каждый нелёгкий вздох, с которым впускал воздух в лёгкие. Что мне сказать?

Коув повернулся и смерил меня холодным, убийственным взглядом.

— Я сказал ему, что скорее умру, чем раскрою это. И разве это было бы не чёртово блаженство, — его глаза стали стеклянными, пока он говорил. — Больше ничего, — его лицо скривилось от отвращения. — Я заслуживаю этого. Умереть.

Я не мог проглотить противный комок в горле. Он был таким толстым и болезненным, что я думал, что могу подавиться. Он ждал ответа? Что я читал об альтерах, причиняющих себе вред?

Они носили в себе воспоминания о насилии, и они будут защищать эти воспоминания любой ценой — даже если это означало уничтожение тела хозяина. Они были созданы по этой причине.

Так что я сказал то, что, как я надеялся, он хотел услышать. Мне нужно было заработать его доверие. Это профессионалы должны были разбираться с ним и побуждать говорить, не я.

— Спасибо, что защищаешь его, — прошептал я, едва в силах выдавить слова.

Дрожь, последовавшая за моим заявлением, была мимолётной, и если бы я не наблюдал за ним так внимательно, я упустил бы это. Коув продолжал смотреть на меня самым тревожащим способом, будто разрывал меня и искал какие-либо признаки лжи. От него волнами исходило недоверие.

Я стоял перед мужчиной, который видел всё. Перед альтером, который мучился и терзался годами. Видел то, чего не должен был знать ни один ребёнок. У меня подгибались колени.

Не удивительно, что он был злым, жестоким и недоверчивым. Он всегда понимал только боль и страдания. И на таком уровне, который вряд ли кто-то мог бы понять.

Машинально, его взгляд опустился на сигарету, тлеющую в его руке. Он повернул её и посмотрел на неё с отдалённым интересом.

Когда он поднял сигарету к своей руке, и я увидел его намерение, я выдавил:

— Пожалуйста, — он поднял голову, и его рука замерла, когда он увидел мой умоляющий взгляд. — Не... не делай этого.

Он покачал головой с резкой и нескрываемой болью на лице.

— Я больше не хочу вредить.

Мои ноги начали двигаться раньше, чем я смог подумать, и я забрал бычок и выкинул его. Затем я захватил Коува в свои объятия и прижал его к своей груди. Он не обнял меня в ответ, но обмяк в моих руках. Я убрал его волосы с лица и поцеловал его в лоб, меня переполняла боль.

И я дрожал. Не от холода, а от страха.

— Ты в безопасности, — прошептал я.

Может быть, не от его истерзанного разума, но будь я проклят, если когда-нибудь позволю чему-либо плохому случиться с ним. Не с Коувом, не с Орином, не с Коэном, Рейном или Ридом. Даже с Тео, с которым я ещё не был знаком.

Его кожа была холодной на ощупь, и я водил рукой вверх и вниз по его голой руке, обнимая его, успокаивая и делая всё, что мог, чтобы подарить ему тепло и комфорт. Шли минуты, но он не предпринимал попыток отодвинуться, а я не мог найти в себе силы прервать момент. Пока он принимал мою поддержку, я оставался на месте.

Первым движением он повернул голову ко мне и на мгновение зарылся лицом в мою шею, прежде чем его руки поднялись к моей талии, и он легонько меня оттолкнул.

В его глазах был целый мир уязвимости. Его лоб нахмурился, и он в замешательстве оглядел задний двор. Он достал из кармана телефон и проверил время, после чего спрятал телефон обратно. Затем он прижал ладонь к одному глазу и поморщился.

Я наблюдал, как всё разматывается. Заметил дезориентацию и очевидные перемены в характере.

Когда он опустил руку и несколько раз моргнул, я накрыл ладонью его щеку и перевёл его внимание на своё лицо.

— Орин?

Он кивнул и нахмурился.

— П-прости, — затем он снова поморщился и поднял вверх палец; тот, который обжёт Коув. Он не спрашивал, как это произошло. Я подозревал, что он уже знал.

— Идём, давай приложим лёд. Готов поспорить, палец ещё болит.

Очередной кивок, и он позволил мне взять его за другую руку и отвести обратно в дом. Пачка фасоли уже была не достаточно холодной, чтобы её использовать, так что я копался в морозилке в поисках чего-нибудь ещё.

— Возьми контейнер с едой. Я просто оставлю её на ужин.

Я сделал так, как он попросил, и вернулся к столу.

— Спасибо, — сказал Орин, когда я приложил замороженный контейнер к его ожогу. Он состроил гримасу, которую я ошибочно принял за боль, после чего он попытался встать. — Дай мне секунду, — он провёл языком по губам и сgrimасничал. — Он курил, да?

Я кивнул.

— И пил.

— Это понятно, судя по тому, как всё плывёт перед глазами. Я только хочу почистить зубы, а потом мы можем приложить лёд к этому, — он поднял вверх палец и вздохнул, после чего исчез в конце коридора.

Следующий час мы прикладывали к ожогу лёд и, в конце концов, намазали палец мазью, которая была у Орина в аптечке. Это был не первый раз, когда Орин таким образом его травмировал. Я оторвал кусочек пластыря и обмотал им палец Орина.

Остаток вечера Орин был мрачным. Мы съели лазанью, не разговаривая, и пересели на диван, где он подвинулся ближе ко мне и положил голову мне на грудь. Мы посмотрели какое-то шоу, которого я никогда не видел на НВО, но оно не захватило моё внимание. Меня съедало короткое знакомство с Коувом. Я хотел поговорить об этом, но уважал то, что у Орина не было настроения.

Неопределённость наших отношений означала необходимость пропустить этот краткий визит. Я осознавал это и оставался намеренным узнать больше, разбираясь в сложной природе Орина и его расстройств.

Он зевнул и поднял уставший взгляд с моей груди, вяло улыбаясь.

— Мне пора идти, — сказал я, убирая волосы с его лба. — Ты выглядишь измученным.

У входной двери, я застегнул свою весеннюю куртку и надел свои кроссовки. Когда я закончил, Орин потянулся и взял меня за руку. Он сделал шаг вперёд, сокращая расстояние между нами, и нерешительно коснулся своими губами моих. Это был Орин, которого я знал.

Лёгкие поцелуи вдоль моих губ стали смелее, и через минуту он обвил меня руками, и мы разделили настоящий поцелуй. Он нашёл своим языком мой, и они соединились, сплетаясь так, что я почувствовал себя живым. Я мог целовать его весь вечер и никогда не устать. Мог видеть его губы во снах и тосковать по большему.

Приложив чуть больше давления, я зажал его нижнюю губу между зубами и прикусил. Его руки сжали меня крепче, но когда я не позволил этому уровню напряжения стихнуть, он отстранился, прерывая наш поцелуй и отводя взгляд в сторону.

Мы всё ещё были прижаты друг к другу, и его колотящееся сердце я чувствовал своей грудью.

— Прости, — прошептал он.

Я взял его за подбородок и повернул так, чтобы видеть его серо-голубые глаза.

— Не надо. Никогда не извиняйся за свои ограничения.

— Но ты хочешь от меня большего. Я это знаю.

— Я никогда не возьму от тебя того, что ты не можешь дать, Орин. Ты меня понимаешь? Никогда!

Он кивнул, но был этот намёк на неуверенность, который всегда оставался, и моё сердце болело. Поверит ли он мне когда-нибудь? *Мог ли он поверить?*

— Коэн написал и рассказал мне, что вчера произошло.

Пришла моя очередь отводить взгляд. Я отмахнулся от этого. Это было между мной и Коэном, и я не хотел, чтобы Орин беспокоился.

— Вон?

Я снова встретился с ним взглядом и увидел грусть, которую он не смог скрыть.

— Он может дать тебе то, чего не могу дать я. Он часть меня. Часть меня, которая на это способна.

— Я знаю, — признал я. — Я думаю над этим.

Если я не ошибся, от моего признания в его глазах промелькнул намёк на облегчение.

— Спасибо.

Глава 16

— Ты уверен, что хочешь всё поделить? Ты всегда можешь щёлкать слайды, а я буду говорить.

Орин толкнул меня и рассмеялся.

— Я буду в порядке. Я тебе говорил.

Он вставил оставшиеся распечатанные страницы в правильный раздел папки на трёх кольцах, которую мы купили для всех принадлежностей нашей презентации. Все распечатки были в прозрачных файлах, и заметки по слайдам и презентации были разложены должным образом.

Я неделю спрашивал, уверен ли он, что хочет говорить, и вместо того, чтобы раздражаться, он был в хорошем настроении. Я знал, как публичные ситуации влияют на Орину, и только пытался уберечь его от ненужного стресса. Однако, казалось, стресс испытывал только я.

— Ладно, не говори, что я не предлагал. Как ты хочешь это разделить?

Орин защёлкнул кольца папки и перевернул листы к первому разделу, который содержал все вступительные данные, которые мы собрали о моей работе; средняя выручка, целевая аудитория, продолжительность пребывания и жалобы, которые мы нашли в тех приложениях для путешествий, которые люди могут скачать для поиска отелей.

Основываясь на своих находках, мы создали малобюджетную рекламную кампанию, которая сосредотачивалась на средствах отеля, на том, чего хотят и что смотрят люди, когда ищут место для проживания, и сделали так, чтобы это привлекало нашу целевую аудиторию. Мы запускали множественную рекламу на популярных сайтах во время часов наибольшей посещаемости. Отследив, какой отклик получила наша реклама, мы соответствующим образом подправили время и место расположения.

Спустя целый месяц, мы перепроверили все цифры и получили удивительный прирост бронирования и рейтингов. Мы посчитали это победой — особенно потому, что зимние месяцы после праздников в основном были самыми медленными.

Всё было готово для нашей словесной презентации на следующий день.

— Как насчёт того, чтобы ты начал со вступительных данных и показал наш основной исходный пункт. Затем рассказал немного об «Отелях Оливер Стар», раз ты там работаешь. Потом вступлю я и скажу о том, что в себе содержит наш маркетинговый план, и покажу результаты. Так тебе подойдёт?

Мне по-прежнему тяжело было поверить, что он считал себя способным встать перед аудиторией, полной людей, и провести презентацию. Одно его заикание наверняка будет проблемой, и я знал, как его это смущает. Но я больше не говорил ему об этом и согласился.

— Звучит идеально.

Орин несколько минут рассматривал одну из диаграмм, после чего закрыл папку и отложил её в сторону.

— Ты готов к экзаменам? Осталась всего неделя, — сказал он.

— Думаю, готов. Я найду несколько часов на учёбу до следующей среды. Буду готов, — он улыбнулся от моей уверенности. Мне не нужно было спрашивать, готов ли он, он постоянно устраивал мне проверки знаний. Он знал наш материал вдоль и поперёк. — Ты готов к Торонто?

Я убедил его провести две ночи вдаль от дома. Через десять дней, на выходные, когда будет его день рождения, мы планировали поехать в Торонто. Мы выедем днём в пятницу, проведём вместе ночь в отеле, посмотрим достопримечательности в субботу, включая ужин во вращающемся ресторане наверху Си-Эн Тауэр, проведём ещё одну ночь в отеле, затем на следующий день сходим в музей. Дел будет много, но я был крайне взволнован идеей провести это время вместе.

— Думаю, да, — честно ответил он. Мгновенная суэта, когда он разорвал зрительный контакт, сказала мне, что он по-прежнему не уверен.

Хоть я настаивал, что у нас могут быть отдельные кровати или даже номера, если ему нужно, он сжал губы и сказал мне, что я веду себя глупо.

«Мы встречаемся. Мы можем спать в одной кровати. Я тебе доверяю».

Глаза его выдавали. Как бы ему ни хотелось, чтобы его заявление было правдой, правда была в том, что внутри него жила доля сомнения, от которой он не мог избавиться.

На следующий день я заехал за Орином пораньше перед занятием. Мы вызвались выступать первыми, чтобы ускользнуть пораньше и провести больше времени вместе вечером.

Ричард тоже пришёл раньше и дал нам место разложить свои принадлежности. Орин — мозг нашей операции — включил презентацию на своём ноутбуке и убедился, чтобы она правильно отображалась на экране впереди. Он один раз прощёлкал наши слайды, чтобы перепроверить, что они идут в правильном порядке.

Когда студенты начали заходить и занимать свои места, я заметил у Орина первые признаки тревожности. Он обнимал руками своё тело и бросал взгляд на болтающих людей. Его дыхание изменилось, и он потёр свой висок.

Я вышел вперёд, готовый последний раз предложить взять на себя роль докладчика, когда он резко покачал головой.

— Я в порядке. Н-н-не надо.

Он не был в порядке. Это было очевидно, но я остался на месте и позволил ему самому решить, что лучше.

В семь часов Ричард привлёк внимание класса и объяснил, как пройдёт вечер презентаций. Затем он предоставил слово нам.

Орин оставался сидеть перед ноутбуком, готовый листать слайды, когда я начну. Меня никогда не беспокоила необходимость выступать перед людьми. Меня никогда не беспокоили люди и их мнения. Аудитория была наполнена студентами, которые были значительно моложе меня и которые проявили себя ещё менее зрелыми, но даже это меня не беспокоило.

Как только на мне сосредоточилось всеобщее внимание, я начал.

Мы упорно работали над проектом, и всё шло как по маслу, пока я объяснял, какой мы выбрали бизнес, почему, и как вы выбрали правильную рекламную кампанию, которая нам подошла. Через двадцать минут я закончил свой раздел и бросил нервный взгляд на Орина, чтобы посмотреть, готов ли он продолжить.

Он наблюдал со спокойной улыбкой и встал в ту же минуту, как наши взгляды встретились. Он поправил свой свитер на плечах и поправил рукава, прежде чем выйти вперёд. В его походке была уверенность, когда он занял своё место и встал лицом к классу. Я занял его освободившийся стул, чтобы взять на себя управление слайдами.

Высоко подняв подбородок, он говорил сильным и чётким голосом. Не было никакого заикания, и я обнаружил, что забыл переключать слайды из-за того, каким он был впечатляющим. Он напомнил мне прокурора, обращающегося к судье — прокурора, который знал, что выполнил всё безупречно. Он устанавливал зрительный контакт и удерживал внимание аудитории, даже когда говорил только о скучных, сухих цифровых данных и о том, как они изменялись в течение месяца.

Я изучал его взглядом. Прищурился и разгадывал мужчину перед собой. Это никак не мог быть Орин. Орин не мог этого сделать.

Я бросил взгляд на Ричарда, чтобы посмотреть, заметил ли он. Он казался таким же увлечённым, как другие студенты. Я ошибся?

— Вон?

Я повернул голову обратно к Орину, когда он позвал меня. Оно слетало с его языка как шёлк, как я никогда не слышал.

— Мы можем увидеть следующий слайд, пожалуйста?

Я кивнул, но не мог оторвать взгляд от уверенной улыбки, с которой он сосредоточился на мне. Кто он?

Я переключил слайды, и он продолжил.

Когда мы закончили презентацию, Ричард поблагодарил нас, поздравляя с хорошо проделанной работой. Он дал классу десятиминутный перерыв, пока готовилась следующая группа. Мы с Орином собрали свои записи и сдали законченный проект. Пока Орин складывал свой ноутбук, я стоял рядом и ждал. Уверенное поведение и плавные движения его не покинули. Когда он взял в руку свой ноутбук и сумку, он повернулся и приподнял бровь.

— Готов?

Даже одно это слово было сказано тоном, контрастирующим Орину.

— Да, — я заинтересованно приподнял бровь, но он только усмехнулся и вышел из кабинета передо мной.

Его походка определённо не была такой же.

Я шёл рядом с ним по коридору, не завязывая разговор и не встречаясь с ним взглядом. Только когда мы вышли на улицу, я остановился и скрестил руки на груди, пока он продолжал спускаться по ступенькам на дорогу.

— Тео? — позвал я его.

Его шаги замедлились, и когда он развернулся, на его лице была усмешка, но он не ответил.

Я сократил расстояние между нами и удерживал его взгляд, невольно улыбаясь.

— Это была его идея или твоя?

— Орина. Но не беспокойся, это было только для презетанции. Ваши планы на вечер не изменились.

— Ты... можешь контролировать переключение?

— Абсолютно. В большинстве случаев это происходит неожиданно или по каким-то причинам, но мы можем согласовать переключения при необходимости. Орин не ушёл далеко. Он готов вернуться.

Тео опустил взгляд, и улыбка исчезла с его лица. На краткое мгновение его лицо скривилось, и он на секунду закрыл глаза, прежде чем открыл их и провёл рукой по своему лбу.

Когда Орин уступил место Тео перед полным классом людей, я даже не заметил. Но признаки были тонкими и становились более узнаваемыми, если я знал, как их нужно искать. Возможно, переключения не всегда включали в себя физические признаки.

Когда он снова поднял взгляд, его лицо скривилось от боли, и он надавил костяшкой пальца на висок.

Боль от переключений; Орин объяснял это.

Он несколько раз моргнул и огляделся, прежде чем остановить взгляд на мне.

— Привет, — сказал я, улыбаясь. — Добро пожаловать обратно.

— Привет, — его улыбка была робкой и на сто процентов в стиле Орина.

— Тео произвёл фурор с нашей презентацией. Он просто профи в этом, да?

Взгляд Орина опустился, а улыбка стала шире.

— Это точно. Я наблюдал за ним. Он был хорош.

— Ты помнишь? — я не мог скрыть шок в своём голосе. Орин всегда объяснял, что переключения вызывают периоды амнезии, которая оставляет его с пустыми отрезками времени.

— Большую часть. Это было согласованное переключение, так что у меня получилось больше осознавать всё. Мы с Тео намного лучше достигаем такого уровня параллельного сознания. Ни с кем другим у меня никогда такого не было.

— Это действительно великолепно. Разве не это твоя итоговая цель?

Орин кивнул и снова вытер один глаз, его головная боль определённо ему досаждала.

— В идеальном мире, именно на это я бы и надеялся.

После неожиданного знакомства с Тео во время нашей презентации, его присутствие стало более частым. Вечером до того дня, как мы планировали уезжать в Торонто, я пришёл к Орину и обнаружил Тео, который скрупулёзно упаковывал его сумку и убеждался, что у него есть всё, что может понадобиться для поездки.

Тео был немногословным человеком, крайне прямолинейным, добрым и придирчиво организованным. Он не испытывал никакой злобы ко мне, и хоть я не мог назвать наши отношения тёплыми, он никогда не закрывался от меня. Я сразу же понял, как он вписывается во всю систему, и удивился, что не встретился с ним раньше.

В десять утра в пятницу, я подъехал к дому Орина с двумя дымящимися стаканчиками кофе в подстаканнике и с пакетом сэндвичей для нашей поездки. Прежде чем я успел выйти из машины, его входная дверь распахнулась, и он вышел с переполненной спортивной сумкой, в которой лежали его вещи.

— Чёрт возьми, вчера вечером эта сумка была не такой полной. Какого чёрта произошло?

— Тео. Он решил добавить ещё несколько вещей, — Орин закатил глаза и рассмеялся. — Можно подумать, что я уезжаю на неделю, а не на два дня.

Я хохотнул, подбегая к нему, чтобы взять вторую сумку, которая висела на его плече.

— Так как дела у именинника? Уже чувствуешь себя старше? Ты приближаешь к тридцати.

Орин бросил свою сумку в багажник, когда я открыл его, и хохотнул.

— Мой день рождения на следующей неделе. Раннее празднование не означает, что я быстрее стану двадцатидевятилетним.

— Я не согласен. Именинный торт со свечками означает пересечение времени. Если ты отказываешься взрослеть до следующей недели, тогда за ужином никакого торта.

Орин по-доброму показал мне язык и сел в машину. Меня согревал вид того, с какой лёгкостью он теперь мог дразнить меня в ответ. В самом начале, любое подшучивание, даже в шутку, вызывало неконтролируемое заикание.

— Твои альтеры отмечают дни рождения вместе с тобой? — спросил я, как только мы выехали на шоссе.

— Не совсем. Рид, Коув и Тео единственные, кто отмечает дни рождения и взрослеет. Но не в один день со мной. У Рида день рождения в августе, ему будет двадцать четыре, а у Коува он был восьмого февраля. Ему исполнилось двадцать шесть. Мы с Тео практически повзрослели вместе, хотя он старше. Думаю, у меня есть разбитые воспоминания о нём с четырёх или пяти лет. Ничего точного. Его день рождения в мае. Ему будет тридцать один. Полагаю, про остальных можно сказать, что они застыли во времени. Они не взрослеют.

Достигая уровня комфорта с альтерами Орина и узнавая где моё место среди них, я застонал и ударился головой о подголовник.

— Нет, не говори мне, что Коэну вечно будет девятнадцать.

Орин фыркнул, пытаясь скрыть смех.

— Да. Прости.

— Ты смеёшься над моей болью.

— Ты преувеличиваешь свою боль. Думаю, вы двое отлично ладите.

Я погладил его по ноге и улыбнулся.

— Да, да, не говори ему, но думаю, я к нему привык.

Улыбка Орина стала самодовольной, и он бросил взгляд на свои колени, где лежали его руки. Я мог только представить, о чём он думает. Были дни, когда я чувствовал себя лишним по сравнению со всей его системой.

Мы приехали в Торонто рано днём и отправились прямиком в отель на заселение. Наш номер был приличным, но маленьким. Я надеялся на диван в добавок к большой кровати, на случай, если Орин передумает спать вместе. Не повезло.

Мы поставили свои сумки и разобрали несколько личных вещей для ванной. Даже я вынужден был признать свою нервозность. Хотя мы с Орином встречались три с половиной месяца, это был для нас первый шаг. От перспективы провести ночь с новым парнем бабочки в моём животе всегда сходили с ума.

Расставив свои принадлежности для душа, я вернулся в комнату и нашёл Орина сидящим на кровати, его поза была зажатой. Его нервозность и близко не была похожей на мою.

— Всё нормально?

Он немного слишком быстро кивнул, выдавая себя.

— Ч-чем ты хочешь 3-з-заняться теперь?

У меня внутри всё оборвалось от его заикания. Я вздохнул, думая. Наши планы на следующие два дня требовали от Орина общительности, так что спокойный тихий вечер звучал лучше.

— Мы можем прокатиться по городу и найти какую-нибудь потрясающую еду, которой нет у нас дома, взять её с собой и просто посмотреть пару фильмов. У нас большие планы на следующие дни, а я немного вымотался после всего этого вождения.

Его лицо засветилось от моего предложения.

— Конечно. Это будет м-мило.

К тому времени, как мы проехали так много кварталов, что кружилась голова, мы остановились на маленьком вьетнамском ресторане, вывеску которого не смогли прочитать, и персонал в котором едва говорил по-английски. Мы оба пожали плечами, решив, что это означает, что ресторан более самобытный, чем любой у нас дома.

С двумя пакетами, полными различных блюд, названия которых я не мог произнести, но Орин уверял, что мне понравится, мы отправились обратно в отель. Он принялся «готовить» наш суп, в то время как я рассматривал варианты фильмов.

Как только я выбрал «Люди Икс: Первый класс» и включил его, усевшись у изголовья кровати, Орин по одной принёс наши тарелки.

— Не могу поверить, что мы едим суп в кровати. Это будет катастрофа.

Орин хохотнул, усаживаясь рядом со мной и беря свою тарелку с прикроватной тумбочки, на которую её поставил.

— Просто ешь осторожно.

Я опустил ложку в бульон и перемешал гущу, рассматривая каждый продукт и хмурясь. Там было несколько видов мяса — или я полагал, что это было мясо — ростки фасоли, какие-то зелёные листья, которые Орин сам добавил мгновение назад, макароны и неопределённые белые штуки с крохотными бугорками, которые меня беспокоили.

— Ещё раз, как это называется?

— Фо, — сказал он, поднимая ко рту кусок того, что могло быть говядиной, и съедая его.

Я сморщил нос и посмотрел в его тарелку. Выглядело всё так же, как у меня.

— Просто попробуй. Это вкусно.

Я не считал себя придирчивым, но в основном придерживался того, название чего мог произнести... и идентифицировать.

Я перемешал суп и выбрал что-то безопасное на вид, напоминающее маленький мясной шарик с бульоном, и съел. Пока я ел, Орин наблюдал за мной.

— Вкус хороший, — сказал я, проглотив.

— Я бы не дал тебе неправильный совет.

Осмелев, я словил ложкой одну из белых штук и поднял вверх, чтобы рассмотреть. Края были немного рваными, и текстура выглядела определённо странно.

— Что это?

Орин усмехнулся.

— Требуха.

Я нахмурился и бросил взгляд на него.

— Что такое требуха?

— Просто попробуй.

Я нерешительно смотрел на ложку, и Орин потянулся и положил руку на мою, направляя ложку мне в рот.

— Открывай.

Я рассмеялся, но подчинился. Он засунул ложку мне в рот, и я потрогал странный продукт языком, прежде чем медленно пожевать. Текстура была не такой, как я ожидал, и вместо того, чтобы жеваться как мясо, она практически развалилась, как хрящ. Пережевывая, я в итоге всё проглотил и в ожидании посмотрел на Орину.

Он с большой улыбкой повернулся обратно к своей еде и продолжил есть.

— Что такое требуха?

— Тебе понравилось?

— Текстура необычная.

— Просто ешь и не переживай об этом.

Орин сосредоточился на фильме, продолжая есть свой суп. Я ещё раз перемешал суп, перебирая продукты и замечая, сколько ещё этих странных белых штук плавало среди остальных. Я поставил тарелку на тумбочку и достал свой телефон.

— Что ты делаешь?

— Смотрю ответ в интернете.

— Ты не хочешь этого делать. Просто ешь и наслаждайся.

Я на мгновение бросил мрачный взгляд на Орина, пока он боролся с улыбкой, затем опустил голову к телефону и напечатал в поисковой строке Гугла «что такое требуха». Когда появился результат, я прочитал...

«Съедобная ткань желудка различных сельскохозяйственных животных. Большая часть требухи берётся у крупнорогатого скота».

Моя рука поднялась ко рту в тот же момент, как меня начало рвать. Я слетел с кровати и бросился в уборную, когда в горле поднялась желчь, и меня снова вырвало.

Пока я обнимал унитаз и избавлялся от двух ложек фо, которые съел, в воздухе звенел смех Орина. Так как я впервые поел после завтрака, мне нечем было тошнить, и следующие несколько минут меня рвало впустую.

Как только мой желудок успокоился, я вытер рот, почистил зубы и вернулся в комнату. Орин поставил свою тарелку и прижимал к груди подушку, делая всё, что мог, чтобы успокоить смех.

— Ты очень злой человек.

Он смеялся дальше и закрыл лицо. Было тяжело хоть немного расстраиваться, видя, какое он излучает веселье. Когда он успокоился достаточно, чтобы говорить, он указал на пакеты, которые оставил на подоконнике.

— Там ещё есть пад тай. Обещаю, все ингредиенты нормальные.

— Тебе нельзя доверять.

Я взял новый контейнер с едой, прожигая Орина мрачным взглядом. Это вызвало только больше смеха.

Как только всё доели, мы переоделись в пижамы. Я взял с собой клетчатые хлопковые штаны и майку. Обычно я спал в боксерах, но знал, что с Орином нужно поддерживать уровень комфорта, и оставаться в одном нижнем белье не было мудрым решением.

Орин откинул одеяло и крутился рядом, избегая постели. Я почувствовал его дискомфорт и решил вести себя спокойно и дать ему увидеть, что в этом нет ничего такого. Я забрался в кровать и сел у изголовья. Щёлкая каналы, я указал на телевизор.

— Какой фильм будем смотреть теперь? Последний выбирал я. Иди сюда и реши.

Этого было достаточно, чтобы помочь ему разрушить барьер неуверенности, и он сел на кровать рядом со мной. Забрав пульт, он пролистал варианты. Пока он занимался делом, я поднял одеяло до наших талий, не обращая внимания на его ёрзанье.

Как только начался новый фильм, он успокоился.

Солнце село, и с этим пришла реальность того, что мы с Орином впервые проводим ночь вместе. Не просто одну ночь, а целые выходные. Даже когда я знал наши ограничения, всё это казалось интимным.

Орин поймал на себе мой взгляд и робко улыбнулся, опуская взгляд на свои колени. В течение минуты он подвинулся ближе и положил голову мне на плечо. Я принял это за разрешение и обвил его рукой.

Мы часто обнимались во время просмотра фильмов. Мы просто никогда раньше не лежали в кровати, накрытые одеялом. Я поцеловал его в макушку, вдыхая ароматный запах его цитрусового шампуня, прежде чем вернул внимание к телевизору.

Короткое время спустя его рука нашла под одеялом мою. Он не схватился за неё и не держал, а просто касался моих пальцев, пробуя хватку. Это был его способ попросить о большем, и я никогда не отказал бы ему. Я обхватил его руку своей и провёл большим пальцем по его коже.

Фильм стал шумом на заднем плане, пока продолжались мягкие попытки Орина. По одному крохотному шагу за раз — это всё, что ему когда-либо удавалось, но для него это были огромные шаги.

Он повернул голову к моей груди, утыкаясь носом мне в шею и приподнимая лицо к моему. Прижавшись к его лбу своим, я позволил ему мгновение привыкнуть к этой более близкой связи. Когда он подвинул лицо ближе, я взял на себя инициативу сократить оставшееся расстояние и сжал наши губы вместе. Но затем я снова передал контроль ему.

Я позволил Орину управлять поцелуем. Его губы скользили по моим, оставляя маленькие прикосновения. Крохотные моменты посасывания, когда он затянул мой язык себе в рот. Я следил за каждым его движением, как научился делать. Когда он раскрылся и позволил моему языку сплестись с его, по всему моему телу прошла тёплая дрожь. В моём животе ожили бабочки, будто мне снова было шестнадцать. Орин делал это со мной, и медленный прогресс наших отношений только увеличивал эти чувства.

Его неуверенность исчезла, когда он прильнул ближе и поцеловал меня глубже, покусывая и пробуя всё с большей смелостью, пока шли минуты. Я положил руку ему на затылок и подтолкнул его чуть больше, прижимая его к себе и целуя с большей энергией.

Он повернулся на кровати, становясь на колени рядом со мной. Он обхватил моё лицо руками, заглядывая глубоко мне в глаза. Его нервозность просвечивалась, но его решимость была сильнее. Наши губы разделились всего на мгновение, прежде чем столкнулись снова. Удивив меня, Орин прижался ближе, пытаясь обвить меня руками, но из-за того, как он сидел рядом со мной, это было неловко.

Я разорвал наш поцелуй, стараясь контролировать своё сбившееся дыхание. Я быстро заводился.

— Сядь на меня, — предложил я, подталкивая его в бок.

Его взгляд на мгновение опустился, и он облизнул свои опухшие от поцелуев губы, после чего кивнул. Его дрожь была очевидной, но он перекинул ногу через мои колени и сел. Мы никогда не были так близко. Я отвёл минуту на то, чтобы провести руками по его спине вверх и обратно вниз, прежде чем слегка надавить на его поясницу.

Он понял моё намерение и наклонился ближе. Его колени сжали по бокам мой торс, и его грудь прижалась к моей. Я снова соединил наши губы, всё моё тело гудело от этого нового шага вперёд. Смелость Орина поражала меня.

Наши поцелуи с каждой минутой становились всё жарче. Не осталось никаких колебаний. Поцелуи были голодными и смелыми, доводя мою кровь практически до кипения. Моя возбудимость могла быть не такой, как у Эвана, но я всё равно был мужчиной. Мужчиной, который провёл исключительно много времени без секса. Который сидел с потрясающим мужчиной на коленях, чей язык доставал чуть ли не до горла, и который издал не один тихий стон удовольствия от того, что между нами происходило.

Это было неизбежно.

В тот момент, как мой член начал набухать, я оторвался от губ Орина и попытался отстранить его. Я выдохся, и у меня кружилась голова.

— Орин, — начал я, пытаюсь поднять его со своих коленей.

— Я в п-порядке, — заикаясь, произнёс он.

Используя свой вес, он прижал меня обратно к изголовью кровати и соединил наши губы, снова устраиваясь у меня на коленях.

Затем он замер.

Невозможно было отрицать, что он чувствует и почему он застыл. Я потянулся, чтобы взять его лицо в свои руки, готовый его успокоить, но я не зашёл так далеко. Он отлетел от моих губ, как раз когда его рука поднялась и крепко сжала мой подбородок. Его глаза горели, губы раскрылись в оскале, со злостью и отвращением.

Я поднял руки вверх, сдаваясь.

— Рид, — произнёс я сквозь сжатые губы, — я могу объяснить.

Глава 17

Он мгновенно слетел с кровати, отодвигаясь от меня так же быстро, как я от него — только у меня за спиной было изголовье кровати, и моё отступление не удалось.

— Просто успокойся, — сказал я, молча заставляя свой предательский член сейчас же опуститься.

Рид не мог сформулировать слова и ходил из стороны в сторону, запуская руку в волосы и заставляя себя дышать спокойно. Наконец, он остановился и повернулся лицом ко мне, его губы сжались, пока он рычал и громко дышал через нос.

— Это должно прекратиться.

— Не могу не согласиться.

Я слез с кровати и встал, быстро поправляясь, пока Рид качал головой.

— Зачем давить на границы? Почему ты не можешь просто быть счастливым...

— Я ни на что не давил, — огрызнулся я. — Я никогда ни на что не давил. Всё это, — я махнул рукой на кровать, — было инициативой Орина. Прости, что моё тело ответило так, как ответило, но твою мать, я человек.

— Ты... Ты не понимаешь.

— Нет, может быть, это ты не понимаешь. Как я понимаю, Орин исследует что-то, чего хочет, когда чувствует себя комфортно, и каждый чёртов раз, когда это происходит, ты вмешиваешься и всё останавливаешь. Почему бы не дать ему попробовать?

Рид сухо хохотнул и недоверчиво покачал головой.

— Ты так понимаешь, а? Думаешь, я хочу, чтобы меня выбрасывало посреди ваших чёртовых поцелуев, когда к моей заднице прижимается твёрдый член?

— Верно, выбрасывало, конечно.

Лицо Рида помрачнело от злости.

— Да! Выбрасывало, — он ринулся ко мне, и я в тревоге отступил, прижимаясь спиной к стене. Он встал прямо передо мной и почему-то казался в миллион раз больше и более пугающим, чем позволяла фигура Орина. — Я не выбирал этот момент, придурок. Орин ушёл, потому что то, что происходило между вами, было для него слишком. Уровень ужаса был слишком высоким, и он отступил. Когда это происходит, меня

выталкивает вперёд, потому что он в опасности, и это моя чёртова работа. Так что пока ты не подумал, что с ним всё было в порядке, а я просто какой-то мудака, поразмысли ещё раз.

Когда я не ответил, он отошёл, позволяя мне дышать. Со стойки с телевизором он взял карту от номера и поднял её, показывая мне.

— Я иду прогуляться. Мне нужен воздух.

Прежде чем он смог уйти, я подскочил вперёд.

— Рид, подожди!

— Что? — не оборачиваясь, спросил он.

— Ты должен знать, что я никогда не давил и никогда не буду давить на него. В последнее время сам Орин был намерен попробовать больше. Ты это знаешь? Ты говорил с ним?

— Конечно, говорил. Но пока он не начнёт по-настоящему доверять тебе, мы *будем* продолжать так встречаться.

— Хочешь сказать, пока *ты* не начнёшь по-настоящему мне доверять.

Он развернулся, и его лицо потеряло злость, которая была на нём всего мгновение назад.

— Нет. Пока *он* не начнёт. Моё доверие полностью зависит от Орина. Мы все равняемся на него.

— Оу.

Он положил руку на дверь, готовый уйти, когда я снова его остановил.

— Рид?

— Что? — произнёс он сквозь сжатые зубы.

— Думаю, тебе захочется одеться. Ты в пижаме.

Он опустил подбородок к груди, глядя вниз, и еле слышно зарычал. Меньше чем за две минуты, он нашёл джинсы и майку и вышел за дверь.

Я два часа ждал возвращения Рида, или Орина, или кого угодно, раз на то пошло. Меня охватывало беспокойство, пока я представлял, что Рид ушёл на несколько кварталов от отеля, и Орин вернулся без малейшего понятия о том, где находится.

Я никогда не хотел намеренно вызывать у Орина страх. Но вызвал, и от этого меня тошнило. Я никогда не хотел причинить ему боль. Я должен был всё остановить, даже когда он был инициатором и толкал нас вперёд?

У меня не было ответов. У меня будто никогда не было ответов.

В конце концов, прождав ещё час впустую, я забрался в кровать и попытался заснуть.

В какое-то время посреди ночи кровать рядом со мной прогнулась, и я вырвался из состояния полудрёмы.

— П-прости. Я не хотел тебя разбудить.

Заикание. Определённо Орин.

— Всё нормально, — мой голос был хриплым от долгого молчания, и я повернулся лицом к Орину, оставляя между нами большое расстояние. — Ты в порядке?

Он положил голову на подушку и натянул одеяло до подбородка.

— Да. Только замёрз. Нужно согреться.

Больше всего мне хотелось притянуть его в свои объятия и прижать. Но после того, что произошло, я сдерживался. Тишина висела долгое время, и меня снова окутала пелена

сна, которая тянула вниз и делала мои веки тяжёлыми. Как раз когда сознание ускользнуло, до моих ушей донёлся тихий голос Орина.

— Вон?

Я проснулся и потёр глаза, зевая.

— Да?

— Прости за то, что случилось раньше.

— Ты знаешь, что произошло?

— Рид мне рассказал. Мы говорили. Мне... мне очень жаль.

Комок, который собирался в моём желудке, вернулся. Я нашёл руку Орина под одеялом и осторожно её сжал.

— Никогда не извиняйся за такое. Это не твоя вина.

— Но...

— Но ничего. У нас всё в порядке.

— Хорошо.

Долгое время было тихо. В комнате звучало только лёгкое дыхание Орина. Я знал, что он не спит, так что продолжал держать его за руку и поднёс её к своим губам, чтобы поцеловать его пальцы.

— Спокойной ночи, Орин.

— Спокойной ночи.

На следующее утро меня разбудило солнце, когда засветило в окно и через большую кровать на моё лицо. Инстинктивно, я зарылся головой в подушку и застонал. Мне понадобилось несколько дополнительных минут, чтобы вспомнить, что я не дома, и ещё две или три после этого, чтобы понять, что кровать рядом со мной пустая.

Я откинул одеяло и огляделся вокруг, беспокоясь, что Орин ушёл. Он всё ещё был здесь. Он сидел на подоконнике и смотрел на улицу, глубоко задумавшись. Его лоб хмурился, и нижняя губа была выпячена, так как он надулся.

Я пошумел, чтобы привлечь его внимание, и когда он повернулся, те тревожащие его мысли исчезли.

— Доброе утро, — его улыбка была натянутой, и его взгляд опустился на колени, когда он понял, что ничего не получилось.

— Ты вообще спал? — спросил я, потягиваясь на кровати и зевая.

— Да. Немного.

Ещё больше суеты.

— Готов сегодня к невероятному приключению в честь дня рождения?

Я с гордостью улыбнулся, когда мой комментарий вызывал на его лице настоящую улыбку.

— Не могу дождаться.

Всё утро мы исследовали больше полдюжины торговых центров в районе. С приближением весны, мы оба воспользовались возможностью обновить часть своего гардероба.

Орин по большей части вёл себя отрешённо и тихо, и я знал, что его что-то тревожит. К обеду мы зашли в кафе на втором этаже одного из торговых центров и заказали сэндвичи и кофе. Мы выбрали место у края балкона, с видом на нижний этаж центра. Вокруг нас никого не было, так что как только мы доели, и Орин снова задумался в сотый раз за день, я потянулся за его рукой и привлёк его внимание.

— Эй, такое ощущение, что на сегодня я тебя потерял. Мы должны веселиться, а ты выглядишь несчастным.

Орин выдохнул и зажал нижнюю губу зубами.

— Прости, — это был его машинальный ответ, и я поморщился, услышав его.

— Перестань извиняться и просто поговори со мной. Что тебя так мучает?

— Эмм... — он вытянул руку из моей хватки и заёрзал на своём месте. — Я... Я не очень хороший п-парень. Я могу только представить, как тебя это раз-ра-раздражает.

— Почему ты так говоришь?

Он пожал плечами и отказывался встречаться со мной взглядом. Я вытянул руку, приглашая его снова взяться за неё. Он колебался, но, в конце концов, подвинул свою руку ближе и снова соединился со мной.

Он не ответил, так что я надавил, думая, что знаю причину его беспокойства.

— Это из-за прошлой ночи?

Он быстро кивнул и бросил быстрый взгляд на моё лицо.

— Парни должны быть способны... способны... это... делать это... м-мы должны быть способны заниматься этим.

Он никогда не говорил это слово, и я начинал задумываться, способен ли он.

— Ты имеешь в виду заниматься сексом?

Его глаза расширились, и он окинул взглядом фудкорт.

— Да, — прохрипел он, его щёки тут же запылали.

— Посмотри на меня, — он с трудом снова нашёл взглядом моё лицо. — Почему ты так сильно пытаешься к этому прийти? Потому что думаешь, что я хочу этого? Или потому что думаешь, что это должно произойти? Ты думаешь, я, в конце концов, брошу тебя, если этого не произойдёт?

Он не ответил, но выражение его беспокойства усилилось и сказало мне, что в чём-то из этого я прав — если не во всём.

— Орин, вступая в эти отношения, я знал, что секс, вероятно, вне обсуждений. Спроси миллион других мужчин, и они никогда не отнесутся к этому нормально, но я другой. Мы никогда не были достаточно прямолинейными, чтобы обсудить секс, но я знаю, что для тебя это тяжёлая тема. Но ты должен знать, у меня не ярая половая возбудимость. В прошлом это убивало мои отношения. Так что я действительно не хочу, чтобы ты переживал об этом. Если возникнет необходимость, у нас, мужчин, есть другие способы с этим справиться, поверь мне.

Я хохотнул и сжал его руку, намеренный сделать это заявление добродушным. Брови Орина опустились, когда он нахмурился.

— Но дело в этом. У тебя е-есть желания. Я знаю, что есть. Можно... можно кое-что у тебя спросить?

— Всегда.

— Ты хотел бы, чтобы между нами это было?

Моё сердце заболело, когда я посмотрел в его умоляющие глаза. Я не мог ему врать.

— Честно? Заняться с тобой любовью было бы самой прекрасной вещью в мире. Хочу ли я, чтобы между нами это было? Да. Нормально ли мне жить без этого и без интима в другом плане? Тоже да.

Пока он обдумывал эту информацию, я подумал о предыдущем вечере и о том, как упорно он пытался сделать шаг дальше.

Прежде чем он успел ответить на моё признание, я продолжил.

— Я задам тебе тот же вопрос. Ты хотел бы, чтобы между нами было большее?

— Да, — колебаний не было, и он поднял голову и посмотрел мне в глаза с большей уверенностью, чем я когда-либо у него видел. — Больше всего. Не думаю, что «никогда» для меня достаточно хорошо. Я так устал бояться.

Мне не нужно было знать подробностей, чтобы понять, как секс стал вызывать такой глубокий ужас, который провоцировал переключения без предупреждения. Я больше всего хотел развеять эти страхи. У него так много отобрали в детстве, мне хотелось только, чтобы он испытал лучшую жизнь, будучи взрослым.

Я отпустил его руку и вместо этого накрыл ладонью его щеку. Он прильнул к прикосновению, и его лицо согрела настоящая улыбка.

— Не дави на себя, — сказал я, поглаживая его щеку.

Удивив меня, он перегнулся через стол и нежно поцеловал меня в губы. Это длилось всего мгновение, но когда он отстранился, в его глазах сиял новый свет.

— Что сегодня дальше? — спросил он.

У нас было свободное время до ужина, и мы побродили по ещё нескольким торговым центрам, прежде чем вернуться поздно днём в свой номер. Ресторан был в какой-то степени модным, и мы оба переоделись в рубашки и брюки, чтобы выглядеть на ужине прилично. Это был первый раз, когда я видел Орина таким нарядным. Его пепельно-серая рубашка подчёркивала грозовой оттенок в его глазах. Пока он поправлял свой галстук, я мог только наслаждаться видом. От него захватывало дух.

— Можешь помочь мне с этим? — спросил он, поднимая взгляд от очередного неудавшегося узла.

Я подошёл к нему и умело завязал его галстук, не глядя. Я не мог оторвать взгляд от его лица. Он робко улыбнулся.

— У тебя хорошо получается.

— Я каждый день ношу галстук на работу. У меня должно получаться.

Закончив и поправив галстук, я взял в руки лицо Орина.

— Можно тебя поцеловать?

— Всегда.

Когда я соединил наши губы, Орин прильнул ко мне и обвил руками мою талию, будто это было самой естественной вещью. Это могли быть только минимальные шаги прогресса, но для него они были огромными. Его колебания уменьшались с каждым днём. Может быть, мы никогда не сможем пересечь определённые дороги, но я верил, что мы можем построить любящую связь многими другими способами.

Си-Эн Тауэр располагалась всего в нескольких кварталах от нашего отеля, так что мы решили пойти пешком. Массивное здание возвышалось на пятьсот метров вверх, и в какой-то момент оно было самым высоким свободно стоящим сооружением в мире.

Поездка на лифте была удивительной. Одна целая стена была стеклянным окном, и пока мы летели вверх, вид на горизонт был невероятным. Орин вцепился в мою рубашку, но клялся, что не нервничает.

От вида из ресторана захватывало дух. Я немного беспокоился из-за того, что это был *вращающийся* ресторан. Я нигде не кружился и не был уверен, укачает ли меня, но этого не было. Зал был тускло освещён свечами на каждом столе. Было интимно и романтично — более, чем в любом другом месте, где я ел раньше. Наш столик располагался у окна, на небольшом расстоянии от других, и вид был невероятным. Город растягивался на мили, и так как солнце уже село, внизу сверкал свет. Я знал, что в какой-то момент мы в итоге повернёмся лицом к озеру, и я не мог дождаться увидеть его с нашей выгодной позиции.

— Это нереально, — сказал Орин, наклонившись к окну и глядя вниз. — Мы так высоко.

— Ты одобряешь? Хороший ресторан для именинного ужина?

Орин с улыбкой повернулся ко мне. Улыбка была чистой и радостной. Её эффект проникал в каждую часть его тела и перетекал в моё. Он избавился от своего раннего уныния и наслаждался оставшимся днём в более беззаботной манере.

— Лучший день рождения, который у нас когда-либо был, — он посмотрел обратно в окно, улыбаясь.

У нас. Мне по-прежнему иногда казалось забавным, как он относится к своей системе как к единому целому. Я задумывался, есть ли у него хорошие воспоминания о прошлых днях рождения, или всё это хранилось вдалеке вместе с остальным его детством. В любом случае, я надеялся подарить ему день, который он будет лелеять.

— Ты взволнован завтрашним походом в музей? — спросил я, когда нам принесли салат.

— Да. Я смотрел его в интернете сегодня утром, пока ты спал. Ты знал, что сейчас у них идёт выставка викингов? Представляешь, как это будет невероятно?

Я хохотнул, накалывая на вилку салат.

— Я знал. Я смотрел сайт, когда покупал нам билеты. Я подумал, что тебе понравится.

— Я никогда не был в этом музее. Ты знал, что он один из самых больших в Северной Америке?

— Сколько времени ты провёл на их сайте сегодня утром?

Он проглотил полную ложку салата и с улыбкой пожал плечами.

— Немного. Там будет отлично.

Я знал, что это будет успехом, учитывая любовь Орина ко всему историческому.

Ужин был невероятно потрясающим. Мы с Орином выпили пару бокалов вина, и раз мы отмечали его день рождения, я убедил его взять и десерт.

К тому времени, как пошли по шумным улицам обратно в свой отель, мы были сытыми. Орин был более расслабленным, чем когда-либо, и всю дорогу держал меня за руку, прислоняясь к моему плечу. Не желая потерять эту ценную близость, я предложил пройти ещё несколько лишних кварталов, чтобы отойти от еды.

— Спасибо за ужин, — он улыбнулся, глядя на ночное небо, городские огни отражались в его блестящих глазах.

— Спасибо, что поделился со мной свой день рождения.

— Он только на следующей неделе, — напомнил он мне, усмехнувшись.

— Что угодно, чтобы задержать твою юность. Если бы мне снова было двадцать девять. Подожди, пока тебе не исполнится тридцать.

— Не торопи меня.

За следующим углом, Орин прильнул ближе и поцеловал меня в щёку. Он не отодвинул лицо, так что мы разделили несколько лёгких поцелуев, пока шли. Мы смеялись, целовались и старались идти по тротуару, не спотыкаясь, возвращаясь в свой отель. Атмосфера была практически фантастической. Я только надеялся, что однажды повседневная жизнь Орина сможет быть такой же счастливой, как этот момент. Не глядя, куда идём, мы споткнулись не об один бордюр, и приходилось ловить друг друга, чтобы не упасть на землю. Идеальнее быть не могло.

В нашем номере я ослабил свой галстук и расстегнул несколько пуговиц на рубашке, пока Орин копался в своей сумке.

— Не против, если я схожу в душ? — спросил он.

— Иди. Я надену пижаму и найду, что посмотреть. Есть пожелания?

Когда он не ответил, я поднял взгляд от своих пуговиц. Он смотрел на меня с улыбкой, которая сияла в его глазах.

— Нет, — сказал он.

Мы не отводили глаз друг от друга, и момент наполнился невысказанными словами. Я не был уверен, что он пытался донести, но не мог отвести взгляд. Оставив свои поиски одежды, он пересёк комнату и продолжил развязывать мой галстук, снимая его и бросая на кровать. Затем он коснулся моей щеки.

— Спасибо за вечер. Ты самый добрый человек, которого я когда-либо знал.

Его пальцы касались моей челюсти, и взгляд двигался следом. Он коснулся моих губ и задержался на них на мгновение, прежде чем прильнуть и поцеловать меня. Его пальцы упали на мою грудь и остановились на моей раскрытой рубашке, их кончики касались моей кожи и согревали меня изнутри. Такое маленькое действие, но оно так серьёзно влияло на меня.

Наши языки соединились, когда мы прижались крепче к губам друг друга. Я никогда не устану от этих драгоценных моментов. Когда поцелуй закончился, мы не отводили глаз друг от друга. Не было слов, чтобы описать, что я чувствовал, глядя на то, как его серо-голубые глаза блестят с такой надеждой.

Или, может быть, слова были.

Я поднял руку и повторил его ранние действия, скользя пальцами вдоль его челюсти и заканчивая на его губах. Он поцеловал кончики моих пальцев и улыбнулся.

— Орин, ты самый удивительный человек, которого я когда-либо знал. В мире нет никого другого, с кем я предпочёл бы быть. Я безумно полюбил тебя.

Я знал это уже некоторое время, но никогда не был уверен, как он отреагирует на такое заявление. Моё сердце запорхало, когда его улыбка осталась, и глаза заблестели. Его губы приоткрылись, но прежде чем он успел заговорить, я прижал к его губам палец.

— Тебе не нужно говорить этого в ответ. Я только хотел, чтобы ты знал, что я чувствую. Ты значишь для меня всё. Я понимаю, что у тебя на пути много препятствий, когда дело касается отношений, и я рад, что ты дал мне шанс быть частью твоей жизни.

Орин убрал мой палец и смотрел на меня с восхищением. Когда ему удалось найти слова, он просто сказал:

— Меня никто никогда раньше не любил.

— Это их потеря. Они не знают, какого потрясающего мужчину упустили.

Он тяжело моргнул, борясь со слезами, вызванными моим признанием. Я нежно поцеловал его и указал на его сумку.

— Иди в душ. Я очень хочу с тобой пообниматься.

Он кивнул и отошёл на шаг назад, удерживая мой взгляд. В конце концов, он нашёл себе одежду и исчез в уборной. Пока он принимал душ, я переоделся в свои клетчатые пижамные штаны и майку и откинул покрывало на кровати, прежде чем залезть на неё.

Душ выключился, пока я листал варианты фильмов. Увидев «Привидение», я остановился и хохотнул, вспоминая стенд с глиняными изделиями и наш разговор несколько месяцев назад на фестивале искусств.

Услышав, как открылась дверь ванной, я крикнул:

— Эй, здесь идёт «Привидение». Помнишь, на...

Мои слова застряли в горле, когда я увидел его. Он совсем не потрудился надеть пижаму. Единственное, что он надел, это обтягивающее нижнее бельё. Время замерло, пока я упивался им. За четыре месяца я никогда не видел Орина даже без майки, не говоря уже о том, чтобы он был в одном предмете одежды от наготы.

Линии мышц на его прессе были более чёткими, чем я представлял. Его грудь была голой, не считая маленькой дорожки светлых волос, которая спускалась от пупка и исчезала за резинкой белья.

Он прошёл в комнату и бросил грязную одежду на свою сумку, прежде чем повернуться лицом ко мне.

У меня пересохло во рту. Я не мог оторвать от него глаз. Когда я нашёл взглядом его лицо и заметил полуулыбку, с которой он смотрел на меня на кровати, меня нельзя было одурачить. Орин никогда не был бы со мной таким открытым и уверенным.

У меня перехватило дыхание, и я сглотнул, выдавливая слова.

— Коэн?

Это прозвучало как вопрос, но я знал его достаточно хорошо, чтобы не нужно было спрашивать.

— Привет, Вон.

Я бросил взгляд в сторону ванной и обратно, стараясь понять, почему Орин внезапно исчез. Не было никакого стресса, о котором бы я знал.

Коэн пополз по кровати и встал на колени передо мной. Он улыбнулся, будто знал мои мысли, прежде чем я их озвучил.

— Почему ты здесь? — спросил я.

Он пожал плечами и положил руку мне на колено.

— Орин попросил меня переключиться.

В моём желудке появился росток беспокойства, зная о моментах до того, как он ушёл в душ, когда я поделился кое-чем довольно глубоким.

— Я его расстроил?

— Вовсе нет.

Он потянулся за моей рукой и положил её себе на грудь. Когда он прижал мою ладонь к своей голой коже, моё сердце подскочило, и я судорожно вздохнул. После душа он был тёплым и мягким.

В голове я знал, что делает Орин. В последнее время он был настроен так решительно и так крайне раздражён из-за самого себя, потому что не мог двигаться вперёд так, как ему хотелось.

Коэн отпустил мою руку, и, не думая, я провёл ею по каждому изгибу и мышце, которыми восхищался издавна.

— Почему? — спросил я. — Почему он мне не верит?

Коэн сел ко мне на колени, и я поднял вторую руку, чтобы и ею исследовать его кожу.

— Он тебе верит, — сказал Коэн мне на ухо. — Но у этой игры две стороны, Вон. Пара получается из двух людей. Нужно учитывать два набора чувств. Орин хочет этого с тобой, и, малыш, прямо сейчас это единственный способ, которым он может это сделать.

Он втянул мочку моего уха в свой горячий рот, и я ахнул, впиваясь пальцами в его бока. От этого по всему моему телу разливался огонь, и я закрыл глаза, откидывая голову назад, пока он продолжал. Отстранившись, он сел, обхватил моё лицо руками и соединил наши губы в поцелуе, от которого захватывало дух.

Наши языки нашли друг друга, и я не мог отрицать чувства, которые это вызвало. Внутри меня всё гудело и жаждало большего. Мой разум разрывался на части. Мог ли я счастливо обойтись без секса и состоять в удовлетворяющих отношениях с Орином? Абсолютно. Хотелось ли мне всё равно этой связи с ним, заняться любовью и быть к нему ближе, чем кто-либо другой? Тоже да. Имели ли значение его чувства? Без сомнения. Мог ли Коэн, альтер Орина, который больше подходил на такую роль, помочь нам пересечь эту пропасть?

«Но как же Коэн?»

Я отстранился от него и посмотрел ему в глаза. Они блестели той же юностью и яркостью, которые я видел всегда, когда он был впереди. Вначале его присутствие вызывало дилемму. Пока он сидел у меня на коленях и ждал моего решения, я знал, что мы прошли эти первоначальные границы.

— Он хочет этого? — спросил я, снова нуждаясь в убеждениях. — И не ври мне, Коэн.

— Он хочет этого.

— А ты?

— Малыш, я хотел этого уже давно.

Я это знал. Я коснулся его лица, проводя пальцами по его губам и глядя в его великолепные глаза. Все эти равные по силе чувства, которые я испытывал в присутствии Коэна, ожили и захватили моё тело. Это был отдельный человек. Который был мне очень дорог, но также был продолжением мужчины, с которым я не мог быть на интимном уровне.

— Это переключение было согласованным?

— Да.

Вспомнив, как Орин говорил о согласованных переключениях с Тео, я спросил:

— Он знает, что происходит? Он может... он... — я не мог вспомнить, какое слово он использовал.

— Параллельное сознание? Нет. Ты поймёшь, что этого не может быть по той же причине, по которой прямо сейчас он не может быть здесь. Не при этом. Он будет знать только то, что я ему скажу. Или то, что скажешь ему ты.

Я кивнул. Облегчённо.

Я посмотрел на мужчину, который сидел на моих коленях, провёл руками вверх по его бокам и к его груди. Исследуя каждый его изгиб и черту. Каждая сторона Орина была другой, но каждая частичка образовывала одно целое. Они все были частями мужчины, которого я любил. И я сделаю ради этого мужчины что угодно.

Если я делал это, переступал эту черту, было важно, чтобы Коэн понимал, что это в такой же степени ради него, как и ради Орина. Потому что его место в уравнении было таким же значительным, и его чувства тоже считались.

— Хорошо, — прошептал я. — Но, Коэн, твои чувства так же важны. Я ни за что не хочу, чтобы ты думал, что ты не важен, — я поцеловал его в губы и сказал приглушённым тоном, — потому что ты важен.

— Я знаю, малыш. Мы только ждали, когда ты поймёшь.

Глава 18

В ту же минуту, как я согласился продолжить, моя тревожность улетела в трубу, я понимал, что собираюсь пересечь эту черту и, кардинальным образом, сделать наши отношения намного ближе

Сколько бы раз Коэн ни пытался прийти к сексу, в этот момент он оставался сдержанным и позволил мне взять контроль на себя.

Мне хотелось исследовать каждую его частичку. Запомнить его тело и впитать каждую сторону того, кто он есть. Меня впервые пустили под одежду, и его почти обнажённая фигура уже ускоряла мой пульс.

Я начал руками, проводя ими по каждому дюйму открытой кожи. Его твёрдые мышцы вместе с мягкостью плоти создавали идеальный баланс. Губы Коэна приоткрылись, а глаза закрылись, пока я осматривал каждый его дюйм. Я провёл большим пальцем по соску, и он затвердел от моего прикосновения, вызывая у Коэна лёгкий вздох. Я замечал всё это — то, как он дышал, как двигался и какие издавал звуки.

Перейдя к его спине, я опустил руки вниз по его позвоночнику и притянул его ближе. Уткнувшись носом в его грудь, я вдохнул. Под свежим запахом древесного цитруса был знакомый аромат, который делили они все, который принадлежал телу Орина, и которым я никак не мог насытиться.

Я целовал его грудь, медленно двигаясь вокруг, дразнясь вкусом его кожи, пока подбирался к своей конечной цели — его губам. Когда я остановился возле соска, Коэн, предвкушая моё движение, громко вздохнул. Он протянул руку и вцепился в меня, когда я слегка провёл языком по затвердевшему соску.

— О боже, — простонал он. Его пальцы впились в мои руки, и он заёрзал, пока я минуту посасывал его сосок.

Когда я отпустил его, он вздрогнул от желания и открыл глаза. Прежде чем мы смогли соединиться губами, он потянул за край моей майки и снял её с меня через голову. Отбросив майку в сторону, он оглядывал меня так же, как я его.

Было сложно найти слова. Ничего не подходило величию момента.

Я прижался спиной к изголовью кровати, пока он водил руками по моему телу. Мои мышцы были не такими выделенными, и моя грудь была не совсем голой, но ему, казалось, нравилось, что он видел, судя по изгибу его губ. Я никогда не был ярим поклонником тренажёрных залов, но мои гены работали мне на пользу.

Он прильнул и соединился со мной в поцелуе, лизал и покусывал мои губы. Не понадобилось много времени, чтобы это превратилось в нечто намного более жаркое, и моё тело ответило. Я не паниковал, как прошлым вечером, и вместо этого скользнул руками по его заднице и усадил его туда, где он почувствует, что делает.

Возможно, я не жаждал секса так сильно, как среднестатистический мужчина, но это не значило, что я не наслаждался им. Коэн жадно впивался в мои губы, посасывал мой язык и исследовал каждый контур моих губ, отчего меня разрывало.

В мгновение ока, я начал чувствовать своим животом толчки, пока он двигал задницей по моему члену, одновременно с этим тыкая в меня своим стояком. Он был таким же твёрдым, как и я, и я больше не мог терпеть. Я оторвался от его губ, и он, задыхаясь, пытался восстановить дыхание. Я заёрзал, держа его в своих руках, и перевернул его на спину. Он хохотнул и тут же взялся за мои пижамные штаны и сдёрнул их вниз вместе с моим нижним бельём. Помогая процессу, я скинул их и снова прильнул к его губам.

Поцелуи никогда не были одинаковыми. Я заметил, что у Орина и Коэна разные стили. Одинаково мучительные, и оба были способны сделать так, чтобы у меня подгибались колени. Одинаковые в стольких смыслах, но совершенно разные. Каким-то образом, они оба владели частью моего сердца. Как бы мне ни хотелось иметь большее с Орином, в данный момент был только Коэн. Каждое цветущее ощущение внутри, каждая пульсация нужды в моём теле. Всё это был он.

Его руки путешествовали по всему моему телу. Начиная с плавных движений по моим ягодицам, они, в конце концов, оказались впереди, где он взял в руку и массажировал мои яйца. Ловкими руками, я освободил его от белья, и оно присоединилось к моему где-то в конце кровати.

Снова разорвав поцелуй, мы оба упивались телами друг друга, касаясь и видя то, чего не видели раньше. Он был красивым. Весь он.

Я не мог насытиться и целовал его грудь, двигаясь по его коже. Пока я целовал кожу вокруг его пупка, он стонал и извивался.

— Ты такой невероятный. Посмотри на себя, — сказал я в перерыве между своими покусываниями.

Он притих, и я поднял взгляд и увидел момент хмурости на его лице. Он избавился от этого в ту же секунду, как я на него посмотрел, но я прекратил свои нападки и снова поднялся вверх по его телу.

— Что это было?

Он взял в руки моё лицо и соединил нас в глубоком поцелуе, прежде чем ответить.

— Ничего, — он снова прильнул и поцеловал меня.

— Коэн, — произнёс я, когда оторвался от него, чтобы отдышаться. — Как ты хочешь это сделать? Я могу и так, и так, но...

— Ты будешь сверху?

— Но, — продолжил я, — у меня нет привычки носить с собой презервативы.

Он на секунду задумался, после чего кивнул в сторону наших сумок.

— Дай мне встать. Если сумки собирал Тео, то у нас может что-то быть.

Я сомневался в этом, но слез с него и позволил ему поискать. Почему Тео мог предположить, что у нас с Орином будет или когда-нибудь может быть секс? Мы насколько не были к этому близки, и он знал это.

— Бинго, — Коэн подскочил и помахал в воздухе упакованным презервативом.

Должно быть, я заметно вздрогнул, потому что Коэн улыбнулся и забрался по кровати обратно ко мне, бросая презерватив и смазку в пределах досягаемости.

— Тео и Орин много разговаривают. Орин много раз выражал своё уныние. Тео слушает. Ещё он супер умный и знает, что выходные вдали от дома могут привести к чему-нибудь... каким-то образом, — подмигнул он.

Его буквальное объяснение и лёгкий дефект речи, который всегда присутствовал, когда он говорил, вызывали у меня улыбку. Коэн был эмоциональным настолько, насколько не был никакой другой альтер, и когда он рассказывал истории, он был ярким и эффектным, почти драматичным.

— Ну, наверное, спасибо тебе, Тео.

Я взял Коэна за талию и притянул на себя сверху. Наши тела полностью соприкоснулись, и не потребовалось никакого времени, чтобы вернуться на ту высоту, которую мы оставили мгновение назад.

Когда больше не смогли контролировать свой поцелуй, мы сдались и сосредоточились на трении наших твёрдых стояков. Коэн был громче, чем я ожидал, и запрокинул голову в постоянном потоке стонов, пока двигался на мне. Всё становилось скользким, и возбуждение в моём теле росло.

Его обнажённая шея звала меня, и я прильнул к ней, лизал и посасывал кожу с голодом, который меня охватил. Затем его шеи стало недостаточно, и мне захотелось попробовать больше. Всего его.

Чувствуя его скулющие стоны, я опустился вниз по его телу, наслаждаясь им всем, как мог. Добравшись до его умоляющего члена, блестящего от результатов наших действий, я истекал слюной. Коэн встретился со мной взглядом и кивнул.

С его разрешения, я взял его член и несколько раз провёл по нему рукой, прежде чем поднести его к своим губам. Нежно проводя языком вдоль головки, я пробовал его на вкус. Сочетание его крепкого вкуса и вздохов Коэна заставляли мой член твердеть ещё больше. Я не был уверен, как долго смогу ещё тянуть. Переполюющая нужда взять его была практически неузнаваемой.

Заглотив его целиком за раз, я подумал, что кончу прямо на кровать. Его руки нашли мои волосы и больно вцепились в них, когда он вскрикнул. Я медленно поднялся, проводя по его члену языком, а затем снова втянул его в своё горло. Снова и снова, он двигался у меня во рту, и с его члена равномерным потоком капала предсемя.

Его тело было напряжено и всё больше и больше замирало с каждой секундой, и я понял, что если не замедлюсь, он кончит.

Он застонал, когда я отстранился и поднялся по кровати. Я соединил наши губы и выпил все его жалобы, несколько раз проведя по его члену рукой, прежде чем найти смазку.

На задворках мыслей я переживал, что если Коэн будет снизу — это может быть проблемой. Во-первых, у него не было никакого опыта, во-вторых, как Орин завтра будет справляться с остаточной болью в заднице? Станет ли это причиной стресса или тревоги?

Прежде чем я смог озвучить своё беспокойство, Коэн забрал у меня смазку и выдавил побольше мне в руку.

— Я готов.

— Коэн, это может быть немного больно. Особенно, если ты никогда...

— Я буду в порядке.

— Но после этого, боль будет лёгкой, или как минимум заметной. Я просто думаю...

— Об Орине?

Я кивнул.

— Как это на него повлияет?

— Всё будет нормально. Мы разговаривали, и он знает, в какой я хотел быть позиции.

Иногда было тяжело не чувствовать себя чужаком в собственных отношениях. Мне хотелось, чтобы Орин выразил это мне, только он знал, что я бы остановил любое обсуждение.

— Хорошо. Раскройся. Я хочу убедиться, что ты готов.

Я не собирался рисковать причинять ему боль. Будет уже вызовом сделать так, чтобы ему было комфортно, но я помнил свой первый раз, и это было идеально в плане наслаждения, так что я знал, что это возможно.

Я целовал его, долгое время подготавливая к своему члену. Как только ему стало комфортно с парой пальцев, я дотянулся до его простаты и заставил его дрожать от нужды. Понадобилось время и терпение, но когда я смог просунуть внутрь три пальца, и он молил о большем, я понял, что он готов.

Я натянул презерватив на свой член и щедро смазал лубрикантом. Затем я перевернулся на спину и побудил его оседлать меня.

— Весь контроль на тебе. Двигайся так быстро, как можешь справиться, — сказал я.

Это был первый раз, когда я увидел признаки нервозности в глазах Коэна.

— Ты можешь передумать в любой момент, — добавил я.

Он кивнул и коснулся задом моего скользкого члена. Я поднял его и провёл им по расщелине Коэна, пока тот пробовал двигаться и немного дразнился.

Сев на мой член и встретившись с сопротивлением, он закусил нижнюю губу. Вместо того, чтобы отстраниться, он надавил сильнее.

— Медленно. По чуть-чуть, — подбадривал я.

Он поднялся и попробовал ещё раз, медленно проталкиваясь через тугие мышцы. Пробившись, он ахнул и совершенно замер. Невероятное давление, окружающее головку моего члена, было ошеломительным, и мне приходилось дышать сквозь невероятное ощущение, пока он привыкал. Медленно, он поднимался и опускался, каждый раз погружаясь всё больше. Когда он опустился до конца, я положил руки ему на бёдра.

— Посиди минутку.

Я сказал это как ради него, так и ради себя. Меня поглощал его жар, и любое движение точно заставило бы меня сразу кончить. Мне нужно было успокоить своё тело.

Коэн посмотрел мне в глаза, и на мгновение хмурость и колебания в его серо-голубых глазах напомнили мне об Орине. Всё исчезло так же быстро, и он оперся на мою грудь, улыбаясь.

С этого момента было безнадежно бороться за контроль. В тот момент, как он начал двигаться, всё затрепетало и ожило. Растущая необходимость облегчения стала мучительной, и мне приходилось сдерживать все желания двигаться быстрее и входить в него глубже.

Он раскачивался на мне, поднимаясь и опускаясь в равномерном поразительном ритме. Глаза Коэна закрылись, а рот открылся, пока росло его собственное блаженство. В этот момент я закрыл глаза и довёл себя до того, чего Орин хотел для нас обоих; не только с Коэном, но и с ним самим. Наши отношения во многих смыслах были необычными. Момент связи с Коэном был просто маленьким примером того, насколько всё было иначе.

От растущего внутри меня тепла мои яйца потяжелели, и я понял, что не продержусь долго. Когда я открыл глаза, передо мной предстало видение красоты. Капельки пота покрыли лоб Коэна, пока он двигался. Сила его толчков возрастала с каждой минутой, и из его болезненно твёрдого члена на мою грудь закапал поток спермы.

— Погладь себя, — выдохнул я. — Кончай, я так близко.

Он оперся рукой на кровать рядом с моей головой и дрожил себе в такт своим движениям. Его лицо было рядом, и я поднял голову, чтобы коснуться его лба своим. Я наблюдал, как его оргазм растёт и горит в его глазах. Когда он сбился с ритма, я помог ему найти его и поднимался навстречу его толчкам. Когда он зажмурился и прорычал сквозь сжатые зубы, мою грудь покрыли горячие брызги его спермы. Когда его зад сжался вокруг меня, я тоже преодолел эту грань. От интенсивности оргазма было невозможно поддерживать наш ритм, и вместо попыток это делать Коэн поцеловал меня и позволил мне взять контроль на себя, пока я испытывал волну удовольствия.

Выдохшиеся и измождённые, мы долго лежали вместе, цепляясь друг за друга, слишком поглощённые моментом, чтобы что-то говорить.

У меня колотилось сердце, пока я прижимал Коэна ближе к себе. Я искал любые признаки чувства вины или беспокойства, которые могли выползти, но помимо крохотного отблеска переживания из-за того, что у него будет болеть тело, я не мог ничего найти. Я знал сердцем, что он хотел этого и нуждался в том, чтобы между нами произошёл этот прогресс.

Мои запутанные мысли вернули меня к мужчине в моих руках. Как бы сильно я ни любил Орина, мы с Коэном стали близко связаны в том, в чём не были связаны мы с Орином. Я не мог отрицать, что он тоже пробрался в моё сердце. В нём была наивность и неуверенность, в чём он никогда не признается, но он действительно был любящим и заботливым человеком.

— Почему ты ответил так, как ответил, когда я сделал тебе комплимент?

Я не забыл, и меня беспокоило выражение его лица.

— Когда? — выдохнул он мне в грудь. — Я не помню.

— Я сказал, как невероятно ты выглядишь, и ты нахмурился.

Пальцы Коэна танцевали на моих боках, но пропасть в нашем разговоре росла.

— Коэн? — спросил я, поднимая голову, чтобы посмотреть на него.

— Потому что это тело не я. Может быть, физически ты видишь это, но когда я вижу себя, я выгляжу совсем не так. Это просто тело. Тело Орина, полагаю. Не моё.

Я мгновение подумал об этом, опуская голову обратно и играя с его волосами. Каждый альтер был уникальным и особенным. Я никогда не думал, что они могут видеть себя по-другому. Но в этом был смысл. Рейну было пять лет. Его восприятие самого себя определённо не будет соответствовать двадцатидевятилетнему телу.

— Я никогда не думал об этом в таком плане. Наверное, я всегда вижу то, что передо мной.

— Я знаю. И это ожидаемо. Полагаю, когда ты сказал мне, что я выгляжу невероятно, и я видел, что ты смотришь на это тело, мне стало грустно, потому что ты видишь не меня.

Его комментарий сокрушил меня. Я никогда не делал этого намеренно. Характер Коэна так отражал то, кто он есть, что мне хотелось бы мысленно увидеть то, что видел он.

— Расскажи мне, что ты видишь, когда смотришь на себя.

Он поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Правда?

— Да. Прости, что сделал предположения. Я хочу видеть тебя таким, какой ты есть. Так что расскажи мне. Пожалуйста.

Его кривая улыбка подняла мне настроение, и он положил руку мне на глаза.

— Тогда закрой глаза и представляй это в мыслях. Не смотри на тело перед собой.

Я хохотнул и накрыл его руку своей.

— Ладно. Давай.

— Мои волосы цвета красного дерева. Они чуть ниже моих ушей и завиваются на концах, но мне нравится при укладке поднимать их вверх и придавать им неопрятный вид. Ну, знаешь, такой стильный, а не совсем неопрятный. Я не высокий. Всего метр семьдесят пять, и довольно тощий. Серьёзно, никаких мускулов. По крайней мере, которые бы выделялись. У меня зелёные глаза, и я никогда не отращиваю щетину. Ненавижу её.

Он замолчал и через мгновение собрался убрать руку. Я остановил его, не давая двигаться. Держа глаза закрытыми, я потянулся и слепо ощупал его. Проведя ладонью по его руке, я представил всё, что он описал, и улыбнулся.

— Ты красивый, Коэн. Я идеально тебя вижу, и более того, то, что ты описал, подходит твоему характеру намного больше.

Я позволил ему убрать руку и открыл глаза. Мы ещё мгновение смотрели друг на друга, прежде чем он заговорил.

— Ты действительно так думаешь?

На месте его обычной самоуверенности появились неуверенность и сомнение.

— Абсолютно. Я никогда тебе не совру. С этого дня я буду видеть тебя таким, какой ты действительно есть. Но ты должен знать, что эта твоя физическая форма значит очень мало. Я люблю твоё сердце и твою доброту.

Он задумался и пожевал свою губу.

— Орин сказал, что ты любишь его, — прошептал Коэн, с сомнением в глазах.

— Это верно, — я взял его за подбородок и приподнялся, чтобы поцеловать его. Наши губы один раз соприкоснулись, прежде чем я продолжил. — И я люблю его всего. Не одну часть, а все.

— Значит, меня тоже?

— Значит, тебя тоже.

Его улыбка была робкой, когда он положил голову обратно мне на грудь. Больше ничего не было сказано, пока мы наслаждались тихим моментом, обдумывая всё, что разделили. Когда начал опускаться сон, Коэн высвободился из моих рук и оглядел конец кровати.

— Что ты ищешь?

— Нам стоит немного прибраться. И хотя бы надеть штаны. Я обещал не красть тебя на всю ночь, но Орин не может с этим справиться, — он указал на нашу наготу.

Согласившись на сто процентов, я встал и пошёл в ванную, чтобы найти полотенце и вытереться. Коэн шёл за мной с пижамными штанами в руках.

Он тоже умылся, и мы вернулись в кровать в штанах. Без маек.

— Нам не стоит надеть майки? — спросил я, пока Коэн устраивался под одеялом.

— Нет, Орин будет в порядке. Его нужно немного подтолкнуть. Я отвлеку Рида. Всё будет нормально.

Я не мог не улыбнуться. Никогда в жизни я бы не подумал, что у меня будет подобный разговор. Со стороны в этом невозможно было найти смысл, но для меня это становилось нормальным.

Я пристроился рядом с ним, и он скрутился в клубок, положив руку мне на живот, а голову мне на плечо. Я немного поиграл с его волосами, прежде чем мои веки снова потяжелели.

Я не помнил, как задремал, или как долго спал, когда Коэн зашевелился. Он поднял голову и мгновение смотрел на меня в темноте, прежде чем снова лечь на меня. То ли дело было в том, что он съёжился, то ли я просто научился его читать, я не был уверен. Я поцеловал его в макушку и улыбнулся.

— Ты вернулся.

— Мы без маек.

Я хохотнул. В его голосе не было намёков на тревогу, только простое наблюдение.

— Коэн сказал, что ты это переживёшь.

Он уткнулся лицом в изгиб моего плеча, и я почувствовал на его лице улыбку.

— Я в порядке.

Его пальцы нерешительно двигались по моему боку и животу, исследуя новую территорию. Они становились смелее, чем дольше находились на мне, и вскоре по моей коже скользила вся его ладонь.

— Спасибо, — прошептал он в темноту. — Для меня это было важно.

— Ты мог бы мне сказать.

— Ты бы ответил «нет».

Он был прав. Я потратил бы всю энергию на то, чтобы объяснить ему, что у меня нет необходимости переводить наши отношения на этот уровень, и никогда не слушал бы, как он говорит, что для него это важно.

— На будущее, теперь я понимаю.

Он прижался ко мне как можно ближе, и я обвил его руками. Этой ночью он спал рядом со мной.

Глава 19

Следующим утром мы оба спали долго. Последнее, чего мне хотелось, так это вставать. Провести всю ночь в объятиях с Орином было чистым блаженством, и мне не хотелось это портить. Этим вечером мы планировали ехать домой, и я не знал, продолжатся ли эти редкие ночи вместе или это останется для поездок за город. Со всем, что мы разделили, я мог только надеяться, то буду чаще просыпаться по утрам с Орином в руках.

— Мы не можем остаться здесь на весь день? — произнёс Орин мне в грудь, на которую положил голову. — Мне нравится.

Его дыхание щекотало мою кожу и напоминало, что не было никакой плохой реакции, когда он вернулся обратно в своё тело и обнаружил нас прижавшихся вместе — и с голым торсом. Возможно, пересечь эти мосты было тяжело, но как только окажешься на другой стороне, всё будет нормально.

— Мне тоже, — согласился я, проводя пальцами по его взъерошенным волосам. — Но как же музей? Я знаю, что ты ждёшь похода туда. Кроме того, вот это, — я поцеловал его в макушку, — может произойти снова, в любое время, когда ты захочешь. Мне понравилось обниматься... Только не говори Эвану. Я не переживу его нотаций.

Орин рассмеялся и посмотрел на меня. Я поднял голову и осторожно поцеловал его, но он только улыбнулся мне в губы и приподнялся выше, чтобы было удобнее.

— Я действительно жду похода в музей.

— Тогда нам пора выдвигаться. Кофе, завтрак, а потом выставки викингов и остальное.

За час мы поднялись, оделись и зарядились кофеином. Мы сложили вещи в машину, так как собирались ехать домой после дня в КМО, и приехали в музей ко времени его открытия в десять часов.

Прошли годы с тех пор, как я был в Торонто, и ещё больше с тех пор, как я ходил в КМО. Когда холл стал довольно заполненным, и Орин нашёл мою руку и крепко сжал, я переживал, что для него это будет слишком.

Это беспокойство увеличилось, как только мы оплатили вход в музей и прошли в первую галерею. Там были таблички, описывающие, как расположены выставки и этажи, и мы остановились возле одной, чтобы распланировать свой день. В музее было три этажа, так что мы решили начать с первого и подниматься вверх, посещая наиболее интересующие нас отделы.

Так как Орин не мог ждать, нам пришлось начать с выставки викингов, а не с чего-то другого. Это была зона, куда билеты продавались отдельно, так что плотность толпы была намного меньше.

Орин сразу же продвинулся к выставке различных артефактов и завис там, читая таблички.

— Это брошь в форме головы животного. Посмотри на эти детали, — я наклонился над стендом, пока Орин вслух читал информацию.

Мы перешли к старому оружию, включая обух топора, железный меч и шлем, сделанный из железа и цепей кольчуги. Восторг на лице Орина, пока он разглядывал каждый предмет, вызвал у меня больше радости, чем сама выставка. Он терялся в изучении информации про каждый предмет, и его беспокойство об окружении испарилось. Он был в своей стихии.

Спустя час мы дважды обошли зал, и Орин прочитал и рассмотрел каждый предмет на стенде во всех подробностях. Мы собирались продолжить своё путешествие и пошли в другой отдел музея.

В зале китайской архитектуры мы сосредоточились по большей части на интересных экспонатах древнего оружия и приборов. Оттуда мы перешли в канадскую галерею Самуэля Зигмунда и исследовали культуру своей страны.

Орин без конца разговаривал, пока читал и делился артефактами и экспонатами, которые его интересовали. Его знание истории было ошеломительным. Большинство из этого было выше моего понимания, но поездка была для него, и я попал в точку. Он никогда не выглядел счастливее.

После тщательного осмотра первого этажа, мы пошли к лестнице и поднялись на второй этаж. В центре винтовой лестницы стояли огромные тотемы, возвышающиеся с первого этажа до третьего. Красиво вырезанные и раскрашенные, они сами были произведением искусства, и мы восхищались ими, поднимаясь вверх.

— Хочешь пойти попить или сделать небольшой перерыв? — спросил я. — Мы здесь уже больше двух часов.

— Правда? — Орин не сводил глаз с большого деревянного тотема, шагая рядом со мной. — Мне ничего не нужно. А тебе?

— Может, после второго этажа нам стоит перекусить и сделать перерыв, прежде чем пойти на третий. Говорят, здесь в музее есть кафе, — я указал на буклет, который нам дали.

— Конечно, — Орин наконец оторвал взгляд от своего исследования и ярко улыбнулся мне. — Это очень весело. Так захватывающе.

— Рад, что тебе нравится.

— Нравится, — он остановился и прильнул ко мне, оставляя на моей щеке лёгкий поцелуй. — Спасибо.

Второй этаж был посвящён истории живых существ. Животные, которые населяли Землю с начала времён. Как только мы вышли на этот этаж, стало очевидно, что эта часть музея спроектирована для развлечения всей семьи. Более специализированные и продвинутые галереи, с историями культур, располагались на разных этажах, потому что могли не привлекать семьи с детьми.

Этаж, на который выходила лестница, был домом для останков скелета гигантской морской черепахи, длиной в четыре с половиной метра. Вокруг них собралось несколько людей, и мы с Орином стояли поодаль, читая большую табличку впереди.

— Он огромный, — воскликнул Орин. — Не могу представить, каково встретиться с таким лицом к лицу.

— Я тоже, — рассмеялся я.

Мы обошли поворот и вышли на открытую зону второго этажа. Там было широкое открытое пространство с видом на первый этаж и отделённое прозрачным органическим стеклом, высотой до пояса. За ним в воздухе висели останки скелета огромного летающего динозавра. Размах его крыльев был больше двенадцати футов шириной. Он был устрашающим, выставленный так, будто в полёте и направлялся прямо на наблюдателей.

— Ого!

Хватка Орина на моей руке исчезла, как и он сам через мгновение. Бросившись к прозрачному барьеру, он с открытым от восторга ртом смотрел на древнего зверя, парящего в небе.

— Вон-д, это динозавр! — завизжал он.

От его восторга и от этих нескольких простых слов, которые прозвенели у меня в ушах, волосы на моём загривке встали дыбом. Моё сердце тут же отозвалось и подскочило к горлу.

— Нет, — еле слышно произнёс я, бросая взгляд на всех людей, окружающих нас. — Не сейчас.

— Вон-д! Смотри! — меня позвал отчётливо детский голос, пока мужчина, чьё тело он занимал, прыгал на месте от восторга. — Иди сюда. Ты это видишь?

Несколько взрослых рядом повернулись в его сторону и обменялись странными взглядами, прежде чем вернулись к своим турам со своими семьями. Какого чёрта мне делать? Я редко встречался с Рейном. Наше взаимодействие по-прежнему было среди самых неловких моментов ДРЛ Орина. Одно дело было постепенно привыкать находиться рядом с ребёнком в мужском теле, пока мы были дома и одни. Но на публике, где его поведение уже привлекало внимание, я не знал, как себя вести, и замер.

Рейн не дал мне время на раздумья и побежал ко мне, выкрикивая моё имя.

— Вон-д, иди посмотри на динозавра! — он схватил меня за руку и потащил меня туда, где недавно стоял сам.

— Да, приятель, я его вижу. Очень круто, да?

— Он страшный. Он слетит вниз и съест меня. Ням, ням, ням, ням, — он продолжал издавать чавкающие звуки, пока не захихикал и не улыбнулся широкой зубастой улыбкой.

С колотящимся сердцем, я гнался за своими мыслями, пытаюсь придумать, что делать. Пожилая пара, стоящая рядом с нами, открыто пялилась на Ори... Рейна, одинаково сморщив носы, прежде чем начали перешёптываться и качать головами.

— Эй, — рявкнул я, — есть что сказать?

На их развеселённых лицах тут же появилось выражение стыда, и вместо ответа они развернулись и ушли.

Может, было необычно видеть взрослого человека с поведением ребёнка, но будь я проклят, если собирался позволить кому-то высмеивать его. Он не просил об этом. Бог знал, он уже проходил в своей жизни через ад, ему не нужно было дополнительное дерьмо от незнакомцев, которые осуждали его, не зная о нём ни черта.

— Почему ты злишься, Вон-д?

Я повернулся обратно к Рейну, как только пара ушла, и убрал со своего лица раздражение.

— Я не злюсь, приятель. Эмм... — я поднял взгляд на динозавра, которым он восхищался, и попытался отвлечь его внимание от своего секундного раздражения. — Ты ведь на самом деле не боишься, нет? Ты же знаешь, что этого здоровяка больше не существует?

Рейн присоединился ко мне, вытягивая шею и снова широко улыбаясь.

— Это скелет, а не настоящий. Я знаю. Как его зовут?

Я огляделся вокруг в поисках таблички и с трудом прочитал, пытаюсь произнести правильно.

— Это Кет-цаль-ко-атль? Я так думаю.

Глаза Рейна расширились, и челюсть отвисла.

— Ого, это большое имя.

— Здесь написано, мы можем звать его Кью. Так легче, да?

Голова Рейна дёргалась вверх и вниз, пока он драматично кивал. Я снова огляделся вокруг и сглотнул тяжёлый комок, который формировался у меня в горле. Моё сердце колотилось в груди так сильно, что мне нужно было сдерживать желание вцепиться в неё.

Рейн держался за край оградительной стенки и подскакивал на месте, наблюдая за парящим созданием. Я смотрел и ждал, думая, будет ли переключение мимолётным, как во всех остальных случаях, когда он появлялся раньше. Когда прыжки прекратились, он развернулся и с восторгом посмотрел на открытый этаж. Там было выставлена как минимум дюжина других динозавров, и он умчался раньше, чем я смог его остановить.

Не имея ни секунды, чтобы мой мозг успел догнать ситуацию, я бросился за ним. Он остановился у свисающих оградительных цепей, которые ограждали Тираннозавра Рекса.

— Ти-Рекс! — голова Рейна дёрнулась в мою сторону, и он показал на скелет пальцем — будто я каким-то образом упустил нависшего хищника. — Я видел его в кино. Он бежал, бежал за машиной с людьми. Он собирался их съесть.

— «Парк Юрского периода»? — спросил я, выгибая бровь. — Ты не маловат, чтобы смотреть этот фильм?

— Он не страшный, болван, — он захихикал и скрутил пальцы, имитируя когти и рыча. — Ррр! Я тебя съем, Вон-д. Я Ти-Рекс.

В этот момент время зависло, пока я наблюдал, как Рейн ходит вокруг как динозавр. Было ли неловко находиться рядом с ним? Нервирующе? Абсолютно. Но если взглянуть со стороны и посмотреть на невероятно сложного мужчину, который строил из себя динозавра передо мной, это вызывало на глазах слёзы.

Я так сильно влюбился, и знание того, что в детстве с ним случилось нечто ужасное и травмирующее, из-за чего его разум разделился на отдельных людей, разбивало мне сердце. Не нужно было думать или придумывать, как я справлюсь с Рейном на публике. Я просто буду рядом. Не важно, с какой частью Орина я сталкивался, будь это Рейн, Коэн, Рид, Тео и даже саморазрушительный Коув. Это не меняло моих чувств к нему, а только подтверждало то, что я уже знал.

— О нет, — ахнул я, подыгрывая. — Не ешьте меня, мистер Динозавр!

Рейн неконтролируемо захихикал и закрыл лицо.

— Я дразнюсь, — он подошёл к табличке Тираннозавра и присел на корточки. — Что здесь написано, Вон-д?

Я присел рядом с ним и просмотрел информацию. Там было много технической ерунды, которую даже я не мог произнести, так что сказал ему то, что, по моему мнению, должно было его больше заинтересовать.

— Написано, что Ти-Рекс был королём динозавров. Он правил Землёй миллионы лет назад, и его любимым делом было есть других динозавров. Это значит, что он был мясоедом.

— Хинщиком, — исправил Рейн.

Я хохотнул и взъерошил его волосы.

— Почти, правильно: хищ-ник.

— Оу, — он поднял взгляд на зверя с открытым ртом и делал кусающие движения. — Почему они больше не живут?

— Не знаю, приятель. Говорят, возможно, на Землю упал огромный метеорит и всех их убил.

Он мгновение подумал об этом, после чего потерял интерес к Ти-Рексу и поскакал к большому Шерстистому мамонту.

— Это слон?

— Нет, но это очень старый кузен слонов. Он называется Шерстистый мамонт.

Ища табличку, Рейн уселся рядом с компанией детей, которые восторгались картинками впереди.

— Прочитай это, Вон-д, прочитай это.

— Простите, — женщина примерно моего возраста поспешила вперёд и мрачно посмотрела на Рейна. — Что с вами не так? С каких пор это нормально — так толкать детей?

— Эй, — я выскочил вперёд, как раз когда лицо Рейна сморщилось от её резких слов. — Всё в порядке, дружок, читай с детьми.

Я взял женщину за плечо и развернул её.

— Остыньте. Он не понимает, — я не был уверен, как, чёрт возьми, всё объяснить, но будь я проклят, если позволю людям досаждать ему.

Рейн вслух смеялся с детьми позади меня, и их детские обсуждения экспонатов были достаточно громкими, чтобы слышать их оттуда, где мы стояли.

— Какого чёрта с ним не так? — женщина выглядела так, будто собиралась пойти обратно, но я встал перед ней.

— Не судите то, чего не понимаете, леди. Оставьте его в покое. Слышите меня?

Она фыркнула, но не сдвинулась с места.

— Мэттью, идём. Пора уходить.

Один из мальчиков за моей спиной простонал.

— Но, мам, я хочу остаться здесь.

— Нет! Живо.

Я ждал, пока она уйдёт со своим сыном, после чего повернулся обратно к Рейну. Рядом с ним всё ещё оставалось двое детей, и они все говорили про мамонта.

— Ты ребёнок? — спросила одна из девочек рядом с ним.

— Да, мне пять, — Рейн поднял руку вверх, чтобы показать ей.

— Почему ты такой большой, как взрослый?

Рейн пожал плечами.

— Не знаю, потому что так нужно.

— Ладно.

И на этом всё. Разговор закончился, и они вернулись к обсуждению динозавров. Меня удивляло, какими открытыми и принимающими были дети по сравнению с другими взрослыми.

Я немного постоял поодаль и понаблюдал, как он общается с детьми, пока они не убежали искать свои семьи. Рейн встал, подошёл ко мне и взял меня за руку. Его радость исчезла, он выглядел мрачным.

— Что такое?

— Почему та дама на меня кричала?

Я вздохнул, ненавидя то, что ему пришлось стать свидетелем её негативного поведения.

— Она просто не поняла.

Когда его улыбка не вернулась, я думал, что сделать или сказать.

— Идём. Есть ещё много динозавров. Хочешь продолжить смотреть?

Хоть поначалу он отнёсся к этому неохотно, Рейн пошёл со мной к следующей выставке. Мой опыт общения с детьми был минимальным. Я проводил мало времени со своим братом и его сыном, так что находился не в своей стихии и думал на ходу. Когда испорченное настроение Рейна ушло за угол, и снова проявился его счастливый характер, я воспринял это как победу.

Спустя час исследования динозавров, я задумался, вернётся ли Орин в скором времени. Хождение по второму этажу, с ориентированными на семьи выставками, вряд ли помогало, так что когда Рейн закончил разглядывать окаменелые яйца динозавра, я предложил посмотреть другие части музея.

Мы вместе поднялись по лестнице на третий этаж. Это было медленно, так как пятилетнего ребёнка отвлекало всё. К тому времени, как мы оказались на верхнем этаже, я взял его за руку.

— Теперь нам нужно держаться вместе и смотреть тихо, ладно?

— Ладно.

Я провёл его в галерею, где были выставлены исторические египетские артефакты. Почти как и на первом этаже, многие экспонаты находились за стеклянными витринами, и таблички были меньше и без картинок.

Вокруг было пусто, по сравнению с шумом второго этажа, и я сразу же понял, насколько Рейн будет выделяться среди других посетителей музея. Все ходили по этажу, молча всё разглядывая, читая и рассматривая экспонаты.

Мы прошли по периметру одного зала, затем другого. Я искал любые признаки переключения, но Рейн оставался.

Когда мы остановились перед группой манекенов в традиционных костюмах, Рейн стал неугомонным.

— Вон-д, это скучно.

«Но Орин не мог дожидаться этой поездки».

Скорбя о потере нашего приключения, я провёл рукой по волосам и задумался. Я не мог насильно вызвать переключение, и хоть я был немного разочарован, я относился к Рейну несправедливо.

— Ты прав. Это скучно.

Я достал буклет, который мне дали, и пролистал его. Рейн посмотрел через моё плечо, и когда я перелистнул страницу, он ахнул.

— Что? — спросил я, поднимая на него взгляд от буклета.

— Что это? — он ткнул пальцем в картинку летучей мыши. — Это Бэтмен?

Я прочитал вслух заголовок:

— Обнаружьте таинственных ночных существ в собственной пещере летучей мыши в КМО.

У Рейна отвисла челюсть, и он выпучил глаза.

— Пещера летучей мыши, — прошептал он. — Как у Бэтмена.

Это было так. Остаток дня мы провели в темноте пещеры, где Рейн притворялся Бэтменом. Над нашими головами летали ночные существа, и таблички объясняли всё об обитании летучих мышей, что они едят, как охотятся и где их можно найти. Рейн был в своей стихии.

Как бы мне ни было грустно, что Орин пропускал свой день, это дало мне больше времени, чем когда-либо раньше, чтобы узнать Рейна.

Проведя больше часа в пещере летучих мышей, я убедил его, что пора уходить. Было почти пять вечера, а мы не ели весь день.

— Как насчёт фастфуда для долгой поездки домой?

— Мы можем заехать в «МакДональдс»?

— Мы можешь заехать куда захочешь.

Прежде чем уйти, Рейн затащил меня в сувенирную лавку и выбрал сувенирную шапку с летучей мышью. Он сразу же её надел и носил с гордостью.

Я мог только улыбаться.

Как я и обещал, мы заехали в «МакДональдс» по дороге на шоссе в сторону дома. Как только наелся, Рейн не мог перестать зевать.

— Ты устал, дружок?

Он потёр глаза и покачал головой.

— Нет.

Как бы он ни старался держаться, через двадцать минут он уже спал на сидении рядом со мной.

Я уменьшил громкость радио и думал о выходных, пока вёз нас домой. Проведя с Орином два полных дня, я почувствовал, как часто происходят его переключения. Я провёл время с Козном, Орином, Ридом и Рейном за одну эту поездку, и из-за этого стал мудрее. Чем больше времени я проводил с каждым альтером, тем больше узнавал Орина.

Где-то за час до дома, Рейн зашевелился рядом и поднял голову. Вытирая сон с глаз, он прищурился и посмотрел в окно, нахмурившись. Я бросил взгляд на него как раз вовремя, чтобы увидеть его гримасу боли и то, как он потёр висок. Тогда я понял, что Рейн отступил, и вернулся Орин.

Он достал свой телефон и проверил время, после чего снова посмотрел в окно.

— Где мы? — спросил он.

— Примерно в часе от дома. Голова болит?

— Да.

Когда он снова начал массировать висок, он нахмурился и потянулся выше, снимая с головы шапку. Он рассмотрел её, и его щёки покраснели.

— Пожалуйста, не говори мне, что ты провёл весь день с Рейном.

Я рассмеялся и похлопал его по колену.

— Я провёл весь день с Рейном. Но это было потрясающе, и мы узнали друг друга намного лучше.

Он покрутил шапку в руках и долгое мгновение смотрел на меня. Он положил шапку на приборную панель и взял меня за руку.

— Ты просто невероятный, знаешь?

Я улыбнулся, прежде чем вернуть внимание на дорогу.
— Нет, это ты невероятный.

Глава 20

Начало июля было слишком жарким и душным, чтобы оставаться в рубашке и брюках. В ту же минуту, как вышел на парковку после работы, я сдёрнул свой галстук и закатал рукава до локтей. На моих висках и вдоль загривка собрались капельки пота. Заведя машину и включив кондиционер, я достал из кармана свой телефон.

Я весь день ничего не слышал от Орина, но знал, что он с головой погрузился в писательство. С тех пор, как в апреле закончились занятия, он во всю силу занялся своей биографией. Он относился к этому как к полноценной работе и писал как минимум по восемь часов в день, пять дней в неделю.

Я расстегнул свою рубашку чуть больше, оглядывая парковку, а затем отправил ему быстрое сообщение.

«Ты готов идти? Я только вышел с работы. Заскочу домой и приму душ, а потом заеду за тобой».

Не получив ответ сразу, я направился домой. Я не был удивлён. Когда Орин писал, он был в своём мире.

К тому времени, как я заехал на парковку и поднялся в свою квартиру, я по-прежнему не получил ответ, так что позвонил ему. Если он переключился, я знал, что никто не ответит, но у меня было ощущение, что он просто отвлёкся.

Он взял трубку после второго гудка.

— О боже, не говори мне, что уже четыре!

— Уже четыре тридцать, и я принимаю душ и еду к тебе. Эван и Кристина ждут нас в шесть.

— Значит, у меня есть немного времени?

Я хохотнул и свободной рукой снял свою рубашку и брюки, направляясь в ванную.

— У тебя есть полчаса. Потом тащи свою задницу в душ.

Он вздохнул и не ответил. Моё внимание привлёк звук клацания клавиатуры, и я покачал головой.

— Я вешаю трубку, Орин.

— Хорошо, скоро увидимся.

Я чуть дольше положенного наслаждался холодной водой, покрывающей моё тело, но я знал, что Орину будет всё равно, если мы задержимся. У него будет больше времени поработать. Он был предан своей книге, и мне нравилось видеть его таким поглощённый и довольным собой. Он не делился никакой информацией, и я терпеливо ждал, когда он объявит, что закончил.

Надев шорты и тёмно-синюю футболку, я уложил волосы, используя немного геля. Включив свою электрическую бритву, я подкоротил свою щетину и направился за дверь.

Мы с Орином официально встречались почти семь месяцев. Я укрепил связь почти со всеми его альтерами — помимо Коува — и мы с Орином с каждым днём становились ближе. Временами в его глазах по-прежнему была эта лёгкая нерешительность, но его уверенность рядом со мной росла, и по большей части его заикание исчезло.

После нашей поездки в Торонто, мы много раз ночевали вместе. Хотя близость оставалась огромным барьером, Орин делал большие успехи. Без висающего в воздухе

давления секса, он добровольно исследовал новые вещи в своём темпе, периодически побуждая наши с Коэном отношения заходить туда, куда они заходили.

И это случилось... несколько раз.

Дойдя до его входной двери, я положил ключи в карман и постучался, прежде чем просунуть голову за дверь и позвать его.

— Привет?

— Да, я здесь, — крикнул Орин из логова.

Я скинул обувь и пошёл по коридору.

— Если ты по-прежнему за этой клавиатурой, я физически тебя оттащу.

Клацание ускорилося, когда я приблизился и зашёл за угол.

— Я так и знал!

— Ещё... две... секунды.

— Никаких больше секунд, — я подошёл к нему сзади и схватил его за запястья, прижимая их к его телу и утыкаясь носом в его шею. — Время вышло, и я долго наслаждался медленным душем, так что ты не можешь говорить, что я не дал тебе достаточно времени.

Он поднял взгляд с широкой улыбкой, его руки по-прежнему были прижаты к груди.

— Можно мне закончить предложение?

Я взглянул на экран, и он закрутился в моей хватке.

— Не подглядывай!

Вместо того, чтобы смотреть на его прогресс, я отпустил руку и взял его за подбородок, разворачивая его голову для поцелуя. Он перестал извиваться и высвободился, чтобы обнять меня и поцеловать глубже.

Начальная нерешительность, которая раньше предшествовала каждому поцелую, была не более чем воспоминанием. Он действовал смело. Все его вздрагивания от неожиданности прекратились, и я мог инициировать больше или — как только что сделал — подкрадываться и обвивать его руками со спины, не заставляя его подсакивать. Маленькие шаги, но огромные для Орина.

Он лизнул языком щель между моих губ, и я развернул его кресло и поцеловал его должным образом, с жадностью разделяя предложенный контакт. Когда Орин обвил руками мою талию и потянул меня к себе на колени, я отстранился.

— Ни за что. Тащи свою сексуальную задницу в душ, пока я сам тебя туда не засунул.

Он хохотнул и позволил мне поднять его на ноги.

— Ладно, — потянувшись назад, он закрыл свой ноутбук и ткнул пальцем мне в лицо. — Но не смотреть.

Я сузил глаза, и он поднял руки вверх, сдаваясь.

— Иду я, иду.

Было десять минут седьмого, когда мы приехали в ресторан. «Коптильня Тони» был рестораном типа бара и гриля, с непринуждённой атмосферой. Эван не любил вычурность и был намерен немного поиграть в бильярд после того, как мы поедим. Здание было разделено на две секции. Одна половина была более похожей на ресторан, а другая была в стиле бара, с телевизорами на стенах, мишенями для дартс и тремя бильярдными столами. Можно было есть и заказывать меню с барной половины, но мы решили сначала остановиться на более формальной еде ресторана.

Это была первая встреча Эвана и Орина, но их первоначальное знакомство было кратким. Эван засакивал быстро выпить пива вечером, примерно месяц назад, и не знал,

что Орин в гостях. Так что мы запланировали официальную встречу с Эваном и Кристиной.

Официант проводил нас к ожидающей компании в конце ресторана. Им выделили столик у окна, и я скользнул на сидение первым, позволяя Орину сесть у прохода.

— Привет, — сказал Орин, садясь. — Приятно видеть тебя снова, Эван.

— Взаимно. Это Кристина. Крисси, малышка, это парень Вона, Орин.

Орин робко улыбнулся и опустил взгляд на столешницу. Эван уже был хорошо осведомлён, что Орин застенчивый, и знал достаточно, чтобы не цепляться к нему, и я полагал, что он, наверное, сказал об этом своей девушке.

— Нам нужно быстренько разобраться с этой едой, потому что играют «Янки» и «Тигры», а я всё пропускаю.

— Чувак, у нас ужин, — сказал я. — Жизнь не закончится, если ты пропустишь полчаса игры.

Я хохотнул, уже зная, что в мире Эвана это уже произошло. Он был зависим от спорта так долго, сколько я его знал.

— Как ты это выносишь? — спросил я у Кристины.

Она рассмеялась и толкнула Эвана плечом.

— Он мне это возмещает.

Эван поиграл бровями и усмехнулся.

— Я балансирую своим спортом и своей женщиной одинаково. Такое возможно.

— Это впервые. Должно быть, ты особенная. Я дружу с ним с пятнадцати лет и всегда был на втором месте после спорта.

— Я тебе говорил. Отрасти вагину, и мы поговорим.

Эван хохотнул и глотнул своего пива, в то время как Кристина закатила глаза от его комментария. Когда Орин заёрзал, я положил руку на его ногу под столом. Разговоры о сексе или о половых органах всегда вызывали такую реакцию. Он подвинулся по сидению ближе ко мне и переплёл пальцы с моими.

Каким бы прямолинейным ни был Эван, мы пережили этот ужин. Эван действительно притих ради Орина, хотя со стороны это могло быть не заметно. Кристина была исключительно мила и втягивала Орина в разговор на протяжении всего ужина. Она спрашивала о его учёбе и о планах на следующий год.

— Значит, ты планируешь ещё посещать занятия в колледже в сентябре? — спросила она у Орина.

Орин мешал свою еду по тарелке и бросил взгляд в её сторону.

— Н-наверное. Я с-смотрел занятия по английскому. Ч-чтобы писать лучше, знаешь? Но не вечерние лекции. Я могу попробовать частично заниматься в течение дня. Пока н-не уверен.

Орин уже некоторое время обдумывал эту идею, но от посещения колледжа в компании большего количества студентов ему было неуютно. Но он был настроен решительно. Я заметил, что он медленно подготавливал себя к этому.

Поев, мы переместились к бару, где Эван потерялся в своём бейсбольном матче. Кристина проявила хорошее знание спорта и присоединялась к комментариям. Это был недостающий кусочек, который меня ошеломил. Отношения Эвана никогда не длились больше нескольких месяцев. Но ни одна женщина до сих пор не знала и не интересовалась спортом так, как Эван. Кристина проявляла свои истинные намерения, и чем дольше я наблюдал за ними, тем больше понимал, как они так хорошо ладят.

— Хочешь поиграть в бильярд? — спросил я у Орина.

Он бросил взгляд через бар на столы и пожал плечами.

— Конечно. Я не особо умею, но ты можешь меня научить.

Объяснив основные правила, я разбил шары, раскидывая их по столу и отправляя пятый шар в боковой карман.

— Значит, мои будут цельные, — объяснил я, указывая туда, куда упал шар.

— Сейчас моя очередь?

— Когда я промахнусь, — сказал я, пристраиваясь для удара.

Я забил ещё два шара, намеренно промахиваясь третьим, чтобы дать Орину шанс поиграть.

— Ладно, — сказал Орин, наклоняясь над столом и пристраиваясь для лёгкого удара в боковой карман. — Я правильно держу?

— Не цепляйся пальцем за кий. Скользи по нему сверху.

Он опустил палец, и кий выскользнул из его хватки.

Орин рассмеялся и попытался взять его снова, но произошло то же самое.

Он смеялся.

— О боже, это тяжелее, чем выглядит.

Он, наконец, удержал кий, поправил свою цель, но прежде чем он сделал удар, я подошёл к нему сзади и взял его за талию.

— Подожди, — сказал я. — Тебе нужно опуститься на уровень глаз. Так ты никогда не попадёшь.

Он посмотрел через плечо и улыбнулся, после чего нагнулся над столом. Я скользнул руками вокруг его талии и наклонился вместе с ним, кладя голову ему на плечо.

— Думаю, я никогда не попаду, если ты будешь на мне лежать.

Я накрыл его руки своими и прикусил его ухо.

— Я просто помогаю показать тебе, как это делать.

Он повернул голову и поцеловал меня.

— Ну конечно.

Я помог ему сделать удар — но он промахнулся, потому что мы не могли скоординировать тела, чтобы всё получилось.

Игра была менее чем серьёзной, и мы смеялись и дурачились, не соблюдая никаких правил. К тому времени, как все шары были в лузах, мы понятия не имели, кто выиграл, а кто проиграл. Эван и Кристина были по-прежнему поглощены игрой, так что мы решили закругляться и попрощались.

Летняя жара нахлынула волной, как только мы вышли из проветриваемого кондиционером здания. Орин держал меня за руку, пока мы шли по парковке к машине. Он притянул меня ближе и дважды поцеловал, пока мы шли, всё время сияя. Было потрясающе видеть его таким счастливым.

— Мне было весело, — сказал он, открывая дверь со своей стороны.

— Эвана было не слишком много?

— Нет, вовсе нет.

Это было облегчением. Я очень переживал, что мы проведём с ним какое-то время. Он был отличным парнем, но временами немного откровенным и пошлым.

Возле дома Орина я припарковался и посмотрел на время. Было почти десять.

— Итак, какие планы на выходные? Ты хотел бы чем-нибудь заняться? — спросил я, растягивая наше время, чтобы мы побыли вместе ещё дольше.

— Не знаю. Сейчас так жарко, что мысль о том, чтобы заниматься чем-то на улице, почти невыносима.

Я пожал плечами.

— Если только мы не пойдём на пляж. Есть тихое местечко неподалёку от дома моих родителей. Я ходил туда подростком. Что скажешь?

Глаза Орина заблестели, пока он мгновение думал над этим.

— Да, это может быть весело.

— Идеально.

Мы разделили неловкий момент тишины, когда я понял, что пора прощаться. Это всегда было самой тяжёлой частью. Мне никогда не хотелось требовать от Орина большего, но хотелось проводить с ним каждую ночь. Не просто время от времени.

— Значит, я позвоню тебе утром, когда встану, и тогда мы разберёмся.

Орин кивнул, но опустил взгляд на свои колени.

— Да.

С болью в сердце, я положил руку ему на щеку и повернул его лицо обратно к себе.

— Сладких тебе сегодня снов. Я буду по тебе скучать.

Я соединил наши губы и поцеловал его со всей любовью, которую носил внутри. Этого никогда не было достаточно. Находиться вдали от него становилось всё сложнее и сложнее.

— Спокойной ночи, — прошептал он мне в губы.

Когда я собирался отстраниться, он поймал меня за руку.

— Вон?

Я остановился, ожидая от него продолжения.

— Останься на ночь. Я не хочу, чтобы ты уходил.

Моё сердце наполнилось чувствами, и я кивнул, притягивая его обратно для более длинного и глубокого поцелуя. Я ничего не хотел больше. Несколько раз, когда я оставался на ночь, были потрясающими. Орин не только чувствовал себя безопаснее рядом со мной, но ему стало более уютно в плане близости, и зачастую мы некоторое время исследовали друг друга, прежде чем он скручивался в моих руках и засыпал.

Я заглушил двигатель, и мы перешли из жары в его проветриваемый кондиционером дом. Орин сразу же взял меня за руку и повёл вперёд по коридору, ничего не говоря. Его комната была маленькой, но обставленной со вкусом, что делало её уютной и приятной.

В спальне он включил прикроватную лампу и провёл рукой по волосам, робко улыбаясь.

— Мне нужно будет одолжить пижамные штаны, — сказал я. — Я не планировал оставаться.

Орин подскочил к своему комоду и покопался в ящике. Он достал пару домашних штанов и протянул одни мне.

— Спасибо. Я просто, — я указал на дверь, — схожу в ванную и переоденусь.

Я по-прежнему не рисковал переодеться перед ним. Слишком много раз границы пересекались неожиданно, и результатом было переключение. Я не хотел пропустить эту ночь с Орином, так что относился к нему с уважением.

— Тео недавно купил запасные зубные щётки. Они под раковиной.

Я ушёл в ванную и не спеша переоделся и почистил зубы, давая Орину достаточно времени, чтобы тоже переодеться.

Когда я вернулся, он ушёл вперёд по коридору, чтобы тоже почистить зубы. Благодаря Коэну, ходить перед друг другом без маек стало безопасно. Орин больше не задумывался над этим — несмотря на бесчисленные шрамы на его руках — и когда он вернулся в комнату и прыгнул в кровать рядом со мной, я открыто восхитился им. Я знал каждую часть этого тела и тщательно его исследовал, запоминая и любя его. Но это было

не то же самое, когда тело занимал не Орин. Каким-то образом разница была. Оставались загадки, и был целый мир вещей, которых я всё ещё не знал, когда дело касалось Орина.

Он перевернулся на бок и приподнялся на локте.

— О чём ты думаешь? — спросил он, искренне заинтересованный и довольный.

Я положил руку на его голый бок и провёл ладонью по его тёплой коже.

— Я как раз думал, как сильно люблю изучать тебя. Внутри и снаружи. Разум, тело и душу, — я опустил руку на его поясницу и притянул его ближе. Он подвинулся без вопросов, и его лицо оказалось рядом с моим. — Я люблю тебя, Орин. Всего тебя. Надеюсь, ты это знаешь, — прошептал я ему в губы.

— Знаю, — он соединил наши губы, лишая меня дыхания. По всему моему телу пронеслось трепещущее, покалывающее тепло, и я вздохнул, так как никогда в жизни не был счастливее. Он не ответил на моё признание, но я пока и не ожидал этого. С любовью приходило полное доверие, а мы всё ещё не совсем пробились через этот барьер. С каждым днём становилось лучше, но с Орином были необходимы время и терпение.

Орин прижал меня к кровати и углубил нашу связь, проводя языком вдоль моего и прижимаясь ко мне. За всё время я видел, как растёт его смелость, и наши поцелуи становились жарче. Со времени нашей поездки в Торонто и с прогрессом наших с Коэном отношений, Орин не чувствовал того же самопроизвольного давления зайти дальше, однако в тот вечер решительность Орина вернулась.

Его руки скользили по моей голой груди, как никогда раньше, прежде чем его язык проник в мой рот. Его движения подогревали моё растущее желание, и я встретил его жаркий поцелуй своим, толкая нас дальше по этой дороге. Между его вкусом и ловкими пальцами, которые продолжали касаться моих твёрдых сосков, я не смог подавить стон, который вырвался из моего горла.

Оторвавшись от моих губ, Орин лёг на меня сверху и уткнулся лицом мне в плечо. Его обнажённая шея манила меня. Я не колебался, лизнув и поцеловав его ухо. От этого он ахнул, и его руки крепче сжали мои бока. Я никогда не видел, чтобы он так реагировал. Эти звуки раздались так близко к моему уху, что подтолкнули меня продолжить. Я перевернул его на спину, оседлав его талию, лизал, сосал и целовал его шею с голодом, который не мог удовлетворить.

Его глаза закрылись, а губы приоткрылись. Он вытянул шею, давая мне разрешение и доступ. Продолжая действовать, я осмелился провести рукой и по его груди.

Я осторожно держал нижнюю часть своего тела дальше от него. С его звуками и движениями, моё тело реагировало, а я не хотел ошеломить его и заставить остановиться. Он был в раю, и мне хотелось удерживать его там так долго, сколько смогу.

Снова опустившись поцелуями по его шее, я рискнул продвинуться дальше. Раньше я уже путешествовал по телу Орина и пробовал его, но только когда впереди был Коэн. Когда подо мной был Орин, история была другая. Слыша, в каком он блаженстве, я хотел попробовать.

Медленно, чтобы он мог определить и предсказать, что я планирую, я поцеловал его кадык и опустил по его груди, царапая зубами изгиб его шеи. Я опустил ниже и провёл языком дорожку посередине его груди, вдыхая его запах. Я облокотился руками на кровать по обеим сторонам от его тела и поднял взгляд, чтобы убедиться, что с ним по-прежнему всё в порядке.

На его лице не было беспокойства, так что я легко провёл губами по плоти, пока не добрался до соска, после чего втянул его в свой рот. Я щёлкнул языком по твердеющему бугорку, а затем чуть-чуть пососал. Это продолжалось не долго, когда он схватил меня за плечи и отстранил, задыхаясь.

— В-Вон. Ст-ст-стой, пожалуйста.

Я в панике отодвинулся дальше по кровати, беря его лицо в свои руки и глядя в его расширившиеся глаза. Его зрачки увеличились от желания, но черты лица говорили о другом.

Я зашёл слишком далеко.

— Прости. Боже, Орин, мне так жаль.

Он яро покачал головой и с силой прикусил нижнюю губу. Его глаза наполнились слезами, и я почувствовал себя худшим человеком в мире. Что я наделал? Насколько глупым я был, чтобы подумать, что это нормально?

— Ох, боже. Чёрт, прости.

Он продолжал качать головой. Затем опустил моё лицо и приблизился губами к моему уху.

— Это очень приятно, — прошептал он. — Просто... Прости. Я запаниковал.

Я поднял голову, чтобы посмотреть на него. Его щёки заалели, будто он был смущён. Ему ни за что не нужно было извиняться или стыдиться, и я собирался заверить его в этом, когда он взял моё лицо в свои руки и заставил меня посмотреть между нашими телами.

Его домашние штаны были отчётливо натянуты спереди. Тогда до меня дошло. Он возбуждался от того, что я делал. В сексуальном плане. И это удивило его достаточно, чтобы он запаниковал.

Орину было так тяжело с тем, что касалось секса. Наши поцелуи были формой близости, к которой он медленно привыкал, но для него это не пересекало грань сексуальности. Это была чистая романтика и форма эмоциональной связи. Бедный парень даже не был способен произнести слово «секс» или что-нибудь анатомическое, что имело к этому отношение, так что его нынешнее состояние было шокирующим — для нас обоих.

Я снова нашёл его глаза, и среди беспокойства в них оставалась решимость, которая начала наш вечер. Я понятия не имел, как поступить дальше.

— Ты наслаждался тем, что я делал? — ответ казался очевидным, но когда близко висел страх, какая эмоция была сильнее?

— Да, — его голос был едва слышимым.

Я изучал его стеклянные глаза и пытался успокоить своё колотящееся сердце.

— Хочешь, чтобы я продолжил?

На этот раз он смог только кивнуть.

— Если нужно будет, чтобы я остановился...

— Я тебе скажу.

Я некоторое время целовал его губы, чтобы он успокоился, прежде чем опуститься обратно по его телу туда, где остановился. Я провёл пальцами по его мышцам и обвёл сосок большим пальцем, после чего снова взял его в рот.

Он втянул воздух сквозь зубы, и его тело натянулось от ощущений. Следя за каждой его реакцией, я действовал медленно и нежно поиграл с одним соском, прежде чем перейти к другому. Быстрый взгляд подсказал мне, что мои действия оказывают должный эффект. Я провёл рукой по его прессу и к внутренней стороне бедра, пока лизал и целовал его кожу, направляясь к пупку. Его дыхание участилось, и с губ часто срывались всхлипы.

Я хотел прижаться к нему, довести это удовольствие, которое он чувствовал — возможно, впервые — до таких уровней, каких он не ощущал никогда. Хотя я миллион раз говорил, что доволен тем, что между нами есть, я жаждал заняться любовью с ним — с Орином — чтобы забрать его страх и показать ему, какой он особенный для меня.

Держа руки на его боках, я опускался поцелуями ниже, оставляя влажную дорожку вдоль пояса его штанов. Тогда я заметил, что он замер. Он больше не извивался, и тихие звуки, которые он не мог сдержать, исчезли.

Я поднял взгляд вверх. Он пустым взглядом смотрел в потолок, не двигаясь, будто больше не понимал, что происходит, и отключился. Я минуту наблюдал за ним, но он не двигался — я не был уверен, что он вообще моргал.

— Орин?

Никакого ответа.

Я поднялся по кровати, и только тогда его взгляд переместился на меня. В ответ на меня смотрела пустота, тьма, которую я никогда не видел.

Я коснулся его щеки, глядя на него.

— Эй, ты в порядке?

Его лоб нахмурился.

— Я плохой, — он покачал головой, с мрачным взглядом, который быстро стал ядовитым. — Я плохой. Плохой, плохой, плохой, — каждое слово вылетало сквозь сжатые зубы.

Что происходит?

Не было времени думать. Его руки поднялись к его голове, и он вцепился в свои волосы, крича сквозь сжатую челюсть.

— Нет! Плохой. Я плохой.

Метаясь, он оттолкнул меня и перевернулся на живот, крича в подушку и чуть ли не вырывая себе волосы.

Мой мозг подвис. Зная только то, что мне нужно было предотвратить приступ, я взял его за запястья и расцепил его пальцы, прежде чем оттянуть их назад.

— Прости, — крикнул он, отталкивая меня. — Я знаю... Я знаю, я плохой. Плохой! — он бился головой в подушку. — Плохой! Плохой! Плохой! — каждый раз, когда он кричал это слово, его голова падала в попытке причинить боль самому себе. К счастью, он не мог разбить голову о матрас.

В моей груди поселилась паника, и я не знал, что делать.

В моих руках сопротивлялся не Орин. Основываясь на том малом, что я знал, я поспорил бы на что угодно, что столкнулся с Коувом — крайне нестабильным Коувом.

— Отпусти меня, — кричал он, выгибая спину и со всей силой пытаясь оттолкнуть меня. — Я буду хорошим, обещаю. Отпусти меня. Я буду хорошим.

Ужас от его слов ударил меня в грудь, и я отпустил его, слезая с кровати и отступая, в то время как Коув развернулся и прижался спиной к изголовью кровати. Он вытянул шею и вцепился пальцами в свои руки, оставляя пылающие красные следы от давления, которое применял.

— Я ненавижу это. Ненавижу. Нет... нет... нет...

Он продолжал царапать свои руки и кричал, будто меня там даже не было. Я мог только смотреть, как это происходит, беспомощно и отчаянно желая, чтобы было какое-то руководство, как справляться с тем, чего свидетелем я стал, и на мои глаза навернулись слёзы.

Он не переставал царапать себя ногтями, и когда из более глубоких ран потекло несколько тонких струек крови, я больше не мог оставаться в стороне. Я никак не мог стоять и наблюдать, как он причиняет себе вред, видеть такую боль и ничего не делать.

— Коув? — я подошёл ближе, по одному осторожному шагу за раз.

В то же мгновение, как увидел моё приближение, он остановился, и его взгляд поспешно метался по комнате. Затем, он умчался. Он спрыгнул с кровати и выбежал за дверь.

Чёрт!

Я пошёл следом, отчаянно стараясь найти информацию, которую прочитал и отложил, когда узнал, каким разрушительным может быть Коув.

Я нашёл его на кухне, и когда он вытащил из подставки на тумбочке нож для чистки овощей, я бросился вперёд, игнорируя любые беспокойства за собственную безопасность.

Я ненавидел вызывать у него чувство заточения или каким-либо образом пугать его, но не мог позволить ему навредить себе. Подойдя к нему со спины, я крепко схватил запястье его руки, которой он держал нож, и прижал его вторую руку к его груди.

— Положи его. Я не могу позволить тебе сделать это.

— Ты не понимаешь! — кричал он.

Он больше не был полон яда, он рыдал.

— Тогда поговори со мной. Почему ты хочешь себе навредить?

— Потому что я ненавижу это.

Его хватка до побелевших костяшек на ноже не ослабевала.

— Что ты ненавидишь? — мне потребовались все силы, чтобы не выразить голосом эмоции и оставаться спокойным.

— Всё, — плакал он, дёргаясь в моей хватке. — Я урод и плохой, и я ненавижу это, — последнее заявление прозвучало с ноткой злости, так что я усилил хватку, боясь, что он вырвется.

— Ты не урод, — прошептал я ему на ухо. — Ты не плохой.

— Это всё отвратительно и неправильно. Я ненавижу всё это. Это тело. Эту кожу. Я такой урод и такой плохой.

— Нет, это не так, — я успокаивал его и пытался усмирить его истерику. — Пожалуйста, положи нож. Пожалуйста. Поговори со мной, Коув.

Он всхлипывал и рыдал, по-прежнему цепляясь за нож так, будто он был спасательным тросом. Ответом на проблему, которая висела над ним слишком долго.

Он не мог отпустить, так что я просто держал его со спины, закрыл глаза и произносил тихие слова ему на ухо. Даже когда у меня заболели руки от того, что я не давал ему вырваться, и мои ноги едва могли дальше стоять, я не отпускал его. Когда он метался, я его держал. Когда он рыдал, я его держал. Когда он проклинал меня, я его держал.

Его борьба ослабла, но я всё равно не отпускал его.

Прошло больше часа, прежде чем звон заставил меня открыть глаза. Нож лежал на тумбочке, и, отпустив его, Коув тяжелее прижался к моей груди.

Он молчал долгое время, слушая мои успокаивающие слова и больше не отвечая. Ожидая, что он, наверное, так же истощён, как и я, я развернул его и вывел из комнаты. Будто в трансе, он шёл без споров. В логове я сел на диван и притянул его к себе на руки.

Он положил голову мне на грудь, и я гладил его по спине, наблюдая, как он вдыхает и выдыхает.

— Я просто хочу умереть, — сказал он в темноту комнаты, нарушая повисшую тишину.

— Почему? — его слова были тяжёлыми. Коуву стоило только в один день решить, что всё кончено, и если меня не будет рядом, чтобы это остановить...

— Потому что тогда всё будет лучше. Это я неправильный. Я плохой и урод, и я не могу выносить это. Я ненавижу смотреть на себя и знать... знать... — он остановился и в итоге покачал головой. — Я просто ненавижу это.

Вспомнив объяснения Коэна о том, что он видит себя физически не таким, как тело, которое он занимает, я задумался, страдает ли Коув от того же.

— Можно кое-что у тебя спросить? — когда он не ответил, я всё равно спросил. — Как выглядит Коув во внутреннем мире? Это он урод и плохой?

— Нет, — выдохнул он мне в грудь.

Никаких уточнений не последовало, так что я надавил.

— Расскажи мне о нём.

Он закрыл глаза и когда начал говорить, его дыхание успокоилось впервые с тех пор, как он появился.

— У меня чёрные волосы. Они длиннее, ниже подбородка, но мне так нравится. У меня есть несколько татуировок, и у меня проколоты язык и бровь. У меня другая комплекция. Я играю на гитаре, и мне нравится иногда писать песни.

Его слова затихли, а дыхание стало глубже. Тяжесть его спящего тела крепче прижалась к моей груди. Я слушал каждый мелкий звук, который он издавал, пока моё собственное сердце колотилось, не в силах успокоиться. Я никогда в жизни не сталкивался с чем-то более ужасающим. Учитывая, что я действовал совершенно инстинктивно, я был рад, что смог развернуть ситуацию в лучшую сторону.

В этот раз.

Что произойдёт в следующий раз? Весь вечер казался моей виной. Хотя я и знал, что Орин побудил и был равным участником того, что между нами было, я должен был знать лучше и не поддаваться. Он ясно дал понять, что в этом плане близость невозможна, так зачем я смешал эти границы?

Меня охватило чувство вины, и от этого невозможно было избавиться. Я прижимал Коува к своей груди, гладил его по спине и время от времени водил пальцами по его волосам, погрузившись в мысли на долгую ночь.

Только к утру на меня наконец нахлынул сон, но он был далеко не мирным, и меня преследовали видения того, как я потеряю Орина из-за саморазрушительного Коува.

Глава 21

Следующее утро наступило слишком быстро, когда я проснулся от того, что кто-то покрывал крохотными поцелуями мою челюсть.

— Вставай-вставай, соня, — поцелуи переместились к моему уху, где по моей мочке прошёлся язык, а затем зубы. — Мы сегодня идём на пляж, помнишь?

Я боролся с тяжестью, которая держала мои глаза закрытыми, и щурился от утреннего света, проникающего через окно на дальнем конце логова. Лицо надо мной сияло самой прекрасной улыбкой, невинной и яркой.

В моём виске пульсировала ужасная головная боль. Из-за того, что не спал полночи, а тот сон, который мне удалось получить, был тревожным, я чувствовал себя дерьмово. Боль и пустота в моей груди не исчезли, и я в замешательстве моргнул, разбираясь, кто меня разбудил.

— Ты хорошо себя чувствуешь, малыш? Выглядишь сероватым.

Коэн? Он был единственным человеком, который использовал прозвища. А ещё лёгкое изменение в его речи помогло подтвердить моё предположение.

Я потёр глаза и попытался стряхнуть сонливость, которая намеревалась прицепиться ко мне. Моё тело болело от того, что я всю ночь спал в одной позе, с Коувом на груди, так что когда я сел, то застонал от неодобрения своего тела.

— Я в порядке, — заверил я его. — Тяжёлая ночь.

Я изучал взглядом его лицо, думая, знает ли Коэн, через что я прошёл. Не считая намёка на беспокойство, он был обычным оживлённым собой.

— Я уже поставил кофе, — сказал он, виляя бёдрами и исчезая на кухне. — Не против, если мы заедем в торговый центр, прежде чем поедем на пляж?

Пляж.

Чёрт, из-за всего волнения предыдущего вечера я забыл, что мы это планировали. Чёрт, казалось, будто мы построили эти планы годы назад, а не часы.

— Эмм, конечно. А зачем?

Куда делся Орин? Почему я проснулся с Коэном?

Он вернулся с двумя дымящимися кружками и поставил их на кофейный столик, прежде чем положить руку на бедро и сморщить нос в драматичной манере, как делал часто. Он развернулся и взял что-то со стула позади себя.

— Мне нужно купить плавки. У меня ничего нет, а это я не надену, — он поднял вверх чёрные плавки с жёлтыми полосами по бокам. — Ужас, правда? Ни за что.

Я провёл рукой по лицу и посмотрел на плавки. Мои мыслительные навыки работали медленно, и я по-прежнему не осознал тот факт, что мы идём на пляж. В моей голове повторялась борьба, которая произошла у меня с Коувом. Как я часы стоял на кухне, держа его и ожидая, пока он почувствует себя достаточно безопасно, чтобы бросить нож.

Коэн потряс плавками.

— Эй? Ты меня слышал?

— Да, мы можем заехать в торговый центр.

Я сморгнул навязчивые видения и потянулся за своим кофе. Если я собирался провести день под жарким солнцем, мне нужно будет выпить и тайленол. Коэн был весёлым и взволнованным, а когда он был в таком настроении, он много говорил. Он определённо вёл себя не так, будто не спал полночи, и я задумался, повлияло ли на него это точно так же.

— Так что насчёт ланча? Мы берём с собой еду? О, я знаю, почему бы нам просто не взять что-нибудь перекусить? Мы можем позавтракать здесь, а потом перекусить на пляже, а позже, когда закончим, можем просто вернуться на ужин. Хорошая идея?

Я кивал, пока он говорил, не достаточно проснувшись, чтобы иметь собственное мнение.

Как только мы допили кофе, мы быстро позавтракали и собрались уходить. Мне пришлось заехать к себе домой, чтобы взять плавки и полотенца, но разобравшись с этим, мы сразу поехали в торговый центр.

Пульсация в моей голове уменьшилась, пока Коэн вёл меня за руку к магазину, который выбрал.

— Какие именно плавки ты ищешь?

Коэн усмехнулся, затягивая меня в модный магазин, о котором я никогда не слышал.

— Что-нибудь сексуальное и более подходящее по фигуре, чем мешковатые старомодные шорты.

Я мог только представить ужас на лице Орина, если бы он знал, что Коэн, наверное, ищет «Спидо» (*прим. австралийский бренд одежды для плавания. В основном производят обтягивающие шорты и плавки, черные или цветные*). Не то чтобы он не выглядел бы в них невероятно, но его самоуверенность никогда бы такого не позволила.

— Что-нибудь такое, — провизжал Коэн, дёргая меня к вешалке у дальней стены.

Именно то, что я предполагал. На обозрение были выставлены обтягивающие маленькие плавки из спандекса в стиле «Спидо».

Коэн поиграл бровями и чмокнул меня в губы, понижая голос.

— Скажи мне, что я не буду выглядеть потрясающие в таких.

Я не мог побороть улыбку.

— Ты будешь выглядеть потрясающе.

У Орина могло не быть уверенности, но у Коэна не было стыда. Он просматривал висащие плавки, пока одни не поймали его взгляд, и он вытащил их, показывая мне. Они были оранжево-синими.

— У нас есть победитель.

Я хохотнул, пока он держал их перед собой и довольно сжал губы.

— Хорошо, выпендрёжник, идём.

— Ты не хочешь себе такие? У тебя идеальное тело для этого.

Я вслух рассмеялся от его предположения.

— Ни за что. Мне нравятся мои старомодные шорты.

— Ладно, — он радостно улыбнулся и пошёл расплачиваться.

Так как там, куда мы направлялись, не было никаких раздевалок или уборных, Коэн переоделся в туалете торгового центра, надевая под одежду свои новые плавки. Я сделал то же самое дома.

Время приближалось к одиннадцати утра, когда я остановил машину на парковке общественного пляжа. Небольшое количество людей уже впитывали жар солнца или плавали. Я взял с заднего сидения наши полотенца, и мы оба разделись до плавок, прежде чем пойти к песку.

Каким бы отвлечённым я не был всё утро, как только Коэн остался передо мной только в своих обтягивающих «Спидо» из спандекса, мой разум запнулся.

— Видишь, — сказал он, поставив руки на бёдра и поворачиваясь, чтобы я мог всё рассмотреть. — Я выгляжу потрясающе, разве нет?

«Потрясающе» даже не было достаточно. Слов не было.

Он остановился, стоя спиной, и посмотрел через плечо, выпячивая зад ещё больше.

— Как смотрится моя задница?

— Ошеломительно, — сказал я, не в силах оторвать от него взгляд. Обычно я бы инстинктивно потянулся к Коэну, может быть, провёл бы рукой по его заднице, касаясь всей этой обнажённой кожи, но я наткнулся взглядом на свежие царапины на его руках, и мой желудок завязался в узел.

На меня нахлынул шквал воспоминаний. Крики, следы ногтей на его голых руках. Плач. Это сделал я. Я спровоцировал всё это, просто пытаюсь показать ему свою любовь.

И Орин не вернулся сегодня утром. Что я наделал?

— Эй, малыш, ты в порядке?

Коэн коснулся моего лица, вытягивая меня из этого кошмара, и я снова сосредоточился на нём. Слегка качая головой, я потянулся и нежно коснулся его бока, проводя пальцами по голой коже.

— Да, я в порядке. Эмм... крем от солнца? Нам стоит намазаться, иначе сгорим.

Используя отвлечение, чтобы оставаться в настоящем моменте, я покопался на заднем сидении в поисках тюбика, который брал с собой.

— Держи, — сказал я, доставая крем с пола под ногами, куда он упал. — Давай я тебе помогу.

Я выдавил щедрую долю крема на ладонь и покрыл им обе свои ладони. Коэн повернулся спиной и опустил подбородок к груди, открывая свою шею.

Всё время, пока наносил крем, я пытался не замечать, какой он невероятный на ощупь. Когда его спина была полностью в креме, и он повернулся лицом ко мне, я чуть не бросил тюбик ему, чтобы он закончил сам, но тепла и любви, которые излучали его глаза, было больше, чем я мог вынести. В отличие от Орина, Коэн не стеснялся выражать эмоции. Орин описывал Коэна как очевидно нормального альтера. У которого нет знаний или воспоминаний о прошлом, так что он держался иначе, чем другие. Он был как обычный девятнадцатилетний парень.

И мы сблизились.

Любовь в его глазах и нежность, с которой он относился ко мне, не были ничем запятнаны. И он действительно любил меня. Он говорил мне это. Слышать это было горько-сладко. Коэн украл моё сердце, как мог любой, и я любил его целиком и полностью, как Орина, но от осознания, что Коэн может быть единственным, кто отвечает на эти чувства, у меня болело в груди.

Коэн, казалось, ничего не знал о предыдущей ночи и обо всём, что произошло. Так что я прикусил тревогу и добавил на руки больше крема. На этот раз, размазывая крем по его груди и заглядывая глубже в его тёплые глаза, я старался отпустить тяжёлый груз, который нёс с собой.

Когда с кремом от солнца было по большей части покончено, я притянул его к своей груди и глубоко поцеловал. Его руки машинально запутались в моих волосах, а пальцы накручивали длинные пряди на затылке. Я позволил его близости успокоить и приземлить меня. Когда мы отстранились друг от друга, он улыбнулся.

— Тебе лучше?

Он читал меня как книгу.

— Лучше, — подтвердил я, надеясь, что это правда.

— Давай теперь я тебя намажу.

Он взял крем и начал покрывать им моё тело. Конечно, с Коэном это включало в себя большее, вместе с дурачеством.

Он провёл руками вниз по моей груди, покрывая кремом каждый дюйм моей голой кожи, но добравшись до пояса моих шорт, он не остановился и скользнул рукой ниже.

— Воу, — я обхватил рукой его запястье, когда он ухватился за меня под шортами. — Что ты делаешь? — я в панике оглядел парковку, но вокруг никого не было.

— Убеждаюсь, чтобы всё было хорошо смазано кремом, — он прильнул ко мне и провёл по мне рукой раз, два, затем снова. И мой член отозвался. — Не хотелось бы сгореть.

— Здесь не нудистский пляж. Думаю, мы в безопасности, — очередное медленное движение. — О боже, ты должен остановиться.

Только мои действия противоречили словам, и я опустил голову на его плечо, снова толкаясь в его руку.

— Ты сегодня кажешься очень напряжённым. Сам не свой. Просто разреши мне, я буду следить за людьми. А ты наслаждайся.

— Коэн...

— Вон, — он приблизился к моему уху, касаясь губами моей мочки, — расслабься и разреши мне.

Разумная часть моего мозга говорила мне остановить его. Я не был юным парнем, который пытался что-то доказать, нарушая правила и занимаясь сексом в общественных местах. Эти дни были позади — разве нет? Однако, где-то глубоко внутри была крохотная доля, ничтожная маленькая частичка, которая достигла истощения, проведя месяцы в попытках поступать в наших отношениях правильно. Эта часть меня просто хотела, чтобы для разнообразия позаботились о ней, даже если это делал девятнадцатилетний парень. Я всё время просил о доверии к себе, и в этот момент мне нужно было довериться ему.

Я закрыл глаза, пряча стоны в изгибе его шеи, пока его измазанная кремом рука двигалась по моему твердеющему члену. Открытая дверь машины по большей части закрывала нас от потенциальных свидетелей, а с другой стороны меня закрывало тело Коэна.

Поначалу он двигал рукой медленно, поднимаясь и опускаясь по моему члену, подкручивая запястье, когда достигал головки, и проводя большим пальцем по щёлке.

— Расслабься, — прошептал он мне на ухо. — Тебе приятно?

Я кивнул, уткнувшись в его плечо. Это было эйфорически, и у меня дрожали колени, когда он ускорился. До этого момента я не осознавал, насколько я взвинчен. Каждое движение приближало меня к финишной черте, и я вцепился пальцами в его бока, когда больше не смог сдерживать стон.

— Боже, ты такой твёрдый. Мне нравится.

Его слова ослабили мою силу воли, и хоть я не думал, что сдерживался, я толкался в его руку, побуждая каждое его движение. Коэн не останавливался, ускоряясь и укрепляя свою хватку. Дрожа в предвкушении, я втянул воздух сквозь зубы и задержал дыхание, когда мои мышцы напряглись, и яйца приподнялись. Оргазм вот-вот должен был наступить, и мощност была сильнее, чем я ожидал.

После следующего толчка вперёд, я расслабился, изливаясь ему в руку и пряча крики в его шее, когда мой оргазм чуть не поставил меня на колени. Движения Коэна не прекратились, и каждому последующему удавалось вытянуть из меня ещё больше. Интенсивность была за гранью того, что я ожидал. Когда моё тело успокоилось, Коэн держал руку под моими шортами и скользнул пальцем по моей чувствительной головке.

— Как теперь твой уровень стресса?

Я не мог мыслить трезво. Мой мозг не включился обратно, и я ахал и задыхался, восстанавливая дыхание и пытаясь снова сориентироваться.

— Это было мощно.

Коэн приблизил своё лицо к моему, и мне удалось найти достаточно сил, чтобы подняться с его плеча и поцеловать его.

— Спасибо, — произнёс я, когда мой пульс вернулся в норму.

— В любое время, малыш, — он убрал руку из моих шорт и усмехнулся. — Нам лучше сначала зайти в воду. Ты немного испачкался.

— Это ты виноват.

Он усмехнулся и схватил с заднего сидения плед, который мы взяли с собой.

— Ммм, оно того стоит.

Я захватил полотенца и ещё взял с собой крем от солнца, так как мне не удалось полностью намазаться, прежде чем мы отвлеклись.

Мы брели вдоль берега, пока не нашли место, о котором я говорил, которое было менее людным. Большинство посетителей пляжа предпочитали не уходить далеко от своих машин, и чем дальше от парковки мы заходили, тем тише становилось.

Мы расстелили плед, скинули обувь и пошли к воде. Пляж был песчаным, что мне нравилось. В детстве я был на нескольких других пляжах и ненавидел, когда приходилось идти по острой гальке и камням, чтобы добраться до воды.

Коэн первым дошёл до воды, ахнул и подскочил, когда вода брызнула ему на лодыжки.

— Чёрт возьми, она холодная.

Я рассмеялся и пробежал мимо него, дёргая его за руку, проходя мимо. Меня холодная вода никогда не беспокоила.

— Брось, не будь трусом.

Пока я тащил его за собой, он визжал и кричал, но не отпускал мою руку. Как только мы забежали достаточно далеко, чтобы вода была нас выше бедер, я закинул руку ему на плечо и нырнул, погружая под воду нас обоих.

Когда мы снова вырвались на поверхность, Коэн смеялся и плевался водой.

— Вот чёрт, мои яйца только что вжались в моё тело. Это сумасшествие, — он не мог перестать смеяться, и как только восстановил дыхание, он накинута на меня и потянул обратно под воду.

Мы дурачились и боролись, продвигаясь глубже в воду. Чем дальше мы заплывали, тем прохладнее становилось, но Коэн, казалось, больше этого не замечал.

Как только мы оказались подальше, шутливая борьба прекратилась, и Коэн подплыл и зацепился ногами за мою талию. Не чувствуя в воде веса, я держал его, пока он цеплялся руками за мою шею. Капли воды стекали с кончика его носа и от солнца блестели на его лице. Его улыбка была лучезарной, которой я дорожил. Она была уникальной для Коэна, и моё сердце успокаивалось, когда я видел её.

День был идеальным, но я не мог отделаться от потаённого желания в сердце узнать, куда делся Орин, и в порядке ли он. Также, меня мучило от пережитого опыта с Коувом, когда я думал о нём. Прошлым вечером он буквально довёл себя до истощения. Но это не значило, что он был в порядке. Он был далёк от порядка.

Губы Коэна неожиданно нашли мои, и он поцеловал меня, вытаскивая меня из мыслей. Это было коротко, но принесло эффект, которого он хотел.

— Вот ты где, — он поцеловал меня в кончик носа. — Хочешь поговорить об этом?

Я прижал его к своей груди и снова поцеловал, прежде чем ответить.

— Нет. Я в порядке.

— Ты постоянно это говоришь.

— Это действительно так.

Он смотрел на меня ещё мгновение, прежде чем последний раз поцеловал меня и слез.

— Кто быстрее до берега?

Я притворился, что задумался над этим, прежде чем рванул мимо него.

— Вперёд! — крикнул я, после чего нырнул под воду и поплыл как можно быстрее.

К тому времени, как мы расслабились на пледе, я был истощён. На мне начинал сказываться недостаток сна, и я лёг и закрыл глаза, пока тёплое солнце сушило меня. Коэн разлёгся на животе и положил подбородок мне на грудь, наблюдая за несколькими другими людьми, которые неподалёку бросали фрисби.

Я играл с его волосами, пока они сохли, и когда я приоткрыл глаза, он улыбнулся.

— О чём ты думаешь? — спросил я. Его радость была практически ощутимой.

— О том, что я люблю тебя.

Моё сердце сжалось, и я поднял руку к его щеке. Я восхищался свободным разумом Коэна. Он был самым наблюдательным среди всех альтеров и Орина. От него ничего не укрывалось.

Он прильнул к моему прикосновению и закрыл глаза. Я тоже закрыл глаза и вспомнил изображение его самого, которое он нарисовал мне месяцы назад. Я идеально видел его таким, каким он хотел, чтобы его видели.

— Ты красивый, — не думая, произнёс я. Когда он не ответил, я открыл глаза, зная, что он снова наблюдает за мной.

Всегда убеждаясь, что когда я произношу эти слова, я вижу его настоящего.

Когда наши взгляды встретились, он приподнялся и положил голову мне на плечо. Мы лежали некоторое время, нежась в жаре дня, ничего не говоря. Вскоре, когда я снова поднял в мыслях изображение Коэна, появилась мысль.

— Можно кое-что у тебя спросить?

— Всегда, — пробормотал он, будто в полусне.

— Как ты справляешься с тем, что находишься не в своём теле? В теле, которое тебе не особо нравится.

Он хохотнул.

— Я избегаю зеркал.

— Оу.

Он намеревался произнести это как шутку, и когда я не рассмеялся, он поднял голову и посмотрел на меня.

— Ты спрашивал серьёзно?

— Да. В смысле, как ты разбираешься с этим? Не может быть легко видеть себя одним и не быть таким. Тебя это раздражает? Как ты с этим справляешься?

Коэн сжал губы и задумался, после чего снова улёгся на мне.

— Я делаю то, что помогает мне больше чувствовать себя собой. Ну, укладываю волосы так, как нравится мне, а не как хотел бы Орин. Я хожу по магазинам и покупаю одежду, которая больше в моём стиле. Как «Спидо». Я включаю музыку и танцую. Но если серьёзно, зеркало — это триггер. Теперь я отношусь к этому нормально. Я вижу сквозь отражение, но раньше я ненавидел смотреться в зеркало, потому что там был не я.

Я крутил эти мысли в голове и точно понял, что он объяснял.

— А что? — спросил он.

— Просто интересно.

Он видел и сквозь этот ответ, но я не углублялся, и он забыл об этом. Может, Коуву нужно было научиться чувствовать себя комфортно в новом теле. Может, если бы он мог *быть* собой, он мог бы любить себя больше. Я хватался за соломинки, но с тем количеством ненависти к самому себе, которое он выражал предыдущей ночью, это стоило попытки.

Позже в тот день, после очередного долгого заплыва, мы с Коэном собрали вещи и отправились домой. На мне сказывался долгий день, и Коэн в этот момент знал достаточно, чтобы прекратить спрашивать, что не так. Я не мог встряхнуть свой напряжённый разум и не хотел говорить об этом.

Когда я остановился на его подъездной дорожке, он заёрзал на своём сидении и посмотрел на меня.

— Хочешь зайти на ужин? Мы можем вместе что-нибудь приготовить. Может, ты останешься на ночь, — его рука легла на моё колено. — Знаешь?

Я смотрел на его руку. Я знал, но мои мысли были где-то далеко. Моё беспокойство за Коува и Орина перекрывали все другие эмоции, и это было бы несправедливо к Коэну. Моя голова уже пыталась испортить совершенно хороший день, в последнюю очередь Коэн нуждался в таком же вечере. Особенно учитывая то, на что он намекал. Если бы я согласился зайти и провести с ним ночь, было бы честно, что мои мысли будут сосредоточены только на нём.

— Думаю, я сегодня пас.

Он замер, и я не спеша поднял голову, чтобы посмотреть на него. Боль на его лице сокрушала меня.

— Вон, мы сделали что-то не то?

Мы.

Я выдохнул и ответил со всей честностью.

— Ты ничего не сделал, Коэн. Прошлая ночь была для меня тяжёлой. Наверное, я лучше попробую сегодня немного поспать.

Когда выражение его лица не изменилось, я прильнул и поцеловал его с нежностью, которая ему нравилась.

— Я люблю тебя. Не переживай, ладно? Мне просто нужно немного отдохнуть.

Он кивнул и снова поцеловал меня.

— Я тебя тоже люблю.

Ему явно не хотелось выходить из машины, но в итоге он побрёл домой. Когда входная дверь закрылась, я провёл рукой по лицу, в то время как мои глаза наполнились слезами. Бывали дни, когда я чувствовал, что это выше моих сил.

Глава 22

Пока я ехал домой, зазвонил мой телефон. На мгновение я подумал, что это может быть Коэн, по-прежнему переживающий из-за того, как закончился наш день. Но после нескольких звонков я вспомнил, что он и другие альтеры обеспечивали Орину достаточно личного пространства, не используя его телефон, когда выходили вперёд. Звонок прекратился и начался снова. Я приподнял телефон, чтобы взглянуть на экран, на случай, если каким-то чудом звонил Орин. Если бы это было так, я бы остановился и сразу же ответил на звонок. Со всем, что произошло, мне нужно было услышать его голос.

Это была моя мама. Я проигнорировал звонок.

Переполненный всем произошедшим за последние двадцать четыре часа, едва получивший какой-либо сон, и с полностью вымотанными нервами, я не смог остановить поток слёз, когда они поднялись на поверхность. Быстро моргая, чтобы хотя бы видеть дорогу домой, я проклинал свою неспособность держать себя в руках. Какого чёрта со мной было не так?

Когда я остановился на своём парковочном месте, мой телефон зазвонил в третий раз.

— Брось, мам, сейчас? Правда?

Я несколько раз выдохнул и прочистил горло, прежде чем ответить, надеясь, что мой голос не будет звучать так, будто я плакал.

— Алло?

— Я знала, что если буду звонить достаточно, ты ответишь. Этот телефон всегда у тебя в кармане, ты меня не одурачишь.

— Мам, я был за рулём.

— Это не оправдание.

— Оправдание, на самом деле. Это противозаконно. Меня лишат прав.

Она фыркнула, будто не верила мне.

— Чем ты занят? Почему никогда не звонишь своей матери?

Я откинул голову на подголовник и закрыл глаза. Это было последнее, в чём я нуждался, — чувство вины из-за того, что в последнее время их не навещал.

— Прости, мам, у меня было много дел.

— Ты всё ещё встречаешься с тем мужчиной?

— С Орином? Да.

После рождественского ужина я объяснил расстройство Орина, приехав позже. Как и подозревалось — и так было со многими людьми — мои родители отнеслись ко всему скептически и принимали это только по тому, что я был так непреклонен. Даже спустя семь месяцев, я по-прежнему слышал сомнения в её голосе, когда она спрашивала о нём. Меня это расстраивало, потому что мои родители всегда были очень открытыми и принимающими.

— Почему бы тебе не привезти его завтра на ужин? Я снова должна ждать Рождества, чтобы увидеть этого человека?

Завтра? Мне хотелось отказаться по миллиону причин. Первоначально, я даже не знал, свяжусь ли с Орином до завтрашнего ужина.

— Я приеду. И могу спросить, свободен ли он, ладно?

На другом конце провода повисла тишина, и когда мама заговорила, её тон стал мягче.

— Вон, почему ты так коротко говоришь со своей матерью?

Я вздохнул и ущипнул себя за переносицу.

— Прости. Я просто сейчас немного напряжён. Я поговорю с Орином.

— Это из-за работы?

— Что из-за работы?

— Ты так напряжён.

Я не хотел разговаривать об этом со своей мамой, особенно, когда это напрямую касалось альтернов Орина и его прошлого.

— Это из-за многого. Я в порядке. Увидимся завтра за ужином.

— Ты уверен?

Моя нижняя губа дрожала, и я опустил голову на руль, борясь со слезами. Я был такой открытой книгой, что она читала меня насквозь даже через телефонный разговор? Сглотнув комок, который грозился меня выдать, я попытался ответить уверенно и убедительно.

— Я уверен. Поговорим позже, мам. Пока.

Я повесил трубку, пока она не проанализировала мой ответ и не докопалась до меня снова. Не выходя из машины, я снова завёл её и выехал на дорогу. Борясь с эмоциями, я поехал через город домой к Эвану.

Я едва держал себя в руках, когда приехал, но собрался, как мог, прежде чем постучать в его дверь. Когда он открыл её спустя мгновение, и наши взгляды встретились, по его реакции я понял, что выгляжу дерьмово.

— Привет, — сказал я, засунув руки в карманы и раскачиваясь на ногах. — Ты занят?

— Нет, заходи, — он открыл дверь шире, и я вошёл. Его взгляд впился в меня, пока я проходил мимо. — Выглядишь так, будто тебя только что бросили.

Я покачал головой и продолжил идти прямо на его кухню, где взял себе пиво из его холодильника. Только открыв бутылку и выпив половину, я повернулся лицом к Эвану.

— У меня была реально дерьмовая ночь, и мне нужно поговорить. Пожалуйста. Можешь пока отложить шутки и осуждение в сторону и просто послушать?

Он кивнул и жестом попросил меня достать и ему пиво тоже.

Мы вернулись в гостиную, и я сел на диван и смотрел на свои руки, пытаюсь понять, с какого чёрта начать. Так как это была щекотливая тема, я мало что рассказывал о нашей с Орином сексуальной жизни — или о том факте, что у нас её по-прежнему не было. И Эван не знал наверняка, что мы с Коэном наконец преодолели это препятствие ещё в апреле.

Он знал только о том, что месяцы назад у нас был разговор, когда я был в замешательстве из-за своих чувств к Коэну и его настойчивого желания, чтобы мы занялись сексом.

— Я кое-что расскажу и хочу, чтобы это осталось между нами, и ты попытался судить непредвзято, хорошо?

— Вон, ты же знаешь, что я тебя люблю, приятель. Какого хрена происходит?

Я сделал последний глоток своего пива и отставил бутылку в сторону.

— Прошлым вечером, когда мы ушли из ресторана, я остался ночевать у Орина, — я провёл рукой по волосам, зная, что следующие слова прозвучат странно, особенно для Эвана. — У нас ещё не было секса. Между нами это может никогда не произойти, и я это знаю. Знал с самого начала.

На его лице отразилось удивление, но он молчал, так что я продолжил.

— Орин очень хочет, чтобы это было возможно, и иногда испытывает собственные границы. Его это провоцирует. В итоге он переключается, и половину времени я, в конце концов, оказываюсь рядом с очень злым Ридом или с Коэном.

— Коэн, это который?

— Которому девятнадцать. У нас с Коэном теперь есть сексуальные отношения, поэтому иногда появляется он, но не в этом суть. В общем, прошлой ночью Орин зашёл слишком далеко для себя, и посреди поцелуев он переключился. Только на этот раз вышел Коув. Коув крайне нестабильный. Он причинял всевозможный вред телу Орина. Помнишь, я тебе рассказывал, что у Орина ДРЛ из-за чего-то, что произошло с ним в детстве?

Эван кивнул и помахал рукой, будто пытался всё это вспомнить.

— Да, ты говорил, долговременное насилие. На протяжении долгих лет или ещё что-то.

— Именно. Ну, Коув носит в себе все эти воспоминания. Думаю, он тот альтер, который выходил вперёд во время всего этого насилия.

— Чёрт, — казалось, Эван понимал, к чему идёт моя история.

— Да, так что пока мы сближаемся и пробуем что-то новое, внезапно появляется Коув. Он срывается. Он сходит с ума, кричит, что ему жаль и что он плохой и урод. Он начинает рвать себе руки ногтями и в итоге срывается на кухню, где мне нужно сдерживать его от того, чтобы он не порезал или не проткнул себя грёбаным ножом... На это ушли часы, Эван. Часы, — я сглотнул ком, который собирался образоваться у меня в горле, и сморгнул слёзы, которые снова навернулись, пока я говорил. — В конце концов, он вырубился от истощения. Я не спал. Не мог. Это преследовало меня всю ночь и это утро, пока рядом суетился весёлый Козн, готовый к дню на пляже, который мы запланировали. Он понятия не имел, что произошло. Я отвёз его на пляж, пытался держать себя в руках, но я не знаю, какого хрена делать.

У меня стабильно текли слёзы, остановить их было больше не в моих силах. Я перешёл от организованного состояния к бормотанию, а затем к настоящим рыданиям.

— Это было самое страшное, что я когда-либо видел. Я чувствую себя ужасно. Это я вызвал. Коув подумал, что вернулся в то время, в то место, и он сошёл с ума. Эван, что я сделал?

Эван поставил своё пиво и забрал бутылку у меня.

— Воу. Остановись на минутку и сделай вдох. Просто... попробуй успокоиться.

Я знал, что Эвану тяжело обдумать слишком много эмоций. Он был не таким парнем, и это проявилось, когда ему стало неловко.

— Я не видел Орина с тех пор, как это произошло. Я просто хочу знать, что он в порядке. Нам не стоило заходить так далеко... Чёрт, я не должен был бросать Коэна. Что, если Коув вернётся и если...

— Чёрт! Просто остановись на пять секунд, Вон. Дыши и слушай меня.

Моё тело дрожало, пока я боролся со слезами, сосредоточившись на Эване.

— В первую очередь, — сказал он, как только я обратил внимание на него, — ни в чём из этого ты не виноват. В том, что произошло с ним в детстве. Ты. Не. Виноват. Ты меня слышишь? — Эван поднялся с дивана и провёл пальцами по волосам. — Бл*дь! Ладно. Я сейчас буду резким придурком, так что смиришься с этим. Когда ты последний раз тратил время на себя, Вон?

Я в замешательстве покачал головой.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что с тех пор, как ты встретил Орина, ты с полной силой бросился в эти отношения. Не пойми меня неправильно, это не плохо, и мы все так делаем, когда есть что-то новое и волнующее, но посмотри на себя! Ты миллион раз говорил, что Орин не похож на других людей. Как я понимаю, он чертовски более сложный.

— Это так, но проблема не в этом, проблема...

— Шшш, не твоя очередь. Проблема в том, что Орин не *один* парень. Их восемь или сколько там.

— Шесть, — исправил я.

— Ладно, шесть. Вон, ты не просто бросаешься с головой в отношения с одним парнем, как нормальные люди, ты тонешь в шестерых. Ты был так занят, маневрируя между шестью разными людьми и убеждаясь, что ты хорошо их всех знаешь и формируешь отношения со всеми ними, что у тебя не осталось времени на себя.

Я открыл рот, чтобы ответить, но он бросил на меня мрачный взгляд, останавливая.

— Ты перегорел.

Он ничего не понимал.

— Эван, я только что провёл ночь с человеком, который был намерен причинить себе вред, потому что я спровоцировал Орина, пытаясь сделать то, что мы не должны были делать.

Эван раздражённо вздохнул.

— Нет, перестань себя винить. Сколько Орину лет?

— Двадцать девять.

— Значит, мы можем согласиться, что он имеет дело с этими альтерами и этой жизнью, не знаю, скажем, лет десять?

Я покачал головой, неуверенный. Орин не так долго знал о своём ДРЛ, но годы провёл без диагноза с людьми в своей голове.

— Может быть.

— Даже если это было пять лет. Он живёт с этим долгое время. Он ходит на терапию. Он научился справляться со своей жизнью как можно лучше. Если Орин хочет порезвиться, а затем это вызывает срач, это не твоя вина. Тот другой парень... — Эван помахал рукой, ища от меня помощи в этом.

— Коув?

— Да. Уверен, его врачи знают об этой проблеме. И это продолжается дольше, чем ты был рядом, я прав?

Я кивнул.

— Тогда перестань себя винить. Знаешь, что тебе нужно сделать?

— Что? — пробормотал я.

— Пойми, что с тебя хватило, и дай себе перерыв. Ты имеешь право на перерыв, Вон. Это не значит, что ты не любишь его. Это не значит, что ты не можешь помочь ему. Но никому не пойдёт на пользу, если ты не будешь заботиться о себе. Ты себя в землю загонишь.

Я вытер слезу, которая вырвалась и потекла по моей щеке. Эван смотрел на меня, скрестив руки на груди.

— Ты иногда просто сволочь. Обязательно быть таким грубым?

Эван улыбнулся и слегка ударил меня по ноге.

— Это потому что я люблю тебя, придурок. Я просто не люблю твой член, поэтому у тебя все эти проблемы с мужчинами. А теперь расслабься. Я принесу тебе ещё пиво, и ты объяснишь мне, как, чёрт побери, работает этот менаж с Орином и девятнадцатилеткой. Вот это мне интересно.

Эван пошёл на кухню, и я впервые за весь вечер рассмеялся.

— Чтобы был менаж, нужно активное присутствие трёх людей.

— Кто сказал? Почему это не могут быть трое людей, которые согласились на сексуальные отношения.

— Мы с Орином не... — я простонал, отмахиваясь от этого спора. — Мы не можем все троём быть в одной кровати. Это невозможно.

Эван вернулся с кухни и протянул мне пиво, играя бровями.

— Разве нет? Подумай об этом.

Я покачал головой от этой чепухи.

— Прекрати усложнять мои и так сложные отношения. Это не менаж.

Эван хохотнул и опустил обратно на диван.

— Ты согласен, что тебе нужна передышка?

— Может быть. Я просто не могу не переживать за него.

— Потому что ты его любишь. Просто попробуй не брать на себя ответственность за всё, что происходит.

Я ковырял этикетку на бутылке и думал. Это звучало легче, чем было на самом деле. Когда Орин побуждал большую близость, мне отчаянно хотелось пойти с ним на это, но до сих пор последствия были негативными. Так что нам с Орином обоим нужно было договориться обходить эту часть наших отношений, или мне нужно было перестать брать на себя ответственность за результаты этого.

— Я постараюсь, — сказал я, зная, что Эван ждёт ответа.

Мы в тишине пили пиво, и когда я поставил свою пустую бутылку на кофейный столик и посмотрел на Эвана, он усмехнулся.

— Значит, ты наконец трахаешься с девятнадцатилеткой, а я узнаю об этом только сейчас?

Я простонал и закрыл лицо руками.

— Нам обязательно это делать?

— Эй, приятель, ты только что принёс свои проблемы на мой порог, я имею право полюбопытствовать.

Подхватив свою пустую бутылку, я встал и прошёл на кухню.

— Ладно, но мне нужно будет выпить больше твоего пива, раз придётся объясняться.

Эван хохотнул.

— Я никогда не пойму, почему тебе так некомфортно разговаривать про секс.

Остаток вечера мы разговаривали. Что бы я ни рассказывал о наших с Коэном отношениях, Эвану этого никогда не было достаточно. Но я противился и менял тему достаточно раз, чтобы он понял намёк, что я сказал всё, что планировал сказать. Разговоры повернулись к Кристине, а затем к спорту и, в конце концов, к моей работе.

— Я думал, после того, как ты закончишь свою учёбу, ты будешь пытаться перевестись или что-то ещё, — сказал Эван. Он разлёгся на диване и сдвинул меня на кресло.

— Не уверен, что перевод подойдёт. Думаю, мне нужно что-то совсем новое. Мне скучно.

— Я так и знал! Разве я не говорил про это, когда ты упомянул о курсах в колледже?

Это была правда, и тогда я тоже это знал. Мне нужны были перемены.

— Да, я просто буду смотреть в оба и надеяться, что что-то появится.

Поздно вечером, я попрощался и снова отправился домой. Я был более расслабленным и чувствовал себя лучше, излив душу Эвану. Когда я проверил свой телефон, приехав домой, моё сердце окружило грустью, когда я не увидел никаких сообщений от Орина. Я ненавидел мысль о том, что приходится так долго быть без него.

Следующее утро было воскресным. Я поздно проснулся после беспокойной ночи, и шёл уже одиннадцатый час, прежде чем я прошёл на кухню. Я проверил свой телефон, ставя вариться кофе. По-прежнему не было никаких сообщений от Орина, так что я написал ему сам, не ожидая ответа.

«Доброе утро! Пожалуйста, позвони мне, если прочитаешь это. Мои родители пригласили нас сегодня на ужин. Никакого давления, просто нужно позвонить ей около полудня и сказать, приедем ли мы».

Я бросил телефон на тумбочку и ждал, пока сварится кофе. С полной чашкой напитка, я прошёл в гостиную и сел на диван, листая каналы по телевизору. Программы воскресным утром шли отстойные. Я остановился на каком-то шоу о домашнем ремонте и мысленно отключился, пока пил кофе. В моих мыслях повторялось всё, что прошлым вечером сказал Эван. Орин взрослый человек, который многие годы справляется со своим ДРЛ. Это я к этому не привык. Я понимал, что меня нельзя винить за его прошлое, но то, что я вот так его провоцировал, прожигало дыру в моём сердце насквозь.

«Перестань себя винить. Это не твоя вина».

Я закрыл глаза и слушал слова Эвана, пытаюсь заставить себя поверить в них. Не зная, когда, я задремал и проснулся некоторое время спустя от стука в дверь. Я пришёл в себя и оторвался от дивана, зевая. Звук раздался снова; тихий, мягкий стук. Я проверил свой телефон, пока тащился открывать дверь.

Двенадцать двадцать. Чёрт, прошла половина моего дня, а я ничего не сделал. Я даже не позвонил матери.

Я открыл дверь, неуверенный, кого ожидать — может, Эвана — и замер, когда увидел на другой стороне Орина. Но был ли это он?

— Орин?

Он виновато улыбнулся и покачал головой.

— Тео.

Мои надежды рухнули, и, должно быть, на лице отразилось разочарование, судя по сочувствию, с которым он посмотрел на меня в ответ.

— Можно войти? — спросил он.

Из всех альтеров Орина Тео был больше всего похож на него; сдержанный, тихий, мягкий и добрый. Главной разницей было то, что Тео выражал мало эмоций, так что всех переживаний и беспокойств Орина не было. Ещё он держался со значительно большей уверенностью. Я был благодарен, что Тео не любитель играть в игры, потому что он легко мог бы меня одурачить, если бы захотел.

Я отошёл на шаг назад и позволил ему пройти. Мы мало времени проводили вместе, но я лучше узнавал Тео. Наша дружба была крепкой, и я знал, что так всегда и будет. Не было никакого другого влечения, и, судя по тому, что я узнал о Тео, наверное, и не будет.

— Ты хочешь кофе или что-нибудь ещё? Я могу сварить свежий.

Тот, который я сварил, давным-давно остыл.

— Конечно, спасибо.

Я взял со стола свою остывшую кружку и вернулся на кухню, где вылил кофе в раковину. Тео пошёл за мной и молча стоял, пока я ставил вариться кофе. Чем дольше растягивалась тишина, тем неувереннее я становился. Почему он пришёл?

Казалось, он читал мои не озвученные беспокойства, и как только я развернулся и оперся на тумбочку, дожидаясь, пока сварится кофе, он сказал:

— Орин берёт перерыв. Сейчас в системе всё немного хаотично.

— Сейчас он с тобой в параллельном сознании?

— Нет.

Я кивнул и опустил голову, глядя в пол. Вернулось это чувство вины, и я не мог его проглотить.

— Я пришёл, так что, может быть, помогу тебе лучше понять. Коэн вчера вечером был немного сам не свой, думал, что ты отстраняешься и готов отказаться от нас.

Я резко поднял голову и собирался защититься, когда Тео махнул рукой.

— Коэн иногда глупит. Не обращай внимания. Я его успокоил и посвятил в то, что он упустил.

Я облегчённо выдохнул. Последнее, что я делал, так это отстранялся.

— Вы, ребята, все должны понять, как тяжело находиться снаружи всего этого.

— А тебе нужно понять, как тяжело находиться внутри всего этого.

Я никогда в жизни не смог бы представить.

— Кофе готов, — сказал Тео, указывая на кофеварку. — Давай присядем, и я постараюсь кое-что объяснить.

Я машинально приготовил Тео неправильный кофе, добавив две ложки сахара, как любил Орин, и не принимая во внимание, что у Тео были свои вкусы. Чёрный, без сахара.

Мы устроились на диване, и Тео начал посвящать меня в свой мир, как только было возможно.

— Орин и Коув пререкаются между собой. Так было всегда. Коув глумится над телом, а Орин делает всё, что в его силах, чтобы держать Коува взаперти, чтобы он не мог этого делать. Проблема в том, что чем больше они ругаются, тем хуже становится Коув.

— Но... — я не был уверен, как выразить то, что я видел; что я знал. — Я не думаю, что Коув делает это демонстративно. Я думаю, ему намного больше.

Тео улыбнулся.

— Именно. Доктор Дельмар пытался работать с Орином, чтобы помочь ему понять это. Чем сильнее он старается заблокировать Коува в системе, тем будет хуже. Если Орин примет его и поговорит с ним, доктор Дельмар уверен, что мы можем стать ближе к достижению целой системы постоянного параллельного сознания.

— Разве не этого хочет Орин?

— Этого.

Я запустил пальцы в свои взъерошенные каштановые волосы.

— Я не понимаю. Почему бы тогда не поговорить с Коувом и не разобраться со своими разногласиями?

Тео отпил свой кофе и на мгновение сделал паузу, прежде чем продолжить.

— Это просто. Орин боится узнавать Коува. Коув — ключ к его прошлому. К прошлому, которое Орин не хочет помнить.

В моём желудке шевелилась желчь, и я кивнул, опуская взгляд на свой кофе, который держал в руках.

— Не думаю, что Коув хочет чем-то делиться, по крайней мере, у меня сложилось такое впечатление.

— Он не хочет, — когда я не ответил за несколько минут, Тео поставил свой кофе и заёрзал на месте. — Я говорю тебе это для того, чтобы ты мог лучше понимать Коува. До него тяжело достучаться. Если Орин сможет сформировать более крепкие связи в системе в целом, он найдёт лучший баланс в жизни. Внезапные переключения станут реже, и у него будет больше контроля, но это всё основано на хорошем общении и договорах с системой.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Я слушаю на терапии. У нас с Орином самая сильная связь и самые близкие отношения во внутреннем мире, и это показывает, что мы способны делать вместе.

Я подумал о том, что он объяснил, и спросил:

— Он может достичь этого со всеми?

— Абсолютно, если захочет. Вместе система сильна. Он не может добиться большего с другими из-за своих скудных отношений с Коувом. Коэн яро защищает Коува и любит его всем сердцем. Он ненавидит видеть его изгоем. Рид разделяет с ним определённый дух товарищества. Они оба защищают систему. У них у обоих есть

чрезвычайные проблемы с доверием. Но они два сапога пара. Без доверия и передачи сил Коуву, Орин никогда не завоюет Рида.

— А Рейн?

Тео хохотнул, и его лицо засветилось, как я никогда раньше не видел.

— Он ребёнок. Когда система цельная, он последует примеру. Прямо сейчас я стараюсь, чтобы он держался подальше от проблем.

Как бы сложно всё это ни звучало, в объяснениях Тео был смысл. Мой кофе остыл, пока я слушал, и, допив последний глоток, я поморщился.

— Я могу что-нибудь сделать? — в моей голове снова зазвучали слова Эвана, напоминая мне не брать всё на свои плечи, но я любил Орина, и если был какой-то способ помочь ему справиться со своей системой, я это сделаю.

— Не особо. Уговори Орина больше разговаривать с Коувом. Может, если ему это будет говорить не только доктор, он послушает.

Я кивнул, когда Тео встал.

— Наверное, мне стоит дать тебе насладиться своим воскресеньем, — сказал он, проходя к двери.

— Тео, — позвал я, догоняя его. Он обулся и повернулся ко мне. — Можно... Можно кое-что у тебя спросить?

— Конечно.

— Орин, он... видимо, он хочет между нами того, что не кажется возможным. Это каждый раз вызывает резкие изменения. Мне стоит это пресекать? Ему это вредит?

Казалось, на минуту Тео задумался, опустив взгляд и сжав губы.

— Прямо сейчас Орину вредит неисправность системы. Думаю... если он научится плыть по течению, а не против него, он сможет достичь большего в том, чего хочет.

Пока я анализировал его слова, Тео открыл дверь и пошёл по коридору к лифтам. Если я правильно понял...

— Тео, — он замедлился, но не повернулся. — Так ты говоришь, что это возможно?

— Это возможно, — он продолжал идти в конец коридора, а я наблюдал за ним. Собираясь повернуть за угол, он притормозил и оглянулся. — Со временем, Вон. Он не может торопить события. Доверие — основа всего.

Затем он ушёл.

Вернувшись в свою квартиру, я рухнул на диван и лежал там больше часа, думая. Когда до меня дошло, что я должен ехать на ужин со своей мамой, я позвонил и всё отменил, объяснив это тем, что время неподходящее, и я построю планы на другой вечер, когда мы с Орином оба будем свободны. Мама была разочарована, но я не был уверен, что она поймёт, даже если я объясню.

Глава 23

Я всю неделю ничего не слышал от Орина. Постоянная тишина съедала меня и заставляла днями ходить из стороны в сторону. Приехав к нему домой в среду, я снова столкнулся с Тео. Он сказал мне набраться терпения, и что Орину нужен перерыв.

Когда я выразил это Эвану, он вскинул руки в воздух и объявил, что согласен на сто процентов. Так что я пытался. Это не значило, что мой мозг остановился. Я всё равно постоянно проверял телефон и скучал по Орину по ночам.

Я воспользовался дополнительным временем, чтобы наверстать чтение и поискать в интернете систему поддержки людей, которые в отношениях с людьми с ДРЛ. На

удивление, я нашёл несколько таких. Я не только прочитал гору информации о том, как справляться с тем, что у твоего партнёра ДРЛ, но и нашёл чаты, заполненные людьми, которые действительно понимали мои сложности. Не все были одного мнения, но был как минимум элемент поддержки, которого мне не хватало.

В пятницу у нас было большое собрание на работе, по поводу обсуждения расширения в городе, и обсуждался перевод членов уже существующей команды на короткое время в помощь для установления нового оборудования. Это было долго, растянуто и скучно.

Когда в моём кармане завибрировал телефон, я огляделся вокруг и вытянул его, чтобы проверить, кто звонит. Высветившийся номер был мне не знаком. Я поморщился и собирался вернуть телефон в карман, предположив, что кто-то ошибся номером, но меня охватила дрожь, и я извинился и выбежал из кабинета, чтобы ответить.

— Алло.

— Здравствуйте, это Вон Синклер?

— Да, — моё сердце подскочило к горлу. — Что случилось? — прохрипел я.

— Здравствуйте, мистер Синклер, это Бекки Робертс, я медсестра из Больницы округа Харбор. Ваш номер указан в списке для экстренной связи у Орина Паттерсона. Это правильно?

У меня дрожала рука, и пришлось крепко схватить телефон, чтобы не уронить его.

— Да, правильно. Что произошло?

Всего месяц назад Орин спросил, может ли добавить меня в список контактных лиц для экстренной связи в своих документах. Он объяснил, что у него никогда не было альтернативного контакта, и ему часто докучали с этим. Я согласился без раздумий, не особо осознавая, что это может значить.

— Орина сегодня привезли в отделение экстренной помощи. Из-за характера его травм, его перевели на третий этаж и определили в психиатрическое отделение для стандартного обследования на семьдесят два часа. Здесь в его документах записано, что он лечится у доктора Дельмара из-за диссоциативного расстройства личности. Судя по всему, как только он увидится с доктором, его, наверное, выпишут. Однако, учитывая позднее время, этого может не произойти до завтра.

«Травмы? Психиатрическое отделение? Ох, Орин». Я мог только представить, что произошло.

— Эмм... спасибо, что дали мне знать. Вы знаете, пускают ли к нему посетителей?

— В отделение пускают посетителей до восьми вечера, так что да.

Я записал этаж и направления и снова поблагодарил медсестру. Моё собрание ещё продолжалось, но я никак не мог вернуться после этого звонка. Мне нужно было ехать в больницу.

Я оставил начальнику сообщение через его помощника и выскользнул в июльскую жару. Пока бежал к своей машине, я снял галстук и расстегнул рубашку, чтобы позволить минимальному ветру охладить мою уже разгорячённую кожу.

Я включил кондиционер и не ждал, пока он заработает, а выехал с парковки и направился напрямик в больницу. В моей голове мелькали видения прошлого раза, когда Коув резал руки. Я видел его через несколько дней после того, как это произошло, и хоть раны были зашиты и частично зажили, меня от этого выворачивало.

Я шёл увидеть это, или будет хуже?

Больничная парковка была нелепой, и я заплатил, чтобы припарковаться в зоне экстренных служб, после чего побежал к главному входу в больницу. Подойдя к информационной стойке в холле, я спросил направление у пожилого волонтера, который

слишком долго объяснял, как попасть к правильным лифтам, чтобы добраться до охраняемого этажа, где располагалось психиатрическое отделение.

Когда я оказался на нужном этаже, двери лифта открылись в маленький, скудно обставленный мебелью коридор, и сбоку находилась большая железная дверь с переговорным устройством. Как я и подозревал, дверь была заперта.

Я надавил пальцем на переговорное устройство и ждал. Через несколько секунд из динамика раздался отдалённый голос.

— Чем могу помочь?

— Эмм... я пришёл навестить Орина Паттерсона. Мне позвонили и сказали, что он поступил сегодня днём.

— Я пришлю медсестру, чтобы вас впустили.

— Спасибо.

Я подскакивал на ногах, пока ждал. Моё сердце не переставало колотиться с тех пор, как я получил тот звонок, и несмотря на более прохладный воздух в здании, я весь вспотел — наверное, скорее от нервов, чем от жары.

Раздалось гудение, и затем большую тяжелую дверь открыл молодой, хорошо сложенный медбрат. Парень был больше похож на охранника, чем на сиделку.

Вместо того, чтобы впустить меня, он вышел в маленький коридор и бросил на пол пустую картонную коробку.

— Мне нужно, чтобы вы опустошили свои карманы: мобильник, бумажник, мелочь, ключи — всё. Ещё вам нужно будет снять обувь.

Когда я в замешательстве притормозил, он пожал плечами.

— Такие условия, простите. Я так понимаю, вы пришли в первый раз?

— Да, — сказал я, скидывая обувь и складывая её в коробку. После этого я достал всё из карманов.

Когда мистер Мачо-медбрат заметил мой ремень, он заставил добавить в коллекцию и его.

— Я отведу вас к стойке медсестёр. Вам нужно будет записаться. Только дайте нам знать, когда будете готовы уходить, и мы проводим вас к вашим вещам.

Я кивнул, проходя за ним за железную дверь. За ней ничего не отличалось от остальной больницы; такой же длинный коридор палат с двумя одиночными кроватями в каждой, судя по тому, что я видел. Была общая зона с телевизором высоко на стене, за пределами досягаемости пациентов. Заметную разницу составляли окна. Они все были закрыты тяжёлыми железными решётками сверху.

У стойки медсестёр я подписал бланк, и меня направили в другую общую комнату дальше по коридору, где, как мне сказали, я найду Орина. Пока шёл по коридору, я держался рядом со стеной, слегка нервничая из-за некоторых пациентов, мимо которых проходил. Был мужчина, который кричал в никуда и казался злым, но поблизости не было никакой медсестры, так что я полагал, что для него это было нормальным поведением.

Подозрительная женщина бросила на меня мрачный взгляд, пока я шёл мимо. Она постоянно нервно перебирала пальцы и, казалось, что-то себе бормотала.

Я пошёл быстрее.

Когда я зашёл за угол, и передо мной предстала ярко освещённая комната, я с облегчением выдохнул. Комната была пустой, не считая Орина, который сидел у окна, прислонившись к железной решётке и глядя на улицу.

Вся крыша была залита дневным светом, отчего в комнате становилось намного более комфортно. Повсюду стояли столы и пластиковые стулья, и у меня создавалось ощущение, что, наверное, во время еды это место служило столовой.

Прежде чем подойти, я наблюдал за ним издалека. На нём была невзрачная больничная одежда голубого цвета; штаны на резинке и майка. Прошла неделя, и как только я увидел его — зная, что это действительно он, а не кто-то другой — появились слёзы. Я не хотел быть тряпкой, так что вытер глаза и попытался взять себя в руки. Последнее, в чём он нуждался, так это в большей грусти.

Он был отрешённым и казался потерянным в мыслях. Хотя на нём была майка с длинным рукавом, по выпуклости под одной рукой я мог сказать, что он сильно забинтован.

Я молча пересёк комнату и только оказавшись в полудюжине шагов дал знать о своём присутствии.

— Я скучал по тебе, — прошептал я.

Когда он повернулся, и я увидел блеск в его глазах, я не смог сдержать слёзы. Он поднялся на ноги и оказался в моих объятиях раньше, чем я успел сделать следующий вдох, и я прижал его к своей груди, будто каким-то образом мог удержать его на месте, чтобы он не ушёл.

Я плакал в его плечо, натиск недели вышел на поверхность и отдавался болью в теле.

— Прости, — я отстранился и вытер слёзы. Затем я тщательно его осмотрел, убеждаясь, что больше нет травм, которые я мог упустить. — Как ты?

Он пожал плечами, грусть с его лица не исчезала.

— Каж-ж-ждый день о-одно и тоже, — вздохнул он. — Я чувствую, что, в конце концов, однажды, он п-просто покончит с этим, — в его глазах появились слёзы, и он в поражении покачал головой. — И я понятия не буду иметь. Я н-ненавижу его. Боже, Вон, я так с-сильно его ненавижу.

Он прижался к моей груди и уткнулся в неё лицом, пока текли его собственные слёзы. Обычно Орин мало говорил о Коуве. Он избегал тем, связанных с ним и разрушением, которое Коув причинял его телу любой ценой. Всё было именно так, как описал Тео. Они не были друзьями. Судя по всему, из них получались скорее враги. В обычной ситуации они могли бы никогда не выбрать компанию друг друга, вот только Коув и Орин делили пространство куда более интимное, чем мог представить любой человек.

В этом была проблема.

Я подвёл Орина к столу и подвинул стул, чтобы мы сели лицом друг к другу. Как только Орин собрался, я взял его за руку.

— Что случилось? Ты знаешь?

Поражение вернулось, и он покачал головой.

— Не особо. Я знаю, что это был Коув. Я не тупой. Коэн давно мне не вредил, но Коув в последнее время очень злой. Я знаю, Тео позвал на помощь, но у меня не было ощущения времени, пока меня не стали зашивать внизу, — он коснулся выпуклости под рукавом своей майки. — Полагаю, в этот раз он хорошо постарался.

Как раз тогда в комнату зашёл молодой мужчина, лет двадцати с мелочью, и сел за ближайший столик. Он раскачивался на месте, суетился и бормотал что-то, что я не мог разобрать, и его взгляд танцевал по всей комнате. Хотя мы находились всего в двух столиках от него, он будто не замечал нас.

— Это Итан. Он часто здесь бывает. Он хороший, если его разговорить. Не уверен, что с ним не так.

Я смотрел на Итана, пока тот смотрел на небо с выражением сосредоточения на лице. От Итана мой взгляд упал на девушку, которая прошла мимо и остановилась, чтобы оглядеть комнату, после чего продолжила идти.

— Нора, — сказал Орин, следя за моим взглядом. — У неё биполярка.

Я повернулся обратно к Орину с переполняющим чувством грусти, которое цеплялось за меня со всех сторон.

— Ты знаешь многих людей здесь?

— Я провожу здесь много времени, — он подтянул вверх рукав на здоровой руке, открывая множество шрамов. — Каждый раз, когда он делает это, я автоматически получаю обследование и до семидесяти двух часов взаперти. Доктор Дельмар завтра подпишет документы на выписку. Видишь ли, это не я нестабилен. Это Коув. Нас уже держат на антидепрессантах. Любое другое лечение или лекарства, которые они могут ему предложить, не подойдут, потому что я и четверо других людей не страдают от тех же проблем. Лечение намного тяжелее и повлияет на всю систему.

Он опустил рукав обратно и потёр костяшками пальцев глаз, после чего продолжил.

— Раньше меня держали здесь дольше, но это было бесполезно. Пока я здесь, Коув отступает. Когда я не показываю признаков нестабильности, у врачей нет причин меня удерживать. Я хожу на терапию. Я принимаю только те лекарства, которые могу, — он пожал плечами. — Я хотел бы, чтобы он просто оставил нас в покое.

Мне так много хотелось сказать и спросить, но сейчас время не казалось подходящим. От Тео я знал, что Орину и Коуву необходимо научиться сосуществовать друг с другом. Судя по словам его терапевта, чем сильнее Орин пытался отрицать его присутствие, тем хуже ему будет. Он должен был это знать. Он не верил?

Его злоба на Коува была в этот момент сильной — и по хорошей причине — так что я сменил тему, надеясь его развеселить.

— Тебя хотя бы хорошо кормят?

Орин попытался улыбнуться и осмотрел по большей части пустую комнату.

— Не особо. Но Тео меня балует, так что, может быть, я сужу несправедливо.

Когда он снова нашёл взглядом моё лицо, я потянулся и погладил его по щеке. Это укрепило его улыбку, и моё сердце успокоилось от её присутствия.

— Мне можно принести тебе еду? Я знаю, что здесь меня чуть ли не обыскивают, чтобы пропустить, но, может быть, я могу хотя бы принести тебе завтра утром приличный завтрак.

Брови Орина нахмурились, пока он думал.

— Думаю, можно. Семьи других людей делали так раньше, так что это должно быть разрешено. Тебе только нельзя приносить сюда столовые приборы. Любое, что может быть использовано в качестве оружия, под запретом.

— Понял. Так что ты скажешь, если я принесу тебе на завтрак сэндвич и кофе, когда завтра начнутся часы посещения? Спасу тебя от больничной еды.

— Мне бы этого хотелось, — сказал он, опуская взгляд на свои колени. — Мне плохо от того, что я так отрываю тебя от твоего дня. Мне очень жаль. Если ты не хочешь...

— Шшш, — я поднял его подбородок и остановил его слова поцелуем. Это было целомудренно и быстро, я не был уверен, что ему захочется проявлять такие чувства посреди больницы. — Я просто счастлив снова тебя видеть. Неделя была долгой.

Он запустил пальцы в мои волосы и не давал мне отстраниться слишком далеко, пока углублялось его беспокойство.

— Меня действительно не было неделю? Я даже не знаю, какой сейчас день.

Я пытался не показать боли, которую вызвало его заявление.

— Да. Сейчас снова пятница. В прошлую пятницу мы ходили на ужин с Эваном и Кристиной, и это последний... — я закусил слова, неуверенный, что стоит привлекать внимание к инциденту, который вызвал его недельное отсутствие.

— Я помню, — прошептал он, прижимаясь лбом к моему.

Больше ничего не было сказано, и мы оставались в этой близкой связи, касаясь друг друга и впитывая упущенное время, пока в комнату не зашёл медбрат, который забирал мои вещи.

— Орион, Орион, мой друг, я объявляю ужин. Просто чтобы ты знал.

Орин откинулся на спинку стула и улыбнулся медбрата.

— Спасибо, Талус.

Медбрат Талус подмигнул и вышел обратно из комнаты.

— Орион? — спросил я, когда Орин поднялся на ноги и взял меня за руку.

— Ему нравится меня дразнить. Когда он только начал, он работал по ночам, а мне не спалось. Он нашёл меня в моей палате, когда я смотрел на звёзды, и сидел со мной часами, просто разговаривая. Он спросил, почему меня называли в честь созвездия. У меня в мыслях был туман, и я не понял, что он шутит, и исправил его, сказав, что меня зовут Орин, а не Орион. Так что это прицепилось. Теперь для него я официально Орион. Я честно и справедливо заработал дурацкое прозвище.

Орин вытащил меня из комнаты и повёл по коридору.

— Почему ты сбегаешь с ужина?

Он завернул в одну из палат, прошёл к дальней кровати у окна и сел, притягивая меня рядом с собой.

— Потому что во время еды там просто хаос. Я плохо с этим справляюсь, и медсёстры разрешают мне есть после того, как всё успокоится. С этим мне тоже помог Талус. Он действительно отличный парень. Он приглядывает за мной.

Я мог только представить, на что похожи приёмы пищи в психиатрическом отделении. Судя по нескольким людям, мимо которых я проходил в коридоре, даже мой уровень комфорта проходил проверку. Я был рад, что у Орина есть необходимая поддержка.

— Он довольно большой парень для медбрата. Я всегда представлял медбратьев... Не знаю, не такими крупными.

Орин рассмеялся и кивнул.

— Я знаю, верно. На самом деле, он на своём месте. Иногда всё выходит из-под контроля, и он идеальный человек для того, чтобы с этим разобраться.

Я не мог не согласиться.

Я оставался рядом во время ужина и дальше, пока Талус не пришёл к нам в палату Орина и не объявил, что часы посещения заканчиваются.

— Ненавижу оставлять тебя здесь, — сказал я, пока он провожал меня к стойке медсестёр, чтобы я мог забрать свои вещи.

— Не переживай за меня. В этом месте больше не страшно. Я к этому привык.

И какая же ужасная это была привычка. Я не озвучил свои мысли. Пока мы не дошли до стойки, я оттянул его в сторону и провёл пальцами по его щеке.

— Я вернусь утром с завтраком. Как думаешь, во сколько тебя выпишут?

— Доктор Дельмар обычно приходит около десяти. Он видится здесь с несколькими пациентами, но обычно втискивает меня первым, потому что так просто положено, чтобы мы поговорили, прежде чем он подпишет бумаги.

— Хорошо, — я поцеловал его, после чего нехотя отстранился от его уютной хватки.
— Я люблю тебя. Пожалуйста, береги себя.

— Хорошо. Увидимся завтра.

Уходить было тяжело. Ехать через город, зная, почему он поступил в больницу, и что это вне его контроля — этот груз висел тяжестью на моём сердце. Увидев Коува в действии, увидев боль и ненависть к себе, которые исходили от него в тот вечер неделю назад, мне было трудно его винить. Я ненавидел поднимать эту щекотливую тему, но может быть, мне нужно было поделиться тем, чего свидетелем я стал. Если Орин сможет переступить через свою злость, может быть, он будет больше готов работать над отношениями с Коувом, и для него всё наладится.

Глава 24

Я поставил будильник на следующее утро, чтобы принять душ, выйти из дома и приехать в больницу к девяти. С завтраком и кофе Орина в руках, я поднялся на лифте на третий этаж.

На этот раз более знакомый с рутиной, я был готов, когда из двери вышла другая медсестра и попросила меня выложить в картонную коробку свои личные вещи, включая обувь и ремень. На этот раз медсестра также осмотрела пакет с едой, который я принёс, чтобы убедиться, что я не взял по незнанию столовые приборы. Пройдя проверку, я получил разрешение войти и пошёл к стойке медсестёр, чтобы записаться.

Когда я пришёл, Орин был в своей палате. Он был одет в ту же больничную одежду, как и вчера, пока лежал на кровати и смотрел в потолок. Кажется, он ни с кем не делил эту палату. Кровать ближе к двери была застелена, и не было никаких признаков соседа.

Как только я вошёл, лицо Орина засветилось. Было приятно это видеть, особенно в его нынешней ситуации.

— Доброе утро. Я принёс еду.

Он взял пакет и кофе и заглянул внутрь.

— Спасибо. Я очень рад. Завтрак сегодня выглядел не очень. Наверное, я бы ничего не поел. И кофе ужасный.

Он отставил пакет со своим сэндвичем в сторону и принялся за кофе.

— Как прошла твоя ночь? Ты спал?

Он пожал плечами, делая осторожный глоток, прежде чем отставить кофе в сторону.

— Немного. Эти кровати не особо удобные. Я буду рад вернуться домой.

Как раз когда он собирался поесть, зашла медсестра с тёмными волосами до плеч, с тележкой медицинских принадлежностей.

— Привет, Орин, нужно будет сменить тебе повязку, пока не пришёл доктор Дельмар, хорошо?

Орин бросил на меня усталый взгляд, после чего кивнул.

— Хочешь, чтобы я вышел? — спросил я.

— Нет, всё в порядке.

У меня было ощущение, что он ненавидит, когда я вижу, что сделал Коув. Если честно, мне пришлось сглотнуть нервозность, когда медсестра закатала его рукав выше. Взгляд Орина прожигал меня, и вместо его руки я смотрел на него, пока медсестра снимала повязку. Мне не нужно было видеть. Когда он вернётся домой, тогда я предложу ему помощь, особенно учитывая, что на этот раз это была его правая рука, и будет сложно о ней позаботиться самому, так как Орин не был левшой.

Медсестра работала быстро. Когда Орин поморщился, у меня внутри всё зашевелилось от сочувствующей боли. Я ненавижу видеть его таким. Как только медсестра закончила, она взяла на анализ кровь — Орин объяснял, что такая рутина — и ушла.

— Пожалуйста, поешь, пока не пришёл твой доктор и ты не упустил свой шанс.

Пока Орин ел, с меньшим энтузиазмом, чем я надеялся, я думал об остатке дня — или вернее о предстоящих днях и о том, как они могут разыгаться.

— Вон?

— Да, — ответил я, снова сосредоточившись на Орина. Он отложил в сторону свой наполовину съеденный сэндвич и смотрел на меня.

— Я рассказал о тебе доктору Дельмару. Немного. Хочешь посидеть, пока мы сегодня будем разговаривать? Он упоминал, что хотел бы с тобой познакомиться.

Я всегда считал терапию Орина очень личной и никогда не спрашивал о ней. Было сюрпризом узнать, что он говорил обо мне своему доктору.

— Конечно. Если ты хочешь, я там буду. Но я готов подождать снаружи или здесь, пока ты видишься с ним. Я знаю, что это личное и...

— Вон, я включил тебя в список экстренных контактов, и мы встречаемся семь месяцев, я не против, чтобы ты присутствовал. Правда.

Как раз в начале одиннадцатого в палату Орина вошёл пожилой мужчина в джинсах, коричнево-белой рубашке и белом больничном халате. У него были тёмные с проседью волосы, коротко стриженные и зачёсанные на бок. Его борода была хорошо ухожена. Когда он вошёл, Орин выпрямился и бросил мне успокаивающую улыбку.

— Доброе утро... — доктор наклонил голову на бок и мгновение изучал взглядом лицо Орина, прежде чем продолжить, — Орин. Ты знаешь, что мне не нравится узнавать, что ты в отделении, — у него был явный акцент, который я не мог определить, но его тон был доброжелательным, и Орин улыбнулся.

— Я знаю, — он почти застенчиво коснулся своей забинтованной руки и бросил взгляд в мою сторону. — О, это мой парень, Вон, о котором я вам рассказывал. Если это нормально, я сказал ему, что он может сегодня утром остаться.

Доктор Дельмар пожал мне руку.

— Приятно познакомиться, — затем он кивнул Орину, отодвигая стул и присаживаясь. Было похоже на то, что встреча будет проходить прямо здесь, в палате Орина. — Я думаю, присутствие Вона — это отличная идея.

Я устроился на кровати рядом с Орином и взял его за руку.

— Хорошо, — сказал доктор Дельмар, кивая на руку Орина. — Расскажи мне, что ты знаешь.

— Всё одно и то же, — пробормотал Орин, прикрывая травмированную область, будто чтобы скрыть её от вида. — У нас была тяжёлая неделя. Тео сказал, что Коув был на грани.

— И кто на этой неделе был впереди?

Орин выдохнул через нос и сжал губы.

— Думаю, по большей части Тео.

— Думаешь? Почему вы не общаетесь?

— Общаемся, просто...

— Просто ты делаешь это выборочно и не всесторонне. Ты говорил с Коувом? Спрашивал у него, почему?

— Нет.

— Нет. Всегда нет. И почему нет?

Орин сморщил нос и поднял руку к лицу. Он потёр глаз и едва заметно покачал головой. Я узнал это действие, как и доктор.

— Кто прямо сейчас с тобой говорит? — спросил доктор Дельмар.

— Т-Тео.

— Скажи Тео, что мы разговариваем, и сейчас не его очередь.

Я был в шоке от того, как твёрдо доктор Дельмар говорил с Орином. Он был строг в отношении к нему. По какой-то причине я всегда полагал, что он будет более мягким и понимающим.

Орин опустил руку и перевёл взгляд на своего доктора. Ожидание на лице доктора Дельмара привело меня в замешательство. Только когда Орин кивнул, я понял. Он ждал подтверждения, что Орин выполнил его просьбу.

— А теперь скажи мне, почему Коув злится.

Орин пожал плечами, как наказанный подросток.

— Я не знаю.

— Он пишет в дневнике?

— Да.

— Что он тебе пишет?

— Он не пишет мне. Он жалуется и выражает на всех страницах ненависть.

Доктор Дельмар на мгновение сузил глаза, после чего скрестил руки на груди.

— Дай мне поговорить с ним.

— Нет! — огрызнулся Орин, на его лице впервые появилась паника. — Я-я н-не могу... он н-не послушает. Он ненавидит меня.

Мне потребовались все силы, чтобы не вмешаться. Какого чёрта делал этот доктор? Я потянулся за рукой Орина, чтобы успокоить его, но доктор Дельмар поднял палец вверх, чтобы меня остановить.

— Орин. Послушай меня, — доктор Дельмар наклонился вперёд и впился взглядом в Орина. — Он не уйдёт, если ты будешь его игнорировать. Он станет только хуже, если ты будешь сильнее пытаться приструнить или контролировать его. Если ты хочешь мира в своей системе, тебе нужно найти баланс с Коувом. Ты меня слышишь?

В глазах Орина стояли слёзы, и я боролся с желанием снова потянуться к нему. Он кивнул, но это было напряжённо и натянуто.

— Лёгкое общение, которое у тебя есть с Тео, можно достичь со всеми.

— Я знаю.

— Я рад, что ты знаешь. И что ты собираешься с этим делать? Я устаю видеть тебя здесь.

Орин не ответил, а опустил голову и молчал. Всё это время я ходил вокруг Орина на цыпочках, относясь осторожно к каждому дню, когда мы были вместе. Казалось, у доктора был совершенно другой подход, и он не терпел никакой чепухи. Это было удивительная, но открывающая глаза перспектива.

— А как ты справляешься, Вон?

Я опешил, когда разговор переключился на меня.

— Эмм, я... — переведя взгляд на Орина, я на мгновение притормозил, но решил ответить честно. — У меня была тяжёлая неделя. Иногда это может быть трудно для понимания.

— Несомненно.

Лоб Орина нахмурился от моего признания, и он зажал губу зубами. На этот раз, когда я потянулся за его рукой, меня не остановили.

— Тяжело не винить себя.

— Вон, — Орин покачал головой, и его голос был пропитан эмоциями. — Почему ты винишь себя? Ты ни в чём из этого не виноват.

Я перевёл взгляд на доктора Дельмара и сгримасничал. Я не планировал говорить об этом при свидетелях.

— Тяжело этого не делать, — сказал я Орину. — Иногда у меня такое чувство, что я провоцирую переключения, а я никогда не хотел этого. После этого я чувствую себя ужасно.

Когда Орин собирался ответить, его остановил тот же палец, который раньше задержал моё движение.

— Состоять в отношениях с человеком с ДРЛ может быть крайне обременительно. Легко утомиться, пока пытаешься успевать за внезапными переключениями и различными личностями день за днём. Какая у тебя система поддержки, Вон? Люди в твоей ситуации часто обнаруживают, что им тоже нужна помощь.

— На самом деле, я как раз на этой неделе нашёл группу в интернете. Я пообщался с парой людей, которые в том же положении, но намного дольше. Это было очень познавательно.

— Это отлично.

— Ты серьёзно? — вмешался Орин. — Я этого не знал.

Я сжал его руку.

— Я неделю тебя не видел.

— Ну, как я говорю Орину, ключ к любой функционирующей системе — или отношениям — это общение, — доктор Дельмар хлопнул по своему колену, привлекая внимание нас обоих и разрывая напряжение, которое повисло на последние несколько минут. — Я подпишу твои документы на выписку. Чтобы я не звучал как заевшая пластинка, ты мне скажи, что нужно делать с этого момента, Орин.

— Поговорить с Коувом.

— Во вторник принеси свои дневники. Я хочу услышать, как всё прошло.

Выписка Орина заняла ещё час. К тому времени, как ему вернули одежду, а мне мои личные вещи, было за полдень. Мы ехали к нему домой в относительной тишине, и когда мы заехали на подъездную дорожку, Орин заёрзал и спросил:

— Ты... ты не против остаться?

Я заглушил двигатель и улыбнулся.

— Если ты думал, что я подвезу тебя и сбегу, ты ошибаешься. Ты так просто от меня не избавишься.

На самом деле, я решил собрать сумку для ночёвки и оставил её на заднем сидении. Если бы только Орин не настаивал, чтобы я ушёл, я собирался остаться на ночь. Мне нужно было быть с ним, особенно после всех переживаний, которые охватывали меня последнюю неделю.

Пока он принимал душ, я просмотрел шкафчики и холодильник у него на кухне, чтобы найти нам что-нибудь на ланч. Я остановился на большом противне с голубцами, который нашёл в морозилке. Это было намного больше, чем нам нужно было на ланч, но к тому времени, как они разогрелись, я подумал, что этой еды будет достаточно, чтобы устроить ланч, переходящий в обед.

«Спасибо, Тео».

Пока мы поели и убрались, было уже начало пятого. Мы устроились на диване, и Орин прижался ко мне сбоку. Удовольствие, которое принёс этот момент, было долгожданным. Никто из нас не говорил долгое время, просто наслаждаясь компанией

друг друга, чего было достаточно. Вся вина и тревожность, которые принесла неделя, отошли на задний план.

Я провёл пальцами по его волосам и поцеловал его в макушку. Свежий запах его шампуня щекотал мне нос, когда я вдохнул его.

— Меня для тебя слишком много? — невзначай спросил он, вырывая меня из мыслей.

— Что? Нет.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на меня.

— Ты сказал, что у тебя была тяжёлая неделя и что меня трудно понять.

— Не тебя, а ситуацию, — я побудил его сесть, чтобы объясниться. — В прошлую пятницу я почти всю ночь провёл с крайне нестабильным Коувом. Это было пугающе, и я не знал, как с этим справиться. Мне это удалось, но на следующий день у меня не было ни мгновения всё обдумать, и Коэн был собран и готов ехать на пляж.

Лицо Орина побледнело от упоминания имени Коува.

— Что он сделал?

Я попытался придумать самый мягкий способ это объяснить. Я больше не был уверен, что вижу Коува в том же свете, что и Орин. Я надеялся, что если поделюсь этим, как бы это ни было сложно, это поможет Орину принять Коува и, может быть, попробовать то, что предложил его доктор.

— Думаю, он вышел вперёд из-за того, чем мы занимались. Ты помнишь?

Орин кивнул, и на его лице промелькнула грусть.

— Орин, я не думаю, что Коув тебя ненавидит. Он ненавидит себя. Всё, что я видел, чего свидетелем стал, показало мне мужчину в агонии из-за того, что в нём столько ненависти к себе, что он не знает, как с этим справиться.

Орин покачал головой, пока в его глазах собирались и блестели слёзы.

— Нет, ты ошибаешься.

Я ведь не знал его внутренний мир и даже не мог притвориться, что понимаю, но я знал, что видел. Коув был сломан внутри, он едва мог функционировать.

— Орин, он...

Он слетел с дивана, смаргивая слёзы, которые текли по его щекам.

— Я тебе покажу.

Он исчез в конце коридора и через мгновение вернулся с тем, что я опознал как его дневник. Он пролистал несколько страниц и широко раскрыл дневник, кладя его мне на колени.

То, что было нарисовано на странице, отражало боль, какую я никогда раньше в жизни не видел. Слова «умри» и «ненавижу тебя» были выведены с такой силой, что я чувствовал под пальцами вмятины. Там были царапины, злобные линии и дырки, где ручка прорвала страницу. Несколько связанных отрывков были смешаны с разрушением. «Я никогда тебя не впускаю». «Я лучше буду страдать в одиночестве». «Однажды плохой, всегда плохой». И так далее, и так далее...

Я не мог продолжать читать. У меня в животе всё переворачивалось, и комок желчи поднимался к горлу. Переложив дневник обратно на колени Орину, я дал себе минуту, чтобы собраться.

— Видишь, — прошептал он. — Он хочет, чтобы я умер. Он ненавидит меня.

Я покачал головой, понимая, как неправильно можно истолковать сообщения Коува.

— Нет. Орин, выслушай меня. Это направлено не на тебя. Это направлено на него самого. Коув чувствует себя как в ловушке в теле, которое он ненавидит. Он ненавидит не тебя. Он... — я взял Орина за руку, собираясь зайти туда, куда никогда не заходил

раньше, и я боялся, к чему это может нас привести. — Он прошёл через ад. Это Коув был создан для того, чтобы справляться с насилием, когда ты был ребёнком, разве не так?

Это был первый раз, когда я вообще предположил, что у Орина может быть насильственное прошлое. Но у меня больше не было сомнений. Учитывая мои исследования ДРЛ и наш барьер в плане близости, не требовалось быть учёным, чтобы выяснить, что могла быть история насилия.

Орин замер с расширившимися глазами, но машинально кивнул.

— Я ничего об этом н-не знаю. Кроме того, ч-что это было.

Я коснулся его лица, привлекая его внимание.

— И мы не будем об этом говорить, — заверил я его. — Я говорю только то, что Коув подвергся большой травме... в этом теле. В теле, которое он сейчас ненавидит и считает уродливым. В теле, внутри которого он застрял со всеми воспоминаниями, от которых не может избавиться.

Губа Орина дрожала.

— Н-н-но я не хочу, чтобы он мне рассказывал. Я не хочу з-з-знать.

Я едва мог дышать, видя, как на лице моего парня отражается страх.

— Он не хочет тебе рассказывать. Но отчаянно старается найти альтернативные способы справиться с этой болью внутри. С этими ощущениями беспомощности, уродства, ненависти к себе, он бунтует, чтобы ослабить эту боль. С физической болью он может справиться. Он мне так сказал. Так что он вызывает физическую боль, чтобы не так сильно чувствовать эмоциональную.

Орин мысленно ушёл в себя, обдумывая то, что я сказал. Он вибрировал и дрожал, и я прижал его к своей груди и обнял. Может, я ошибался. Но если я был прав, может быть, Орин мог делать шаги в правильном направлении, как нужно было, по мнению его доктора и Тео.

— Что мне делать? Не думаю, что мы когда-нибудь сможем поладить. Он меня не слушает. Никогда не слушал.

Следующее предположение было выстрелом наугад, но когда я услышал недавно слова Коэна, до меня дошло, что это может помочь и Коуву.

— Может, подтолкни его больше быть собой. Позволь ему свободно выражаться, как делает Коэн. Побуди его сходить в магазин за одеждой, которую он хочет носить. Он сказал мне, что во внутреннем мире ему нравится играть на гитаре. Если бы у него была отдушина, и если бы Коув тоже мог быть снаружи, может, это помогло бы.

— Наверное, он захочет зататуировать моё тело или проколоть его, или что-нибудь ещё такое радикальное.

— Поставь границы. Будь готов со временем обсудить эти более постоянные добавления.

Орин поморщился.

— Но я не хочу татуировку.

— Но если бы маленькая, малоприметная татуировка помогла бы сбалансировать твою систему и Коува, разве оно того бы не стоило?

Орин надавил костяшкой пальца на глаз, потирая его. Поймав мой вопросительный взгляд, он улыбнулся.

— Кажется, Тео с тобой согласен.

— Идеально. Два против одного. Ты попробуешь?

— Попробую, — прошептал он, говоря не так уверенно, как мне бы хотелось.

Так как Орин отказывался разрешать мне поехать домой, я забрал из машины свою сумку для ночёвки, и мы стали готовиться ко сну. Было уже позднее время, когда мы

забрались в кровать, так как весь вечер мы болтали о Коуве и о том, как Орин может подтолкнуть его отразить свою личность снаружи.

Орин прижался к моему боку и положил руку на мою голую грудь, проводя пальцами вверх и вниз. Я пытался игнорировать выпуклый бандаж на его руке и сосредоточился на более позитивном будущем. С Коувом и Орином на одной стороне, невозможно было сказать, насколько больше сознания он сможет достичь. Это очень улучшит его жизнь, и это было его основной целью.

Орин наклонил голову и поднялся выше, чтобы соединить наши губы. Я скучал по его поцелуям и отказывался спешить, когда его язык коснулся моего. Мы исследовали и пробовали друг друга долгие минуты, прежде чем рука Орина стала смелее и намеренно исследовала мою грудь.

Прежде чем мы смогли оказаться в повторении предыдущей пятницы, я поймал его запястье.

— Думаю, нам нужно быть немного поаккуратнее.

Его разочарование было заметным, даже в тусклом свете комнаты.

— Почему? Я в порядке.

— А я нет. Поверь мне, когда я говорю, что хочу этого больше всего, но я не хочу спешить и рисковать спровоцировать очередной эпизод, как в прошлый раз. Это не честно по отношению ко мне. И если появится не Коув, то Рид, а ты знаешь, как это проходит.

Он вздохнул и опустил взгляд.

— Я очень этого хочу, Вон.

— Я знаю. Я тоже. И я знаю, как сильно ты стараешься, но это не честно по отношению ко мне или к тебе.

Он положил голову обратно на моё плечо и продолжал молчать. Я ненавидел его расстраивать, но если я собирался заботиться о себе, пора было определённо остановить эти американские гонки.

— Орин, ты мне доверяешь?

— Да.

Я наклонил голову, чтобы попробовать посмотреть на него и узнать, смогу ли увидеть правду в его глазах, но я слишком запоздал и упустил реакцию, которая сопровождала его ответ.

— Если твой доктор прав, то шаги навстречу Коуву помогут всей системе. Когда всё успокоится, думаю, нас будет сдерживать меньше сопротивления. Я не думаю, что это всегда будет невозможно.

Он не ответил, и я осознал тот факт, что, наверное, расстроил его. Я старался не принимать это близко к сердцу и напомнил себе, что должен заботиться и о себе.

— Вон, — вскоре произнёс он.

— Да.

— Я очень постараюсь с Коувом. Я поговорю с ним и посмотрю, сможем ли мы с этим разобраться, — он сделал долгую паузу, после чего спросил: — Ты думаешь, когда-нибудь между нами это будет? В смысле, сердцем ты чувствуешь, что до этого дойдёт?

— Да, — без промедления сказал я. — И когда ты будешь готов и способен, я буду рядом, и мы будем заниматься любовью до восхода солнца. Я тебе обещаю.

Я почувствовал, как он улыбнулся, лёжа у меня на груди, и обнял его крепче.

«И если этот день никогда не наступит, я всё равно всегда буду рядом».

Я не озвучил свои мысли, потому что хотел, чтобы у него была надежда. Ради его же блага, я хотел, чтобы он верил.

Глава 25

— Я так нервничаю. Что, если они меня ненавидят?

Орин весь день выражал мне своё волнение. Это были первые выходные августа, и я официально забронировал ужин со своими родителями.

— Они не ненавидят тебя. Моя мама назвала тебя очаровательным.

— Нет, она назвала Коэна очаровательным. Я не очаровательный, я вспотевший, — он размахивал передом своей рубашки и перенаправил кондиционер в машине так, чтобы он дул полностью на него. — Пожалуйста, скажи мне, что дома у твоих родителей хорошие кондиционеры.

Из-за дополнительных шрамов на его руках, и его стремлении произвести хорошее первое/второе впечатление, он надел рубашку с длинным рукавом. Летняя температура, даже вечером, по-прежнему превышала грань тридцать градусов по Цельсию.

— Ты будешь в порядке. У них в дома очень холодно. Я всегда замерзаю, когда приезжаю в гости.

— Хорошо, — он вытер лоб и опустил козырёк с зеркалом, чтобы поправить свои волосы. — Я нормально выгляжу?

— Ты выглядишь великолепно. Перестань волноваться.

Он убрал зеркало на место и откинулся на спинку сидения.

— Они меня возненавидят. Я буду нервничать, а затем Коэн вырвется вперёд и украдёт шоу. Они его любят. Он очаровательный, — произнёс он с сарказмом и сморщенным носом.

Я рассмеялся над его поведением.

— Ты договорился со всеми, как говорил доктор Дельмар?

— Да. И они все согласились позволить мне сделать это. Без вмешательства.

— Хорошо.

За последние пару недель Орин делал честные усилия с Коувом. Это по-прежнему было свежо и крайне хрупко, но они разговаривали, что было больше, чем они когда-либо делали раньше. Ещё это позволило Орину начать делать то, что его терапевт называл «договорами» с его альтерами, чтобы убедиться, что все следуют правилам, когда ему это нужно. Простая вещь под названием «позвольте мне одному поужинать с родителями моего парня» была одной из этого.

— Тогда всё будет в порядке. Мама и папа оба понимают твоё состояние, если вдруг что-то выйдет из-под контроля.

Я не говорил ему, что моя мама держалась скептически, и я не был уверен, приняла ли она уже правду или нет. Несмотря на то, что она считала правдой, я знал, что она никогда за миллион лет не проявит неуважение или грубость по отношению к Орину.

Мы остановились возле их дома без пяти шесть. Солнце ещё было над горизонтом и сияло мерцающим светом на озере вдали.

— Ого, ты здесь вырос? Красиво.

— Это точно. В прошлый раз я показал Коэну часть пляжа на нашей территории, но весь задний двор был горой снега. Я могу показать тебе всё позже, если хочешь.

Орин кивнул, разворачиваясь кругом, осматриваясь. Прежде чем мы успели даже дойти до дома, входная дверь распахнулась, и моя мама вышла на передний двор.

— Вот и мой мальчик.

— Привет, мам, — сказал я, подходя ближе и держа за руку Орину.

Она по-доброму улыбнулась Орину.

— Приятно снова тебя видеть.

Орин тут же нашёл губу зубами.

— Мам, это Орин. На Рождество ты познакомилась с Коэном, помнишь?

Она закрыла рот рукой и выглядела искренне пристыженной за свою оговорку.

— Мне очень жаль, милый. Вон говорил мне, что ты приедешь. Очень приятно с тобой познакомиться.

— Всё в порядке, — с улыбкой сказал Орин. — Это честная ошибка. Вон делал её миллион раз.

— Эй, — я шутливо дёрнул его за руку. — Я так не делаю. Я довольно хорошо научился в тебе разбираться. Во всём тебе.

И это была правда. Хотя было много раз, когда я не замечал переключения и не понимал, что они были, пока не проходило много времени. Эти случаи всегда были моментами, когда я встречался с альтером, подражающим Орину и его поведению. Не намеренно, но потому, что иногда это было естественно для альтера — брать на себя определённые задания. Они часто проскальзывали незамеченными.

Мой папа появился вслед за мамой через несколько минут, щурясь поверх своих очков и рассматривая Орина так, будто должен был увидеть разницу между мужчиной, которого я привёз, и тем, с которым он встречался ранее. Не обнаружив её, он поприветствовал Орина с той же теплотой, которую проявила мама. У моего отца были добрые глаза и характерно редящие волосы, которые я надеялся никогда не унаследовать.

— Папа, это Орин. Орин, мой папа, Люсьен.

Они пожали друг другу руки, и Орин снова повернулся к моей матери.

— Простите, я не услышал ваше имя.

— Мартина, милый.

Орин улыбнулся.

— Очень приятно познакомиться с вами обоими.

Мы перешли в гостиную и расселись на диванах, пока ждали, когда приготовится ужин. Воздух наполнил аромат готового мяса, отчего у меня заурчало в животе.

— Вкусно пахнет, мам. Что ты готовишь?

— Запечённую баранину, с картошкой и морковкой.

— О, звучит великолепно.

Я скучал по готовке своей мамы, когда съехал. Хотя я умел прилично готовить и создавал относительно хорошие блюда, это никогда не могло сравниться со старой доброй домашней пищей. Может быть, всё решала новизна того, что работу делает кто-то другой.

— Разве ты не наедаешься? Я научила готовить обоих своих мальчиков.

— Я наедаюсь. Мне просто нравится, когда меня время от времени балуют.

Орин хохотнул.

— Я знал, что есть причина тому, что ты любишь постоянно оставаться на ужин.

— Ты готовишь, Орин? — спросил мой отец со своего места на диване, положив ноги на свой любимый стул.

— Эмм, — Орин переводил взгляд между моими родителями, а затем ответил честно, с румянцем на щеках. — Н-не особо, но... Тео готовит.

С этими словами, он опустил взгляд, перебирая пальцы.

— Тео? — конечно же, моя мама должна была спросить.

— Один из альтеров Орина любит готовить. Он готовит просто фантастическую еду. И да, — сказал я Орину, толкая его локтем, чтобы помочь ему чувствовать не такое

смущение. — Ты меня поймал. Я люблю готовку Тео и найду любой повод прийти и поесть. Плюс, компания тоже хорошая.

Мне удалось вытянуть из него улыбку, что я считал победой. Вместо того, чтобы поспрашивать об альтерах Орина, моя мама проявила достаточно уважения, чтобы сменить тему.

— Итак, Орин, чем ты зарабатываешь на жизнь?

Орин выпрямился, с большей уверенностью. В последнее время в этой теме он находил гордость.

— На данный момент я пишу книгу и надеюсь закончить её к концу года или в начале следующего. По крайней мере, что касается написания. Редактура займёт время. Ещё меня приняли в колледж на сентябрь. Я буду по большей части изучать литературу и английский. Не столько полный курс, сколько случайные лекции, которые меня интересуют.

— Книга! — мой отец изогнул бровь и поправил свои очки, внезапно больше заинтересовавшись разговором. Он был очень похож на Орина в том плане, что любил читать и изучать новые вещи. — О чём?

— На самом деле, обо мне. Я пишу биографию о том, каково жить с диссоциативным расстройством личности. Существует много недопонимания, и я надеюсь дать людям лучшее представление о том, на что это похоже.

— Готов поспорить, это будет интересно почитать. Я был бы не против купить себе копию, когда ты закончишь.

Орин засиял.

— Спасибо. Я определённо удостоверюсь, чтобы вы её получили.

После этого Орин открылся о своей страсти к писательству и о причинах посещения конкретных курсов в сентябре.

Когда мы собрались за обеденным столом на ужин, Орин значительно расслабился. Его волнение из-за знакомства с моими родителями давно прошло. Ужин был замечательным, и во время еды мы болтали на различные темы.

Как только мы закончили, моя мама подала кофе, и мы вернулись в гостиную, чтобы поговорить ещё.

— Итак, у меня есть новости, — объявил я, как только мы снова расселись.

Орин бросил на меня вопросительный взгляд со своего места на диване рядом со мной. Я ещё не делился с ним своим сюрпризом и решил сказать всем за ужином этим вечером.

— Во вторник утром у меня собеседование в «Криэтик» на должность в их креативной команде. Это начальная должность, и я вообще попал на собеседование только потому, что у Винни с работы есть друг, который работает там и замолвил за меня словечко. Но, эй, стоит попытаться.

«Криэтик» была одной из самых больших рекламных компаний в районе. Такой, которая растягивалась на весь юго-западный Онтарио. Это могла быть самая незначительная должность, но если я попаду, дорога будет только вверх.

Учитывая, что мои родители не знали, что я больше года несчастно корпел на работе в «Оливер Стар», они разделили взгляд замешательства и шока. Орин, с другой стороны, подпрыгнул от восторга.

— О боже, это так замечательно! — произнёс Орин, положив руку мне на ногу и улыбаясь от уха до уха.

— Я знаю. Я довольно-таки взволнован. Я не буду обнадёживаться, но кто знает.

— А как же твоя должность бухгалтера? Я не знала, что ты ищешь работу, — воскликнула моя мама.

— Я просто беспрестанно ищу себя и нуждаюсь в чём-то более творческом, чем весь день щёлкать по цифрам. Помните, я в прошлом году ходил на курсы маркетинга? — оба моих родителя кивнули. — Ну, мне понравилось. Я собирался продолжать ходить на вечерние занятия в следующем учебном году и продлить их на большее время. Если у меня уже будет работа, это будет ещё более потрясающе.

— И как это повлияет на твои финансы, если ты бросишь закрепившуюся должность ради начального уровня в другом месте?

Я тяжело вздохнул, ненавидя то, как мои волнующие новости сразу же раздавили.

— Не всегда дело в деньгах, пап. Я могу доработать до большего. Мне нужно что-то, от чего я буду счастлив.

— Это и важно, — приглушённым тоном произнёс Орин.

Я улыбнулся и взял его за руку, молча благодаря его за поддержку. Моя мама уловила мой защитный тон и пожала плечами.

— Звучит здорово. Надеюсь, всёйдёт хорошо. Тебе нужно будет держать нас в курсе новостей.

— Буду держать, — заверил я их.

— Итак, — моя мама заёрзала и отпила свой кофе, улыбаясь Орину. — Расскажи нам о себе, Орин. Вы с Воном встречаетесь уже какое-то время, но он мало что о тебе говорит. Где твоя семья? У тебя есть братья или сёстры?

От лица Орина тут же отлила вся краска, и его рука сжала мою так крепко, что я подумал, что он сломает мне пальцы. Из всего того, что могла спросить моя мама, она выбрала это. Но это было естественно при знакомстве с новым партнёром. Я слышал, как мои родители интересовались этим раньше. Это не должно было быть сюрпризом, вот только для Орина это была запретная тема. Это были вопросы, которые даже я не задавал за восемь месяцев наших отношений.

— Я н-не знаю, где моя с-семья, — его дыхание изменилось, и взгляд метался по комнате, будто он хотел сбежать.

— Мам, мы можем поговорить о чём-нибудь ещё? — я бросил на неё мрачный взгляд, пытаюсь молча выразить ей свои мысли. Хотя и с замешательством, она поняла намёк и решила, что нам нужно долить напитков, и ушла на кухню.

Разговор переключился на другие вещи, и, в конце концов, Орин снова успокоился. К девяти тридцати мы попрощались и отправились домой.

Когда мы шли к машине, солнце уже село. На небе начали появляться звёзды.

— Я так и не отвёл тебя к воде, — вслух заметил я, когда Орин открыл пассажирскую дверь.

— В другой раз. Я немного устал. Кроме того, — с усмешкой произнёс он, — кажется, пляж — это ваши с Коэном дела.

Вспомнив, как сильно Коэну понравилась наша поездка, даже когда я был сам не собой, я улыбнулся.

— Ты прав. Знаешь, он выглядит очень сексуально в «Спидо». Просто к слову.

Лицо Орина осунулось, и щёки залились таким тёмным оттенком румянца, что сияли в темноте.

— Я не хочу об этом говорить, — выдавил он и как можно быстрее сел в машину.

Я рассмеялся и сел рядом с ним. По его реакции я догадался, что откровенные плавки были найдены.

Я стал ночевать у Орина намного чаще с тех пор, как его выписали из больницы. Несколько ночей, когда я решал остаться в своей квартире, были случаями, когда я позволял себе перерыв. Зачастую это было, когда вперёд выходил Рид, и мы уставали друг от друга, или когда рядом был Тео. Мы с Тео хорошо ладили, но оба узнали, что это хорошая возможность провести время порознь.

Коув не появлялся со времён больницы. Орин рассказывал, что они регулярно разговаривают, и я мог только надеяться, что вместе они достигают прогресса.

Когда мы забрались в кровать, наши губы нашли друг друга, и мы разделили полчаса глубоких, страстных поцелуев. Мы всё ещё не заходили никуда дальше, и пришли к равновесию с вечерами менее интимных моментов.

Как только Орин скрутился рядом со мной, и мы нашли удобные позы для сна, я начал играть с его волосами, как делал каждую ночь.

— Как ты сбежал?

Я не думал, что нужно продолжать, и надеялся, что он меня поймёт. После неожиданных маминых вопросов, я решил, что сейчас лучшее время спросить. Я задумывался над этим долгое время, но слишком боялся озвучить.

Орин рисовал пальцами круги на моей груди.

— Я не совсем уверен. Эта часть мне не ясна. Думаю, это сделал Тео, но это было до того, как я обнаружил своё ДРЛ, так что я не знаю. По большей части моя жизнь — это размытое пятно, до шестнадцати лет. С тех пор я сам по себе. Живу здесь. Как до этого дошло — вроде как загадка. Я знаю, что тогда пытался добиться проживания в доме для инвалидов. Прыгал от одного доктора к другому, пока они ставили мне всевозможные диагнозы, от шизофрении до биполярного расстройства. Я знаю, они пробовали любые возможные лекарства, чтобы меня исправить, но помимо этого я мало что знаю. До шестнадцати лет всё просто тёмная дыра со случайными моментами ясности вперемешку. Не достаточно, чтобы сформировать должную картину.

Я стал отчётливо осознавать своё дыхание и его. В груди стало тесно, и сердце болело, пока я формировал следующий вопрос.

— Ты знаешь что-нибудь о своём детстве или всё... исчезло?

Он покачал головой на моей груди и крепче прижался к моему телу.

— У меня очень мало воспоминаний.

Может быть, это было к лучшему.

Глава 26

— Кофе готов? — крикнул из ванной Коэн.

— Да, и я уже налил тебе чашку.

Он вприпрыжку заскочил на кухню в узкой паре чёрного нижнего белья, с мокрыми и взъерошенными после душа волосами.

— Со сливками, без сахара? — спросил он, поднося чашку к губам, чтобы сделать глоток.

— Чёрт! — я забрал её, прежде чем он смог глотнуть, и вылил всё в раковину. — Не суди меня строго, вы, ребята, могли хотя бы кофе одинаковый пить.

Пока я переделывал его чашку, он встал позади меня и прижался своим почти обнажённым телом к моей спине, целуя мою шею.

— Нам нравится держать тебя в напряжении.

Так как я был в одних пижамных штанах, когда он прижался ко мне сзади, давление его полутвёрдого члена на мою задницу было более сильным.

Я поставил его чашку на тумбочку и потянулся рукой себе за спину, чтобы погладить его бедро и притянуть его ближе. Он поднялся по моей шее к уху и втянул мочку в рот.

— Клянусь, тебя невозможно удовлетворить, — выдохнул я.

Он хохотнул мне на ухо и поцеловал меня в висок.

— Хочешь ещё раз? У меня есть около часа до начала занятия. Я могу опоздать.

— Нет, — я отстранился от него и пошёл к холодильнику за сливками. — Ты не опоздаешь. Это важно для Орина.

Когда я развернулся, чтобы добавить в его кофе сливки, в награду получил сморщенный нос.

— С тобой не весело.

Я усмехнулся.

— Прошлой ночью ты говорил не это.

Он украл свой кофе и сделал несколько глотков, после чего вернул чашку на тумбочку. Он покачал бёдрами, демонстративно тряс задницей, пока уходил в коридор.

— Ладно. Видишь, что ты упускаешь?

Я не мог сдерживать смех. Для Коэна жизнь редко была серьёзной. Его беззаботное поведение всегда вызывало у меня улыбку.

— Я не знаю, что надеть, — крикнул он из спальни.

— Как это вообще возможно? На прошлой неделе ты весь день провёл в торговом центре.

Я пошёл за ним по коридору и прислонился к дверному косяку спальни, пока он перебирал все новые наряды, которые купил.

Орин ненавидел их все. Но так как они решили попробовать разделить опыт колледжа, он пошёл и на новый гардероб.

На кровати лежало три наряда; тёмные джинсы-скинни с бледно-розовым вязаным кардиганом, голубые джинсы-скинни с белой рубашкой и голубым шарфом, и чёрные джинсы-скинни с красной майкой с длинным рукавом и подходящей джинсовой курткой.

Единственным условием Орина было то, чтобы его руки были закрыты.

— Я голосую за наряд с кардиганом. Это больше всего на тебя похоже.

Засияла его улыбка, когда он взял свитер и джинсы.

— Согласен на сто процентов.

Он демонстративно оделся, убеждаясь, чтобы я получил шоу. Пока застёгивал джинсы, он выглядел крайне счастливым. Идея посещать колледж принадлежала Орину. Однако, его тревожила перспектива посещения занятий днём, когда там было намного болеелюдно. Когда Коэн выразил жажду общения и то, как сильно его привлекал этот аспект, они заключили сделку. До недавних пор Тео был единственным альтером, с которым Орин мог быть в параллельном сознании. За несколько недель до первого дня занятий, они с Коэном тоже достигли этого шага. Так что сделка заключалась в том, что пока Орин мог оставаться в параллельном сознании с Коэном, это Коэн может физически посещать учёбу. Следовательно, это была экспериментальная ситуация. Они заключили договор о том, как всё это будет работать, и согласились с правилами.

Было потрясающе видеть его прогресс за последние недели. Думаю, даже Орин был удивлён тем, какая преграда была создана, когда он попытался контролировать Коува и отключил его от системы.

Как только оделся, он вернулся в ванную, побрился — к большому разочарованию Орина, я был уверен — и закончил собираться.

Выскочив из ванной вскоре после этого, он встал в позу и поиграл бровями.

— Что думаешь? Я похож на сексуального студента колледжа?

Слишком сексуально, но как сказать это девятнадцатилетнему парню?

— Ты выглядишь невероятно. Сделай мне одолжение, постарайся не цеплять всех этих более молодых и горячих парней, пока ты там. Я становлюсь диким, когда ревную.

Он хохотнул и схватил свой уже собранный рюкзак.

— Зачем мне это делать? — он обвил рукой мою шею и притянул меня для поцелуя. Это не было быстро и не было целомудренно. Его язык переплелся с моим, и он лизал и с голодом сосал мои губы. Когда его рюкзак упал на пол, и его другая рука поднялась мне на шею, я со смешком отстранился.

— Ни за что. Тащи свою задницу за дверь.

Он по-доброму нахмурился и оставил ещё один поцелуй на моих сжатых губах.

— Я иду.

— И позволь Орину тоже там быть. Ты обещал.

— Хорошо.

С тех пор, как Орин научился быть в параллельном сознании с Коэном, нам троим нужно было заключить отдельную сделку. У нас с Коэном развились крепкие отношения, которые временами *были* сексуальными, и мы договорились — во всяком случае, на время — что Орин не будет присутствовать, когда такое происходит. Хоть связь между нами тремя изначально помогла Орину избавиться от большого стресса, это становилось совсем отдельной вещью. Мы с Орином обсуждали продвижение нашей близости вперёд и оба хотели, чтобы этот опыт был личным, когда наступит время.

Нестандартные аспекты наших отношений больше меня даже не тревожили. Со стороны это могло показаться странным, что у меня два отдельных партнёра, но для нас это было совершенно нормально. Судя моей группе поддержки в интернете, я был не одинок. Некоторые люди, с которыми я познакомился, поддерживали интимные отношения с четырьмя или пятью людьми в своей системе. Другие были преданы одному. Для каждого это было личное дело, и то, что развили мы с Орином, нам подходило.

Так как Коэн твёрдо решил, чтобы я не возил его в колледж, потому что хотел испытать полный опыт и планировал ездить на автобусе, я проводил его до двери. Когда снова начнёт падать снег, он передумает.

— Оу, — крикнул я ему вслед. — Сделай мне одолжение. Напомни Риду, что у нас футбольное свидание с Эваном в воскресенье.

Коэн сморщил нос от этой мысли. Спорт не был его любимой вещью.

— Да, напомню.

— Эй, — я позвал ещё раз, прежде чем он смог уйти.

Коэн развернулся, с толикой нетерпения на лице.

— Что?

— Я люблю тебя.

Черты его лица смягчились, и он подошёл обратно и последний раз меня поцеловал.

— Я тебя тоже люблю.

Как только он ушёл, я вернулся в комнату Орина и оделся на работу. Я преуспел в получении должности в «Криэтик» и на прошлой неделе начал стажировку. Меня наняли на испытательный срок, с контрактом, где было прописано, что я соглашаюсь продолжать учёбу и работать над степенью в маркетинге. Так платили меньше, но я не раздумывал над

тем, чтобы это принять. Мне нужны были перемены, и я сразу же с готовностью записался на два вечерних занятия.

После работы я на некоторое время отправился обратно в свою квартиру, чтобы заняться стиркой, сходить в душ и собрать вещи на вечер. Я планировал вернуться домой к Орину, чтобы узнать, как прошёл его первый день занятий. Он не писал мне, так что я мог только предполагать, что встречу с Коэном или с кем-то ещё.

Мне нужно было предложить Орину разрешить всем использовать его телефон. Неясность того, что я поеду к нему домой и не буду знать, с кем встречу, казалась ненужной пыткой.

Собрав несколько вещей, я закрыл дом и поехал через город. Несколько месяцев назад Орин дал мне ключ от своей квартиры. В то время я не чувствовал в этом необходимости, но так как я проводил там больше времени, было мило иметь этот ключ.

Я легко постучал и вошёл в дом. Было тихо, так что я скинул обувь и пошёл искать Орина. Был шанс, что дома его ещё нет. Он говорил, что поменяет некоторые свои занятия местами, и для этого ему нужно было сходить в администрацию после занятия.

Я заглянул в логово и обнаружил Орина за столом в углу, с открытым ноутбуком перед ним. Не было вопросов, с кем я столкнулся, когда я увидел, что он работает над своей книгой. Он глубоко задумался и не слышал, как я вошёл. Он сильно хмурился, глядя на экран. Видимо, он начинал новую главу, и единственное, что было написано, это заголовок: «Коув».

— Творческий кризис? — спросил я, пока не подошёл слишком близко и не напугал его.

Он удивлённо развернулся и захлопнул ноутбук.

— Привет. Да, эмм... — он повернулся к ноутбуку и задумался. — Просто пытаюсь понять, как кое-что объяснить. Дошёл до сложной части. Ничего такого.

Коув. Это была тема, на которую я больше не давил. Если он хотел поделиться своим прогрессом, то поделится, и он делился, но я не копался в этом.

— Как прошла учёба? Коэн довёл дело до конца?

Лицо Орина порозовело, и он провёл рукой по лицу.

— Да. Очень странно не быть впереди, но видеть, как всё происходит. С Тео мы похожи, так что это кажется естественным, но с Коэном... Он со всеми разговаривает. По крайней мере, он записал хорошие конспекты.

Я хохотнул.

— Я рад. Полагаю, к этому придётся привыкнуть.

— Да, наверняка.

Для него было целью добиться этого со всеми. До этого было ещё далеко, но каждый день был прогрессом.

— У меня в духовке есть мясной рулет, и пюре уже готово, если ты голоден.

Мой желудок ответил урчанием, и я втянул носом воздух, улавливая запахи приправленного мяса из кухни.

— Ты готовил?

Он рассмеялся, будто я произнёс самую нелепую вещь.

— Конечно, я присвою весь успех себе.

— Передай Тео «спасибо».

— Он говорит «пожалуйста».

Мы ели и разговаривали о нашем дне. Орин объяснил краткое содержание курса, которое получил, и что его будет ожидать в предстоящем семестре, а я рассказал о своей работе и о том новом, чему учился.

К вечеру мы закончили и по очереди сходили в ванную, после чего забрались в кровать. Орин лежал на боку и водил рукой по моей коже, пока я лежал лицом к нему. Желание, исходящее от его взгляда, было безошибочным. Я практически видел, как в его голове формируются мысли, и терпеливо ждал, пока он озвучит их.

Он прильнул и поймал мои губы, втягивая их в рот, немного посасывая, прежде чем лизнуть и поцеловать меня глубже. Его вкус был затягивающим, и я притянул его ближе, пока он свободно и спокойно всё исследовал. Наши языки скользили друг по другу, играя так, что подогревало мои чувства и вызвало у меня стон.

Затем он отстранился и посмотрел на меня с решительностью. Прошёл месяц с тех пор, как я всё притормозил. Он месяц общался с Коувом. Месяц был замечен прогресс во всех областях его внутренней системы.

— Мы можем кое-что попробовать? — спросил он, его голос едва ли был громче шёпота. — Не... в-сё это... эмм... просто, больше?

Моё сердце ответило на его слова и забилось быстрее. Мои вены наполнило тепло, пока я смотрел в его серо-голубые глаза, ища намёки на неуверенность. Я знал, что наступит время, когда мы попробуем снова, но было ли месячного прогресса достаточно? О чём *большем* он просил? С его петляющим способом объясняться, я знал, что он пока не хочет исследовать секс. Но был целый мир других вещей, на которые он мог ссылаться.

— Ты мне доверяешь? — спросил я, зная, что это ключ ко всему.

Его глаза заблестели, и он сердечно улыбнулся.

— Да, я тебе доверяю.

Впервые за год за его словами не было неохоты, и от волны эмоций у меня на глазах появились слёзы. Я сморгнул их и снова поймал его губы, целуя их со всем сердцем.

Игнорируя свою нервозность, я позволил своим рукам путешествовать по его груди, пока он в ответ исследовал мою. В тот раз, когда всё развернулось плохо, я был в процессе изучения того, что ему нравилось.

Я перевернул Орина на спину и оседлал его талию, не отрываясь от его губ. Пока наш поцелуй становился жарче, я отстранился и посмотрел в его счастливые, мечтательные глаза.

— Останься со мной. Я хочу исследовать то, что делал в прошлый раз, но не хочу тебя потерять.

Он кивнул.

— Рид близко, но я сказал ему, что всё в порядке. Я в порядке.

— Тебе нужно только попросить меня, и я остановлюсь.

— Я знаю.

Доверие в его голосе было тем, чего всегда не хватало. Слыша это, я знал, что Орин не позволит нам зайти дальше, чем может справиться. Я только надеялся, что не спровоцирую беспорядок.

Вместо того, чтобы снова его поцеловать, я провёл губами по его челюсти к шее. Я целовал и посасывал кожу прямо за его ухом, откуда начал в предыдущий раз. Он выдохнул с тихим стоном, и я опустил ниже и провёл зубами по его ключице. Прокладывая дорожку из поцелуев по его груди, я замер на его соске, который уже затвердел в предвкушении.

Я провёл языком по поверхности соска и втянул его в рот, слегка посасывая. Орин ахнул и выгнул спину, как только я сделал это, и я поднял взгляд на его лицо, чтобы продолжать наблюдать.

Его глаза закрылись, и ярко-розовые губы были приоткрыты. Он облизнул их и простонал, когда я снова щёлкнул языком по его соску. Удовольствие на его лице было самой прекрасной вещью в мире.

Некоторое время я держался на одной стороне, после чего протанцевал поцелуями по его груди и начал играть с другой стороной.

— Вон, — на выдохе прошептал он.

— Тебе нужно, чтобы я остановился?

Он с уверенностью покачал головой, после чего поднял голову и посмотрел вниз. Он затвердел от моих манипуляций.

Отчётливая выпуклость его члена была очевидной под его пижамой, и я провёл рукой по внешней стороне его бедра, наблюдая за этим. Со следующим движением по его бедру, я поднял руку к верху его ноги, позволяя своему большому пальцу подобраться ближе.

Я не знал, как далеко могу зайти, или как далеко он хотел, чтобы я зашёл, так что я поднял вопросительный взгляд, ища подсказки.

Я получил только похоть и голод, исходящие из его взгляда, поэтому спросил:

— Можно тебя коснуться?

Кивок был едва ли заметным, но он был, и я это видел. Он опустил голову, и его глаза снова закрылись. Не было никаких мелькающих признаков тревожности, так что я вернулся с поцелуями к его груди, вокруг пупка и заканчивая у пояса его штанов.

Не желая предполагать границы того, какие прикосновения будут нормальными, я начал осторожно, поднимая руку с его ноги и проводя ею вверх по внутренней стороне его бедра. На третьем поднятии вверх, я провёл большим пальцем по его яйцам через штаны, и он снова ахнул, напрягая все свои мышцы.

Следя вполглаза за его реакцией, я снова поднял руку выше и скользнул по его твёрдому члену. Одно действие не только вызвало у него больше звуков удовольствия, но и заставило отреагировать моё тело. По моей коже пробежался щекочущий жар и опустился ниже, делая твёрдым мой собственный член, который болел от жажды прикосновений. Я игнорировал его, сосредотачиваясь на Орине и новых шагах вперёд, которые мы делали.

Я несколько раз погладил его через штаны. Долгими, медленными движениями, пока наблюдал за удовольствием, охватывающим всё его тело. Знать, что это я доставляю ему это удовольствие, было сокровищем, которое я никогда не приму как должное. Когда я понял, что ему комфортно, я вернулся к лизанию и поцелуям кожи вокруг его соска, пробуя на вкус его кожу и сосредотачиваясь на том, чтобы вытянуть из него каждый возможный звук.

Через несколько минут Орин начал двигаться в такт моим движениям, молча моля о большей скорости, потираясь о мою руку. Я отчаянно хотел снять с него штаны и взять его в руку, но оставался осторожным.

Сохраняя ровный ритм поверх его одежды, я поднялся вверх по его телу и переместился поцелуями от его шеи к губам. Когда мы встретились, он накинута на мои губы так, как никогда раньше. Я целовал его крепко, сталкиваясь с его зубами своими и посасывая его язык, пока гладил его снова и снова. Когда он начал тяжело дышать и дрожать, не в силах целоваться или восстановить дыхание, я отстранился и наблюдал за ним.

Я провёл рукой вверх по его члену и залез пальцами под резинку его штанов. Там я остановился.

— Можно? — спросил я.

Он дрожал подо мной, его губы покраснели и опухли от нашего поцелуя. Он был необычайно красив.

— Да, — задыхаясь, произнёс он.

Я проскользнул рукой под его штаны и снова взял его член в руку. Как только я сделал это, он вскрикнул и уткнулся лицом мне в шею. Головка его члена была липкой от спермы, с каждым движением добавляя скольжения.

Я приблизился губами к его уху и втянул в рот мочку его уха, покусывая и посасывая, пока его тело дёргалось и молило о большем.

Каждое движение вызывало ровную нить стонов. Я знал, что он близко, и не знал, как он справится с оргазмом. Отчасти я боялся, что это вызовет у него истерику, но знал, что пути назад нет.

— Орин, отпусти себя. Я тебя держу. Всё в порядке.

Он вцепился в меня мёртвой хваткой, впиваясь пальцами в мою кожу, чем ближе подступал оргазм. Я увеличил скорость, продолжая шептать слова поощрения, убеждаясь, что он знает, что всё в порядке, и он в безопасности.

Он переступил грань с криком, пульсируя и изливаясь мне в руку, пока я проводил его через каждую унцию его оргазма. Видеть и слышать его удовольствие было прекраснее, чем я когда-либо представлял, и я поцеловал его ухо и держал его рядом, пока экстремальные ощущения проходили, и он успокаивался.

Он рухнул на кровать и поднял на меня неверящий взгляд. Он задыхался, и его щёки порозовели.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Да, — на дрожащем выдохе произнёс он. — Вау.

Я улыбнулся, пока он с трудом искал слова. От него исходило свечение после освобождения, и я оглядел его всего.

— Боже, ты самый красивый. Я так сильно люблю тебя.

Он поднял руку к моей щеке и притянул меня для ленивого поцелуя, который не мог контролировать. Я хохотнул от его истощения.

— Ты такой потрясающий, — произнёс я ему в губы.

Он убрал прядь волос с моего лица и потерялся в моих глазах. Его глаза блестели с чрезмерным обилием эмоций, каких я никогда не видел раньше. На их поверхности появились слёзы, но он сморгнул их. Они были не от страха или неуверенности. Он излучал только радость и удовлетворение.

— Я люблю тебя, Вон, — прошептал он, слова застревали у него в горле. — Я знаю, что никогда не говорил этого раньше. Э-это тяжело для меня... никто никогда... В смысле... ты...

Я провёл большим пальцем по его нижней губе, успокаивая его и всё обдумывая. Я никогда не думал, что эти слова когда-нибудь слетят с его губ. От них перехватывало дыхание.

Мы снова поцеловались, не спеша и наслаждаясь связью. Когда Орин отстранился, его взгляд наполнила серьёзность.

— Спасибо тебе, — сказал он.

— За что?

— За то, что ты так терпелив со мной.

Я хохотнул и коснулся его губ ещё раз, прежде чем сказать:

— Лучшие вещи стоят ожидания.

— Я действительно люблю тебя, — снова сказал он, обхватывая моё лицо руками.

— И я действительно люблю тебя.

Его улыбка была чистой, и мы потерялись друг в друге ещё ненадолго, после чего он опустил взгляд и прикусил губу.

— Эмм... я немного в беспорядке. Нужно пойти почиститься.

Я рассмеялся и поцеловал его в нос.

— Иди.

Он выбрался из кровати, пока я поправлял настойчивую боль в собственных штанах. Заметив это, он остановился.

— Нет. Иди мойся. Один шаг за раз. Я переживу.

Он не казался счастливым от этого ответа, но это было единственное, что он получит. Я предпочту временный дискомфорт вместо того, чтобы портить хорошую ночь. Орин сделал огромный скачок вперёд, и именно это считалось. Мы зашли туда, куда никогда не считали возможным, и я знал, что со временем и терпением мы исследуем больше.

Глава 27

Сентябрь наступил и быстро прошёл. С моей новой работой, вечерними занятиями и учёбой Орина, мы были заняты. Большинство ночей мы проводили вместе, осторожно относясь к тому, что исследовали. Орин был способен повторить опыт, но мы не зашли дальше.

Медленно и безопасно.

Наши дни были разбиты и разделены между альтерами. Чем ровнее всё разыгрывалось, тем лучше был наш уровень стресса. Мы с Ридом посвящали воскресенья футболу. Мы ходили к Эвану, чтобы выпить пива и потрепаться. Иногда мы ходили в бар, поиграть в бильярд. Коэн крал меня по пятницам и временами по утрам в будние дни, когда я оставался ночевать. Тео был человеком дела, и если я оставался рядом достаточно времени, я улавливал то, как он готовит блюда, убирается или занимается различными делами по дому.

Рейн был непредсказуемым, показываясь в случайное время. Его визиты были не такими частыми, и их по-прежнему провоцировали события, которые его интересовали, но мы справлялись. Мы делили любовь к мультикам, и если я включал их по телевизору по утрам воскресенья, на некоторое время я оказывался в его компании.

Коув не появлялся со времени нашего недавнего инцидента. Когда я спросил о нём, Орин заверил меня, что всё идёт хорошо.

В первый вторник октября я проверил свой телефон, выходя с работы. Орин всё ещё ходил по вторникам на терапию, и я часто получал подтверждение, когда его приём заканчивался, но мой телефон молчал весь день. Придирчивое семя переживания пыталось разрастись в моём животе, но я оттолкнул его в сторону. Прошло много времени с тех пор, как терапия провоцировала Коува на грусть. За недавние недели Орин дал разрешение всем — кроме Рейна — использовать его телефон, чтобы писать мне — учитывая, что они будут подписываться. Я уже отвык от тишины.

Я поехал к Орину, не в силах избавиться от беспокойства, но говорил себе, что он, наверное, просто занялся писательством и забыл написать. Заехав на подъездную

дорожку, я выскочил из машины и вошёл в дом без стука, готовясь к проблеме, но неуверенный, какая это может быть проблема.

Закрывая за собой дверь, я услышал тихую музыку откуда-то из дома. Мягкое звучание акустической гитары. Печальная мелодия, которая трогала моё сердце. Я не мог сказать, была ли это запись или телевизор, как и не мог сказать, откуда идёт звук, так что сбросил обувь и пошёл за ним.

Звук остановился, а затем с большей уверенностью прозвучали те же несколько аккордов и нот. Музыка исходила из спальни. Оказавшись у двери, я остановился, наблюдая и слушая мужчину перед собой.

Он был одет во всё чёрное и сидел на полу в углу, перебирая струны гитары на своих коленях. Рядом на полу лежала пачка сигарет и зажигалка, вместе с несколькими листами бумаги. На каждом из его пальцев было кольцо, и на шее висели цепочки.

Он не заметил меня, так что я открыл дверь шире, чтобы привлечь его внимание. Он поднял взгляд и нашёл мой.

— Привет, — его голос был низким и сиплым, именно как я и думал.

— Давно не виделись, — сказал я, проходя в комнату и садясь на край кровати.

Он опустил свою гитару, положив её себе на колени. Тогда я увидел надпись вдоль его рук, поверх его шрамов. Татуировка?!

«Вот чёрт. Не говори мне, что ты сделал татуировку. У Орина будет истерика».

Должно быть, я выглядел заметно шокированным, потому что он с отрешённым взглядом провёл рукой по татуировке.

— Расслабься. Это хна. Мы кое-что пробуем.

«Кое-что пробуем?»

Орин думал о татуировке?

— Что там написано? — спросил я, вытягивая шею и пытаюсь прочитать.

Он поднял руку вверх, наклоняя ко мне. Надпись была сделала курсивом и тянулась от изгиба его руки до запястья, в две линии слов.

«Вместе мы сильны».

«Вместе мы выживем».

— Ему понравилась цитата. Мы вместе выбрали место. Теперь ходим с этим, пока татуировка не смоется, и решим, делать ли её постоянной, — Коув посмотрел на слова и провёл пальцем по буквам.

Я опустил на пол и взял его за руку, читая снова.

— Думаю, это очень мощно. Это ты придумал?

— Да. И если я набью её здесь, — он снова коснулся надписи, — может быть, не буду так склонен испортить её, знаешь?

— Это умно. Что насчёт этой руки? — я слегка дотронулся до него, проводя пальцами по шрамам другой руки.

— Всё ещё ищу. Ещё не решил.

— Не терпится увидеть, что ты придумаешь.

Он пожал плечами, отмахиваясь от моего комментария, перебирая листы вокруг себя. Присмотревшись ближе, я заметил, что это исписанные от руки листы с музыкой

— Я слышал, как ты играл. У тебя хорошо получается.

— Нормально получается. Купил сегодня эту гитару. Хорошая сделка с Музыкальным центром Эрика.

Он ходил по магазинам? Я был так впечатлён, что не знал, что ответить. На нём была одежда, которую я никогда не видел раньше, так что я подозревал, что он походил и

по магазинам с одеждой. Всё это казалось новым: украшения, одежда и инструмент. Он был совершенно новым человеком по сравнению с нашей прошлой встречей.

По сравнению с Коувом, с которым я столкнулся несколько месяцев назад, он казался... нормальным. Хотя он не был необычайно счастливым и от него всё равно исходила тёмная депрессивная аура, он не сходил с ума, не в силах справиться с переполняющей ненавистью к себе, которая съедала его заживо.

— Ты и в торговый центр ходил, не так ли? — произнёс я, с усмешкой указывая на его одежду. — Похож сам на себя.

Он провёл рукой по своей чёрной майке и подавил улыбку.

— Да. Мы решили, что вторники после терапии могут быть моими. Моим временем. Моим пространством. Чтобы я делал своё, знаешь. Например, играл на гитаре.

Я был в восторге от того, что слышал.

— Это просто отлично. Прости, я не знал, что у вас были такие планы, — я встал с пола. — Думаю, иметь своё личное время просто потрясающе. Мне не нужно висеть у тебя над душой, пока ты этим наслаждаешься. Я пойду.

Я тепло улыбнулся ему и пошёл к двери.

— Вон, — крикнул он мне вслед.

— Да?

— Хочешь послушать, что я написал?

Грустный взгляд, с которым он смотрел на меня, казался практически изголодавшимся по компании. Я был в шоке от приглашения, но ни за что не мог ему отказать. Если Коув хотел попробовать подружиться, я сделаю что угодно, чтобы помочь ему это осуществить.

— Да, чёрт возьми.

Он поправил свою гитару, пока я возвращался к кровати, чтобы сесть. Он дёрнул за несколько случайных струн и скользнул пальцами по грифу, на мгновение задумавшись.

— Ладно, но я ещё не закончил, и всё очень сырое, так что... да... плевать, просто не суди меня слишком строго.

«Я никогда не буду судить тебя».

— Что бы ты ни сыграл, это будет в миллион раз лучше, чем то, что могу сыграть я, так что давай послушаем.

Он кивнул и сделал глубокий вдох, после чего закрыл глаза и начал.

Мелодия плыла гладкими длинными предложениями, пока он наигрывал её, и ему становилось комфортнее играть для зрителя. Это была та же мягкая мелодия, которую я слышал раньше; тихая и с толикой грусти.

Это было красиво.

Когда он начал петь, у меня перехватило дыхание. Я понятия не имел, что он так умеет. Его голос был глубоким и хриплым, как обычный разговорный голос Коува, но наполненный эмоциями настолько, насколько мне не верилось. Он не открывал глаза, и я почти подумал, что он забыл, что я здесь. Каждое слово царапало мне сердце, и черты его лица отражали боль, стоящую за его историей.

*Возьми меня за руку, веди меня за собой,
Будь моим другом, и мы будем общаться.
Борись с демонами рядом со мной,
В темноте мы не можем спрятаться.
Мир меняется.*

*Когда луч солнца меня осветит,
Я обнажу тебе свою душу.
Разорви эти путы, это меня освободит,
Ведь я должен быть таким, как я слышу.
Мир меняется.*

*В голове больше нет никакого яда,
Все штормы я смогу преодолеть.
Не держи меня, дай улететь от взгляда.
Я не буду ни о чём жалеть.
Мир меняется.
Наш мир меняется.*

Он остановился и снова открыл глаза. Когда наши взгляды встретились, я поймал намёк на уязвимость в глубине его глаз, прежде чем он пожал плечами.

— Пока что это всё, что у меня есть. Всё ещё разбираюсь с этим.

По моему лицу текли слёзы, и я вытер их в ту же минуту, как заметил, что из-за моего проявления эмоций Коуву тяжело на меня смотреть. Напряжение за каждым словом, которое он пел, хватало меня за душу и не отпускало. Слышать, как эти слова льются из его сердца, было надеждой, на которую я молился с тех пор, как несколько месяцев назад увидел внутреннюю боль Коува.

Передо мной был мужчина, который сделал большие шаги вперёд. Он хотел быть лучше и для осуществления этого старался так же сильно, как и Орин. Мне хотелось обнять его, но я сдерживался, потому что наши границы не были ясно определены. Мы всё ещё были новыми друг для друга.

Он положил гитару на пол рядом с собой и взъерошил свои волосы. Он сложил свои листы в стопку и подхватил сигареты и зажигалку.

— Я пойду покурю.

Он достал две сигареты из пачки, положил одну за ухо, а другую зажал между губ, прежде чем встать. Он пошёл по коридору, но я не стал идти следом. Меня по-прежнему окутывала песня, я пытался вернуть свои эмоции в порядок.

— Ты идёшь? — крикнул он из кухни.

Пока Коув принимал мою компанию, я не хотел отказывать ему и пошёл за ним на улицу.

Был прохладный октябрьский день, но не достаточно холодный, чтобы надевать куртку. Дул ветер, взъерошивая мне волосы. Коув оперся на забор и опустил голову. Он закрывался от ветра рукой, пока прикуривал сигарету. Я знал, что Орину не нравится, что он курит, и он жаловался на гнусный привкус, который оставался часами, но я молчал. Сейчас он имел больший контроль над своей личностью, чем я когда-либо видел, и если он хотел курить, я не мог спорить.

Кроме того, это был не мой дом.

Он смотрел на землю, пока выдыхал дым, будто потерявшись в своей голове. Я прислонился к дому напротив него, неуверенный, какую компанию он ищет. Он хотел, чтобы я завязал разговор или просто был рядом?

После очередной долгой затяжки сигаретой, он поднял подбородок и посмотрел на моё лицо. Тьма в его глазах и нераскрытые страдания по-прежнему были там. Он не улыбнулся.

— Спасибо тебе, — пробормотал он.

— За что?

Он казался раздражённым от того, что я спросил, и выдохнул, разрывая наш зрительный контакт и сосредотачиваясь на земле. Он пнул траву и сжал губы.

— Коэн сказал, что это ты сделал.

— Это только частичная правда. Я только выразил свои наблюдения, вы, ребята, сделали остальное.

Из предыдущих разговоров я знал, что Коэн единственный альтер, который может сблизиться с Коувом. У них была собственная связь, и хоть из-за этого Коэн иногда защищал поведение Коува, ещё это помогало Орину преодолеть их различия и образовать связь.

Губы Коува сжались в линию, и мне показалось, что я увидел, как его лицо морщится, но он развернулся ко мне спиной. Рискуя быть отверженным, я подошёл сзади и положил руку ему на плечо, которое дрожало под моим прикосновением, и мгновение спустя он всхлипнул и откашлялся.

— Я больше не хочу жить в тюрьме.

— Я верю, что не будешь.

Он повернулся, и от сопротивления, пока он сдерживал слёзы, его челюсть напряглась.

— Ты хороший человек. Мы не хотели в это верить. Но это действительно так.

Он бросил бычок от сигареты на землю и переминался с ноги на ногу.

— Я надеюсь, что мы можем быть друзьями, Коув. Я только хочу помочь.

Он задумался над этими словами, а затем потёр нос и снова отвёл взгляд.

— Ты действительно любишь его?

«Его? Кого его?»

Когда я не ответил, он посмотрел обратно на меня и объяснился, будто прочитав мои мысли.

— Коэна. Ты действительно любишь его?

Вспомнив, что время от времени у Коэна и Коува близкие, интимные отношения во внутреннем мире, я переживал, что переступлю границы и могу задеть его чувства.

— Да, но Коэн только одна часть целого, Коув, и ты это знаешь. Выбирать войти в ваши жизни значит выбирать любить не одну часть, а всю систему вместе.

— Но мы не знаем друг друга. Как ты мог принять такое решение, даже не зная всю систему?

Я не был уверен, как он отреагирует, но потянулся и коснулся его руки.

— Потому что когда ты любишь кого-то, ты любишь не только хорошее, отключая чувства, когда всё сложно. Это так не работает. Когда ты влюбляешься, ты принимаешь кого-то целиком и полностью.

— Ты имеешь в виду, включая недостатки. Я недостаток.

— Нет, — я повернул его за подбородок к себе. — Ты уникальная и замысловатая часть целого. Ты просто не нашёл своё место, но найдёшь. И я сделаю всё, что смогу, чтобы поддержать тебя.

Он кивнул и снова опустил взгляд на землю.

— Коэн сказал мне доверять тебе. Он сказал, что ты настоящий.

— Надеюсь, ты сможешь найти в себе силы поверить ему.

— Какого чёрта! Переключи обратно, придурок, это была середина игры. Дождись рекламы, — рычал Эван на Рида.

— Это была третья часть и двадцать одно очко, расслабься. Мустанги только что забили, мне нужно знать, что произошло.

Я наблюдал, как Рид держит пульт подальше от Эвана, пока тот пытался его схватить. Эти двое пререкались с начала игры. Не дай бог, чтобы их любимые команды играли в одно время и против друг друга. От таких просмотров кружилась голова.

Не было никаких компромиссов.

Мгновение назад Рид видел счёт Денвера мельком внизу экрана, и так как он изменился с последнего раза, Рид не мог дождаться, когда узнает причину этого.

— Ты забираешь половину моего времени, я заберу твоё, — предупредил Эван, отталкивая смеющегося Рида в сторону.

Оказалось, что Эван и Рид очень хорошо ладили. Это были более или менее отношения любви-ненависти. Они оба обожали всевозможный спор, но не соглашались насчёт команд. Воскресенья были весёлыми, мягко говоря.

— Вон, скажи своему бойфренду переключить канал обратно.

Это заработало ему удар в плечо.

— Я не его чёртов бойфренд.

— И я не вмешиваюсь, — заявил я, опуская свой взгляд обратно в книгу, которую читал. Было невозможно следить за обеими играми, так как больше времени они тратили на споры и переключение каналов.

Смягчившись, Эван встал с дивана и собрал наши пустые бутылки, после чего пошёл на кухню за очередной порцией пива.

— Что ты читаешь, что важнее футбола?

— Всякое, — пробормотал я, не поднимая взгляда.

— Всякое? — Эван протянул мне новую бутылку пива и наклонил голову, чтобы увидеть обложку.

Игра сменилась на рекламу, и Рид тоже взял у Эвана пиво, пока объяснял:

— Он решил, что мы проект, который нужно разобрать по косточкам.

— Вы не проект. Я читаю, чтобы лучше знать, как справляться с твоей раздражающей задницей.

Рид усмехнулся и сделал глоток пива, но я не упустил вспышку одобрения, которая промелькнула в его глазах. Чем больше времени мы проводили вместе, тем больше он видел и понимал, что у меня в сердце только то, что лучше для них. Его доверие ко мне росло.

Мы стали хорошими друзьями и проводили много времени вместе, укрепляя эту связь.

— Ещё больше дерьма про ДРЛ. Ты изучаешь это около года, ты разве ещё не всё знаешь? — спросил Эван, усаживаясь обратно на диван рядом с Ридом.

— Мы сложные, — смеясь, объяснил Рид. — Вон просто ещё не понял, что эти книги все общие.

— Я это знаю, — сказал я в свою защиту.

Эван переключил телевизор обратно на свою игру, как раз когда запищал его телефон. Он вытащил его и улыбнулся как дурак.

— Кристина уже едет, — воскликнул он.

Полный любви взгляд в его глазах был новым. Они встречались рекордное для Эвана время, и чем дольше были вместе, тем больше я был уверен, к чему всё идёт.

— Она приведёт свою подружку? — спросил Рид.

— Кого, Бекку? Нет, думаю, она работает.

Я проигнорировал взгляд разочарования в глазах Рида. Наверное, это был самый большой камень преткновения между нами. Хотя он подчинялся правилам Орина насчёт отношений, это не останавливало его от флирта и выражения интереса к красивым женщинам. Между нами с Ридом стояли строгие границы не прикосновения, так что я не мог пристроиться к нему и, образно говоря, пописать ему на ногу, чтобы пометить как свою собственность. По большей части я стискивал зубы и терпел это. Рид знал, что меня это беспокоит, и, думаю, делал это скорее для того, чтобы меня донимать. Я научился контролировать свою реакцию и не показывать никаких признаков раздражения. От этого было только хуже.

— Когда свадьба? — спросил я Эвана.

Эван изогнул бровь, не попадаясь на удочку.

— Ты мне скажи, любовничек.

Я рассмеялся и покачал головой, возвращаясь к своей книге. Их игра возобновилась и украла внимание обоих мужчин, с которыми я сидел на диване.

Так как они переключались на примерно десятиминутные интервалы между играми, наступила очередь Рида, и Эван превратился в занозу в заднице и оскорблял каждое движение Мустангов, упорно болея за противоположную команду. Они смеялись и пререкались, пока не раздался звонок в дверь, и внимание Эвана не было украдено.

В ту минуту, как я обнаружил, что Кристина становится намного важнее футбола, я понял, что Эван безнадёжен. Должна была начаться четвёртая четверть, и Детроит шёл нос к носу с Новой Англией, и всё же Эван потерял весь интерес к своей игре.

Рид захватил телевизор и разлёгся на диване, когда Эван и Кристина ушли на кухню.

Вскоре я почувствовал жар взгляда Рида и поднял взгляд от своей книги.

— Что? Почему ты смотришь на меня?

— О чём именно ты читаешь?

Я удерживал его сосредоточенный взгляд и снова опустил глаза на страницу.

— Это глава о том, как балансировать свои отношения с альтерами, когда состоишь в отношениях с человеком с ДРЛ.

Я ждал его реплику, ожидая, что он оскалится и посмеётся над моей необходимостью так тщательно изучать состояние. Этого не произошло.

— Тебе не нужно это дерьмо. Доверься себе. Ты хорошо справляешься.

Он повернулся обратно к игре. Его заверение значило для меня больше, чем он знал. Как бы сложно ни было формировать связь с Коувом, и каким бы отдалённым ни казался иногда Тео, это Рид доверял мне меньше всего, и его тяжелее всего было сломать.

Он за секунды потерялся в своей игре, а я наблюдал за ним. Последние несколько месяцев он выходил вперёд только в редких случаях, и по большей части эти случаи не имели отношения к тому, что делал я. Когда мы с Орином больше исследовали интим, Орин объяснял, что Рид часто бывает близко, но он слушал Орина и не вмешивался.

— Рид?

— Да? — ему понадобилась секунда, чтобы отвернуть голову от игры и встретился со мной взглядом.

— Ты мне доверяешь?

Он казался ошеломлённым моим внезапным вопросом и сделал паузу, глядя на меня.

— Да. Доверяю.

От его слов у меня потеплело на сердце, и я улыбнулся.

— Спасибо.

Он не был любителем трогательных моментов и заёрзал от дискомфорта.

— Нет, приятель, тебе спасибо. Серьёзно.

Затем, потому что момент был больше, чем он мог справиться, он вернулся к своей игре и изобразил интерес.

Глава 28

Была середина декабря, и я пытался убедить Орина позволить мне затащить его в торговый центр, несмотря на сумасшедшее количество покупателей, которые суетились вокруг и готовились к Рождеству, но я проиграл эту битву и вместо этого оказался в компании Коэна. Я не спрашивал, знает ли Орин, что происходит, решив, что это их дело. Они всё больше и больше достигали параллельного сознания. Это значительно помогло бы Орину не терять столько промежутков времени в своей жизни. Но ещё он уважал наше с Коэном уединение.

— Что именно мы ищем? — спросил Коэн, пока я вёл его за руку через шумную толпу.

— Рождественскую ерунду. Ёлку, подарки, украшения.

Коэн застыл на месте, останавливая меня. Я развернулся посмотреть, почему.

— Но мы не празднуем Рождество. Никогда не праздновали.

Часть меня это знала, помня предыдущий год и присутствие в их доме на Рождество. Я тоже не был особым любителем праздников, и, не считая ужина со своей семьёй, я нечасто что-то делал, но этот год будет другим.

Хоть мы официально не съехались, я всё реже и реже ночевал в своей квартире. Вскоре эту тему нужно будет поднять.

— Есть конкретная причина?

Я задумался, могут ли быть воспоминания, спровоцированные праздниками, но понаблюдав и послушав разговор Орина, я получил представление, что он просто не трудился этим заниматься, потому что ему не с кем было праздновать.

— Нет. Не особо. Но почему сейчас? Нам не нужно праздновать Рождество, — Коэн выставил бедро и положил на него руку. Этот жест полностью отражал его и вызывал у меня улыбку.

— Может быть, нам с тобой не нужен праздник, но есть кто-то, кто заслуживает Рождество и всё, что с этим связано.

Я потянул его за собой в магазин игрушек в дальнем конце магазина. Когда кусочки пазла сошлись, Коэн снова остановил меня, криво улыбаясь.

— Рейн?

— Бинго. Теперь помоги мне.

Следующие два часа, мы выбирали игрушки, которые понравятся Рейну, подходящие маленькое дерево елки, и несколько украшений для дома. Плюс, мы убедились, чтобы у Рейна был носок для подарка Санты. Я намеревался убедиться, чтобы у него был идеальный рождественский опыт.

Пока мы выбирали маленькие конфеты в дождике для того, чтобы заполнить носок, раздался возглас компании мужчин.

— Орин!

Я бросил взгляд в конец прохода и заметил, что к нам подходят трое молодых мужчин. Один нёс несколько рулонов оберточной бумаги, а другие шли с пустыми руками.

Встретившись взглядом с Коэном, неуверенный, как он справится с недопониманием, я был вознаграждён подмигиванием и толчком в бок.

— Привет, Дэниел, Гео.

Когда он не назвал третьего мужчину, я предположил, что он может его не знать.

— Праздничный шоппинг? — спросил мужчина с обёрточной бумагой.

Коэн фыркнул, глядя на него, что лично я получал в прошлом больше раз, чем мог сосчитать.

— Очевидно.

— Ты уже видел свои оценки за предмет мистера Питера? Он сегодня утром выложил окончательные отметки в интернете.

— Не может быть! — Коэн вытащил свой телефон, и трое мужчин собрались вокруг, пока он щёлкал и открывал оценки.

Просто наблюдая за этим и видя, как Коэн взаимодействует с мужчинами, намного более близкими к его возрасту, я вспомнил, насколько он действительно молодой. Зачастую я забывал. Он так легко вписался в учёбу Орина, что я был рад, что они решили разделить этот опыт.

Как только мужчины поговорили и подтвердили оценки, Коэн вернулся обратно, сияя.

— О, эй, ребята, это Вон, мой парень.

Я с уважением поприветствовал каждого мужчину, узнавая, что третьего зовут Джордж, и он брат Гео.

— Приятно с вами познакомиться.

Мы ещё немного поболтали, после чего разошлись в разные стороны. Как только мужчины исчезли, интерес Коэна вернулся к выбору шоколадок для Рейна.

— Тебя беспокоит, когда они не знают, кто ты на самом деле? — спросил я.

Коэн пожал плечами.

— Нет, не особо. Я настолько же Орин, как он — я, даже если мы разные.

— У меня кружится голова, когда ты пытаешься это объяснить. Но я понимаю.

Он хихикнул, как мог только Коэн, и чмокнул меня в щёку.

— Что насчёт снеговика из зефира?

— Лишь бы мне не нужно было есть это вместе с ним. Бери. Как ты справился с уроком мистера Питера?

Коэн с гордостью поднял подбородок.

— Девяносто три процента. Вот так!

— Ага, это не твоя оценка, а Орина. Но ликуй сколько хочешь.

Наш поход по магазинам растянулся на часы. Мы сходили на ланч и ходили от магазина к магазину, тратя слишком много денег, но отлично проводя время вместе.

Я не обсуждал свои планы с Орином и надеялся, что он нормально воспримет моё решение.

Когда мы вернулись домой, Коэн остался и помог мне украсить и поставить ёлку. Он включил какой-то канал с рождественской музыкой по телевизору и танцевал по комнате, подпевая.

Я остановился, развешивая леденцы на ёлке, пока Коэн напевал слова песни «Feliz Navidad». Он пел ужасно фальшиво, и я поморщился.

— Не смейся, я не слышу, чтобы ты пел.

— Потому что я не умею.

Я поражался, слушая его. Коув пел таким идеальным тоном, его голос был совершенно другим и полным эмоций, пока он следил за тоном и вибрациями. Коэн был

фруктом без навыков. Иногда меня шокировало, насколько разными могу быть альтеры. Орин рассказал мне, что не сумел бы сыграть на гитаре, даже чтобы спасти себе жизнь. Он даже не знал, как правильно её держать. Так что возможности Коува принадлежали только ему.

Как только мы закончили всё украшать, Коэн помог мне завернуть несколько подарков, которые мы купили. Когда я загнул последний край обёрточной бумаги за коробку и протянул палец за скотчем, Коэн не ответил. Он перестал помогать и смотрел в никуда. Замечая знакомую реакцию, я поднял взгляд, изучая его взглядом.

— Ты в порядке?

Он стряхнул туман и грустно улыбнулся, кивая.

— Орин хочет назад своё время.

Это я понял. Коэн часто обижался, когда его просили уйти. Но ещё он испытывал свои границы и крал дополнительное время.

— Ещё нет, — сказал я, оставляя подарок и хватая его за перед майки.

Я притянул его к себе, пока он не прижался к моей груди. Затем я крепко его поцеловал, проникая языком в его рот и лаская его лицо, когда мы упали на пол, и он приземлился на меня сверху. Мы разделили долгий момент нежности, прежде чем я отстранился и улыбнулся.

— У нас есть пятница, верно? Может быть, мы можем пойти и заняться чем-нибудь. Было приятно сегодня тебя увидеть.

Это вызвало улыбку у него на лице, и именно это было важно.

— Да. Я бы с удовольствием.

Он снова чмокнул меня в губы и неохотно встал на ноги. Осознанные переключения стали более личным делом для системы, и для этого они зачастую уходили в ванную или в другую комнату.

Коэн направился в конец коридора, и я смотрел ему вслед, пока внутри меня селилась крохотная нотка грусти. Разделять наше время иногда было сложно. Как бы я ни скучал по Орину, когда его не было рядом, я скучал и по Коэну, когда он уходил.

Пока он не скрылся из поля зрения, я позвал:

— Коэн?

Он развернулся, с вопросительным взглядом.

— Я люблю тебя.

Блеск в его глазах и мягкий изгиб его улыбки были всем ответом, в котором я нуждался.

— Не могу поверить, что ты всё это сделал, — в сотый раз сказал Орин, будто не мог осмыслить идею, что я хотел подарить Рейну Рождество.

— Он этого заслуживает.

Мы сели ужинать баклажанами в сыре — спасибо Тео — в гостиной, оставив только мерцающий свет гирлянд на ёлке освещать комнату.

— Знаешь, он всю ночь болтает у меня в голове. Ты доведёшь меня до сумасшествия раньше, чем Рождество вообще наступит.

Я рассмеялся, зная, что Рейн временами может быть достаточно отвлекающим, от чего Орину было сложно сконцентрироваться.

— Имеешь в виду, до ещё большего сумасшествия?

— Ха-ха! — Орин шлёпнул меня по руке и рассмеялся.

Его учёба закончилась на праздники и возобновится только в новом году. У меня было несколько выходных на Рождество, но не особо много, учитывая, что я был новичком и в самом низу тотемного столба. Мы планировали снова поужинать с моими родителями на следующих выходных, но в остальном просто хотели насладиться праздниками вместе, в непринуждённой манере.

Мы закончили есть и перед сном немного посмотрели телевизор. Пока мы вместе готовились в ванной ко сну, разделяя пространство, пока чистили зубы, я подумал поднять тему, которая уже некоторое время была у меня на уме.

— Можно кое-что спросить? — произнес я, сплюнув зубную пасту в раковину.

Орин кивнул, глядя на меня с ожиданием, пока продолжал чистить зубы.

— Думаю, нам стоит съехаться.

Щётка застыла в его руке, и он смотрел на меня так, будто не расслышал правильно.

— Если подумать, я всё равно постоянно здесь. Я знаю, что временами нам обоим нужно пространство, но мы можем с этим разобраться. В смысле, если Коув не захочет быть в моей компании, или Тео захочет побыть один, я могу остаться у Эвана или поехать к родителям. Рид не спешит появляться, когда мы уже в кровати, и...

Орин закрыл мне рот рукой и повернулся, чтобы сплюнуть в раковину. Он сполоснул свою щётку и вернул её в стакан, прежде чем посмотреть обратно на меня и опустить руку.

— Думаю, что это отличная идея, так что перестань болтать.

Он улыбнулся, и я с облегчением выдохнул.

— Кроме того, — продолжил он, — мы уже говорили об этом, и я собирался спросить у тебя то же самое.

— Правда?

— Да.

— Значит, мы можем это сделать?

Орин пожал плечами.

— Как ты сказал, мы уже практически живём вместе.

Мы решили сделать это в новом году, я предупрежу о том, что съезжаю со своей квартиры, и перевезу вещи домой к Орину.

Той ночью, когда мы забрались в кровать, я был крайней рад тому, в каком мы двигались настроении. Мы проделали долгий путь за год, и с каждым днём наши отношения становились крепче.

Орин выключил прикроватную лампу и засуетился рядом со мной. Затем он подобрался в темноте ближе. Вместо того, чтобы прижаться ко мне сбоку, как мы обычно спали, он залез на меня сверху и оседлал мои бедра.

Он был обнажён.

Мы и раньше оставались обнажёнными, но по большей части к этому состоянию нам нужно было долго идти. Мои руки машинально легли на его бедра, и я улыбнулся ему в темноте.

— Что ты делаешь?

Я не мог рассмотреть его лицо, но слышал тяжесть его дыхания.

— Я... Мы можем попробовать кое-что ещё?

Мою кожу покалывало от жара, и я водил руками по его бедрам, внезапно осознавая, что его яйца лежат у меня на животе, и мой член твердеет под ним.

— Что у тебя на уме? — прошептал я в темноту.

Мы счастливо оставались на одном месте в своей близости, драчили друг друга и время от времени доходили до того, что тёрлись членами друг о друга, пока не достигали

оргазма. Не было никаких проникновений и никакого орального секса. Были границы, насчёт пересечения которых Орину нужно было решить самому, без моего давления.

— Я... Я д-д... — он нервничал и с трудом пытался выразиться. — Эмм... — он наклонился к моему уху и прошептал, с сильным смущением в голосе. — Ты используешь свой рот?

От его просьбы мой член сразу же стал твёрдым, и внутри всё затрепетало, заставляя волоски на моём теле встать дыбом. Орин по-прежнему не мог использовать никакую терминологию, связанную с сексом, и я решил, что это один из этих крайних барьеров, которые он не сможет преодолеть, так что не просил его прояснять, о чём он просит.

Я месяцами хотел его попробовать. Каждый раз, когда я доводил его до оргазма и чувствовал его горячую сперму на своей руке или на коже между нами, я жаждал большего.

Я просунул руку между нами и взялся за его твердеющий член, больше не боясь его реакции. Мы делали такое множество раз, и ему становилось комфортно. Он вздохнул мне в ухо и повернулся, чтобы у меня было больше доступа. Я погладил его несколько раз, именно так, как ему нравилось. У него перехватило дыхание, пока внутри него бурлили и росли ощущения. Каким бы он ни был громким, когда стонал и всхлипывал от удовольствия, пока я подводил его к оргазму, он редко говорил мне подбадривающие слова. Я научился слушать и искать другие подсказки. Он был красноречив даже без необходимости что-либо говорить.

Пока он утыкался лицом мне в плечо, я продолжал, и его тело напряглось, пока я подводил его ближе к освобождению.

— Поцелуй меня, — произнёс я ему в шею.

Он соединил наши губы, когда я затянул его за грань ощущений. Наши языки танцевали вместе и исследовали друг друга, всегда ища большего. С каждым проходящим днём между нами росла пылкая нужда. Тяга, или влечение, стать ближе. Как будто того, что было между нами, никогда не было достаточно. Я знал, что Орин хочет большего, и со временем я надеялся подарить ему это.

Пока он становился увереннее и с каждым движением толкался мне в руку, я разорвал наш поцелуй и молча подтолкнул его подняться выше по кровати, намереваясь сделать так, чтобы я попробовал его пульсирующий член.

Я всегда убеждался, чтобы Орин всё контролировал, когда мы исследовали новые вещи. Только на этот раз он покачал головой в темноте и не двигался.

— Мы не должны, — произнёс я, предполагая, что он передумал.

— Нет, не это.

Он слез с меня и лёг на кровать рядом со мной. Затем он потянул меня за руку, побуждая подвинуться ближе. Я позволил ему вести меня, неуверенный, чего он хочет, но зная, что он не может озвучить своё желание. Когда я понял, я устроился между его ног и целовал кожу вокруг его пупка, прокладывая дорожку ниже.

Я горел от предвкушения.

Он запустил руку мне в волосы и направил меня ниже. Мои губы коснулись пункта своего назначения, и я в темноте взглянул вверх. Пока я обдавал горячим дыханием его твёрдый член, он вздрогнул и приподнял бёдра выше.

Он совсем не колебался и казался уверенным. Я водил носом вокруг его основания и слегка касался губами его члена, от основания до головки. Истекая слюной от перспективы того, что собирался сделать, я напомнил себе не спешить и не теряться в действии, не забывать следить за любыми признаками того, что я должен остановиться.

Последнее, в чём я нуждался, это чтобы внезапно появился Рид, пока его член у меня в горле. Без сомнений, это будет беспроигрышный вариант получить фингал.

Я провёл обеими руками вверх по внутренней стороне бёдер Орина, слегка раздвигая его ноги и хватаясь за его яйца, прежде чем обхватить губами его головку. Пока я массировал яйца в своей ладони, он ахнул и крепче сжал мои волосы.

Я облизал его головку и получил в награду немного спермы. Мощный, насыщенный вкус коснулся моего нёба и отдался болью прямо в моих яйцах. Я опустился по его стволу к основанию.

Орин реагировал только удовольствием. Больше убеждаясь, что он в порядке, я потерялся в необходимости вытянуть из него каждую возможную унцию удовольствия.

Каждое движение награждало меня большими стонами и всхлипами, наряду с равномерно возрастающим вкусом. Он хватал ртом воздух и в какой-то момент поднёс пальцы к моему рту, чтобы почувствовать, как я заглатываю его в своё горло.

Всё действие едва ли длилось достаточно долго. Я мог бы сосать его часами — днями — слушая его реакцию и наслаждаясь каждой секундой, но Орин не мог сдерживаться.

Когда он приблизился к оргазму, я почувствовал это в его мышцах. Они напряглись, и он задрожал, больше не в силах делать ничего, кроме как извиваться и всхлипывать.

Кулак в моих волосах сжался болезненно крепко, когда он дёрнул бёдрами вверх один последний раз и заполнил мой рот своим облегчением. Его молчаливые вскрики отдавались вибрацией по моему телу. Я нашёл его другую руку и переплёл наши пальцы, удерживая его в этом моменте, пока он испытывал волны своего оргазма до конца.

Когда его оргазм стих, я поднялся по его телу и нашёл его губы. Я поцеловал его крепко и глубоко, переполненный тем, что мы разделили, и не в силах выразить свою благодарность за то, что он выбрал разделить это именно со мной. Он обнял меня руками за шею и удерживал меня на месте, возвращая ту же страсть.

Я был в агонии от нужды в освобождении, и моя сперма капала в пижамные штаны. До сих пор это был самый напряжённый наш момент, и я не мог сдерживать реакцию своего тела.

Орин ловко опустил руку к моим штанам и начал драть мне, пока мы целовались. От одного его тёплого, уверенного прикосновения, в каждой клеточке моего тела вспыхивали искры. Я не мог продолжать целоваться и завис над ним, пока он касался моего члена с большей уверенностью, чем когда-либо проявлял.

— Чёрт, это приятно, — прошептал я сквозь сжатые зубы, нежась в растущей дрожи в яйцах.

Он остановился только на мгновение, чтобы спустить мои штаны, прежде чем продолжить. Я держался над ним на дрожащих руках, пока меня охватывал желанный поток ощущений. Прежде чем я понял это, я выкрикнул его имя и излился между нами, покрывая его грудь равномерным пульсирующим потоком спермы.

Пока я восстанавливал дыхание, он замедлился и, в конце концов, убрал руку.

Возникла пауза, пока мы смотрели в довольные глаза друг друга. Он разрушил мгновение первым, опуская взгляд между нами, где осталась моя сперма. Он провёл пальцем по этому беспорядку и поднял палец между нами, разглядывая его, пока кусал губу. Я подумал, что он хочет попробовать меня, хочет толкнуть себя ближе к тому, чтобы однажды вернуть услугу, но он казался неуверенным.

— Ты мне доверяешь? — прошептал я.

Его взгляд переместился ко мне, и он без раздумий кивнул. Сомнений больше не было.

Я взял его измазанный палец и начисто его облизал. Затем я опустил голову и глубоко его поцеловал, разделяя то, что он слишком боялся попробовать. Он не отстранился и с готовностью принял мой язык, вместе с ним принимая всё, что было можно.

Ох, как далеко мы зашли за год.

Когда поцелуй естественным образом закончился, я отошёл в ванную, чтобы найти тёплое полотенце, чтобы нас почистить. Долго время мы лежали бок о бок в темноте, обхватив друг друга, не разговаривая.

— Вон? — прошептал Орин какое-то время спустя.

— Да?

— Скоро, ладно?

Ему не нужно было говорить больше, чтобы я понял, что он имеет в виду. Я притянул его голову к своей и поцеловал в лоб.

— Не спеши. Когда будешь готов.

Непрерывные скачки на кровати рядом со мной вырвали меня из страны снов. Мы с Орином не спали полночи, пили вино и смотрели старые фильмы, прежде чем перейти в спальню и насладиться другими занятиями кануна Рождества. Мы заснули только к четырём утра.

Я приоткрыл глаза и, щурясь, посмотрел на будильник на прикроватной тумбочке перед собой. Без очков я едва мог разобрать цифры и подвинулся чуть ближе к краю кровати, чтобы быть уверенным, что увидел правильно.

«Пять тридцать три?»

Скачки продолжались, и я в замешательстве повернул голову, чтобы разобраться, что происходит. Если это была предрассветная шутка Коэна, я мог просто ударить его подушкой. Как только я перевернулся, его лицо наклонилось, оказавшись в нескольких дюймах от моего. Он улыбнулся от уха до уха — широкой и зубастой улыбкой.

«Рейн! Уже утро Рождества, идиот, ну конечно!»

— Ты уже выспался, Вон-д? Папа сказал тебя не будить, но приходил Санта.

«Папа? Тео, верно!»

Его голос был скудной попыткой шёпота, и как только он закончил разговаривать, принялся скакать на коленях. Я зевнул, и мои глаза снова закрылись. Моя голова была ватным шаром, и во рту было сухо. Я сразу же пожалел о нашей поздней ночи и о бутылке вина.

— Ещё немного рановато, приятель. Давай ещё поспим.

Его пальцы открыли одно моё веко, и от его преувеличенно грустного лица я чуть не рассмеялся — несмотря на свою ноющую голову.

— Но там подарки от Санты.

Я знал, что отдохнуть ещё подольше было дохлым номером, так что перевернулся на спину и потянулся, стараясь не раскрывать нижнюю часть своего тела. Когда я, наконец, открыл глаза, то заметил, что Рейн одет во фланелевую пижаму с Бэтменом. Где вообще ему, Тео или кому-то ещё удалось найти что-то такое с размером взрослого человека было за гранью моего понимания. От этого я хохотнул.

— Классная пижама, приятель.

Он усмехнулся и опустил подбородок к своей груди, чтобы посмотреть на себя. Он схватился руками за свою майку и оттянул её, чтобы показать мне.

— Я Бэтмен.

— Мне нравится. Слушай, Бэтмен, иди попрыгай на диване, я приду через минуту. Но ничего без меня не трогай, понял?

— Да!

Рейн скатился с кровати и умчался в коридор, прежде чем я успел моргнуть. В логове он снова и снова пел «Джингл Беллс», пока я искал пижамные штаны, которые потерял ночью. Одно дело было находиться обнажённым рядом с Орином или любым другим альтером, но Рейну было пять, и моя нагота была невероятно неприемлемой.

Как только я сходил в ванную и выпил несколько таблеток обезболивающего, я пошёл на кухню.

— Я сначала сделаю кофе, — крикнул я ему. — Сходи возьми свой носок, готов поспорить, Санта заполнил его всевозможными вещами.

Поставив вариться кофе и найдя чашку, я поискал в шкафчике апельсиновый сок и маленький стакан для Рейна. Я хохотнул, вспоминая не такой уж давний случай, когда инстинктивно налил ему кофе одним воскресным утром, пока мы смотрели мультики, и услышал, что кофе «гадкий».

Приготовив утренние напитки для нас обоих, я пошёл и нашёл его в логове. Он уже раскрыл несколько подарков из носка, которые мы с Коэном выбрали, и лежал на полу, катая вокруг ёлки несколько миниатюрных машинок. Повсюду были разбросаны обёртки от шоколадок, и по его щекам были размазаны улики.

Как только увидел меня, он сел и поднял свои машинки, чтобы показать мне.

— Вон-д, смотри! Бэтмобиль!

— Чёрт побери, приятель. Санта будто тебя знает.

Он с энтузиазмом кивнул и отнёс их к кофейному столику, чтобы катать там.

Я наслаждался несколькими глотками кофе, наблюдая за ним. Наступит ли когда-нибудь день, когда при виде Рейна — застрявшего во взрослом теле Орина — я не буду испытывать потаённую грусть? Не всегда было легко находиться рядом с Рейном и знать, как себя вести и что делать, но с каждым днём эта неуверенность уменьшалась. Только несколько человек могли понять динамику наших с Орином отношений. По большей части это были другие пары с похожими ситуациями. Иногда я даже не был уверен, что мои родители или Эван смогут когда-нибудь отнестись к этому должным образом, как бы ни пытались.

Я поставил свой кофе и слез на пол, чтобы присоединиться к нему.

— Хочешь открыть подарки?

— Да!

Рейн хлопнул в ладоши и бросил свои машинки, поворачиваясь к ёлке, сосредотачиваясь на самой большой коробке. Мы купили не много, но достаточно, чтобы Рейн получил рождественский опыт, которого заслуживал.

Следующие двадцать минут мы открывали подарки. Набор лего с тематикой Бэтмена, раскраска с Бэтменом и новые мелки, фигурки Бэтмена и Джокера и новое постельное бельё с Бэтменом для его кровати.

Я приписал все заслуги Санте и сиял, наблюдая, как этот волшебный рождественский момент сияет в глазах Рейна.

Он прижал набор лего к своей груди.

— Мне нравится. Мы можем его собрать?

— Конечно, можем, но сначала поедим, пока ты не съел так много конфет, чтобы испортить аппетит. Затем мы можем играть весь день. Обещаю.

Пока Рейн развлекался с новыми подарками — и втихую съел ещё конфет — я поискал нам завтрак. Решив остановиться на яичнице с беконом и тостами, я принялся за работу. На одном из детских каналов по телевизору шёл «Гринч», и я оставил его включённым на фоне, пока был занят делом. До кухни доносились различные притворные голоса, вместе с радостью Рейна, пока он притворялся Бэтменом.

Раскладывая по тарелкам нашу еду, я держал в уме то, что Рейну не нравилось ничего трогательного. Он был намного более придирчивым, чем остальные альтеры — к большому разочарованию Тео — и его часто нужно было подталкивать сидеть прямо, есть и пробовать что-то новое. Мы с Орином часто ели в гостиной, но с Рейном это будет катастрофой.

— Еда на столе, Бэтмен, иди ешь.

Он примчался на кухню и без споров уселся на стул. Понадобилось только немного его подкупить, чтобы он очистил свою тарелку. Обещания рождественских шоколадок и леденцов в этом помогли.

К тому времени, как я прибрался, Рейн разложил своё новое лего по всему полу логова. Глядя на все кусочки, я был рад своей второй чашке кофе и попивал его, ища мужество и силу выполнить это устрашающее задание лего. Затем я присоединился к Рейну на полу.

Мне потребовалось меньше пяти минут, чтобы понять, что выбранный мною набор намного превышает возможности Рейна. На коробке рекомендованный возраст стоял от десяти до шестнадцати лет. Но это был единственный набор с Бэтмобилем, который имелся в продаже.

Я держал его увлечённым, прося разбирать кусочки и находить определённые, пока по инструкции собирал набор за него. Я много лет не связывался с чем-либо таким сложным. С каких пор собирать лего стало так трудно? Я изучал инструкции и с трудом боролся с каждым этапом.

Часы спустя, мы, наконец, закончили. Рейн давно перестал помогать и скрутился на диване со своим новым одеялом и раскрасками. Когда я бросил на него взгляд через плечо, он спал, по-прежнему сжимая в руке мелки.

Я вытянул их из его хватки и укрыл его должным образом, после чего убрал из гостиной все коробки и обёрточную бумагу, которая была разбросана вокруг.

Это был полдень, моя головная боль вернулась, и я был уставшим. Я рухнул в кресло, намереваясь немного передохнуть, когда он зашевелился на диване и выглянул из своего кокона из одеял.

Только я узнал во взгляде замешательства Орина. Он прижал ладонь к своему виску и сморщился, садясь и оглядывая комнату. Если он не находился в параллельном сознании со своими альтерами, всегда присутствовал первоначальный элемент замешательства, когда он возвращался вперёд. Пропуски времени и ориентация сильно его путали.

Он знал и понимал, что Рейн планировал выйти вперёд рождественским утром, но этот промежуток времени был для него потерян.

— Как всё прошло? — спросил он, касаясь своего лица и поправляя свои взъерошенные волосы.

— Он был в восторге. Вымотался.

Орин повернулся ко мне и усмехнулся.

— Похоже, он и тебя вымотал.

Я с трудом поднялся с кресла и зевнул.

— Он поднял меня с кровати в пять утра. Я пойду вздремну.

Орин вскочил с дивана и догнал меня, пока я шёл по коридору в спальню.

— Вздремнёшь? Я могу сделать кофе.

Я повернулся и взял его лицо в свои руки, целуя его и отстраняясь.

— Как твоя голова? — спросил я, видя, что на его лице отражается небольшая боль.

Он поморщился.

— Немного болит от переключения, но это не важно. А что?

— У меня весь день сильное похмелье. Кое-кое всю ночь не давал мне спать и поил вином, и теперь я убеждён, что это была жестокая шутка, — я провёл пальцем по его носу и улыбнулся. — Потом я встал с пением птиц, едва ли выпил две чашки кофе и последние два часа строил Бэтмобиля из лего, что, я клянусь, намного сложнее, чем выглядит. Я истощён.

С одним последним поцелуем, я продолжил свой путь в спальню.

— Оу, — добавил я, усмехаясь через плечо и проходясь взглядом по его телу. — Милая пижамка, кстати.

Он опустил взгляд на себя, и его щёки запылали.

Я плюхнулся на кровать и закутился в одеяло, слишком уставший, чтобы меня волновало, что я даже не приземлился на подушку. Мои глаза мгновенно закрылись и не открылись, когда кровать рядом со мной прогнулась.

— Хочешь, я уберу рождественские украшения? Сниму их и превращу гостиную обратно в гостиную?

Я вслепую потянулся за его рукой. Мы оба понимали, что если оставим украшения, возможно, Рейн будет временами присутствовать намного чаще обычного. Орин поделился, что это ещё одна причина, по которой он не украшал дом на праздники.

— Нет, оставь на день или два. Бедный ребёнок уснул раньше, чем я закончил его лего. Дай ему отметить своё Рождество.

Орин хохотнул и сжал мою руку.

— Хорошо.

— И дай мне вздремнуть.

Глава 29

— Эв, я тебя отпущу, уже подъехал к дому.

— Удачи, приятель, дай мне знать, как всё пройдёт.

Я поправил свои волосы, в миллионный раз глядя в зеркало заднего вида и поправляя свой галстук, ослабляя его мёртвую хватку вокруг моей шеи. По моему виску текла капля пота. Хотя апрельская погода была прохладной и комфортной, внутри у меня всё пылало.

— Чёрт, я в истерике, Эв.

— Не надо! У тебя нет причин. Постарайся насладиться этим. Передавай Орину мои лучшие пожелания и передай, что я жду кусок торта Тео. С дополнительной глазурью. Не одурачь меня.

Я выдохнул и бросил взгляд через лобовое стекло на дом, который мы с Орином делились с января.

— Ладно. Буду держать тебя в курсе.

Мы попрощались, и я убрал телефон в карман, подходя к дому. Это был тридцатый день рождения Орина, и я запланировал для нас особенный вечер, который включал в себя ужин в нашем любимом ресторане и прогулку вдоль воды после этого. В этом году мы

решили далеко не уезжать. Я по-прежнему был относительно новичком на своей работе, а Орин записался на весенний и летний семестры, как только закончились его другие занятия.

Они с Коэном были намерены получить как можно больше опыта, нацелившись на степень по английскому. Объединившись, они надеялись в итоге иметь возможность в будущем найти настоящую работу.

С тех пор как Коув и Орин нашли свой баланс, жизнь Орина стала намного более контролируемой. Он работал со своей системой и разделял их время на равные части, чтобы никто не чувствовал себя брошенным. Так стало менее хаотично не только для него, но и для меня тоже. Это не значило, что не было сюрпризов время от времени и спонтанных непредсказуемых переключений, но это случалось намного реже. Его терапевт был поражён его прогрессом.

Я вошёл и скинул свою обувь.

— Привет? — позвал я.

Был вечер четверга. Хотя мы с Орином строили планы, это не обязательно значило, что сейчас рядом будет Орин, и я научился временами ожидать Тео, когда возвращался домой.

В тот день из-за угла вылетел Орин, с широкой улыбкой на лице.

— Привет! Угадай что? — провизжал он.

Я схватился за перед его майки и притянул для быстрого поцелуя.

— Сегодня твой день рождения?

Он хохотнул и шутливо ударил меня.

— Не это. Иди сюда. Мне нужно кое-что тебе показать.

Он потащил меня в логово и прямиком к своему ноутбуку, который стоял открытым на столе в углу. Он взял лежащую рядом с ним толстую книгу и положил её мне в руки, практически подсакивая от восторга.

— Она пришла. Посмотри!

Это была его книга. Готовая и лежащая в моих руках. Я знал, что он закончил и отредактировал её множество раз в нескольких компаниях. Это было доказательство, которое он заказал для себя, прежде чем официально планировать выпустить книгу в свет. Это было первое, что мне разрешено было увидеть.

«Части меня», Орин Патерсон.

На обложке была фотография молодого мужчины, с эффектом разбитого на кусочки паззла. Несколько случайных кусочков были не на местах, а разбросаны вокруг, но можно было сказать, что они все подходят.

— Эта копия тебе. Я не стану её публиковать, пока ты не прочитаешь.

— Ого, вот оно как, — я чувствовал честь, нервозность и одновременно восторг. Орин сиял от гордости. Он держал всё в секрете и никогда не давал мне увидеть процесс.

Я пролистал книгу и остановился на странице для посвящений.

«Вону, который никогда не колебался любить меня всего».

Я взглянул на Орина и сморгнул слёзы, которые навернулись на глаза.

— Ты меня этим убьёшь, да?

— Рид хотел, чтобы я тебе сказал, что это единственное исследование, которое тебе когда-либо понадобится. Так что перестань читать учебники.

Я хохотнул и притянул его для очередного поцелуя.

— Я сегодня начну. Не терпится её прочитать. Я очень тобой горжусь.

Я продолжал в восхищении листать страницы. Начальные главы были разделены, основываясь на том, как Орин раскрывал своё состояние, и через какие этапы он прошёл,

чтобы, наконец, получить правильный диагноз. Ещё это включало сложности, с которым он столкнулся в обществе.

Последняя половина книги была посвящена каждому отдельному альтеру. Там говорилось об их внутреннем мире и об уникальном способе уравнивать жизнь. Четыре мужчины и один ребёнок, которых я хорошо узнал за последние полтора года, что мы были вместе. Каждый занимал особое место в моём сердце, отдельно от Орина. Были времена, когда я боролся с отвержением, одиночеством, неприязнью, раздражением и избытком других эмоций, привыкая любить человека с ДРЛ. Это не всегда было идеально, и американские горки из эмоций, которые я испытывал ежедневно, были не для всех. Я был любовником, партнёром, компаньоном, товарищем для игр, системой поддержки, угрозой и иногда даже помехой, но мы справлялись с этим.

Я был счастлив иметь в своей жизни такого мужчину, как Орин.

Он ещё раз поцеловал меня в щёку и принялся убираться на своём рабочем месте.

— Я готов идти, когда будешь готов ты.

Оторвав взгляд от книги, я только тогда понял, что на нём надеты тёмные джинсы и серый свитер. Его волосы были идеально уложены, и щетина на челюсти была подстрижена.

— Я заскочу в душ. Дай мне двадцать минут, — сказал я. — Не забудь, что мой папа тоже хочет одну из этих копий, — я помахал книгой у него перед лицом, после чего направился в нашу спальню за одеждой.

— Он в моём списке. Ты первый. Мне нужен отзыв.

Ресторан был маленьким и уединённым. Идеальное место для дня рождения Орина. Они предлагали набор домашних блюд, от традиционных итальянских до американских, греческий, мексиканский и индийских. Я решил быть проще и заказал на ужин ростбиф с пюре и морковкой, в то время как Орин остановился на куриной энчиладе.

Так как это был его день рождения, мы также отметили это парой бокалов фирменного вина.

— Оу, — произнёс я, доедая с тарелки последние остатки еды. — Эван передаёт поздравления с днём рождения и просит оставить ему торт.

Орин улыбнулся и покачал головой.

— Тео уже подготовил и оставил в холодильнике контейнер с его именем. С дополнительной глазурью.

— Я так и подумал.

Тео знал пожелания и нужды всех, когда дело касалось еды — даже пожелания Эвана.

После ужина мы поехали к воде, чтобы прогуляться. Я припарковался на нашем обычном месте и захватил с заднего сидения лёгкую куртку. Солнце село, и апрельский воздух был прохладным и ветреным.

Мы долгое время шли в тишине, держась за руки, наслаждаясь видами и звуками. Как только мы приехали в гавань, моё сердце снова начало колотиться в груди, как и по пути с работы домой, как и половину дня. Я был удивлён, что Орин не прокомментировал мои потные ладони или скачущие нервы.

Пока мы шли по дорожке и решали, стоит ли дальше идти в лесистую зону, я прижал Орина к перилам.

Он хохотнул и поднял на меня вопросительный взгляд.

— Почему мы останавливаемся?

Чтобы дать себе мгновение собраться, я поцеловал его долгим и глубоким поцелуем, сплетая наши языки и наслаждаясь его вкусом и ощущением его тёплого тела рядом с моим.

В самом начале я никогда не мог так резко придвинуться к нему, но время творит чудеса. Доверие Орина окрепло, и заставить его врасплох было уже не так легко.

— Потому что сегодня твой день рождения, и у меня кое-что для тебя есть.

Он робко улыбнулся и провёл ладонями вниз по моим рукам.

— Ты не обязан был ничего мне покупать. На самом деле я не хочу быть тридцатилетним, так что буду счастлив, если мы просто притворимся, что этого не было.

Я хохотнул и провёл большим пальцем по его нижней губе.

— Очень жаль. Старость не радость, но это предстоит нам всем.

Я залез другой рукой к себе в карман и вцепился в предмет, который носил с собой весь вечер. Другую руку я положил ему на щеку и прижался к его лбу своим.

— Ты знаешь, что я тебя люблю, Орин. С тех пор, как мы познакомились, меня тянуло к уникальному человеку, которым ты являешься. Чем больше я узнаю тебя, тем более потрясающим ты становишься. Я в восторге от тебя и чувствую глубокую благодарность за то, что могу быть частью твоей жизни. Мы так далеко зашли, и я хочу двигаться только вперёд.

Его глаза блеснули, и он огляделся вокруг, после чего вернул взгляд к моему лицу. Он нахмурился от волнения, и я поднял лицо, чтобы избавить его от этого поцелуем.

Я достал маленькую коробочку из своего кармана и вложил её ему в руку. Он не двигался и не отводил взгляда от моего.

— Было очень сложно понять, как это сделать и ни о ком не забыть, так что Тео, Рид и Коув уже знают, что в этой коробочке, и я могу только надеяться, что Коэн достаточно близко, чтобы слышать то, что я собираюсь спросить.

Я провёл пальцем по его виску, желая вытянуть Коэна ближе, если его там ещё не было.

Кадык Орина подскочил, и по его щеке покатилась одинокая слеза. Я поймал её большим пальцем и смахнул в сторону.

— Я хочу провести с тобой остаток своей жизни, — прошептал я. — Со всем тобой. Ты выйдешь за меня?

Его губы приоткрылись, и сорвалась ещё одна слеза, когда он опустил взгляд на коробочку, которую я вложил в его руку. Ничего не говоря, он открыл её.

Выбрать идеальное кольцо было сложно. В уме я знал, чего хочу, но не преуспел в поиске идеального варианта. Так что я заказал специальный дизайн. Уникальное кольцо для моего уникального мужчины.

Я выбрал белое золото — так как Коув предпочитал носить украшения из нержавеющей стали. Я подумал, что оно подойдёт и будет вызывать у него меньше тревоги. Когда мы обсуждали это, он оценил жест.

В кольцо были вставлены семь маленьких бриллиантов. Огранка среднего была немного другой. Так было задумано.

— Каждый бриллиант кого-то представляет. Я другой, посередине. Рядом со мной ты и Коэн, потому что мы втроём больше связаны интимно. Затем Рид и Коув, потому что наша дружба относительно крепкая. Потом Тео и Рейн. Отец и сын. Два элемента, которые делают нас семьёй. Все вместе мы полный набор.

Орин молчал, пока у него текли слёзы. Он крутил кольцо в своих пальцах и гладил бриллианты. В какой-то момент он поднял руку к своей голове и хохотнул сквозь слёзы.

— Что происходит?

— Коэн сходит с ума. Он сейчас в восторге.

Я улыбнулся и поцеловал его прямо в то место, которого он касался, пытаюсь связаться с Коэном на другом уровне.

— И что вы думаете, ребята?

Орин встретился со мной взглядом и смахнул слёзы, прежде чем кивнуть.

— Да. От нас обоих, да.

У меня потеплело на сердце, и я взял кольцо и надел на палец Орину. Затем я крепко его поцеловал, пока моё тело по-прежнему сотрясала нервная дрожь. Тепло нашего счастья рассеивало холодный воздух вокруг нас.

— Надеюсь, это подойдёт в качестве адекватного подарка на день рождения. Ты так и не сказал мне, чего хотел.

Орин с довольной улыбкой посмотрел на кольцо на своём пальце, после чего поднял взгляд.

— Это идеально. Я не говорил тебе, потому что хотел тебя удивить.

Я изогнул бровь.

— Разве не я должен тебя удивлять? Сегодня твой день рождения.

Он поднял руку, шевеля пальцем с кольцом.

— Ты удивил. Я этого не ожидал.

— Но... — подтолкнул я.

Он огляделся вокруг и посмотрел на воду, после чего с озорной улыбкой пожал плечами.

— Пойдём домой.

— Орин...

Он ухватился за мою руку и без слов потянул меня обратно к машине.

Даже пока мы разувались, его любопытная улыбка не исчезала. Её напряжение росло, вместе с моим подозрением.

Прежде чем он смог уйти, я схватил его за руку и притянул к себе.

— Говори.

Он смотрел мне в лицо, и улыбка сменилась намёком на нервозность. Он открыл рот, чтобы сказать, но снова закрыл, когда никаких слов не вышло. Облизнув губы, он попробовал ещё раз.

— Эмм... Я...

Он опустил взгляд в пол и закусил губу после очередной неудавшейся попытки. Я поймал его подбородок и поднял его лицо обратно вверх. Я довольно хорошо понимал, что он не мог озвучить, но мне нужно было видеть его лицо, чтобы убедиться.

— Чего ты хочешь, Орин?

Он судорожно вздохнул.

— Всего. Я... я готов, Вон. Я хочу этого на свой день рождения.

В тот момент я едва помнил, как дышать. У меня из лёгких исчез весь воздух, и сердце колотилось. С того дня, как понял сложности Орина, я принимал всё, что он мог дать, и никогда не ожидал и не давил на большее. Был миллион других способов выразить любовь, и я полтора года показывал ему это. Идея казалась почти нереальной.

— Ты уверен?

Орин подошёл ближе и коснулся моих губ своими.

— Более, чем уверен.

Он взял меня за руку и повёл по коридору в спальню. Оказавшись в комнате, он повернулся лицом ко мне, скользя взглядом по моему телу. Я видел, как в его голове

крутятся шестерёнки, и думал, насколько все близки, и насколько он нервничает. Подойдя ближе, он взялся за край моей майки и медленно стянул её через мою голову. Когда она упала на пол, я повторил его действие, бросая его свитер рядом со своей майкой.

Его руки бродили по моей груди, будто исследуя её впервые. На его лице появилось выражение восхищения и удовлетворения. Он казался спокойным.

Исследуя его тело, я провёл ладонями вверх по его рукам, позволяя своим пальцам пройти по линиям слов, которые он вытатуировал поверх своих шрамов в феврале. Напоминание и для Орина, и для Коува, что работать вместе лучше, чем пререкаться.

«Вместе мы сильны. Вместе мы выживем», — было написано курсивом на одной руке. В то время как на другой были слова: *«Я не исчезну во тьме. Я буду услышан»*. С июля Коув ни разу не чувствовал необходимости причинить вред телу. Девять месяцев без инцидентов. Девять месяцев новообретённого мира в системе Орина.

И в тот вечер Орин решил, что он готов и доверяет мне достаточно, чтобы вместе сделать этот финальный шаг.

У меня были вопросы, которые он вряд ли продумал. Пока он расстёгивал мои штаны и спускал их с моих бёдер, я провёл губами по его шее к уху. Я ожидал, что при таком огромной шаге он захочет полный контроль — но в прошлом он уже доказывал, что я не прав.

— Ты хочешь, чтобы я был снизу? — прошептал я. Мне было комфортно в обеих позициях, и в прошлом у меня никогда не было проблем с тем, чтобы меняться местами.

Последовало едва заметное качание головой. *Нет?* Я поднял лицо, пока его руки бродили по моей спине, скользя по моей пояснице и касаясь округлости моей задницы.

— Нет? — спросил я, подтверждая.

— Коэн сказал, что ты был нежным, я не могу... Я не... Я не знаю, что делаю, я доверяю тебе, Вон. С тобой я чувствую себя в безопасности.

— Со мной ты в безопасности, — заверил его я. — Всегда.

Наши губы соединились, и мы целовались влажными, небрежными поцелуями, сплетаясь языками, пока избавляли друг друга от оставшейся одежды. Я подвёл его к кровати, и мы упали вместе, не разделяясь, делая всё возможное, чтобы быть ближе.

Осознавая то, что мы собирались сделать, я дрожал от нервозности. Я никогда не верил, что это возможно, даже когда несколько месяцев назад перед нами мелькала надежда. Его кожа была тёплой и гладкой под моими блуждающими руками, и я не мог перестать прикасаться к нему. Вспыхнувший между нами огонь ожил и бурно горел.

Он приподнял бёдра и прижался своим твёрдым членом к моему. Его новый уровень комфорта был поразительным. Он контакта моё тело гудело, кожу покалывало от ощущений.

Наши поцелуи быстро стали голодными и отчаянными. Скольжение друг о друга усилилось. По моим венам растекалось тепло. Орин разорвал наш поцелуй и посмотрел на меня с опухшими губами, из его серо-голубых глаз исходила нужда.

— Пожалуйста, Вон.

С колотящимся сердцем, я нашёл несколько принадлежностей и наблюдал за Орином, покрывая смазкой несколько пальцев. Были места, которые мы не исследовали, и я направлялся к одному из них. Я прижимался к его лбу своим, поднимая его ноги и нежно проводя пальцем к точке назначения.

Было больше похоти, чем страха, но я хотел убедиться, что не захожу слишком далеко. Орин мог быть настроен решительно, но в прошлом это срабатывало не лучшим образом, и я хотел убедиться, что он остаётся со мной.

Пока я проводил скользким от смазки пальцем по его входу, его губы приоткрылись, но он не отрывал взгляда от меня. Я медленно протолкнул один палец в его тепло, проговаривая слова заверения и успокаивая его.

Так как он напрягся от первоначального проникновения, мне потребовалось больше времени. Когда он привык, я просунул ещё один палец, захватывая в поцелуе его губы. Со временем он расслабился и с лёгкостью принял мои пальцы, издавая стоны, когда я намеренно несколько раз дотянулся до его простаты.

— Вон, — молил он мне в губы.

Ему не нужно было объясняться, я знал, что он готов. Пристроившись, я поднял его ноги выше и навис над ним, продолжая свои нападения на его губы. Я никогда не уставал пробовать его и целовать. Когда я скользнул своим членом по его дырочке, он отстранился и взял моё лицо в руки. Глядя на него, держась на руке, опираясь рядом с его головой, я видел его всего.

— Ты готов? — спросил я, едва прохрипев слова.

— Да.

Я прижался к его лбу своим, и со всем самоконтролем, который смог собраться, вошёл в него. На задворках моих мыслей постоянно присутствовал страх. Я никогда не знал, со скольким он сможет справиться, и каждый новый барьер пересекал с крайней осторожностью. В его глазах оставались решимость и желание. Когда ему понадобилась минута, я ждал, но проникновение каждого следующего дюйма только увеличивало его похоть.

Когда я полностью оказался внутри, мы снова поцеловались, не двигаясь. Моё сердце сочилось триумфом, видя, как далеко зашёл Орин.

Он напряжённо сжимался вокруг меня. Моё тело горело и нуждалось в движении. Когда он дал мне разрешение, я не стал сдерживаться.

Я никогда не испытывал такого раньше. Деление этой связи с Орином было практически определением совершенства и меняло жизнь к лучшему.

С этого момента мы были одним целым. Двигались вместе и делили близость, которую не считали когда-либо возможной.

Удовольствие росло медленно, и пока оно расцветало в моём теле, я не хотел, чтобы это когда-либо заканчивалось. Целоваться стало невозможно, пока мы приближались к невидимой планке. Может Орин и не открыто кричал в постели, но по его лёгким ахам и тому, как его глаза смотрели на меня, я понял, что он близко. Его нижняя губа дрожала от нужды, и от этого чуть не останавливалось сердце, и я прикусил эту губу, продолжая толкаться глубоко в его тело.

Я просунул его руку между нами, побуждая его коснуться себя. Это было границей, с которой он боролся, отчего ему было крайне некомфортно, но со временем мы медленно преодолели эту неуверенность. Пока я набирал скорость, вбиваясь в него и наклоняясь, чтобы с каждым движением попадать в заветное место, он не сдерживался. Его глаза закрылись, и он позволил волне нахлынуть на него. Когда он ахнул, и его голова упала на кровать, между нами разлилось тепло. В тот же момент, его задница сжалась вокруг меня. Я тоже чуть преодолел эту грань.

Через несколько коротких толчков это произошло. Я крепко держал его в своих руках и не отпускал, удерживая наши тела настолько близко, насколько было возможно при всём этом.

Наше сбивчивое дыхание долгое время было единственным звуком, пока мы успокаивались. Я вышел из него вскоре после того, как мы закончили, исключая любые

страхи, которые могли возникнуть после секса. Которые могли вырваться, пока адреналина было так много.

Я вытер нас обоих теплым полотенцем и притянул его к себе, прижимая к своей груди.

— Это было потрясающе, — прошептал он. Восхищение в его голосе было очевидным.

— Это точно. У меня немного не хватает слов.

— И ты выдохся, — поддразнил он.

Хохотнув, я поцеловал его в макушку.

— Да, да, нам не может всем быть тридцать.

Тишина вернулась, пока мы вместе лежали в темноте. Я никогда в жизни не был более удовлетворён.

— Мы действительно поженимся? — спросил он.

Я чувствовал своей голой грудью его улыбку и провел рукой по его спине, запуская пальцы в его волосы.

— Да, действительно.

— Я люблю тебя, Вон. Спасибо тебе... за всё.

— Я люблю тебя. Всего тебя.

Эпилог

— Ма, ради бога, брось это, всё в порядке.

Ничто не прекратит её решительные попытки поправить мою рубашку, бабочку, запонки, волосы и что угодно, до чего она могла дотянуться.

— Ты действительно хочешь пожениться в мятом, косом костюме?

Я прикусил свое желание спорить, напоминая себе, что если смогу пройти через этот день, к следующему утру мы с Орином будем на самолёте на Таити, вне досягаемости моей мамы на целые две недели.

— Мам, оставь его в покое, ради бога. Это даже не моя свадьба, а ты сводишь меня с ума.

Я посмотрел на своего брата Лукаса с благодарностью, когда моя мама, наконец, отступила, и сосредоточил внимание на цветах, которые он будет нести во время церемонии.

Орин выбрал несколько комбинации букетов для маленькой свадебной вечеринки, которые состояли из великолепных желтых роз и элегантных лилий, связанных бантами из белых шелковых лент. Моя мама всегда суежилась над тем, что не могло стать ещё идеальнее.

Что касалось просьбы Орина, мы одевались и готовились отдельно, намереваюсь увидеть друг друга первый раз, когда оба войдем в церковь в начале церемонии. Я оставил Орина под заботой Эвана и Кристины. Моя невестка Элли скакала по комнатам и убеждалась, чтобы я получал необходимые новости. Её не было почти полчаса, и я снова проверил время, думая, куда она делась. Она была моей единственной связью с Орином с тех пор, как мы разошлись этим утром.

Было без двадцати три, и церемония должна была начаться через час. Я старался не ходить из стороны в сторону и не смотреть одержимо на своё отражение в зеркале. Моя мама это заметит и предположит, что меня нужно поправить, и снова начнет суежиться.

Когда я собирался попросить Лукаса пойти найти свою жену, дверь в маленькую комнату, где мы ждали, распахнулась, и ворвался безумный на вид Эван, одетый с иголки в чёрный костюм.

Когда его взгляд нашёл мой, у меня внутри всё перевернулось.

— Да, вся эта ерунда насчёт «мы не можем видеть друг друга до свадьбы» заканчивается прямо сейчас. Тащи свой зад в соседнюю комнату, потому что я не знаю, что такое переключение, но если верить Орину, это плохо, и он это чувствует.

«Чёрт!»

Я боялся, что стресс этого дня может его переполнить. Где-то глубоко внутри, я предвидел это. Моя мама побледнела, а Лукас прошептал: «переключение?», с явным замешательством.

Я не медлил и проигнорировал крики своей матери, выходя за Эваном за дверь и подходя к другой стороне церкви и комнате, где готовился Орин.

Когда я вошел, он сидел в углу, прижав обе руки к своей голове, и его глаза были зажмурены. Кристина и Элли неловко сустились рядом с ним своих платьях, в замешательстве и с дискомфортом.

— Эв, вы можете, — я указал подбородком на дверь, мягко прося их уйти.

Мой друг подскочил вперёд и забрал с собой двух женщин. В этой суматохе, Орин открыл глаза и в панике огляделся вокруг.

Увидев меня в дверном проёме, он отчаянно покачал головой.

— Нет, мы не можем... — его руки снова поднялись к голове, прежде чем он смог закончить предложение.

Я опустился на колени перед ним и заставил его опустить руки, поднимая его подбородок.

— Не обращай внимания на все эти традиции. Это надувательство и ничего не значит. Поговори со мной. Что происходит?

Он покачал головой, будто пытался что-то стряхнуть, и надавил на глаз костяшкой пальца.

— Я весь переключаюсь. Все... они все здесь, — он раздражённо показал на пространство вокруг своей головы. — Они все болтают без умолку, — пытался он объяснить. — Никто не слушает.

— Орин, посмотри на меня, — он пытался сосредоточиться на моём лице, но явно отвлекался на все голоса. — Мы говорили об этом. Если кто-то должен выйти вперёд, это нормально. Это не изменит того, что сегодня здесь происходит, и ты по-прежнему можешь быть частью этого.

Он кивнул и прижался головой к стене за своей спиной.

— Это так отвлекает, весь хаос. Прости.

Я стоял перед ним на коленях, зная, что моя мама пристрелила бы меня, будь она в комнате, и притянул Орина в свои объятия. Он прижался к моей груди и закрыл глаза. За два с половиной года, что мы были вместе, я изучил Орина вдоль и поперёк. Книга, которую он написал о своей жизни, была прекрасным окном в его мир, и как сказал Рид, мне не нужны были никакие другие книги, чтобы понять мужчину, на котором я женился. Мне нужно было только слушать и смотреть в оба.

— Сегодня всего слишком много? — произнёс я ему на ухо, поглаживая его по спине.

Он кивнул, зная, что правда между нами срабатывает лучше всего при разборе сложных моментов. Как бы далеко ни зашёл Орин, публичные ситуации были по-прежнему крайне невыносимыми. В нашей повседневной жизни ходил на работу и

выходил на улицу по большей части Коэн. Орину стало комфортнее от осознания, что ему больше не нужно страдать от этого. Возможность находиться в параллельном сознании с большинством альтеров изменила его жизнь.

Наша свадьба была тем, через что он намерен был пройти сам. Во время всего процесса планирования — даже когда рос наш список гостей — он хотел сам держать меня за руки на виду у всех и разделить наши клятвы. Реальность состояла в том, что некоторые вещи были за гранью его досягаемости.

Я поцеловал его в висок и вдохнул запах его одеколона, от которого покалывало кожу.

— Я знаю, что ты будешь недалеко. Всё в порядке.

Он снова прижал ладонь к своим глазам.

— Прости, — пробормотал он.

Я понял, в какой момент проскользнул Коэн. Он прижимался ко мне, держался и даже дышал иначе. Все минутные маленькие подсказки, которые я выучил.

Он оставался в моих руках и долгое время наслаждался объятием. Быстрый стук в дверь заставил нас отстраниться друг от друга, и Эван просунул голову в комнату.

— У вас двоих есть пять минут. Всё в порядке?

— Да, — заверил я его, махая рукой, чтобы он ушёл.

Дверь щёлкнула, закрываясь, и я повернулся обратно к Коэну. Он оглядывал меня с улыбкой.

— Ты выглядишь очень хорошо, — сказал он, протягивая руки, чтобы поправить мою бабочку. Она скосилась во время нашего объятия.

— Ты и сам хорош.

Он провёл рукой по своему камербанду (*прим. широкий пояс для талии, который часто носят со смокингом*) и начал застёгивать пиджак.

— Я всё равно скажу, что акценты с розами были бы лучше. Не то чтобы я ненавидел тёмно-синий, но брось, розовый был бы жарче.

Я протянул ему руку, и он встал, поправляя остальной свой костюм, прежде чем встретиться со мной взглядом.

— Ты разочарован? — спросил он.

— Нет, — я не колебался.

Я месяцами разрывался насчёт того, кого хотел видеть перед собой, пока мы делаем этот шаг в супружескую жизнь. Орин владел каждой частичкой моего сердца, но у нас с Коэном было что-то своё, особенное. В конце концов, это не имело значения. В конце концов, я женился на всём наборе Орина. Я соглашался провести свою жизнь с ним и с пятью альтерами, которые делили с ним мир. Это означало принятие сложностей, нетрадиционных способов разбираться с вещами и случайных моментов, которые были непредсказуемы — как то, что было передо мной.

Я взял его за подбородок и нежно поцеловал в губы.

— Я люблю тебя всего. Не важно, кто сегодня стоит рядом со мной.

Вскоре после этого началась церемония. Мои родители прошли к алтарю, следом за ними Лукас и Элли, а потом Эван и Кристина. Как решил Орин, мы оба встретились в начале прохода и прошли по нему вместе, только различие было в том, что я встретился с Коэном.

Впереди внимание сосредоточилось на нас, нашей любви и радости, которая свела нас вместе. Когда нас попросили встать лицом друг к другу и взяться за руки, я заглянул глубоко в знакомые серо-голубые глаза напротив. Даже если Орин не мог быть впереди, я

знал, что он рядом. Я знал, что он принимает участие в этом единственным способом, которым мог.

Когда клятвы были произнесены, раздались смешки, когда Коэн спешно исправил священника и настоял на том, чтобы сказать: «я, Коэн, беру этого мужчину», а не использовать имя Орина. Я сделал свои словам такими, чтобы отразить свою любовь не к одному человеку, а к шестерым, и убедился, чтобы они все были включены.

Было произнесено ещё больше слов, и когда священник объявил: «теперь вы можете скрепить ваш брак поцелуем», я обхватил руками лицо Коэна, намереваясь прижаться к его губам своими, когда заметил, что он бросил взгляд на собравшихся гостей, которые сидели на скамейках и наблюдали. На его лбу появилась крохотная морщинка, прежде чем он повернулся обратно. Я замер от замеченного. Мои губы изогнулись в маленькой улыбке.

— Орин? — прошептал я ему в губы.

Его кивок был едва заметным. Но когда его руки поднялись и мёртвой хваткой вцепились в мои бока, я чуть не рассмеялся.

— Может ты уже п-поцелуешь меня, пока я не упал в обморок.

Я не нуждался в большем ободрении. Украд его следующий вздох, я свёл нас в неразрывной связи, которая скрепила нашу любовь навечно. С этим поцелуем мы стали одним целым. Мы были едины. Мы были в полном составе.

Так же, как и будет с этого дня впредь.

Конец